

Элиах
и
Сельви
и другие
Турецкие
народные
повести

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Эйрах и Селви,
необыкновенные
приключения
Караоглана
и другие
Турецкие
народные
повести

Главная
редакция
Восточной литературы
Москва. 1979

Перевод с турецкого

Составление, предисловие и примечания

Х. Г. КОРОГЛЫ

Ответственный редактор

С. Н. ИВАНОВ

Стихи в повести «Эмрах и Сельви» перевела

Н. Х. РОМАНОВА,

все остальные стихи перевел

С. Н. ИВАНОВ

Э58 **Эмрах и Сельви, Необыкновенные приключения Караоглана и другие турецкие народные повести.**

Пер. с тур. Сост., предисл. и примеч. Х. Г. Короглы. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979.

447 с.

Сборник включает наиболее интересные образцы широко известного в Турции жанра народной повести. Здесь представлены романтические повести, сюжеты и герои которых заимствованы из классической литературы и переработаны устной народной традицией («Ферхад и Ширин», «Лейла и Меджнун» и др.), а также повести об аныках — влюбленных поэтах («Эмрах и Сельви», «Сюмани и Гюльпери» и др.). В большинстве повестей значительное место занимает волшебный элемент.

Книга рассчитана на взрослого читателя.

Э $\frac{70304-163}{013(02)-79}$ 200-78. 4703000000

И(Тур)

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979.

ТУРЕЦКАЯ НАРОДНАЯ ПОВЕСТЬ

Популярный жанр турецкого повествовательного фольклора определяется двумя названиями: *хикайе* и *дестан*. Дестаном именуют преимущественно героический и героико-фантастический эпос, тогда как повеллестический или романический эпос (иногда с романтико-приключенческим сюжетом) называют арабским словом *хикайе* (повесть, рассказ). Обе разновидности имеют единое структурно-стилевое оформление. Содержание излагается в прозе, чувства и переживания героев — в стихотворно-песенных партиях, вклинивающихся в виде монологов и диалогов в основной текст. Дестаны и хикайе исполняются народными сказителями — *ашыками* в сопровождении игры на сазе или другом инструменте.

Время сложения народных повестей — XVI—XVII вв. До второй половины XIX в. они существовали, главным образом передаваясь из уст в уста, однако сохранились и рукописи отдельных наиболее популярных произведений. Позднее, с появлением печатного способа размножения (литографии), повести издавались небольшими тиражами и лишь с первой половины XX в. стали публиковаться типографским способом.

И хикайе и дестаны делятся на две группы: авторские, имеющие книжное происхождение, и народно-поэтические, созданные на материале местных сказок и легенд.

Проблема авторства народной повести сложна. Установить, кем и когда было сложено, написано или переработано то или иное произведение, невозможно. Вполне вероятно, что авторами отдельных романических повестей были сами исполнители-ашыки, чью «биографию» они отображают. Однако нельзя отрицать и литературного происхождения многих произведений (особенно романтико-приключенческих и романических), а следовательно, их авторского характера. Так, совершенно немыслимо представить себе, чтобы такие народные повести, как, например, «Лейла и Меджнун», «Ферхад и Ширин», проникли в неграмотную среду прямо из классической литературы других народов (персов, азербайджанцев) или повесть «Сейффильмулк» — из классического арабского сборника сказок «Тысяча и одна ночь». Наиболее вероятно предположение, что кто-то из сказителей (ашыков) перенес их из чужой литератур-

пой среды в свою, а уже позже они прошли этап фольклоризации на родном языке. По-видимому, именно так обстояло дело с народными повестями на заимствованные сюжеты.

Повести народно-поэтического творчества отличаются от тех, что имеют книжное происхождение, ярко выраженным национальным колоритом («Эмрах и Сельви», «Тахир и Зухра», «Асуман и Зейджан», «Шах-Исмаил» и др.). В большинстве случаев это «биография» того или иного ашыка, его «любовная история».

В народных повестях с преобладанием любовного содержания и сказитель и слушатель воспринимают события как реальные, а персонажи — как исторические. Сказитель стремится вести повествование в русле реальности, используя для этого исторические факты, легенды и предания, которые слышат в народе за правду. Больше того, сказитель часто прибегает к обоснованию историчности имени героя своего рассказа, ссылаясь на якобы имеющиеся письменные источники или свидетельства очевидцев. Разумеется, народные повести, как и дестаны, ни в коем случае нельзя считать опозитизированной историей. Они лишь в общих чертах отражают реальные события давно минувших дней. Часто эпос совмещает в себе и сливает воедино исторические и бытовые детали, что придает ему видимость реальности и историчности. Так, в народной повести «Эмрах и Сельви», целиком посвященной «биографии» ашыка и его пылкой любви, имеется эпизод, зафиксированный историческими документами XVII столетия. В повести иранский государь Шах-Аббас (историческое лицо, правил в 1587—1629 гг.) окружил город Ван, причинив страдания его населению. В самом деле, иранские войска дважды осаждали город Ван и разрушали его: в 1604 г. под личным командованием шаха Аббаса I и позднее, в 1633—1634 гг., под предводительством другого Сефевиды, шаха Сафи I. Оба эти события впоследствии были опозитизированы и включены в народную повесть. Реально-историческими в повести «Эмрах и Сельви» являются также эпизоды, связанные с придворными ашыками, один из которых — герой повести.

В каждом памятнике имеются пласты и раннего и позднего происхождения. Лишь история того или другого народа может пролить свет на события, которые легли в основу той или иной народной повести. Важное значение для датировки произведения в целом имеют персонажи повести, среди которых, как правило, одна-две исторические личности. Однако следует иметь в виду, что в повестях исторические образы и события далеких времен нередко вступают во взаимодействие с событиями более позднего времени, что оправдано законами эпического сюжетосложения.

Как уже отмечалось выше, многие народные повести — это «биографии» того или иного ашыка. Но и в этом случае не обязательно, чтобы

события повести в точности соответствовали жизненной правде. Наоборот, более вероятно, что факты жизни одного певца переплетаются в повести с фактами жизни другого, но при этом неизменными остаются песенные партии, которые всегда принадлежат ашыку, чьим именем объединены события повести.

Очень важным фактором определения времени сложения той или иной повести являются так называемые хронологические данные текста. Так, в одном из вариантов «Керема и Аслы» имеется эпизод встречи Керема в городе Карамане на Ниле с ашыком Тахиром, с которым он состязался в пении. Этот факт может навести на мысль о том, что оба певца были современниками.

В прозаической части народной повести используются отдельные мотивы, эпизоды, детали, заимствованные из других аналогичных произведений, или сказки, легенды и предания. Сказитель умело включает их в композицию вновь создаваемого произведения. Точно так же поступает он при исполнении песенных партий повести. Если произведение представляет собой «биографию» ашыка, то исполнитель помимо своих стихов включает в текст и стихи того ашыка, о жизни которого сложена повесть. Разумеется, и в этом случае исполнитель стремится, чтобы «чужие стихи» вписались по смыслу в ткань повествования.

Одной из композиционных особенностей как народной повести, так и дестана является нестабильность текста. При этом могут наблюдаться два противоположных явления: исполнитель или значительно сокращает текст, передавая лишь основное содержание, или, наоборот, дополняет и расширяет текст до неузнаваемости за счет включения иных сюжетных ходов. В обоих случаях решают дело аудитория, ее состав и, конечно, мастерство сказителя, стремящегося пробудить интерес слушателей.

Основными элементами, которые использует сказитель для расширения сюжета, являются мотивы и эпизоды, услышанные или прочитанные им в других произведениях (разумеется, они должны быть близкими к сюжету той повести или дестана, которые составляют предмет его повествования), и лирические отступления в виде песенных партий (при этом для выражения душевного состояния героя могут быть использованы лирические стихи как устной, так и письменной поэзии и монологи героев, расширение которых чаще всего происходит за счет импровизации исполнителя).

При этом сказитель включает в свое повествование различные фразеологизмы (пословицы, поговорки, крылатые слова и т. п.), использует эпитеты, сравнения (чаще гиперболизированные). Немалое место отводится также разного рода клише и общим местам, свойственным тому или иному жанру. Нередко встречается еще один композиционный прием: введение в текст исполняемого произведения целого сюжета, чаще

сказочного содержания, так называемого вставного сюжета в обрамлении основного (например, в народной повести «Эмрах и Сельви» сказка о семиглавом драконе, несколько вставных сюжетов в повести «Шахмерап»).

Продолжительность исполнения того или иного произведения во многом зависит от манеры исполнения (темп) и музыкального сопровождения.

Интересные данные сообщает известный турецкий фольклорист Боратав¹, производивший запись исполнения народной повести в течение семи вечеров. По его данным, в одном случае запись текста не превышала 120 страниц, в другом составляла 500—600 страниц.

Народные повести, получившие письменное оформление, с точки зрения их генезиса, как отмечалось выше, делятся на две категории: повести книжного происхождения и заимствованные непосредственно из устного фольклора. В повестях книжного происхождения стихотворные партии, как правило, авторские, но не всегда они принадлежат автору произведения, получившего устную интерпретацию. Для примера обратимся к популярной народной повести «Лейла и Меджнун». Прежде чем получить устное хождение, она была известна в письменной литературе. Первую поэму на эту тему написал на персидском языке азербайджанский поэт XII в. Низами. Известно более тридцати подражаний поэме Низами. Среди них весьма широкую популярность получили сочинения классиков персидско-таджикской литературы, таких, как Амир Хосров Дехлеви (XIII в.), Джами (XV в.), и тюркоязычных литератур, как Навои (XV в.), Физули (XVI в.) и др. В турецкой народной повести «Лейла и Меджнун» используется не силлабическая, присущая народной поэзии, а квантитативная метрическая система, так называемый аруз, принятый в классических литературах арабов, иранцев и турков. Отдельные стихи повести заимствованы непосредственно у Физули.

Наоборот, в повестях, заимствованных из фольклора, стихи силлабические, 7, 8, 9, 11-сложные, причем наиболее распространенными являются одиннадцатисложник (5+6) и восьмисложник. Количество четверостиший в каждой песенной партии колеблется от двух до десяти. В системе рифм преобладают перекрестные в первых четверостишиях (*a b a b*) и четверостишия с рифмой *a a a b* (рифмы последнего стиха четверостишия повторяют рифму четных стихов первого четверостишия).

В повестях фольклорного происхождения стихи-монологи и стихи-диалоги преобладают над интимно-лирическими. Последние имеют или структуру газели, или — чаще — форму семисложного турецкого *ману* — лирического четверостишия с рифмой (чаще омонимической) *a a b a*.

¹ П. Н. Боратав. Народные рассказы и искусство народного рассказа. Стамбул, 1946, с. 45 (на тур. яз.).

Народные повести часто начинаются с вступительного слова, имеющего стихотворную форму (*фасил*). Это, как правило, жалоба певца-исполнителя на судьбу, на ее превратности или невнимание возлюбленной. По форме эти стихи отличаются от стихотворных партий в контексте. В большинстве случаев почти у всех тюркоязычных народов это многосложное четверостишие (от 8 до 15 слогов) с системой рифм *a a b a* в первом четверостишии, *c c d* и т. д. в последующих. За ним следуют так называемое *текерлеме* (каламбур, скороговорка), далее омонимические стихи (одиннадцатисложник), затем восьмисложник, так называемое *самаи* (большая часть философского содержания).

В прозаической части народной повести особое внимание обращается на выразительные средства (пословицы, поговорки, эпитеты, сравнения и т. п.). И именно эти элементы сюжета претерпевают большие изменения в результате частых пересказов. Для слушателя важно лишь, чтобы сам сюжет передавался без изменения.

Что же касается поэтической части повести (как и дестана), то здесь степень стабильности текста весьма высока и ею определяется мастерство исполнителя. За точностью исполнения ревностно следят слушатели, которые очень легко замечают малейшее изменение в основном тексте. Но хотя ашык еще в период обучения усваивает твердую истину, служащую ему как бы напутствием учителя, — не вмешиваться в текст стихов, — со временем и эта наиболее устойчивая часть повести также подвергается изменениям.

Длительная шлифовка устных народных повестей привела к устойчивым лексико-стилистическим нормам. Так, по единодушному мнению турецких фольклористов, язык народных повестей — юго-восточный диалект Анатолии. На этом диалекте говорят даже ашыки, выходцы из других районов Турции, так как он стал традицией школы сказительства по всей Турции.

Сложившийся язык народных повестей общедоступен. Стилистической особенностью его являются твердо установившийся порядок изложения событий, лексические и синтактико-морфологические особенности, присущие только этому жанру: к ним в первую очередь относится насыщенность фольклорным метафоризмом, народно-поэтическими образами, повторами, гиперболическими определениями и сравнениями, а главное — штампами (клише) в виде отдельных слов и словосочетаний. В этом плане народные повести очень тесно примыкают к сказочному эпосу.

Стабильности языка повестей во многом способствовала ранняя письменная фиксация, а также то, что турецкие сказители-исполнители (ашыки) по большей части были грамотными и начитанными в своей области людьми, знали художественную литературу. Иначе их профессия не могла бы обеспечить им пропитание. Ашыки в большой степени

способствовали тому, что даже неграмотные люди были осведомлены в вопросах мусульманской истории, этики и культуры. Ведь не было ни одного квартала в городе, ни одной деревни, в кофейнях которых постоянно не выступали бы ашык или группа ашыков, соревновавшихся между собой не только в исполнительском мастерстве, здесь требовались также и глубина знаний, и широта кругозора. Имена крупнейших ашыков оставались популярными в течение многих столетий. О них складывались песни, дестаны, повести. И поныне большой известностью у публики пользуются народные повести об Эмрахе из Эрчиша, Кереме, Гарибе, Ситемкаре и многих других ашыках XVII—XVIII вв.

При письменной фиксации народные повести значительно обедняются за счет сокращения пышных эпитетов, сравнений, развернутых клише (начальных и финальных). Ущерб наносится и содержанию. Очень часто издатели вмещиваются в устный оригинал с целью «улучшения» стиля и языка, произвольно заменяют лексику просторечия литературной, сокращают многочисленные повторы, свойственные народно-поэтическому творчеству, а иногда также и целые эпизоды и другие элементы сюжета.

Очевидно, следует согласиться с утверждением Боратава², что народные повести первоначально имели поэтическую форму и пелись под аккомпанемент народных музыкальных инструментов. Постепенно при передаче из поколения в поколение стихи забывались, а их содержание пересказывалось в прозе, и лишь переживания героев, взаимные излияния чувств выражались в песнях. Записывая народную повесть «Эмрах и Сельви-хак» от ашыка Баттала, Боратав узнал, что в варианте учителя ашыка было 1700 четверостиший, а ашык Баттал знал лишь 300. Рассказывая же повесть Боратаву, он включил в нее всего 170 четверостиший. Это наглядное свидетельство того, что со временем народные повести все больше принимают нарративную форму.

Турецкие народные повести как книжного, так и народно-поэтического творчества по форме и стилю не очень отличаются друг от друга. Это объясняется, во-первых, тем, что источниками первой группы народных повестей являлись те же произведения, имевшие до публикации устное хождение. Во-вторых, большинство сказителей составляли свой репертуар из ранее опубликованных повестей. Схожесть книжных и устных народных повестей ярко демонстрируется на примере так называемых общих мест (клише) и других стилистических приемов, в частности в системе эпитетов и сравнений. Более того, в обеих группах повестей очевидны следы сказочного стиля, в особенности в отдельных фразеологических сочетаниях, постоянных формулах-клише и т. п. Так, почти все известные народные повести богаты промежуточными зачинами-клише.

² П. Н. Боратав. Народные рассказы, с. 54.

Когда, например, сказитель прерывает начатое повествование, чтобы изложить параллельную сюжетную линию, он говорит: «А теперь послушай-ка, о ком я тебе расскажу». Это наиболее популярная и простая формула. Стилистическими формулами-клише является еще целый ряд фраз типа: «Знай — осведомляйся» — перед вступлением к повествованию; «Короче говоря» — при сокращении долгого разговора; фразы, связанные со сказочно-магическими числами «сорок» и «семь». Постоянными формулами сообщается о рождении ребенка («Ровно через девять месяцев и десять дней родился мальчик») и о его росте («Дитя росло как будто не по месяцам и годам, а по часам и минутам») и т. д.

Общими для всех видов турецкого повествовательного фольклора являются начальные клише (зачины) типа: «Рассказчики новостей, сказители повестей и повествователи минувших дней так ведут рассказ, что...» В последних изданиях повестей и дестанов эта классическая формула (зачин) передается в более упрощенном виде, например: «В стародавние времена в иранском городе Хорасане был правитель по имени Адиль-шах». В некоторых случаях повествование начинается вообще без формулы зачина.

Большой интерес представляют постоянные формулы, связанные с песенным исполнением. Ашык предваряет песню следующими фразами: «Взял ашык саз, послушаем-ка (букв. «посмотрим-ка»), что он сказал» или: «Он в ответ рассказал это стихотворение. Посмотрим-ка, что он сказал». Подобная формула вводит, как правило, диалоги влюбленных. В преобладающих случаях в подобных формулах-клише упоминается музыкальный инструмент ашыка, свидетельствующий о песенном исполнении: «Взяв в руки саз...», «Взял саз, посмотрим-ка, что он сказал», «...дотронулся до струн саза, послушаем-ка, что он сказал», «Добрую весть передал, играя на сазе».

В народной повести мотив любви играет сюжетобразующую роль. Часто любовь эта платоническая, в особенности если повесть книжного происхождения («Лейла и Меджнун», «Ферхад и Ширин»). В этом случае преобладает трагический финал, основанный на воззрениях автора — на его вере в предопределение, в предуказанность неотвратимой судьбы. Но повести не чужда и любовь, ведущая к соединению влюбленных. Если повествуется о жизни реальных лиц (преимущественно ашыков), то любовь носит земной характер («Эмрах и Сельви»).

В народных повестях, где доминирующим является мотив «истинного влюбленного», у влюбленного, как правило, только одна возлюбленная, предопределенная судьбой («Арзу и Камбер», «Рази-Нихан и Махи-Фируз», «Асюман и Зейджан», «Эмрах и Сельви»). В этом случае не может быть и речи о других увлечениях героя: он верен своей любви. Однако бывают и исключения, например повесть «Шах-Исмаил», в которой чув-

ствуется влияние авантюрных средневековых романов, испытавших, в свою очередь, сильное воздействие мусульманства.

Тема любви присутствует и в дестанном эпосе с героическим содержанием, но здесь она отодвинута на второй план. При этом совершенно не обязательно проявление любовных чувств только к одной определенной возлюбленной.

Во всех народных повестях любовные пары обязательно встречаются на своем пути препятствия. Преодоление препятствий составляет основную идею повести: подлинный влюбленный должен пройти тяжелое испытание, прежде чем соединится с возлюбленной. В романических эти препятствия, как правило, социальные, главным образом материальное неравенство.

Встретив препятствия на пути к соединению, влюбленные видятся тайком, юноша иногда целыми днями скрывается у возлюбленной и т. п. На первый взгляд подобные сцены не соответствуют традициям и быту народов Востока, где строго соблюдается честь девушки, которую должны зорко охранять все мужчины в семье — отец, братья, дяди и даже дальние мужские родственники. Подобные эпизоды, казалось бы, должны вызывать отрицательное отношение к героям. Однако, напротив, смелые действия героя или героини вызывают восторг и одобрение публики. Это можно объяснить в первую очередь тем, что смелость положительных персонажей во всех ее проявлениях оценивается по достоинству слушателями, в особенности когда герои терпят жестокою несправедливость. Кроме того, не во всех тюркских родах и племенах существует традиция строгого запрета на встречу юноши и девушки до официальной свадьбы. Очень убедительный пример в этом плане приводит Боратав³. По его наблюдениям, в народном творчестве Юго-Восточной Анатолии очень часто можно встретить мотивы нарушения упомянутой традиции влюбленными. Но именно в этих районах Боратав собрал большой этнографический материал, показывающий, что тайные встречи и даже близость влюбленных до свадьбы не осуждаются. По словам Боратава, в Карсе и его окрестностях помолвка понимается не так, как в других районах Турции. Она включает и соединение влюбленных до их официальной свадьбы, ибо здесь калым за девушку во много раз больше, чем в других районах страны, и юноша не всегда в состоянии быстро заплатить его, чтобы иметь возможность привести свою невесту домой как жену. Очевидно, это обстоятельство способствовало и появлению поговорки: «Куда годится невеста, если она не принесет с собой жеребенка?» Следовательно, не только тайное соединение, но даже внебрачные дети не осуждаются.

В народных повестях четко прослеживается влияние ислама, но не

³ П. Н. Боратав. Народные рассказы, с. 87.

всегда оно является определяющим. Большею частью религиозные элементы несущественны (например, призыв к богу перед тем, как вступить в бой или предпринять рискованные шаги; помощь «святых» героям; вещие сны и т. п.). Они попали в текст произведений, созданных в пору наибольшего духовного воздействия мусульманства, и являют собой дань религиозным представлениям народа, нисколько не меняя идейной сущности произведения, народной основы сюжета. Ведь простому труженику, главному слушателю народных повестей, безразличны религиозные убеждения его любимых героев. По его представлениям, подлинным героем, истинным влюбленным может быть лишь тот, кому свойственны все добродетели, в том числе вера в единство бога и в его могущество. Иным представить образ героя в ту пору было невозможно. Глур, неверный, не может стать идеалом верующих слушателей. Этими народными представлениями можно объяснить и анахронизмы, которые часто встречаются в эпосе, а именно: те доисламские исторические лица и мифические образы, которые стали любимыми народными героями эпоса — тюрко- и ираноязычных народов, — Александр Македонский (Искандер), библейский Соломон (Сулейман) и другие — представляются мусульманами. Такими хотят видеть их слушатели, такими представляют их и сказители, для которых историческая истинность не являлась существенной.

Нельзя не сказать и о роли духовенства, способствовавшего проникновению религиозных элементов в народное творчество через письменную литературу или через устную проповедь. Оно стремится даже обосновать и объяснить «мусульманство» тех лиц, которые жили за несколько веков до появления ислама, тем, что якобы дух Мухаммеда вечен, он существовал вне плоти его со дня сотворения мира и был внятен для праведных людей всех времен и эпох. Разумеется, эта «теория» легко была воспринята фанатиками и проникла в гущу верующих из простого народа.

* * *

В этом кратком обзоре следует отметить еще одну специфическую особенность народной повести — ее сходство со сказкой. По этому вопросу существуют различные мнения, но ни одно из них, по существу, не отрицает наличия многих общих черт между двумя жанрами. Так, по мнению Боратава, народная повесть отличается от сказки главным образом тем, что в повести все события воспринимаются как реальные, с одной стороны, и исполнитель меняет текст путем импровизации — с другой (что, в свою очередь, сближает повести с дестанами).

Немецкий ориенталист Отто Шпис полностью отождествляет оба жанра. По его мнению, народная повесть в преобладающем большинстве случаев — это сказка о приключениях двух влюбленных.

Сопоставляя народную повесть и сказку, чтобы выявить их родственные черты, О. Шпис находит их: 1) в географии обоих жанров, которая, по его мнению, сказочно-эпическая: Хинд, Йемен, Чин; 2) в именах героев, большая часть которых малоупотребительна в народе: Керем, Гюль, Аслы, Ситемкяр, Гюлюзар и т. п.; 3) в том, что герой в центре всех событий и совершает сверхъестественные подвиги; 4) в однотипном портретном описании всех героев и героинь.

Однако народные повести не равнозначны, и вряд ли их все можно рассматривать в одном плане. Некоторые повести возникли на сказочном материале и, естественно, сохранили все детали первоосновы. Другие, реалистические повести мало отличаются от аналогичного жанра письменной литературы, например от жизнеописания ашыков.

Повести на любовно-приключенческие и героико-фантастические темы имеют много общих черт с волшебными сказками. Как и в сказках, главное место в них занимают мотивы удивительного героизма персонажей, их победы над злыми силами в условиях волшебной фантастики, например столкновение героя с дивом, драконом и прочими сказочными существами на пути к возлюбленной («Необыкновенные приключения Караоглана», «Битва при крепости Бехрамабад», «Сейфильмулюк» и др.). Оба жанра отличаются синкретичностью.

Героями большинства сказок и народных повестей являются шахи, юноши и девушки из шахского рода и т. п. Но хотя герои и обитают в прекрасных дворцах, они тем не менее ведут жизнь простых людей. Такова своеобразная логика, синтетически отражающая действительность. Смысл ее в том, что образ положительного шаха в народных повестях и сказках не сводится к конкретному правителю, как таковому. Простые люди здесь обобщают свои мечты об идеальном правлении и правителе, об идеальной личности вообще. Исторически происхождение этих образов идет от переноса на первых правителей классового общества свойств предводителей племен. При племенной организации общества главой народа мыслился не самый богатый, а самый сильный, храбрый, великодушный, мудрый член общины, племени, народности. Позднее, с усилением классового расслоения общества, с углублением классовых противоречий и народного самосознания, идеальные черты все более связываются с героем из народа, а шахи, ханы и т. п. в фольклоре часто становятся носителями отрицательных свойств («Тахир и Зухра»). Разумеется, при этом обобщение образов происходит на уровне сказочного жанра с характерным для него способом типизации.

Народная повесть героико-фантастического содержания, как и волшебные сказки, наиболее архаична по сравнению с другими разновидностями повестей и сохраняет, хотя и в преобразованном виде, древнейшие мифологические мотивы — способность героя к перевоплощению или

изменению внешнего облика («Необыкновенные приключения Караоглана»), описания дивов, пери и борьбы с ними, дуалистические представления (образы доброй старухи помощницы и злой колдуньи), образы говорящих птиц и животных и т. п. Однако в отличие от сказок характерной особенностью народных повестей и дестанов является рационалистическое истолкование мифов и легенд, свидетельствующее о более высоком уровне мировосприятия их слагателей.

Одна из существенных особенностей повестей фантастико-приключенческого содержания состоит в том, что они близки к волшебной сказке по своей поэтике. В обоих жанрах нередко дублируются одни и те же эпизоды и мотивы. Разница между ними часто лишь стилистическая: в сказках событийный ряд меньше по объему и уже по смыслу, чем в повестях, зато сказочный вариант передает идею более концентрированно. Влияние сказки на повесть весьма значительно. Ряд поступков героя, обстоятельства, в которые он попадает, препятствия на его пути к возлюбленной — все это овеяно атмосферой сказочности. Сказочная фантастика в повести нередко сочетается с изображением реалий, характерных для жизненного уклада феодального общества. В повести «Эмрах и Сельви», например, нет конкретных деталей, рисующих турецкий быт, но рассказчику достаточно нескольких штрихов, чтобы возникли картины города — роскошный дворец с парком (*хасбахче*) и жалкая лачуга музыканта-певца.

Романический колорит народных повестей снижает значение богатырского подвига, сводит его на нет. Так к эпическим чертам примешиваются черты героя бытовой сказки: на первом плане здесь не смелость и богатство (как в повестях «Шах-Исмаил», «Битва при крепости Бехрамабад» и «Необыкновенные приключения Караоглана»), а пассивность, беспомощность, иногда хитрость («Арзу и Камбер», «Тахир и Зухра» и др.). Этой трансформации героя способствует и детальная разработка бытовых картин — как в сказке, так и в повести. Общеизвестно внимание ко всему, что окружает богатыря, в героическом эпосе: подробно рассказывается о его одежде, коне, подвигах и т. д. В повести же подробно описывается церемониал встречи (встают и садятся по рангу), передается в деталях беседа, рисуются обстоятельства, при которых протекает беседа, и т. п.

Общими для народной повести, дестана и сказки являются схемы зачина: муж и жена бездетны, потом у них появляется сын, или дочь, или тот и другая (причина зачатия — волшебное яблоко, переданное бездетным родителям святым Хызром в образе дервиша) («Асюман и Зейджан», «Арзу и Камбер», «Шах-Исмаил» и др.). Действие здесь сразу же переносится в бытовую план; мотив испытания героя в этих случаях получает бытовое воплощение и приобретает характер любовной игры. Волшебно-

сказочный мотив испытания (змееборство, борьба с дивом и пери, кораблекрушение и его последствия и т. п.) превращается, таким образом, в романтическую историю, украшенную к тому же многочисленными бытовыми подробностями. Здесь полностью исчезают признаки сказки, главным образом необычайность сюжетных ходов. Линии богатырской и волшебной сказки в повести трансформируются в новеллистические. Повествование наполняется романтическими историями, бытовыми подробностями, и в нем растворяются элементы сказок. Возникает синкретическая в жанровом отношении повесть, в которой ведущую роль играет новеллистическая традиция.

Для народной повести и дестанов характерен симбиоз разнообразных сказочных элементов. Такой симбиоз может быть результатом механической контаминации мотивов или же глубокого их взаимопроникновения на новеллистической основе. На новеллизацию сказок влиял один существенный фактор — взаимодействие фольклорной и литературной традиции. Сказочные сюжеты ложились в основу литературных (книжных) поэм, превращались в средневековые повести, затем возвращались в фольклор преобразованными, обретая устную жизнь («Лейла и Меджнун», «Ферхад и Ширин», «Сейфильмулюк» и др.). В результате такого длительного взаимодействия и появились романтические повести — жанр, стоящий на грани фольклора и литературы. Новеллизация сказок не приводила к разрушению сказки, наоборот, порождала новый жанр — народную повесть или новеллистический дестан.

* * *

Народная повесть, так же как и дестан, издревле распространяется устно. Чаще всего они исполняются в городских и сельских кофейнях, на деревенских сборищах в длинные зимние вечера, а также на свадьбах, семейных и общественных торжествах и т. п. Исполнителями их являются публичные рассказчики — *меддахи* и *апыки*.

Начиная примерно с XIV в. у турок приобрели популярность исполнители эпоса *кыссаганы* (сказители), *шахнамеханлы* (чтецы «Шах-наме» — иранского эпоса Фирдоуси). Искусство исполнителей (и их названия) получило распространение под влиянием культуры ираноязычных народов.

Как *кыссаганы*, так и *меддахи* до XV в. исполняли преимущественно героико-эпические произведения письменной литературы, причем их слушателями были представители всех сословий. Позднее, когда произошло углубление социального расслоения турецкого общества и наряду с аристократией выделилась довольно значительная прослойка ремесленников, *меддахи* и *кыссаганы* стали исполнять также произведения народного творчества или произведения анонимных авторов.

После XVIII в. влияние иранской культуры на турецкую ослабевает. Все большее развитие получает местная тюркская культура. Меддахы все чаще включают в свой репертуар реалистические произведения, например народные романы из жизни дворцовой аристократии и городской чиновной и купеческой прослойки, напоминающие европейские авантюрные романы.

Примерно в этот же период в кофейнях центральных городов и на торжествах начинают выступать народные сказители — ашыкы.

Репертуар меддахов отличался от репертуара ашыкы тем, что у первых основное место отводилось авантюрно-приключенческим произведениям, а в манере их исполнения преобладал метод имитации. Ашыкы же исполняли главным образом «биографические» повести, основным сюжетным стержнем которых была любовная коллизия. Кроме того, на репертуар меддахов большое влияние оказывала письменная литература. Иногда авторские сочинения исполнялись меддахами в неизменном виде. В репертуаре же ашыкы заимствованные из книжной литературы сюжеты («Ферхад и Ширин», «Лейла и Меджнун» и др.) претерпевали все те изменения, которые отвечали правилам устно-поэтического творчества.

Общим в искусстве и тех и других является обязательное присутствие драматического элемента. С этой точки зрения искусство меддахов и ашыкы можно сравнить с искусством древнегреческих мимов, а также имитаторов у других народов — китайцев, японцев, индийцев.

Искусство ашыкы передается из поколения в поколение благодаря школе сказительства. Прежде чем обрести право публичного выступления, будущий ашык проходит учебу у какого-либо мастера. Это длительный процесс обучения игре на сазе, запоминания репертуара, состоящего иногда из целого ряда повестей, участия в творческих состязаниях.

Существует определенный ритуал выступления ашыкы. Если на этом собрании присутствует другой ашык, то исполнитель должен спеть что-нибудь свое, то же самое делает и присутствующий ашык. В некоторых случаях исполнитель загадывает загадку, принадлежащую сказителю, чье произведение он должен исполнить, или же загадку своего учителя. Затем он сам же ее и разгадывает. Тем самым исполнитель как бы отдает дань уважения автору повести или своему учителю. Если автор исполняемой повести известен, то исполнитель обязан во все вступительные части включить его стихи.

Далее следует исполнение *дешеме* (нечто вроде вступления) в прозе. Как правило, это небольшой рассказик-небылица, комическая история, которая якобы случилась с ашыком. После этого, жалуясь на свое детство и побои, которые доставались ему от няни или матери, ашык приступает к исполнению самой повести, которой предшествует молитвенное изречение, носящее характер клише. Ашык произносит его в прозе

или в стихах. Зачин повести (*хикайе дёшемеси*) не носят стабильного характера и может меняться как в сторону расширения, так и в сторону сокращения. Часто это зависит от требования аудитории.

Свой рассказ ашык ведет спокойно, постепенно наращивая темп, меняя интонацию в соответствии с содержанием. Если исполняются произведения известного автора (анонимные народные повести, как правило, приписываются какому-нибудь автору, чаще популярному ашыку), то исполнитель стремится как можно точнее воспроизвести это произведение, услышанное им самим от автора или от ученика автора.

В большинстве случаев исполнитель не успевает или не желает выполнить свою программу за один вечер. Он получает ночлег в кофейне или в доме, куда он приглашен на торжество, и, отдохнув, продолжает исполнение. Иногда выступление с перерывами продолжается до семи дней. Начало каждого выступления после перерыва сопровождается рядом церемоний. Играя на сазе, ашык обращается к слушателям, чтобы узнать, чем закончил предыдущее свое выступление. Тот, кто отвечает на вопрос (стандартный ответ: «рассказ прервался на том-то»), должен вознаградить ашыка (это его гонорар), но прежде ашык подходит к отвечающему, кладет перед ним свой саз и говорит: «Если ты знаешь, то возьми и исполний сам». Тот возвращает ашыку его саз и дает *бакшиш* (денежное вознаграждение). Чтобы собрать хорошее вознаграждение, ашык поступает подобным образом несколько раз, обращаясь к разным людям из числа слушателей. Эта церемония значительно сокращается, если организатор выступления ашыка заранее вознаграждает его.

Когда приключения влюбленных приходят к благополучному концу, ашык завершает свое выступление подробным рассказом о свадьбе, после чего исполняет песню второго героя повести (это или соперник, или присутствующий в повести ашык). Последняя песня называется *той* (букв. «торжество»). Все выступление заканчивается благопожеланием в адрес присутствующих и концовкой-клише: «Наш наставник Хызр что знал, то и рассказал».

Свое повествование — часто большого объема — ашык сопровождает игрой на сазе. Для его исполнительского мастерства, как уже было сказано, характерно присутствие в нем драматического элемента, который обусловлен особенностью народной повести и дестана, их близостью к драматическим произведениям, дающей возможность исполнителям проявить свои способности к перевоплощению при исполнении роли каждого из персонажей. Ашык — поистине народный актер, способный держать аудиторию в напряженном внимании и увлечь не только своей феноменальной памятью, но и великолепным актерским мастерством. Ашык — подлинный любимец народа, и он это хорошо знает, хотя и не злоупотребляет своей популярностью. Он довольствуется лишь теми сборами,

которые достаются ему от выступления перед публикой. В прошлом ашыки в большинстве своем были бродячими и зарабатывали себе на жизнь, переезжая из города в город, из села в село, где останавливались ненадолго, чтобы выступать в кофейнях, на семейных и общенациональных торжествах.

Творческий процесс у турецких ашыков сам по себе является эстетическим актом, полетом фантазии. Ашык гордится своими творческими возможностями и с достоинством художника подчеркивает свои способности. Этот прием характерен и для мастеров письменной литературы. У редкого восточного поэта нет в произведениях строк, выражающих гордость своим талантом.

Ашык стремится проникнуть в сущность образа, показать его всесторонне. Эпическая традиция предписывает изображать героев главным образом с внешней стороны, а ашык, используя накопленные поэтические приемы, метафоры и устоявшиеся выражения, образно рисует и внутреннее состояние героев.

Ознакомление слушателя с персонажами произведения осуществляется путем описания их внешности. Характер героя постепенно выявляется в ходе повествования. Герои обычно обладают всеми качествами незаурядной личности.

Те же, кто противостоит герою, будь то фантастическое существо типа дива, дракона, иногда пери или «историческое» лицо, как, например, правитель в повести «Тахир и Зухра», олицетворяют силы зла.

Важный элемент мастерства ашыка — психологизм. Оставаясь, разумеется, в рамках фольклорных возможностей, ашык часто достигает большой глубины в изображении человека, его чувств и переживаний в их взаимодействии с событиями. Так, портрет влюбленных в романических повестях — это, как правило, глубокий психологический портрет, который, несмотря на известную сентиментальность, впечатляюще реалистичен («Эмрах и Сельви», «Асюман и Зейджан» и др.).

Хотя описание мук любви и наличествует в большинстве любовно-приключенческих повестей, тем не менее страсть влюбленного, его тайные беседы с портретом возлюбленной («Сейфильмулюк» и др.), его мольбы об успокоении — все это также индивидуализируется путем попыток проникновения в глубины души человека, в сущность любви и говорит об опытности ашыка, даже если она почерпнута из прочитанного.

В творчестве ашыка важное место занимает искусство превращения фольклорных мотивов в реальные образы. При этом, однако, сохраняется аромат легенд (соединение влюбленных Хызром в повестях «Эмрах и Сельви», «Арзу и Камбер», «Шах-Исмаил» и др.).

Завязка многих повестей содержит сюжетные ходы, заимствованные из старинных легенд. Часто их очень трудно выделить из текста и объяс-

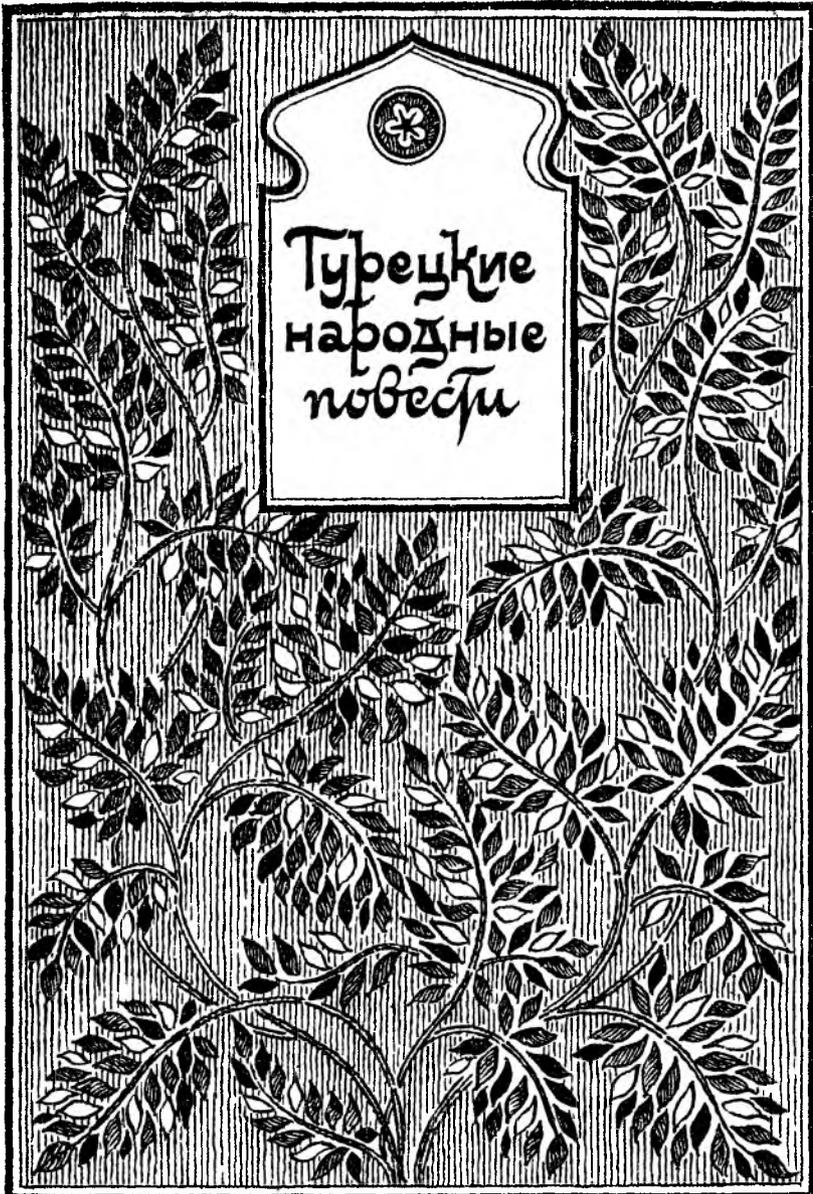
нить. Важным персонажем из легенд является Хызр, обычно ближайший помощник героя в самых трудных положениях, который выступает в роли наставника влюбленных. Действия его сверхъестественны: он, например, в мгновение ока может перенести героя на большие расстояния, чтобы помочь соединиться влюбленным. Хызр — добрый гений. Он всегда появляется совершенно неожиданно и так же неожиданно исчезает, оставляя своих подопечных в растерянности.

Таковы далеко не полная характеристика исполнительского мастерства ашыков и некоторые специфические черты одного из наиболее популярных жанров турецкого фольклора, образцы которого в русском переводе предлагаются вниманию читателей.

* * *

Большинство представленных в нашем сборнике народных повестей фольклорного происхождения, и лишь незначительная часть («Лейла и Меджнун», «Ферхад и Ширин», «Сейфильмулюк») восходит к авторским произведениям, прошедшим этап фольклоризации. Тексты и первой и второй групп в турецком издании адаптированы составителями, имена которых не во всех случаях указаны. Все эти повести были опубликованы в Стамбуле в 1947—1960 гг. в Серии народных книг (Халк китаплары сериси). Перевод на русский язык осуществлен непосредственно с оригинала с незначительными сокращениями.

Х. Г. Корголы

The image shows a book cover with a decorative border of stylized leaves and branches. In the center, there is a white label with a scalloped top edge and a small circular emblem at the top containing a floral motif. The text on the label is in Cyrillic script.

Турецкие
народные
повести

Аюман и Зейджан

В прежние времена жил в городе Эрзинджане богатый властелин, которого звали Калели-бей. А у этого властелина был кяхья по имени Дервиш Ахмед. И хотя оба находились уже на склоне лет, детей у них не было.

Однажды Калели-бей сказал своему кяхье:

— Дервиш, у меня есть богатство и власть, я окружен почетом и славой. Но когда я думаю, что нет у меня сына¹, которого я мог бы лелеять и который после моей смерти занял бы мое место, я теряю покой. Сердце мое сжимается, когда я вижу, что у всех есть дети. Печаль охватывает меня при виде играющих на улице ребятишек. Ах, если бы у меня родился наследник!

— Вы правы, мой султан,— сказал кяхья,— у меня, так же как и у вас, нет детей. И если мы сами не попытаемся найти какой-нибудь способ избавиться от наших бед, то и не будет нам утешения. В мире есть столько почтенных людей, мольбы которых сбываются. Может быть, и мы встретим кого-нибудь, кто нам поможет в нашем горе? Известно ведь, что «под лежащий камень вода не течет».

Калели-бей нашел справедливыми слова кяхьи. Тотчас приказал он приготовить одежды для дороги. Они переоделись, взяли в руки посохи и отправились в путь. Шли они шли и нако-

нец пришли на прекрасный зеленый луг, по которому протекал ручей. Они расположились на отдых под большим деревом на берегу этого ручья с холодной и чистой водой.

И тут приблизился к ним высокий белобородый старец и приветствовал их, назвав по именам.

— О светлоликий старец! — стал просить Калели-бей. — Ты знаешь наши имена, наверно, знаешь и о нашем горе. Укажи какое-нибудь средство от него.

Старец вынул из-за пазухи яблоко², разделил его на четыре части, две из них велел путникам съесть, а две оставшиеся отдал им в руки.

— Когда вернетесь домой, — сказал он, — дайте эти доли яблока съесть вашим женам. Всемогущий Аллах наградит вас детьми. Это будут мальчик и девочка. Тот, у кого будет дочь, пусть выдаст ее замуж за сына своего спутника. Но только смотрите не давайте детям имен, пока я не приду³.

Сказал так старик и исчез.

Повелитель и его спутник тут же дали слово поженить детей, которые должны родиться.

Радостные вернулись они домой. Каждый из них велел своей жене съесть кусочек яблока.

По воле Аллаха через девять месяцев и десять дней у Калели-бея появилась на свет дочь, а у кяхьи — сын. Тотчас были взяты няньки и кормилицы, которые стали растить детей.

Когда детям исполнилось пять лет, надо было отдавать их в школу. Тут и стали думать, как бы их назвать. Пока думали-гадали, появился старый путник.

— Я пришел дать детям имена. Имя девочки — Зейджан, имя мальчика — Асюман, — сказал он и снова исчез.

Детей отдали в школу⁴. Они были так похожи друг на друга, что различить их было трудно. Сами дети думали, что они брат и сестра.

Между тем им исполнилось десять лет. Однажды подружки, увидя девочку одну, спросили ее в шутку:

— А где же твой жених?

Девочка удивилась, стала расспрашивать нянек и кормилиц и узнала наконец, что Асюман ей вовсе не брат. Узнав об этом, она почувствовала, что в ней что-то переменялось.

И вот однажды, когда они рядышком снова возвращались из школы, им пришлось идти по пустынной улице. Девочка вдруг обхватила руками шею Асюмана, обняла его и положила свою голову ему на грудь. Это понравилось Асюману, и с тех пор во-

шло у них в обычай, отправляясь в школу и возвращаясь оттуда, обниматься, когда они оставались одни.

Но как-то одна старуха увидела, что дети обнимаются. Она побежала к Калели-бею и обо всем рассказала ему.

Повелитель разгневался и приказал позвать кяхью.

— Отныне я не желаю видеть тебя здесь! — закричал он. — Живо убирайся из моего замка! А если увижу хоть раз твоего повесу, я прикажу сбросить его с башни.

Растерявшийся кяхья никак не мог понять, что случилось. Забрав жену и сына, он ушел из замка, напел подходящий дом и поселился там.

Асюман, видя, что Зейджан осталась в замке, спросил у матери:

— А почему же сестра не ушла с нами?

Тогда мать объяснила сыну, в чем дело.

— Сынок, — сказала она, — Зейджан тебе не сестра. Она — дочь Калели-бея. А ты — наш сын. Поэтому она и осталась в доме своего отца.

Так и Асюман узнал, что девочка не сестра ему.

Любовь Асюмана и Зейджан становилась все сильнее. Но повелитель, чтобы помешать их дружбе, не пускал больше дочь в школу и даже не выпускал ее из замка.

Однажды в пятницу Асюман отправился в мечеть на пятничной намаз. Выйдя из дому, он встретил на улице ту старуху. Увидев, что юноша печален, старуха пожалела его. «Ведь из-за меня их разлучили, — подумала она, — устрой-ка я им встречу!»

Старуха подошла к Асюману и спросила:

— Сынок, куда это ты идешь?

— Сегодня пятница, — отвечал Асюман, — иду в мечеть.

— Пойдем, сынок, вон там построили новую, очень красивую мечеть. Давай я отведу тебя туда!

И старуха отвела Асюмана в сад Калели-бея.

Она подвела Асюмана к фонтану, который находился напротив окон комнаты Зейджан.

— Ты соверши здесь омовение⁵, — сказала старуха, — и пожди меня, я скоро приду.

И она удалилась.

А Зейджан в это время спала в своей комнате. Одна из рабынь выглянула в окно и увидела: госпожа ее Зейджан совершает у фонтана омовение. Повернула рабыня голову, посмотрела на кровать: госпожа ее Зейджан спит. Рабыня растеря-

лась: что же это получается — Зейджан в одно и то же время находится и у фонтана и на кровати? А надо сказать, что рабыня была взята в замок уже после того, как оттуда ушел Асюман, и потому его не знала.

Тут Зейджан проснулась и увидела, что рабыня изумленно глядит то в окно, то на кровать.

— Что случилось? — спросила девушка. — Почему ты в таком смятении?

— Маленькая моя госпожа! — ответила рабыня. — Со мной происходит что-то странное. Гляжу вниз — вижу вас, смотрю сюда — и снова вижу вас...

Зейджан сразу поняла, в чем дело, подбежала к окну, посмотрела.

— Асюман, Асюман! — воскликнула она. — Иди сюда!

Асюман поднял голову, увидел Зейджан и, подбежав, тотчас взобрался наверх. Они нежно обнялись. Затем Зейджан сказала:

— А теперь, Асюман, уходи! Не то увидит тебя мой отец и кто знает, что сделает. Ты иди домой и скажи своему отцу, чтобы он именем Аллаха просил моего отца отдать меня тебе в жены. Тогда я стану твоей, а ты будешь моим! И мы больше не разлучимся.

Несчастные дети не знали о том, что произошло между их отцами.

Асюман пришел домой и обратился к отцу:

— Отец, пойди посватай мне в жены Зейджан, дочь Калели-бея!

Дервиш Ахмед вспомнил слова старца и подумал: «Может быть, и властелин вспомнит о них и согласится выдать дочь за моего сына».

И он отправился в замок.

— Именем Аллаха прошу я Зейджан в жены моему сыну Асюману. Ведь такое решение было принято, сдержите же свое слово, которое тогда дали!

Властелин хорошо встретил своего прежнего товарища по несчастью.

— Ты подожди здесь, — сказал он, — а я схожу и посоветуюсь с ее матерью.

Пошел он и все рассказал жене.

Услышав его слова, женщина разъярилась, словно ведьма.

— Вай, — завопила она, — ты отдашь мою дочь сыну слуги?!

Повелитель выместил все на Дервише Ахмеде, обругал несчастного и выгнал из замка.

Дервиш Ахмед очень огорчился и не знал, как сказать сыну, что повелитель не хочет отдать ему свою дочь. Наконец он решил солгать:

— Калели-бей сказал, что отдаст девушку за тебя через сорок дней⁶.

Асюман начал считать дни. Прошло сорок дней, но от повелителя не было никаких вестей. На сорок первый день Асюман отправился к замку. Он думал, что, может быть, увидит Зейджан или разузнает о ней что-нибудь. Он стал бродить вокруг замка. И тут его заметили какие-то юноши, подошли, стали расспрашивать. Потом один из них сказал:

— Асюман! Ты сошел с ума, что ли? Или тебе жизнь надоела?

Асюман не понял.

— Что ты хочешь сказать? — спросил он удивленно.

— А то хочу сказать, — ответил юноша, — что недавно Калели-бей поколотил твоего отца, вышвырнул за ворота и крикнул вдогонку: «Если Асюман попадетс я мне в руки, я сброшу его с крыши или же повешу на чинаре!» Ты лучше не показывайся здесь, а уходи-ка подобру-поздорову.

Только теперь несчастный Асюман понял все. Придя домой, он сказал отцу:

— Прости, отец! Ты обманул меня, не сказав всей правды. Меня чуть было не убили. Теперь уж ты в мои дела больше не вмешивайся.

И он пошел на базар. А там в кофейне сидело несколько ашыков⁷. Он подошел к ним, послушал, как они играют на сазах, потом стал умолять:

— Господа! Я очень интересуюсь искусством ашыков и поэзией. Возьмите меня к себе учеником.

Ашыкам понравился этот красивый, статный, смышленный юноша. Они взяли его в ученики, дали ему саз и научили играть. До самого вечера Асюман оставался с ними.

Когда он вернулся домой, то увидел, что мать его принарядилась.

— Матушка, — спросил он, — что сегодня за праздник?

— Разве ты не знаешь, сынок, — отвечала мать, — сегодня ночь благословенной и благодетельной лампы⁸. Что человек ни пожелает этой ночью, все исполнится. Вот я и оделась в честь этой ночи.

Услышав это, Асюман совершил омовение, намаз с двумя коленопреклонениями⁹ и стал умолять всевышнего исполнить его желание. Затем он лег и уснул. Во сне он увидел белобородого старца, который взял Зейджан на руки и принес к нему.

— Сын мой Асюман,— сказал старец,— выпей-ка из рук этой девушки шербет любви¹⁰.

Асюман выпил шербет, который подала ему девушка, и его охватило любовное опьянение, сердце его запылало.

В ту же ночь тот же старец приснился и Зейджан и ее тоже заставил выпить шербет любви из рук Асюмана.

На следующий день Асюман встал позже обычного, поспешно оделся и побежал в кофейню к своим учителям. Ашыки, слегка побранив его за опоздание, снова дали ему саз и продолжили обучение, показывая: «Вот так держи, так играй!»

Асюман сказал:

— Теперь вы немного отдохните, я сыграю один. Если я сделаю ошибку, вы меня поправите.

— Ладно, послушаем,— сказали ашыки.

Асюман сыграл одну мелодию так хорошо, что все только диву дались.

Потом Асюман сказал:

— Теперь послушайте, я спою вам.

И он запел:

На что мне лекарь? Я обрел Лукмана:
Ты вскрыла боль нарыва. Что ты скажешь?
Господней волей в воды океана
Ручьем теку бурливо. Что ты скажешь?

Он замолчал.

— Прекрасно, юноша,— воскликнули ашыки,— а ну-ка спой еще.

Асюман взял саз и снова запел:

На мой привет приветом отвечали
Те, кто познал души моей печали,
И выпил я мне поданный в фиале
Хмель страстного порыва. Что ты скажешь?

Влюбленные наставникам покорны,
И я настой отведал животворный:
По воле старца книги благотворной
Смысл тайный внял я живо. Что ты скажешь?

Власть старца, Асюман, тобой хвалима,—
Сгорает сердце, да не видно дыма!
Премудростью творца нам все даримо —
Земли и неба диво. Что ты скажешь?

Все поэты были поражены.

— Великолепно,— сказали онп,— ты, оказывается, превосходный поэт!

А теперь посмотрим, что было с Зейджан.

В то утро Зейджан проснулась расстроенной, глаза ее слипались, губы были сжаты. Увидели ее рабыни в таком состоянии и в ужасе побежали к матери и сообщили ей об этом.

Мать сейчас же пришла к дочери и, увидев ее такой, спросила:

— Помилуй, дочка! Что это с тобой случилось?

Зейджан не стала скрывать:

— Сегодня ночью во сне меня напоили любовным шербетом. Сердце мое сильно бьется, меркнет разум, и во всем теле слабость. Я чувствую в себе способность слагать стихи. Если хочешь, пусть мне принесут саз, и я спою тебе несколько бейтов...

Мать захотела тотчас исполнить желание дочери и послала на базар человека, приказав купить саз.

Зейджан взяла саз и запела:

Мне снился сон: безумьем одержима,
Стезю благих нашла я средь дорог.
В смятенье я застыла недвижимо,
И подали мне в чаше пряный сок.

И в тот же миг меня сразило хмелем.
О, с кем мы наши тайны сердца делим?
А если и дурным мы служим целям,
Лишь сумасброд перечигь им бы смог!

Урок любви дано познать влюбленным,—
Наставник мой ко мне был благосклонным.
Народам, в этом мире сотворенным,
Защитник и заступник — только бог!

Порадуйте любимого приветом,—
Легко ли жить любовью не согретым?
Я с малых лет верна своим обетам:
Любовь Зейджан прекрасна, как цветок!

Отец, услышав какой-то переполох в замке, тоже пришел узнать, в чем дело. Пропетые дочерью стихи ему понравились.

— Прекрасно, дочка! Слова очень хороши. Если теперь придет ашык и захочет состязаться с тобой, ты согласишься?

— Ни один ашык не сможет со мной состязаться,— отвечала она,— а если и пайдутся охотники, то Аллах милостив...

Прошло несколько дней. Асюман вместе с ашыками бродил, играя на сазе и изливая свою печаль. И Зейджан сидела у себя в комнате и проводила время, играя на сазе и вздыхая.

В один прекрасный день Асюман сказал себе:

— Пойду-ка я повидать Зейджан. Попрощаюсь с ней и уйду на чужбину.

И стал он бродить вокруг сада девушки.

Зейджан увидела его из окна. Никому ничего не сказав, она спустилась вниз и привела Асюмана в сад, в укромное место. Там они сели под тенистыми деревьями и начали беседовать.

— Я сегодня пришел сюда,— сказал Асюман,— чтобы попрощаться с тобой. Я отправляюсь на чужбину.

— На чужбину? — взволнованно воскликнула девушка.— На кого же ты оставляешь меня?

— Я думаю,— сказал Асюман,— что, если я уйду из этой страны и какое-то время не буду никому показываться на глаза, гнев твоего отца пройдет и у него не останется ко мне ненависти и вражды. Что же касается того, на кого я тебя оставляю, то я поручаю тебя всевышнему. Прошу тебя только дать мне что-нибудь на память!

Девушка сняла с руки золотой браслет и дала Асюману. На этом браслете алмазами было изображено сердце.

— Это тебе от меня на память,— сказала она,— когда будешь глядеть на алмазное сердце, помни, что мое сердце неизменно с тобой.

Асюман отрезал прядь своих волос, омочил их слезами и, завернув в платок, отдал девушке.

— Если будет угодно Аллаху, мы скоро встретимся! — воскликнул он и, выйдя из сада, пошел домой.

Желая получить от отца разрешение отправиться на чужбину, он взял саз и запел:

Отец мой милый, слушай это слово,
Благослови меня на дальний путь!
Горю в огне я, скорбь моя сурова,—
Благослови меня на дальний путь!

Да буду жертвой я врагам заклятым —
На зло друзьям, на радость супостатам!
Сберу суму с припасом небогатым,—
Благослови меня на дальний путь!

О, не держи, иду я на чужбину —
Всею кровью слез оплакивать судьбину.

Припав к твоим рукам, я дом покину,—
Благослови меня на дальний путь!

Отец его, несчастный Дервиш Ахмед, стал умолять сына:

— Дитя мое! Не время тебе сейчас уходить на чужбину. Ты еще молод, почти ребенок. Ты не выдержишь трудностей на чужбине, не снесешь тоски. Откажись от этой мысли.

Но Асюман не послушался, взял саз и, поцеловав руки матери и отца, ушел.

А в те дни Калели-бей отправился на летнее пастбище и неподалеку от дороги приказал разбить шатры.

Асюман вышел из города и, пройдя немного, встретил пастуха. Поздоровавшись с ним, он спросил:

— Братец, кому принадлежат вот те шатры?

Пастух объяснил, что день назад Калели-бей прибыл на пастбище и что шатры у дороги — его. Услышав это, Асюман понял, что дела его плохи, потому что ему обязательно придется идти мимо тех шатров. И тогда его, конечно, узнают, и он непременно подвергнется опасности. И тут вдруг его осенило.

— Братец,— сказал Асюман,— я отдам тебе мое платье, а ты мне свое. Поменяемся одеждой!

Пастух согласился, так как платье Асюмана было новое и намного лучше, чем его. Асюман надел старую бурку пастуха, его коляки и грубую обувь. Попрощавшись, он продолжал свой путь и через некоторое время оказался возле шатров Калелибея.

Повелитель сидел перед шатром и, увидев пастуха с сазом за плечами, подозвал его.

— Ты, должно быть, ашык,— сказал повелитель,— у меня тоже есть ашык. Не хочешь ли с ним состязаться?

Асюман понял, что Калели-бей не узнал его, и облегченно вздохнул.

— Ладно,— сказал он,— только я даром состязаться не стану. Мое условие: если твой ашык возьмет надо мной верх, я стану его рабом, буду служить ему; если я возьму над ним верх, он будет мне рабом и мы вместе отправимся в путь.

Повелитель был уверен, что дочь его в искусстве ашыков сильнее этого пастуха и, конечно, победит. Он подумал: «Дочка победит пастуха, мы возьмем его к себе на службу, и он будет подавать мне чубук¹¹. Если же он победит мою дочь, я дам ему денег и спроважу его».

Условие пастуха было принято. Тотчас сообщили об этом и девушке. Когда Зейджан пришла, Калели-бей сказал ей:

— Ну, дочь моя, ты будешь состязаться вот с этим ашыком. Натянули занавес ¹², и ашыки уселись по обе стороны от него.

Асюман взял в руки саз и начал:

Я сутью — глубже всех морей,
Но жду я милости твоей.
А спросишь, кто наставник мой,—
Те сорок праведных мужей ¹³.

Зейджан взяла саз и ответила:

Играет саз — мне любо петь:
Что ж, потягаемся и впредь ¹⁴.
Где сорок праведных? Ответы!
Узнать хочу я поскорей!

Асюман ответил:

Тебе твой край родимый мил,
Юсуфа горький плен томил,
А вот ответ на твой вопрос:
Они — в земле святых могил ¹⁵.

Девушка ответила:

Ашыки о себе поют —
Словам их внемлет добрый люд.
А что же праведники чтут?
Узнай хочу я поскорей!

Ашык-пастух ответил:

Благих я видел и святых,
Стоял пред ними, нем и тих.
А вот ответ на твой вопрос:
Святые книги ¹⁶ — дело их.

Ашык Зейджан спросила снова:

Кто Хызра на коне послал
На помощь тем, кто слаб и мал?
Четыре книги кто им дал? ¹⁷
Узнать хочу я поскорей!

Ашык-пастух ответил:

Нектар живой воды я пил ¹⁸,
Постиг я таинство всех сил.
А вот ответ на твой вопрос:
Все книги дал им Джебраил.

Девушка снова спросила:

Ашыки знают страсть и пыл,
И сладкий лад речам их мил.
У Джебраила сколько крыл?
Узнать хочу я поскорей!

Асюман ответил:

В словах ашыков — страсть и пыл,
И соловьиный лад им мил.
А вот ответ на твой вопрос:
Три сотни шесть десятков крыл.

Девушка снова спросила:

Он ангелам в раю — глава,
Над ними власть — его слова.
Ширь его крыльев какова?
Узнать хочу я поскорей!

Асюман ответил:

Не мучься срастью и гоской,
О тебе и земле мне спой!
Одно крыло — что целый мир,
Вот так! Признай же промах свой!

Наконец девушка не смогла дать ответ. Она сказала сама себе:

— Не могу же я позориться перед отцом. Заставлю-ка я его развязать такой узелок.

И она запела:

Ашык, прозри — вот мой совет,
Твоих очей да светит свет!
И если праведных ты чтить¹⁹,
На мой вопрос найди ответ.

Пастух принял просьбу девушки и ответил:

Нам помощь господа дана,
Обитель мира нам тесна.
Не поняла ты. речь моя
Тех крыльев силою сильна!

Потом ашык-пастух обратился к слушателям:

— Ну, почтенные, что прикажете? Вот ваш ашык и сдался!

— Верно, — сказали присутствующие, — ну а теперь спрашивай ты, и если она не ответит, то станет твоей рабыней и ты делай с ней что хочешь.

Снова взял Асюман саз и запел:

Что в воду упадет а не погонет?
Что под землю ржавчина не тронет?
Кто — на коне, а вскачь коня не гонит?
Кому на свете вечный век неведом?

На эти вопросы девушка ответила:

Луч солнца, пав на воду, не потонет,
Вещь золотую ржавчина не тронет,

Мертвец — в седле, а уж коня не гонит.
Сынам Адама вечный век неведом!

Ашык-пастух спросил:

Что есть о трех ногах, а не живое?
Что сорок ног имеет, а в покое?
Бесследно исчезает — что такое?
И кто отходит друг за другом следом?

Девушка ответила:

Треножье у треноги — неживое,
В подмостье сорок ног, а все — в покое.
Бесследно исчезает все людское:
Отходят люди друг за другом следом!

Асюман снова спросил:

Само себя что в мире уничтожит?
Что снять с себя свою же кожу может?
Кто целый мир себе на спину сложит?
Страх перед кем всему живому ведом?

На этот вопрос девушка не смогла дать ответа.

— Ашык,— сказала она,— такой вещи не бывает. Это ты сам выдумал?

Асюман спросил:

— А если я дам на это ответ, окажешь ли ты «сдаюсь»?
— Да,— сказала девушка,— клянусь головой!

Асюман взял саз и, ответив на этот вопрос, сказал:

— Вот и опять я победил. Она должна была сама это признать. Отдайте ее мне, как был уговор.

Но Калели-бей стал его отговаривать:

— Сынок, это рабыня-арабка, она тебе не подойдет, дам я тебе лучше денег...

Тут Асюман встал:

— Мне деньги и подарки не нужны,— сказал он.— Раз уж такой, как ты, правитель не держит слово, мне остается только уйти.

И он пошел.

Тут сидевшие рядом с Калели-беем сказали ему:

— О султан! Ты поступил нехорошо. Ашыки ведь разгуливают по всему свету²⁰. Этот теперь везде будет болтать, что ты дал слово и не сдержал его.

Тогда Калели-бей, опомнившись, приказал своим палачам:

— Идите за ним, схватите, как-нибудь обманом отведите на пустырь и там прикончите его.

Палачи побежали, догнали пастуха и сказали:

— Вернись, тебя требует повелитель. Он отдаст тебе ашыка, которого ты победил. Он постеснялся сказать тебе это при всех... Он ведь не из тех правителей, которые не держат слова...

Привели они пастуха на пустырь и там связали ему руки.

Асюман понял, что его хотят убить, и стал просить:

— Окажите милость, господи! Сказать бы мне той девушке несколько слов, а уж потом что хотите, то и делайте.

Палачи пожалели его и отвели к девушке. А она все еще была в гневе оттого, что он в состязании победил ее, и спросила палачей:

— Почему вы не убили его, а привели сюда?

— Он хочет тебе что-то сказать,— ответили палачи,— так умоляй... Мы не устояли...

Асюман взял в руки саз. Послушаем, что он спел:

Любимая, я здесь — с тобой опять,
Освободи, не дай свершиться мести!
Отец твой хочет жизнь мою отнять —
Вот я принес тебе какие вести!

Девушка гневно ответила:

Как ты посмел назвать меня любимой!
Опомнись: ты — пастух, судьбой гонимый!
Играешь ты с бедой неотвратимой,
Достоинной платой тебе будет казнь!

Асюман, надеясь умиловить ее, пропел:

Отец твой звал меня: его веленьем
Я должен был с тобой тягаться пеньем!
Не жаль тебе предать меня мученьям?
Я молод и безвинен, помоги!

Зейджан опять в ярости ответила:

Забыл ты, что пастух ты хутородный,
Хитрил перед отцом — мол, благородный!
Посмея ты обо мне мечтать, негодный!
Отец тебя казнит и будет прав.

Асюман снова стал умолять:

Покщув город, брел я в дольном доле,
Да, твой отец судил мне быть в неволе,
Велел меня казнить в пустынном поле,
О, пощади: я молод, помоги!

Зейджан ответила:

Твой грех велик, джигит,— не обессудь:
Тебе жестокой казни не минушь!

Смотри, к чему привел твой дерзкий путь,—
Отец тебя казнит и будет прав!

Тогда, потеряв надежду, Асюман пропел:

Я понял: смертный час мне дан судьбою,
Напрасно я рыдал перед тобою!
Молил тебя я слезною мольбою:
О, пощади, я молод, помоги!

В сердце девушки пробудилось сострадание к юноше.
«Жаль его,— подумала она,— спрошу-ка у него, кто он и откуда родом, а потом постараюсь спасти». И она спела:

Смирись, Зейджан! Что ж — кудри расчесу я.
Мечом любви грудь кровью орошу я!
А вот что у тебя, джигит, спрошу я:
Скажи, откуда родом ты, джигит?

Получив надежду на спасение, Асюман ответил:

Родной предел мой — Эрзинджан прекрасный,
Теперь я — птица в клетке муки страстной.
Ты амулет дала мне — дар напрасный:
Возьми его — увы, не пужен он!

И он протянул девушке браслет, который она ему подарила.
Увидев браслет, Зейджан сразу узнала Асюмана, провела его во дворец и там спрятала. Потом она обратилась к палачам, все еще ждавшим, что пастуха отдадут в их руки:

Палач! Глава жестоких палачей!
Молю: о, не губите Асюмана!
Он — в муке, льются слезы из очей,
Молю: о, не губи ты Асюмана!

О, отпустите, я взываю к вам.
Паду с мольбою к вашим я стопам,
Все что хотите за него я дам,
Молю: о, не казните Асюмана!

А я — Зейджан — по долам побреду,
В чужих краях стерплю свою беду,
Покинув отчий кров, я прочь уйду,
Молю: о, не губите Асюмана!

И палачи вняли мольбам девушки, но, понимая, что с ними приключится беда, если они не выполнят приказ Калели-бея, порешили:

— Зарежем курицу, окрасим ее кровью рубашку²¹ пастуха и скажем повелителю: «Господин наш, вот мы зарезали того

юношу. Был бы ты здоров!»²² А юноша пусть сразу же уходит отсюда.

Асюман тайно выбрался из дворца и ушел.

Когда он добрался до горного склона, началась страшная снежная буря. Асюман еще пытался некоторое время идти вперед, но вскоре выбился из сил. Он потерял надежду на спасение, в глазах у него потемнело, тело начало цепепеть. Юноша понял, что ему суждено замерзнуть. «Спою-ка я перед смертью, — подумал он, — обращусь к господу, может быть, и найду спасение...»

Взял он в руки саз и зашел:

Ты видишь, как я жалок, всемогущий,
О, помоги моим душевным рабам!
Нет сил, погибну я от стужи злоющей,
Вершины гор обложены туманом.

Взвихрился ураган, и снег кружится,
Не знаю, как на волю мне пробиться.
Вокруг — лишь скалы, ночь так долго длится,
Не в силах я бороться с ураганом!

Зейджан узнает о моей кончине —
Наденет траур в горе и кручине.
Господь, тебе я жизнь вручаю ныне,
О, пощади: меня сметет бураном!

Падавший крупными хлопьями снег скоро покрыл Асюмана. Юноша потерял сознание. И тогда появился старец, который в свое время напоил его любовным шербетом, поднял юношу, отнес на зеленый луг, где протекал ручей, а сам стал ходить вокруг.

Открыв глаза и увидев себя на лугу, Асюман изумился и, оглядевшись вокруг, увидел старца.

Заметив, что юноша пришел в себя, старик приблизился.

— Сынок, — спросил он, — куда же ты теперь пойдешь?

— Я хочу пойти в Басру, — ответил Асюман, — да только не знаю туда дороги.

— Я тоже отправляюсь в Басру, — сказал старик, — и дорогу знаю. Пойдем вместе.

Тут он взял Асюмана за руку.

— Закрой глаза! — приказал старец.

Асюман закрыл.

Немного погодя старик сказал:

— А теперь открой глаза!²³

Асюман открыл глаза и увидел, что они на окраине большого города.

— Что это за место, почтенный отец? — спросил Асюман.

— Ты же хотел отправиться в Басру, — последовал ответ, — вот это и есть Басра.

Не спеша они вошли в город, побродили по базару и торговым рядам, а потом зашли в кофейню Афйонджу-баба. Старец поручил Асюмана Афйонджу-баба.

— Пока я не приду, пусть этот мальчик побудет у тебя.

И старец исчез.

В кофейне Асюман стал играть на сазе и петь свои песни.

Однажды зашли туда какие-то юноши и попросили:

— Эй, ашык! Исполни нам что-нибудь!

Асюман взял в руки саз. Послушаем-ка, что он спел:

Покинул я свой край и отчий кров,
Скитаясь, сердце сжег я пылом страсти.
Увял мой сад — был рок ко мне суров,
И совладать не мог я с пылом страсти.

Рабом служить ей — мне удел единый,
Соперник счастлив — нет сильней кручины!
Уста любимой — жемчуг и рубины,
Гореть себя обрек я пылом страсти!

Сюда пришел, и сир и одинок, я,
От мук любви горю, как мотылск, я,
Пылает сердце, кровью весь истек я,
Мечты мои безумны — в их я власти.

О Асюман! Где та, что лукоброва?
К творцу с мольбой я припадаю снова.
Но к небесам не донести мне зова,
Обречь бы мне любовь, сломить напасти!

Когда он умолк, присутствующие горячо одобрили его пение. Отныне посетителей в этой кофейне с каждым днем становилось все больше. Ашык Асюман стал человеком, известным по всей стране. Там он провел пять-шесть месяцев.

А в это время в других кофейнях число посетителей уменьшилось, и доходы хозяев изо дня в день снижались. Хозяева кофейен, понимая, что причиной их бед является Асюман, стали считать его своим врагом. Они начали поговаривать между собой:

— Если мы не спровадим этого парня, то все останемся голодными!

Собрали они две сотни курушей и стали искать колдунью, которая смогла бы юношу заколдовать.

Проведав об одной знаменитой старухе колдунье, они пошли к ней, отдали собранные деньги и рассказали, что из-за игры и пения Асюмана в кофейне Аффонджу-баба они теряют свои доходы. При этом они умоляли колдунью сжить со свету певца.

Старая ведьма обещала что-нибудь придумать и стала ожидать благоприятного случая, подкарауливая Асюмана возле кофейни.

Как-то раз, затосковав, Асюман подумал: «Пойду-ка я поброжу по саду. Может быть, немного рассеюсь».

Он вышел из кофейни, и старуха, которая уже несколько дней поджидала его, тут же подошла к нему.

— Дитя мое, Асюман, — обратилась она к юноше, — куда ты идешь?

— Иду в сад, — ответил Асюман, — хочу немного отдохнуть.

— Вот оно что! — воскликнула старуха. — Но самый прекрасный в стране сад — это мой! Давай я отведу тебя туда!

Не догадываясь, в чем дело, Асюман пошел со старухой в сад. А там был колодец, в котором ведьма сгубила уже сотни людей. Над колодцем росли прекрасные гвоздики, и его трудно было заметить.

— Взгляни, сынок, — сказала старуха, — какие красивые гвоздики! Пойди-ка и сорви несколько штук!

Асюман подошел к цветам и неожиданно упал в колодец.

Смотрит — на дне колодца полно человеческих костей и черепов, по которым ползают скорпионы, тарантулы и змеи. Тут только он понял, в какую беду попал. Стал Асюман думать, как бы выбраться из колодца. И пришел ему на ум старый дервиш, который всегда являлся к нему на помощь.

«Попробую попросу его», — подумал юноша и, усевшись в уголке, стал призывать старца такими стихами:

Мне, как Юсуфу, суждена темница ²⁴,
Вся жизнь моя в рыданьях-стонах длится,
Мне в муках с малых лет дано томиться.
О, смилуйся, дервиш, подай мне помощь!

Взгляни, какое зло со мной случилось:
В молодые годы мне дана немилость,
В отраву моя пища превратилась.
О, смилуйся, дервиш, подай мне помощь!

От мук любви душа горит багряно,
От страсти сердце ноет, словно рана,
Гноят на дне колодца Асюмана.
О, смилуйся, дервиш, подай мне помощь!

В чем грех мой и моя вина — не знаю,
За что мне мука суждена — не знаю,
За что вражду испил до дна — не знаю.
О, смилуйся, дервиш, подай мне помощь!

Меня наставил в добрый час не ты ли?
От смерти избавлял не раз не ты ли?
От тягот и печалей спас не ты ли?
О, смилуйся, дервиш, подай мне помощь!

Когда Асюман плакал и зывал к дервишу, у колодца послышался голос. Он сразу узнал этот голос и понял, что почтенный старец, которого он призывал на помощь, уже здесь.

— О Асюман, — молвил голос, — почему ты так стенаешь? Не думаешь ли ты, что судьба ашыков легка? Что же ты испытал, что так жалуешься? Человек достигнет желаемого только терпением, а иначе он недостоин зваться ашыком.

Однако старый дервиш и на сей раз спас Асюмана от беды, в которую тот попал. Подав юноше руку, он вытащил его из колодца.

Старая колдунья, увидев, что дервиш пришел и освободил Асюмана, поняла, что он сильнее ее, и хотела сбежать, но старец не дал ей опомниться, поймал за ноги и разорвал на две части. Ведьма околела, и старец бросил ее в колодец. Так страна была спасена от злой колдуньи. А старец и Асюман пришли в кофейню Афйонджу-баба.

Асюман так стонал, что зеркало небес потемнело.

— Сын мой, ашык Асюман! Почему ты так стонешь? — спросил сидевший рядом с ним старец.

— Ах, отец мой, — ответил юноша, — мне вспомнилась моя возлюбленная, в сердце запылал огонь, и его черный дым вышел из уст моих.

— Не печалься, сынок, — сказал старец, — я принесу тебе весточку от любимой.

И он исчез.

А в этот день в Эрзинджане Зейджан вместе с рабынями прогуливалась по саду. Увидев, что какой-то старый дервиш срывает розы, она сказала:

— Счастливого предзнаменование, когда дервиш из чужой

страны появляется в твоём саду. Принесите мне саз. Я спою ему и спрошу, как он очутился в саду, как сюда попал.

Взяв в руки саз, который принесли ей рабыни, она запела:

О, не томи меня, дервиш,
Увы, любимый — не со мной,
Но день придет, и ты узришь,
Как розы расцветут весной!

Дервиш ответил:

Красавица! О, не гневись,
Увижу розы я твои!
А розы цветом налились —
Глядишь, летят и соловьи!

Девушка в ответ на это пропела:

Дервиш, уйми мою беду —
Пришли того, кого я жду.
Пойди сорви гранат в саду, —
О, был бы милый мой со мной!

Дервиш ответил ей:

Весь дольний мир — моя дорога,
Сокрытых тайн я знаю много,
Влюбленным я во всем подмога.
Пши туда, где милый твой!

Зейджап отвечала:

С отцом родным разлучил
Меня безумной страсти пыл.
Познать чужбину мне судил
Моей любви убогий рок.

Дервиш в ответ:

Меж всех дервишей старший я,
Найду я, где любовь твоя.
Молись творцу, мечту тая,
Пошли свой дар — любви залог!

Девушка спела:

Найди — умру твоей рабой,
Я гибну — где любимый мой?
Зачем осталась я живой?
В разлуке жребий мой жесток!

Дервиш ответил:

Иду туда я, где твой друг,
Пройду я горы всех округ,
Тебя избавлю я от мук —
И будет милый твой с тобой!

Слова дервиша вернули Зейджан жизнь. Обрадованная, она вынула из-за пазухи платок, который подарил ей Асюман, отправляясь в путешествие, положила в платок розы, сорванные ею, и отдала все дервишу.

Дервиш, который был не кто иной, как святой Хызр, закрыл глаза, а когда открыл их, был уже в Басре. Он отдал подарок девушки Асюману, который все еще сидел в кофейне Афьонджу-баба.

Асюман, увидев входящего в кофейню дервиша, стал было печалиться: ведь дервиш обещал ему отправиться в Эрзинджан и принести весть о любимой, а сам все еще разгуливает тут.

— Ах, дервиш-баба! — воскликнул юноша. — Подобаает ли тебе так обманывать человека, сгорающего от любви?

— Да откуда ты знаешь, что я обманул тебя?

— Так ведь еще вчера ты обещал мне побывать в Эрзинджане, а сам все еще здесь!

Дервиш улыбнулся:

— Я уходил и уже пришел, сынок. И вот тебе весть от Зейджан...

С этими словами старик вынул платок, в который были завернуты розы, и отдал их Асюману. Асюман вначале не поверил, но, узнав платок, который он подарил Зейджан, бросился целовать руки и ноги старика.

— Ах, дервиш-баба, — говорил он, — я твой вечный раб. Я так хочу увидеть свою возлюбленную, что нет мне покоя ни днем ни ночью. Огонь пожирает мое сердце, сон бежит от меня. Ноги твои буду целовать — отнеси меня к ней.

— Сын мой Асюман, — ответил дервиш, — Зейджан тоже очень тебя ждет. Она умоляла меня: «Приведи его ко мне!» — и я обещал исполнить ее просьбу. Вставай, пойдем вместе.

Асюман обрадовался так, словно ему подарили весь мир. Он тотчас вскочил, и оба они вышли из кофейни.

Дервиш взял его за руку:

— Закрой глаза, сынок! — И немного погодя: — А теперь открой!

Асюман увидел себя на той самой окраине Эрзинджана, которую он так хорошо знал. Радости его не было границ.

— Сынок, — сказал дервиш, — твой отец так плакал о тебе, что ослеп²⁵. Возьми горсть земли, на которую ступила моя правая нога, потри этой землей его глаза, и ему сразу станет лучше — он прозреет и увидит тебя.

Весть о слепоте отца очень опечалила Асюмана. Как и ве-

лел старик, он взял целую пригоршню земли из-под правой ноги дервиша и положил ее в платок. Затем оба они вошли в город и направились прямо в дом, где жил отец Асюмана Дервиш Ахмед.

Здесь на окраине города, в квартале, где жила беднота, стоял маленький старый дом. Слепнув и впав в нищету, Дервиш Ахмед продал свой прежний дом и жил в этой маленькой лачуге.

Они постучали в дверь. Мать Асюмана открыла дверь, но не узнала сына и спросила, что им надо. Однако Асюман узнал ее и, бросившись к ней, поцеловал ее руку.

— Матушка! — воскликнул он. — Я твой сын Асюман.

Женщина вскрикнула и потеряла сознание. Придя в себя, она провела сына и дервиша в комнату, где находился ее муж.

— Господин мой, — сказала она, — гляди, пришел наш сын Асюман.

Старый Дервиш Ахмед, услышав имя сына, поднял голову, но ничего не смог увидеть. Протянув руки, он воскликнул:

— Подойди, дитя мое, приходи в мои объятия, я хоть потрогаю и расцелую тебя!

Асюман бросился к отцу на грудь и стал целовать его.

— О боже! — воскликнул старик. — Благодарю тебя, что хоть перед смертью я вновь обрел сына! Какое горе, что глаза мои не видят! Мир для меня кажется темницей, и я не могу увидеть лица своего сына.

Тут старик заплакал...

А Асюман вынул из-за пазухи платок и лишь только коснулся землей глаз отца, как Дервиш Ахмед увидел свет.

Радости старика не было предела. Глаза его видели так же ясно, как и в молодости. Он наглядеться не мог на сына.

Асюман теперь уже не был тем юношей, который три года тому назад ушел из дому. Это был молодец, подобный льву. И отец не мог нарадоваться на него. Мать же уселась в уголке и проливала счастливые слезы.

Тогда дервиш-баба сказал Асюману:

— Ну, сынок, теперь пойдем. Здесь мы выполнили свой долг. Нас ожидают другие дела!

Асюман пообещал родителям, что отныне будет с ними и не уйдет на чужбину, поцеловал им руки и собрался уходить. Так как отец его несколько лет ничего не видел, то он не выходил на улицу. А теперь он вышел за порог, чтобы проводить сына, и на улице попрощался с Асюманом.

Соседи, звавшие, что Дервиш Ахмед совсем ничего не видит, остолбенели, увидев его на улице, и зашли к нему, чтобы поздравить с чудесным исцелением. Тут они узнали, что Асюман вернулся, и все были очень довольны.

А дервиш-баба и Асюман направились прямо в кофейню.

В той кофейне находился какой-то ашык. Звали его Эрбаби. Он увидел саз в руках у юноши, пришедшего со стариком, понял, что тот тоже ашык, и после приветствия взял в руки свой саз, решив встретить гостей песней:

Приветствуешь ты нас — да будь храним,
Спой нам, ашуг, здесь знают цену слова.
Склоняюсь я пред спутником твоим,
Внемли мой друг: здесь знают цену слова!

Асюман взял саз и ответил:

Приветствую я вас — да будет чтим
Сей добрый кров, где знают цену слова!
Я — раб, ведомый спутником моим,
Я петь готов, где знают цену слова!

Ашык Эрбаби ответил:

Спой нам, певец, как должно петь ашугам,
Советы Эрбаби — к твоим услугам.
Ты в круг ашугов будешь принят другом,
Ждем твоих слов — здесь знают цену слова!

Ашык Асюман так ответил:

Наставник мой дал мне испить вина —
Четыре книги я прочел сполна.
Жемчужным блеском речь моя славна,
Я петь готов — здесь знают цену слова!

На эти слова Асюмана Эрбаби не смог дать ответа и признал себя побежденным. А среди присутствующих был один из людей Калели-бея. Он пошел к нему и рассказал:

— Господин мой, пришел один молодой поэт и в один миг победил Эрбаби, которого многие годы никто не мог превзойти.

Калели-бей очень интересовался поэтами и ашыками. Он тотчас же послал слугу пригласить этого ашыка. Тот пришел Асюмана в кофейне и сказал ему:

— Пойдем-ка, ашык! Тебя требует повелитель.

Асюман взглянул на дервиша: что, мол, делать?

Старец сказал:

— Что ж, сын мой, раз тебя требует повелитель, не надо упрямиться, иди.

Асюман со слугою Калели-бей направился из кофейни прямо во дворец.

Калели-бей не узнал Асюмана. После того как все уселись, повелитель сказал:

— Тебя очень расхваливали мне. Ты победил Эрбаби. Вот я и приказал тебя позвать. Сыграй что-нибудь, а мы слушаем. Асюман взял в руки саз и запел:

О, как душе безумца упасть,
Ведь руки милой крѣты красной хною²⁶,
На белой шее косы расплелись,
Ей любо быть жестокою со мною!

Привычно горемыку мучить ей,
Ручьями слезы льются из очей.
Боль сердца — что ни день — все горячей,
Сверкнул кинжал смертельной белизною.

Лик ангела явился мне на миг,
Изгиб бровей передо мной возник,
Румянцем роз предстал мне дивный лик,
Но все, увь, промчалось стороною!

Он умолк, так и не назвав своего имени и имени своей возлюбленной²⁷. Ему хотелось, чтобы Калели-бей не узнал его. Повелитель же и в самом деле не мог его узнать. Однако сидевшая за занавесом Зейджан сразу поняла, что это играл Асюман.

Закончив играть, Асюман с разрешения Калели-бей вышел из комнаты. В это время Зейджан, пройдя через другой ход, появилась перед Асюманом.

— О Асюман,— сказала она торопливо,— наше дело разрешит только повелитель Эрзурума. Тотчас же, не мешкая, поезжай, проси его, умоляй!

Асюман из дворца пришел в кофейню и там нашел дервиша-баба. Он рассказал, что произошло во дворце и что успела сказать ему девушка.

— Ну что же, отправимся в Эрзурум! — сказал дервиш-баба.

Они вышли из кофейни, и, как прежде, дервиш взял Асюмана за руку, приказал закрыть глаза и доставил его в Эрзурум.

Там Асюман написал на листе бумаги от начала и до конца обо всем, что с ним произошло, и отправился во дворец, чтобы вручить прошение повелителю.

Привратники не хотели его пускать, но он, прикинувшись сумасшедшим, раскидал всю стражу и силою ворвался во дворец.

Повелитель услышал шум, заинтересовался, в чем дело, и вышел из своих покоев. Асюман пал к его ногам:

— Помилуй, султан! Помощи у тебя прошу! — воскликнул он и заплакал.

Повелитель провел его в свои покои и спросил:

— Ну что же, говори, чего ты от меня хочешь? Кто тебя обидел?

Тогда Асюман взял в руки саз и запел:

Склониться пред тобою я пришел,
Весь мир храним державою твоею
О милости с мольбою я пришел,
Премудрость стала славою твоею!

Мне сердце испытанья страсти жгут,
Ждать в этом мире правды — гнетный труд,
Не медли, соверши свой правый суд,
Ты славен властью правою твоею!

С молитвой я пришел на твой порог,
Я — Асюман, себя я мукой съел.
Ты справедлив, величаем ты высок,
Будь милостив управою твоею!

Да будут твои очи не строги,
Пойми, как зло гнетут меня враги!
О, выслушай, помилуй, помоги
Десницей величавою твоею!

Кончив петь, он опустил голову и ждал, что скажет ему повелитель.

Повелитель внимательно прочел бумагу, поданную ему Асюманом, и на его глаза набежали слезы. Он понял, что должен помочь этому ашыку соединиться с его любимой.

— Сын мой, — сказал повелитель, — не тревожься. Я знаю средство, как помочь твоему горю.

Хлопнув в ладоши, он позвал своих людей.

— Быстро позовите сюда военачальника Демира! — приказал повелитель.

Через пять минут отважный военачальник явился.

— Демир, — сказал повелитель, — возьми с собою сто всадников, отправляйся с этим молодцем в Эрзинджан, отруби там голову Калели-бею, а дочь его Зейджан отдай ашыку.

— Приказ господина — закон! — сказал почтительно военачальник и вышел.

Асюмана тотчас же посадили на коня, и все поскакали в Эрзинджан. Через несколько дней они прибыли туда.

Военачальник был и храбрый и умный человек. Он понимал, что для выполнения приказа повелителя — отрубить голову Калели-бею — нужен предлог. Да он и не хотел позорить Асюмана перед народом. Повстречав на окраине города какого-то крестьянина, он подозвал его к себе.

— Сейчас я посажу тебя на коня, — сказал военачальник, — и отвезу к Калели-бею. Что бы я там ни говорил, не смущайся, кивай головой и поддакивай.

Крестьянина доставили во дворец.

Калели-бей встретил знаменитого Демира и его воинов во дворе, приветствовал их, пригласил в свои покои и военачальника и крестьянина. Он приказал хорошо разместить воинов, чтобы они смогли отдохнуть.

Военачальник и крестьянин расположились в парадном покое. Вскоре Калели-бей вошел к ним и спросил, зачем они пожаловали.

— Разошли по всем провинциям гонцов к правителям, чтобы призвать их сюда, — сказал Демир. — У меня тяжба с этим бедняком, и я хочу, чтобы все они присутствовали здесь.

Калели-бей разослал по всем округам людей и приказал позвать всех окрестных правителей. Все съехались и собрались во дворце.

Тогда военачальник стал говорить:

— Когда-то этот бедняк и я служили при одном дворе. Дела его шли хорошо. Мы жили словно братья. У нас не было детей, и мы молились богу и поклялись, что если у одного из нас будет сын, а у другого дочь, то мы поженем их. И всевышний услышал нас. У меня родилась дочь, а у него — сын. Вскоре мы расстались. Дела его со временем стали плохи и наконец, как вы теперь видите, он стал простым земледельцем. Я же богат и пользуюсь влиянием при дворе. А он теперь приходит и говорит: «Сдержи клятву, отдай свою дочь за моего сына». Так ли я говорю, земляк?

— Да, так, — подтвердил бедняк.

Калели-бей подумал, что этот рассказ очень уж похож на его историю с кяхьей, и стал внимательно слушать.

Демир продолжал:

— Как же я могу отдать теперь свою дочь за сына бедняка? Я знаменитый Демир, а он какой-то жалкий хлебопашец!

— Нужно отдать,— сказал Калели-бей,— ты непременно должен отдать ее ему.

— Да как же я могу отдать? И почему я должен сделать это? — воскликнул Демир.

— Ты дал слово,— сказал Калели-бей,— и ты должен исполнить клятву — это воля Аллаха.

Едва повелитель сказал это, как Демир вскочил и закричал:

— Если ты считаешь, что это — воля Аллаха, то почему же сам не отдал свою дочь за сына Дервиша Ахмеда?

Калели-бей был посрамлен перед всеми и умолк.

Военачальник приказал схватить Калели-бея и посадить его в темницу. Он уже хотел, как и приказал повелитель Эрзурума, отрубить Калели-бею голову, но Асюман стал умолять пощадить его. Тогда Демир позвал самого главного имама и приказал ему обручить Асюмана и Зейджан.

Калели-бей, который был готов уже умереть, понял всю доброту сердца Асюмана и стал готовить пышную свадьбу.

Семь дней и семь ночей продолжалось торжество. В нем принял участие весь народ.

В ночь на пятницу²³ молодые вошли в комнату для новобрачных.

Асюман и Зейджан, взявшись за руки, сели на тахте. Они были вознаграждены за свои долгие сгрядания.

На следующее утро Демир с воинами вернулся в Эрзурум и все рассказал своему повелителю. Тот обрадовался, что дело обошлось без кровопролития, похвалил Демира и пожаловал ему ценные подарки.

Через некоторое время Калели-бей скончался. Асюман сообщил об этом повелителю Эрзурума, и тот назначил Асюмана на место его тестя.

Так Асюман стал правителем Эрзинджана. Он взял во дворец и своих родителей, отвел им покои, и до конца дней своих жили они в довольстве.

Однажды Асюман решил поехать в Эрзурум, чтобы поблагодарить повелителя за его доброту. Когда Зейджан узнала об этом, она тоже собралась с ним, чтобы повидать повелителя Эрзурума и поблагодарить его.

Асюман оставил правление на отца, опытного в этих делах, и вместе с Зейджан отправился в путь, взяв с собой ценные подарки: для повелителя Эрзурума — два арабских коня, саблю

с золотой рукояткой, караван верблюдов, парчовую ткань на двадцать пять кафтанов, пять персидских ковров; для госпожи — дамасской ткани на двадцать пять платьев, алмазный перстень; для дочерей — алмазные серьги, алмазные ожерелья, перстни.

Демиру также преподнесли чистокровного арабского коня и саблю.

Повелитель Эрзурума выслал им навстречу людей, а сам вышел к воротам. Увидев его, Асюман соскочил с коня, подбежал к нему, поцеловал ему руку и полу его одежды.

Зейджан вышла из паланкина и проделала то же самое вслед за Асюманом.

И подобно тому как повелитель полюбил Асюмана, жена его и дочери полюбили Зейджан.

Асюман пробыл в гостях две недели. Только на пятнадцатый день они отправились в обратный путь и через несколько дней прибыли в Эрзинджан.

Асюман стал заниматься делами своих подданных и благодествовал.

Однажды, примерно через год после свадьбы, жена сказала ему, что она уже на пути к желанной радости. Асюман возликовал. А через девять месяцев и десять дней родился светлотный мальчик.

Так они достигли желаемого.

Арзу и Калибер

Рассказывают, что триста лет назад в Хорасане жил богатый купец по имени Бехрам. Он делал людям много добра, всегда помогал бедным. У Бехрама было два сына. Старший работал вместе с отцом в лавке, а младший еще ходил в школу.

Однажды Бехрам решил совершить хадж. Он позвал старшего сына, передал ему ключи от лавки и велел хорошенько присматривать за домом. А сам, закончив все приготовления, взял с собой младшего сына, несколько слуг и с небольшим караваном отправился в путь.

Караван шел уже несколько дней, и, когда достиг пустыни, перед путниками вдруг появился тощий оборванный человек с безобразным лицом. В руке у него был меч. Он остановил караван и спросил у Бехрама, кто они, откуда и куда направляются. Купец ответил:

— Мы из Хорасана, идем в Мекку.

— Ну-ка отдавайте мне все вещи, легкие по весу, дорогие по цене, какие у вас есть при себе, — деньги, часы, кольца, — сказал злодей.

Бехрам заспорил с ним и велел своим слугам прогнать разбойника, но тот свистнул, и тут же появились еще двадцать пять вооруженных разбойников. Этот уродливый человек был, оказывается, их предводителем. Он велел им убить путников.

Вооруженные разбойники набросились на караван и за несколько минут перебили всех. Затем они обобрали убитых и, забрав все вещи, исчезли.

Когда сумерки, словно прохладное покрывало, опустились на пустыню, один из лежавших на земле зашевелился, открыл глаза и огляделся, пытаясь прийти в себя. Это был старый слуга, много лет служивший у Бехрама. Он медленно приподнялся и с ужасом посмотрел на трупы, лежавшие вокруг. Слуга вспомнил все. Когда разбойники напали на караван, он был ранен в руку и упал без сознания.

Старый слуга встал и начал осматривать убитых. Среди них он увидел и маленького сына Бехрама, подбежал к нему, пощупал пульс. Мальчик был только ранен. Старик осторожно взял его на руки. Ребенок открыл глаза и первое, что спросил, было: «Где отец?» Бедный старик ничего не ответил и отнес его к находившемуся поблизости источнику. Там он обмыл раны — и ребенка и свои собственные. Ночь они провели около родника.

На следующее утро старик взял мальчика на руки и, с трудом волоча ноги, пустился в путь. Через некоторое время ребенок стал плакать и просить есть. Он все время спрашивал об отце. И тут вдруг перед ними появился всадник и спросил:

— Что с вами? Почему ваша рубашка в крови? Кто этот мальчик?

Старый слуга рассказал, что с ними произошло, и добавил:

— Ребенок даже не понимает, что случилось. Проголодался, просит хлеба и плачет.

Всадник тотчас спрыгнул с коня и вытащил из сумки сверток.

— У меня есть немного еды. Возьмите поесть.

С этими словами он дал им кусок сыра и хлеба. Старик и мальчик с жадностью набросились на еду. Всадник сказал:

— Поезжайте-ка вы верхом, а я пойду пешком. Наше селение здесь недалеко. Там вы отдохнете и потом вернетесь на родину.

Он посадил их на коня, и они направились к селению.

Всадник был одним из именитых людей того селения — субаши. Они поговорили со стариком о том о сем, потом старик спросил:

— А не усыновит ли здесь кто-нибудь мальчика?

— Разве ты не отвезешь его на родину?

— Вы же видите, в каком я состоянии. Я стар, к тому же ранен. Думаю поселиться здесь, стать поденщиком, пасти скот.

А мальчик... Если кто-нибудь в селе усыновит его, то сделает из него человека, да и у самого будет сын.

Субаши подумал и сказал:

— У меня есть дочь, а сына нет. Если хочешь, я усыновлю мальчика.

— Бери его, пусть будет твоим. Да будет милостив к тебе Аллах!

Субаши очень обрадовался и тотчас же послал мальчика к жене. Он дал ему имя Камбер. Субаши и его жена стали воспитывать мальчика вместе со своей дочерью, того же возраста, что и он.

Однажды в гости к субаши приехал его старший брат, который жил в другом селении. Субаши его очень гостеприимно встретил. После обеда оба брата уединились и стали беседовать. Потом субаши вернулся к жене и сказал:

— Жена! Мой брат хочет обручить со своим сыном нашу дочь Арзу. Я очень этому рад. Давай теперь же и обручим Арзу.

Братья тотчас же обручили своих детей.

Арзу и Камберу исполнилось по тринадцать лет. С каждым днем Камбер становился все умнее и красивее и привлекал к себе всеобщее внимание. Арзу в тринадцать лет стала красивой девушкой, и в ней пробудилось чувство к Камберу. Арзу бросала нежные взгляды на Камбера, но он считал ее сестрой и ничего не подозревал. С каждым днем любовь Арзу становилась сильнее, но не встречала ответного чувства у Камбера. Это мешало Арзу учиться, что не ускользнуло от внимания учителя. Однажды после уроков он отвел ее в сторону и спросил:

— Дочь моя, ты и красива и умна. До сих пор ты всегда была первой ученицей в классе. А сейчас все переменялось. Что случилось? Что с тобой? Я твой учитель. Если ты расскажешь мне о своем горе, ему можно будет помочь.

Арзу тяжело вздохнула. Потом решительно ответила:

— Я люблю Камбера. Мои глаза, кроме него, ничего не видят. Но он меня не любит.

— Вы брат и сестра, Арзу. Разве можно влюбиться в брата?

— Нет, учитель. Он мне не брат. У нас совсем разные родители.

Этот ответ очень удивил учителя. Он задумался. И решил дать Арзу совет отказаться от этой любви, если возможно. В противном же случае он намеревался как-нибудь привлечь внимание юноши к Арзу. А чтобы определить, любит ли Камбер девушку, он посоветовал ей:

— Арзу, дочь моя, сначала надо узнать, совершенно равнодушен к тебе Камбер или нет. Я нашел способ сделать это. Сейчас я спрошу у него урок, а ты в это время шепни ему что-нибудь. Посмотрим, что выйдет из этого, и тогда уж решим, как тебе следует вести себя с ним.

Арзу согласилась. Когда учитель, слушая ответ Камбера, стал исправлять его ошибку, Арзу шепнула: «О дорогой мой». Услышав это, Камбер покраснел от гнева, губы его задрожали, и он воскликнул:

— Отойди от меня!

Учитель понял, что Камбер не любит Арзу. После урока он позвал Арзу и сказал:

— Я увидел собственными глазами, что Камбер не любит тебя. Надо заставить его полюбить тебя. Прежде всего нужно, чтобы Камбер узнал, что вы не брат и сестра. А теперь занимайся уроками. Мы найдем удобный случай и что-нибудь предпримем.

Девушка поблагодарила учителя и занялась уроками.

А в это время в класс вошла одна старуха, которая жила в их квартале, очень болтливая женщина. У нее было какое-то дело к учителю. Покончив с ним, она указала на Арзу и сказала:

— Ходжа-эфенди, дорогой, я хочу спросить тебя вот о чем. Я иногда вижу вместе с Арзу, дочерью нашего субаши, красивого и пригожего юношу. Кем приходится Арзу этот малый?

— Братом. Это сын субаши.

Женщина страшно удивилась:

— Что за вранье! Я знаю субаши с тех пор, когда он был ребенком. Помню и как он женился. У него никогда не было детей, кроме Арзу.

Учитель улыбнулся, а затем начал нарочито громко рассказывать, как усыновили Камбера. Камбер насторожился, стал внимательно слушать и смутно припомнил о нападении разбойников.

Арзу сказала Камберу:

— Слушай... Учитель говорит, что мы не брат и сестра. Теперь, когда ты узнал обо всем, ты видишь, что нет препятствий для того, чтобы мы любили друг друга и поженились.

Камбер задумался. Он решил сам разузнать обо всем, чтобы не оставалось никаких сомнений.

— Подожди,— ответил Камбер Арзу,— мне и самому надо кое-что узнать.

Камбер долго думал и решил наконец узнать правду у матери Арзу, которую считал и своей матерью.

Однажды, когда мать послала Арзу принести воды и Камбер остался вдвоем с матерью, он спросил:

— Так, значит, правда то, о чем все говорят?

— О чем же все говорят?

Камбер рассказал, что слышал от учителя.

Женщина ничего не ответила. По ее молчанию Камбер понял, что учитель сказал правду. Он выскочил на улицу и побежал к источнику.

Арзу набрала воды и шла домой. Она догадалась, что Камбер идет к ней. Девушка сняла браслет, побежала к источнику и положила его там на камень. Потом взяла кувшин и пошла обратно.

Встретившись с Камбером, Арзу не дала ему и слова сказать:

— Откуда у тебя на лице сажа? Беги к источнику и умойся, а то все будут над тобой смеяться.

Юноша с удивлением провел рукой по лицу, побежал к источнику и умылся. Вытираясь платком, Камбер заметил на камне браслет.

— Вот сумасшедшая! Она же забыла здесь свой браслет!

Он взял браслет и в тот же миг почувствовал какую-то теплоту в сердце. Перед его взором возник образ Арзу. Камбер понял, что всем сердцем любит девушку.

Догнав Арзу, он воскликнул:

— О Арзу, как ты красива!

Девушка взглянула на него и ответила:

— А ты, Камбер, знаешь ли, как ты сам красив! Давай пойдем в цветник и погуляем там.

Камбер взял кувшин у девушки, и они вместе пошли в цветник. Может быть, Камбер полюбил Арзу потому, что учитель заколдовал браслет? Молодые люди некоторое время гуляли, потом уселись на лужайке. Камбер не мог наглядеться на Арзу. Наконец юноша взял руки девушки, нежные, как голубки, в свои и стал ласкать их, восторженно глядя ей в лицо.

Камбер:

Черны очи Арзу, томен темный взгляд,
Глянет — душу пронзит, в сердце — словно ад.
Кто влюблен, тот влачит бремя горьких мук:
От стенаний его крижи гор дрожат!

Арзу:

Я таила любовь, было мне невмочь,
Ты ж страданиям моим не хотел помочь.
А теперь и тебя пыл любви томит —
В муках страсти гореть будешь день и ночь!

Камбер:

Твоим чарам, Арзу, в мире равных нет,
Алый цвет твоих щек — словно сам рассвет.
Нет и сил уж терпеть, — о, приблизь уста,
Да потушит мой жар твоих уст шербет!

Арзу:

Я — твоя, о Камбер, ты — навеки мой.
Стал ты плотью моей, стал моей душой.
О, не плачь, не рыдай — не терзай меня,
Пусть ликует весь мир: мы — вдвоем с тобой!

Влюбленные весь день провели в цветнике и только к вечеру вернулись домой. Матери они ничего не сказали.

Арзу и Камбер страстно любили друг друга, но неожиданно нагрянула беда и разрушила их счастье. Субаши внезапно умер. Арзу очень тосковала об отце и уже не была прежней Арзу. Она перестала обращать внимание на Камбера. На его любовь она отвечала холодностью. Юноша опечалился. К тому же и приемная мать переменила к нему свое отношение. Камбер понял, что больше ему дома оставаться нельзя. Он взял саз и ушел.

Много месяцев Камбер бродил по горам, сгорая от любви. Тоскуя по Арзу, он брал в руки саз и то цел страстные стихи, то, изнемогая от слез, пытался погасить огонь в груди звуками саза. Через некоторое время Камбер превратился в заросшего волосами оборванного бродягу.

Шло время, и Арзу стала тосковать по Камберу. Она раскаялась в том, что сделала, и отправилась на поиски своего возлюбленного. До самого вечера бродила она по горам и наконец нашла Камбера спящим около какого-то камня. Жаркими поцелуями Арзу разбудила его. Камбер раскрыл глаза и очень удивился, увидев Арзу. Возблагодарив Аллаха, он обнял девушку.

Арзу сказала:

— Дорогой Камбер, что с тобой стало? Возвращайся домой. Он ответил:

— Куда же я пойду в таком виде?

Уже смеркалось. Арзу взяла с Камбера слово, что он вернется, и пошла домой.

Камбер еще несколько дней провел в горах. Он всей душой хотел вернуться, увидеть Арзу, но не осмеливался сделать это из-за своего жалкого вида. Да и идти ему было некуда. И тут произошло чудесное событие.

У Камбера был школьный товарищ по имени Ахмед, которого он очень любил. Отец Ахмеда был купцом. Ахмед часто путешествовал с его караваном, помогая отцу. Когда Камбер, обидевшись на Арзу и ее мать, ушел в горы, Ахмед был в пути. Вернувшись в город, Ахмед стал искать Камбера и не нашел. Узнав, что тот ушел в горы, он сразу же отправился на поиски товарища. И вот, когда Камбер, размышляя, куда ему идти и у кого остановиться, бродил по горам, он вдруг увидел Ахмеда.

Ахмед бросился на шею Камберу:

— Камбер! Что с тобой? Ты прямо-таки на человека не похож. Пойдем со мной.

Заросший волосами юноша растерялся. Ахмед продолжал:

— Пошли, брат!

— Куда?

— В селение. Остановишься у нас. Разве пристало тебе вот так бродить по горам?

Камбер, смущаясь, признался:

— Я сам виноват, Ахмед... Все это из-за любви.

— Не беда! Делу можно помочь. Откуда беда, оттуда и счастье. Пошли!

— Сейчас не могу, Ахмед... Подождем темноты. Я не хочу показываться в таком виде.

— Хорошо. Подождем.

Когда стемнело, они незаметно пришли в селение — прямо к дому Ахмеда. Молодой человек сразу же принес Камберу чистое белье и одежду. Он заставил его побриться, потом согрел воды. Впервые за много месяцев Камбер как следует вымылся. Ему сразу же стало легче. Он снова стал похож на человека. Ахмед очень радовался доброму делу, которое сделал. Они сели за стол и за приятной беседой забыли о своих невзгодах, стали вспоминать старую дружбу, счастливые былые дни. За обедом Ахмед пообещал Камберу:

— Завтра я устрою тебе встречу с Арзу.

Радости Камбера не было границ.

На следующее утро они встали рано, совершили намаз. Потом пошли к источнику, где деревенские девушки брали воду. Здесь они должны были увидеть Арзу. Камбер завязал лицо так, чтобы его никто не узнал.

Они ждали несколько часов. Наконец показалась Арзу. Она шла с двумя кувшинами к источнику. Лицо ее было бледным, она похудела. Ахмед сразу же подошел к ней и тихонько сказал:

— Камбер здесь. Хочешь с ним встретиться?

Арзу огляделась вокруг и ответила:

— Камбер здесь... Ты что, смеешься надо мной? Уже сколько времени, как он ушел отсюда и скитается в горах. Если ты хочешь увидеть Камбера, пойдем вместе в горы и разыщем его. Но зачем? Мы снова разбередим его раны и причиним ему страдания. Разве ты этого хочешь?

При этом из прекрасных глаз Арзу хлынули слезы печали.

Тут Камбер не выдержал, повернулся к Арзу и сказал:

Арзу рыдает, плачу я,
Стенаю, скорбь в душе тая.
Брожу я средь безмолвных гор,
Но громко стонет боль моя!

Арзу узнала Камбера по голосу. Сообразив, что никто вокруг не услышит ее, она тихо, прерывающимся голосом прошептала:

Ступай и жди меня в саду,
А я приду — тебя найду.
Аллах к влюбленным милосерд —
Воздай хвалу его суду!

Камбер очень обрадовался этим словам. Вместе с Ахмедом он пошел в цветник. Через пять минут туда пришла и Арзу. Ахмед оставил их вдвоем. Юные влюбленные бросились друг другу в объятия, обливаясь слезами. Наконец Арзу, глядя в прекрасное, бледное лицо Камбера, глубоко вздохнула и пропела:

О, если б ты виновен был,
Меня не жег бы страсти пыл!
Я знаю: ты не виноват,
Безвинно муки ты сноси!

Камбер ответил:

Готов я жертвой пасть под меч,
Готов я кровью ран истечь:
Мужчине мука по плечу,
Тебя б от мук мне уберечь!

Несколько часов молодые люди были вместе, они беседовали, изливали друг другу свои печали. Потом Арзу сказала, что ей надо возвращаться домой, чтобы избежать расспросов

матери. Расставаясь, они снова и снова целовали друг друга, обливаясь слезами. Аруз вернулась домой, а Камбер — к Ахмеду. Несколько дней Камбер отдыхал. Потом он снова пошел в горы прогуляться, но вечером в дом Ахмеда не вернулся. На следующий день Ахмед пошел его искать, не нашел и, опечаленный, вернулся домой.

Прошло три дня. В деревню приехал бей по имени Масум-паша со своими людьми. Он собирался провести там несколько дней и каждый день выезжать на охоту.

На следующее утро Масум-паша в сопровождении слуги-охотника отправился в степь. Продвигаясь в поисках дичи по зеленому лугу, они пришли к Татлы-Дере. Вдруг шедший впереди слуга остановился и крикнул своему господину:

— О боже! Здесь лежит тело какого-то юноши. Как красив был, бедняга!

Паша сошел с коня, подошел к телу. Это был Камбер. На голове бедного юноши зияла рана. Запекшаяся кровь еще более оттеняла мертвенную бледность его лица.

Паша сказал:

— Жаль его. Отнесем-ка мы его домой.

Тело юноши отнесли в дом Масум-паши, уложили на диван. И тут паше пришла мысль пощупать пульс Камбера. Он взял его руку и с удивлением обнаружил, что жизнь еще теплится в нем. Паша очень обрадовался и крикнул слуге:

— Этот юноша, оказывается, жив. Пульс есть. Принеси-ка воды. Мы вымоем ему лицо и руки. И он очнется.

Слуга принес воды. Рану Камбера обмыли и перевязали, потом стали растирать ему тело. Через некоторое время юноша открыл глаза, огляделся. Придя в себя, он спросил:

— Где я? Что со мной произошло?

Паша стал его утешать и успокаивать. Камбер окончательно пришел в себя и стал рассказывать, что с ним случилось:

— Я вышел погулять. Погруженный в мечты, рассеянно брел я по направлению к Татлы-Дере. Вдруг оступился, а передо мной была пропасть. Я не смог удержаться, скатился вниз, потерял сознание.

За Камбером ухаживали целую неделю, давали ему лекарства, лечили. Раны его зажили, к нему вернулись силы. Юноше стало много лучше. Когда он окреп, он рассказал о своей несчастной любви паше. Паша полюбил Камбера, как собственного сына, и очень жалел его.

Паша тайком сообщил обо всем Арзу и пригласил ее прийти повидаться с Камбером.

Арзу была очень огорчена тем, что случилось с Камбером, и непременно хотела увидеть его. Она старалась получить у матери разрешение под каким-нибудь предлогом выйти из дому. Наконец ей удалось найти удобный случай и прийти в дом паши к своему любимому.

Когда Арзу увидела перевязанную руку и бледное лицо юноши, сердце ее наполнилось жалостью. Она обняла Камбера и заплакала. Камбер был вне себя от радости, но захотел испытать свою возлюбленную и оттолкнул девушку. Арзу с удивлением спросила:

— Камбер, что это значит?

— Ничего... Лучше не иметь никакой возлюбленной, чем непостоянную.

Глаза Арзу наполнились слезами, и она обратилась к Масум-паше:

Умчаться б ветром в горы, вдаль,
В глуши оплакивать печаль!
О, дай мне нож, паша, поверь:
И руки мне отсечь не жаль!

Но Камбер горячо возразил:

О нет, молю, Арзу, не надо,
Поверь мне: ты — моя ограда!
Ужель не веришь ты Камберу —
Зачем в словах твоих досада?

Арзу, чтобы убедить Камбера в правдивости своих слов, пропела:

О нет, мое правдиво слово,
Я за тебя на все готова!
Оставь, любимый мой, обиды,
Чтоб не таить нам в сердце злого!

Но Камбер, повернувшись к Масум-паше, в ответ:

Нет, гнев в красавице клокочет —
Она расстаться с жизнью хочет!
Паша, не надо ей перечить,
И пусть она кинжал свой точит!

При этих словах Арзу пришла в страшное волнение. В глаза ей бросился кинжал, висевший на поясе паши. Одним движением она выхватила кинжал из ножен, тут же отрубила себе большой палец на левой руке и швырнула Камберу:

— Пусть он останется тебе на память!

Камбер горько зарыдал. Паша и его слуги отвели Арзу в соседнюю комнату и стали лечить ее рану. Один из слуг пошел за лекарством. По дороге он встретил мать Арзу и рассказал ей о случившемся. Как безумная женщина побежала к дому Масум-пашы, ворвалась в комнату, где был Камбер, и стала искать дочь. Увидев там только Камбера, она спросила:

— Где мое дитя?

Слуга сказал, что Арзу в соседней комнате. Женщина тотчас бросилась туда. Когда она увидела кровь, ей стало дурно. Ее привели в чувство. Мать стала бранить Арзу:

— Разве можно увечить себя из-за бродяги, которого мы вышвырнули из дома?

Арзу дерзко ответила ей:

— О матушка! Ты не должна так говорить о Камбере.

Эти слова заставили призадуматься опечаленную мать. Знает, ее дочь действительно без памяти влюбилась в Камбера. Она решила поправить дело:

— Ты так влюблена, что готова пальца лишиться из-за Камбера?

— Не только пальца... Я и жизнь готова отдать за него! Я не могу бросить здесь своего любимого. Я останусь с ним, пока он не поправится, буду ухаживать за ним.

— Дитя мое! Не следует оставаться здесь и беспокоить пашу. И твоего возлюбленного мы тут не оставим. Теперь же все вместе — ты, я и он — пойдем домой.

Это предложение очень обрадовало Арзу: еще накануне мать не хотела слышать даже имени Камбера, а теперь была готова отвести его домой... Арзу радостно сообщила Камберу о решении матери.

Та подтвердила слова дочери:

— Дети мои! Пойдемте домой.

Камбер, Арзу и ее мать вернулись домой. Мать Арзу задумала недоброе, но скрывала свои намерения. По возвращении домой она сказала:

— Теперь вы снова будете братом и сестрой, и вы должны любить друг друга только как брат и сестра.

Они сделали вид, что послушались ее, но продолжали любить друг друга тайком. Однако злая женщина скоро об этом узнала.

Однажды за обедом мать Арзу поставила блюдо с пловом так, что перед Камбером оказался край блюда с отметкой. Камбер это заметил.

Женщина сказала:

— Ну, дети мои, ешьте.

Камбер швырнул ложку на пол и закричал:

— Этот плов отравлен. Я его есть не буду.

— Вот сумасшедший! Как же это плов может быть отравленным?

— Тогда почему ты поставила блюдо так, что отетка на нем оказалась передо мной?

— Я этого не делала.

— Если так, возьми ложку плова с моей стороны и съешь.

Камбер взял ложку плова и протянул приемной матери.

Видя, что делать нечего, женщина стала просить прощения:

— Мальчик мой! Ты прав. Я виновата. Прости меня!

Молодые люди были очень огорчены тем, что сделала мать.

Камбер отвел Арзу в сторону и сказал:

— Ты же видишь сама: больше мне жить в этом доме нельзя. Сегодня твоя мать задумала меня отравить. Завтра она придумает еще что-нибудь. Самое лучшее для меня уйти в пустыню. Будем ждать и надеяться. Если всевышний предназначил тебя мне, мы рано или поздно будем вместе и наши желания сбудутся.

В тот же день он взял саз и отправился в пустыню. Арзу через день приходила к своему возлюбленному, приносила ему еду, белье.

Прошло три недели. Богатый бей из соседней деревни попросил Арзу в жены. Мать очень обрадовалась. Начали готовиться к свадьбе. Сначала Арзу никак не соглашалась. Но что делать! Пришлось подчиниться матери. За два дня до свадьбы Арзу пошла к Камберу сообщить, что через два дня будет свадьба. Узнав об этом, юноша лишился чувств. С большим трудом Арзу привела его в себя. Потом она поклялась:

— Мой возлюбленный Камбер! Не печалься! Мать выдает меня замуж. Я подчинюсь, но, клянусь Аллахом, я не буду принадлежать никому, кроме тебя.

Эта клятва немного утешила Камбера.

В день свадьбы Камбер пришел в дом Арзу. Арзу стала еще прекрасней в свадебном наряде, украшенная золотыми и серебряными нитями. Ее окружали деревенские девушки. Арзу печально смотрела вокруг. Когда она увидела вошедшего Камбера, по ее щекам полились слезы, подобные жемчужинам. Увидев это, Камбер взял саз и запел:

И я лью слезы в два потока,
Огонь палит меня жестоко.
Открой, любимая, свой лик,
Дай мне взглянуть хоть краем ока!

Арзу ответила:

Куропаткам любви камни,
Боль разлуки тяжела мне.
Если я не буду с милым,
Лишь могила и мила мне!

Юноше очень понравился ответ возлюбленной, и он тотчас же ответил ей:

Верь, Арзу, моим признаньям:
Ты со мной — конец страданьям,
Только ты одна на свете
Суждена мне мирозданьем!

Едва Камбер кончил, послышались радостные крики:
— Сваты приехали! Сваты приехали!

Поднялась страшная суета. Наступило время разлуки. Сватов и гостей угостили шербетом. Накрыли столы. Стали пить и есть.

Потом Арзу посадили на серого копя. Камбер подошел и пропел:

О, помог бы мне господь
Козни злобы побороть,
Сердце кровью истекает,
Ноет раненая плоть!

Несчастной Арзу и без того было очень грустно. Когда же она услышала эти слова, то не выдержала и зарыдала. Мать, обливаясь слезами, принялась утешать ее:

— Дитя мое, трудно покинуть отчий дом, разлучиться с матерью. Но я часто буду приходить к тебе. Не плачь!

Арзу, как будто и не слыша это, повернулась к Камберу:

О, зачем слова упрека,
Мука ран и так жестока!
Да пошлет господь мне силы
Мыкать горе одиноко!

Камбер шел вместе со свадебной процессией. Он взял саз и обратился к коню невесты:

Скакуи горячий, не спеши,
Не растравляй мне ран души.
Тебе вручаю я Арзу,
Ее покой не сокруши!

Шествие приблизилось к перекрестку. Пришла пора расстаться. Впереди ждал жених. Он погнал коня, подскочил к Арзу, и они поехали рядом.

Разлука очень огорчила Камбера. Рыдая, опустился он на землю и печально смотрел вслед удалявшейся процессии, пока она не скрылась из глаз. Потом встал и, горестно стона, направился в пустыню.

А Арзу с почестями встретили в доме жениха и на следующий день сыграли свадьбу. Когда гости разошлись и Арзу с женихом удалились в комнату для новобрачных, жених с удивлением увидел, что Арзу печальна и задумчива. Он удивился, подошел к девушке и хотел как-то ее успокоить. Однако Арзу убежала от него.

Проходили дни, а Арзу никак не могла привыкнуть к мужу. Однажды бей поймал жену в саду и хотел поцеловать. Но та стала так яростно сопротивляться, что несчастный растерялся:

— Ты моя законная жена. Я всегда имею право поцеловать тебя. Теперь мы живем друг для друга. А ты отказываешь мне в моих супружеских правах, как будто не знаешь, что мы муж и жена. Ты заставляешь меня страдать. Верь мне! Я люблю тебя всем сердцем!

Потом он добавил:

О, сердце мукой не томи,
Прильни ко мне и обними.
Супруга лаской осчастливь,
Не опозорь перед людьми!

Но Арзу призналась ему:

Иною страстью сожжена я,
Другой мне мил, ему верна я.
Поверь: мои слова — не шутка,
Тебе вовеки — не жена я!

Когда бей услышал эти слова, то потерял всякую надежду и вскоре слег от горя. Шло время, и ему становилось все хуже от любви к Арзу, но та по-прежнему отказывалась подчиниться.

Прошло несколько месяцев. Несчастный совсем изнемог. Иногда он бредил, стонал и умолял:

— Арзу! Моя любимая жена! Моя Арзу! Подари мне хоть один поцелуй. Только любовь твоя способна излечить меня!

Арзу заботливо ухаживала за мужем, но не внимала его мольбам. Она понимала, что муж скоро умрет и что только она может спасти его, но, помня о слове, данном Камберу, не могла нарушить клятвы. Наконец несчастный бей испустил дух.

Арзу очень опечалила смерть мужа. Ее утешало лишь то, что она не нарушила своего слова и сохранила верность Камберу. Но любовь к Камберу и жалость к мужу совсем подорвали здоровье так много страдавшей Арзу.

Теперь Арзу была свободна. Она попросила у свекрови разрешения повидать мать. Бедная женщина очень любила невестку и разрешила ей поехать. Она велела приготовить двух коней. На одного села Арзу, на другого — старый слуга, которому свекровь Арзу очень доверяла. И они отправились в путь.

На полпути между двумя селениями было место, где молодежь устраивала игры и развлечения. В тот день и Камбер пришел туда со своим сазом и стал петь.

Проезжая мимо, Арзу увидела много народа. Она сделала знак слуге, и они направились гуда.

Арзу и слуга сошли с коней и присоединились к толпе. В это время Арзу услышала звуки саза и песню. Она прислушалась. Голос поющего был похож на голос ее возлюбленного Камбера. В сильном волнении Арзу побежала туда, откуда доносился голос. Она увидела, что на лужайке сидит Камбер и печально поет:

О ветер, ветер, мне прозвизвший грудь,
Скажи, кто мил Арзу, кто рядом с нею?
Скажи мне правду — милостивым будь:
Меня ли ждет, другой ли ей милее?

Черны вершины гор, желты долины,
В багровом блеске ширь снежной равнины.
Соперник и Арзу — ужель едины,
Ужель она — в объятиях злодея?

Все сердце сжег мне мой печальный саз,
Поток кровавых слез течет из глаз.
О, вспомнила ль Арзу меня хоть раз,
Или к другому страсть ее сильнее?

Бреду один я по горам и долам,
Считаюсь по чужим полям и селам.
Дала б мне весть — и стал бы я веселым,
Сам небосвод бы просветлел, ясеня!

Прислушайтесь же вы, друзья мои,
Что скажут вам журчащие ручьи:
Разлука — зло: как муку ни таи,
А раны ноют с каждым днем сильнее!

Арзу не выдержала и с криком «Камбер! Мой Камбер!» как безумная, расталкивая толпу, бросилась к возлюбленному и об-

няла его. Окружающие знали историю Арзу и не стали их осуждать:

— Сам всевышний предназначил их друг для друга. Пока они не соединятся, не будет им спасения.

У некоторых при виде счастья влюбленных даже слезы появились на глазах. От волнения Арзу и Камбер лишились чувств, оставаясь в объятиях друг друга. Никто не осмеливался разлучить их. Но один из гулявших там побежал к матери Арзу и сообщил ей о случившемся.

Мать Арзу не знала, что зять умер.

— Что она делает! С ума она сошла, что ли? — воскликнула мать девушки.

Женщина бросилась на улицу и побежала к месту гулянья.

Там вокруг влюбленных собралась толпа. Мать Арзу, расталкивая столпившихся, подошла к ним. Но в этот миг Аллах окружил лежавших без чувств влюбленных рвом, полным воды. Тогда женщина вдруг поняла, что Арзу и Камбер самим всевышним были предназначены друг для друга, и раскаялась в том, что сделала.

И тут произошло удивительное, небывалое и неслыханное. Из уст влюбленных вылетели два белых голубя. На глазах изумленных людей они взмыли в небо и скрылись.

Когда голуби улетели, вода внезапно исчезла.

Придя в себя, мать Арзу и люди приблизились к влюбленным. Но их души уже давно улетели в рай.

Мать Арзу долго плакала и целовала дочь и Камбера. Потом, раскаявшись в содеянном, она поднялась и сама покарала себя за то, что была плохой матерью: своими руками она задушила себя и мертвой упала рядом с влюбленными.

Люди долго думали, где похоронить влюбленных, предназначенных всевышним друг для друга, и мать Арзу. Наконец решили всех похоронить на том же месте, где они и умерли. Вырыли две могилы. В одну положили Арзу и Камбера, а в другую — мать девушки.

После этого события люди стали приходиться сюда не гулять, а для того, чтобы поклониться могиле верных влюбленных.

Рази-Нихан и Махи-Фируз

В давние времена в стране Кандагар¹ был богатый и могущественный правитель по имени Шевкетнума. Все было у него, только сына не было. Постоянная тревога о том, кому он оставит венец и престол, лишала его сна и покоя. Всякий раз, как правитель видел на улице мальчика или юношу, он испытывал чувство зависти к их отцу и тяжело вздыхал:

— Ах, если бы и у меня был сын!

Государь особенно страдал, когда был свободен от государственных дел. Однажды, оставшись один в своих покоях, он стал плакать и умолять всевышнего:

— О Аллах, всезнающий, сотворивший все из ничего, ниспосылающий свершение всех желаний! Благодаря тебе у меня есть все, но нет у меня ни одного сына. Умру я — и страна окажется в чужих руках. Исчезнут и забудутся мое имя и моя слава. Сжался надо мной, подари мне сына, дабы не были для меня ядом еда и питье!

Из глаз его потоками лились слезы. Потом правитель велел позвать везира.

Везир Хаким-оглу Якуб-бей был очень умным, знающим человеком. У Якуб-бея тоже не было сына, но он не так печалился об этом, как Шевкетнума.

Когда везир пришел, правитель сказал:

— Что будет с нами? Я уже старею. Если по воле Аллаха я умру, не будет никого, кто бы занял мое место, сохранил мой венец, мой трон. Страна, доставшаяся мне в наследство от отца, окажется в чужих руках. Я думал, думал, и вот что пришло мне в голову. Давай переоденемся и отправимся в путешествие. Может быть, найдем способ избавиться от нашего горя.

Везир согласился.

Они надели грубые шерстяные плащи, кюляхи, взяли в руки посохи и отправились в путь.

Однажды навстречу им попался какой-то седобородый путник. Старик приветствовал правителя и везира. Те тоже приветствовали его. Правитель подумал, что, может быть, старик найдет средство от его горя, и заговорил с ним:

— Святой человек, откуда и куда ты направляешься?

— Я путник, иду из западных стран. Когда мой наставник скончался, я покинул родину и отправился в странствия. Вы, как я вижу, переоделись и также отправились в путешествие. Вы правильно поступили, ибо скитания исцеляют любую скорбь.

Правитель понял, что старец этот — мудрец, и спросил:

— Откуда ты узнал, что я переоделся? Или ты раньше знал нас?

Старик улыбнулся:

— Я много знаю, мой султан. Я знаю не только что вы переоделись, но даже то, что вы — государь. Если бы я не мог судить о встреченных мною людях по их виду, то зачем же я столько лет странствовал по свету?

Шевкетнума взял старика за руку и сказал:

— Святой человек! Я вижу, что ты мудрец. Ты знаешь, что я правитель, знаешь, какое горе заставило меня отправиться в путь. Прошу тебя, найди исцеление от моих бед.

Старик улыбнулся и спросил:

— От какой же печали ты просишь избавить тебя?

— У меня есть все. Нет только сына, который бы занял мое место после меня. Вот почему мир стал для меня темницей. Может быть, ты останешься с нами на несколько дней и дашь нам возможность беседовать с тобой?

Старик принял предложение правителя, и они вместе вернулись во дворец. Так как старец был очень умным человеком, султан получал большое удовольствие от бесед с ним.

Так прошло несколько дней. Однажды во сне правитель увидел этого старика. Старец сказал ему:

— Ты просил, чтобы я нашел средство от твоего горя. Так

вот — построй мечеть и сооруди фонтан. Всевышний подарит тебе сына.

На другое утро султан позвал старика и рассказал ему свой сон. Тот истолковал сон и исчез, прежде чем правитель успел что-нибудь спросить. Султан велел разыскать его, но старика не смогли найти. И правитель понял, что это был сам святой Хызр. Он позвал главного зодчего и приказал:

— Построй в самом хорошем месте города большую и красивую мечеть и сооруди рядом прекрасный фонтан. Начни приготовления сейчас же и не останавливайся ни перед какими расходами.

Главный зодчий ответил:

— Слушаюсь, ваше величество.

И он тотчас же приступил к работе.

Когда мечеть и фонтан были готовы, жена правителя забеременела и через девять месяцев и десять дней родила ему прекрасного мальчика. Султан очень обрадовался и велел устроить празднество. Весь город украсился знаменами, коврами и цветами. Торжества длились сорок дней и сорок ночей. Весь народ радовался.

Ребенок рос с каждым днем. Однажды султан собрал всех знатных и ученых людей и предложил им выбрать имя сыну. В это время появился тот же старец и сказал:

— Ваше величество! Имя шахзаде — Рази-Нихан.

Сказал и исчез.

Когда Рази-Нихану пришло время учиться, ему взяли в учителя одного из самых видных ученых страны. Рази-Нихан былмышленным ребенком и занимался очень прилежно. Изучая науки своего времени, Рази-Нихан прочел весь Коран.

Однажды вечером в пятницу Рази-Нихан прочел суру Корана «Ясин»² и лег спать. Во сне ему явился белобородый старец с лучезарным лицом и сказал:

— Сын мой! В этом мире ты полюбишь одну девушку. Она предопределена тебе судьбой.

И с этими словами старец исчез.

Проснувшись, Рази-Нихан рассказал о своем сне учителю. Тот ответил:

— Таких снов не должно быть. Тебе еще рано думать о женитьбе. Сейчас ты должен заниматься только уроками.

На следующую ночь Рази-Нихану опять явился во сне тот же старец. На этот раз рядом с ним была и девушка. Старец указал на нее:

— Вот девушка, предназначенная тебе судьбой. Сейчас я дам вам выпить вина любви, чтобы вы поняли, что такое любовь.

И он дал юноше вино любви, сказав:

— Выпей половину, а половину дай девушке.

Рази-Нихан выпил половину, остальное дал выпить девушке.

Старец сказал:

— Эта девушка — дочь правителя Хиндустана Махи-Фируз.

Когда Рази-Нихан проснулся утром, он почувствовал себя совсем другим человеком. Любовь к девушке вспыхнула в его сердце. Несчастный юноша, стора от любви, стал тяжело вздыхать и обливаться слезами. Слуги, увидев Рази-Нихана в таком горе, стали умолять его:

— Ваше высочество! Почему вы вот уже несколько дней стонете и плачете? Какое у вас горе? Скажите нам. Может быть, мы найдем средство от него. Мы все готовы отдать за вас свою жизнь! А в невысказанном горе невозможно помочь.

Они долго умоляли его, но так и не смогли добиться от него ни одного слова.

Тогда слуги сообщили матери шахзаде о том, что с ним происходит. Не зная, что делать, потеряв голову, побежала она к сыну и стала упрашивать его поведать о своем горе:

— Свет очей моих, дорогое мое дитя! Почему ты так плачешь? Почему побледнело твое лицо? Ты болен? Или тебя кто-нибудь обидел? Если тебя что-то печалит, скажи. Я развею твою печаль.

Но все мольбы были напрасны. Рази-Нихан ничего не сказал и матери. Тогда она с плачем пошла к правителю и сообщила ему обо всем.

Шевкетюма очень встревожился и позвал сына:

— Сын мой! Я узнал, что с некоторого времени ты плачешь и страдаешь. Этому, несомненно, есть какая-то причина. Если у тебя горе, скажи. Мы тотчас найдем средство от него.

Чтобы избежать расспросов отца, Рази-Нихан ответил:

— О венец моей головы, мой благодетель. Благодаря вам у меня нет никакого горя, никакой печали. Мне просто очень скучно.

Отец поверил словам сына и немного успокоился:

— Если тебе скучно, возьми с собой дядьку и пойдй прогуляй. Немного отдохнешь и развлечешься.

Следуя повелению отца, Рази-Нихан переоделся, взял с со-

бой дядьку и отправился на прогулку. Отныне он старался рассеять свою печаль тем, что каждый день ходил гулять.

Однажды, гуляя по городу, Рази-Нихан увидел около одной кофейни нескольких ашыков, которые играли на сазах и пели. Они ему очень понравились. Вернувшись во дворец, Рази-Нихан рассказал, что он видел ашыков, которые пришли к нему по душе, и попросил отца:

— О мой отец, прикажите позвать этих ашыков, пусть они здесь будут петь и играть.

Правитель исполнил желание сына и велел тотчас же позвать ашыков во дворец. Им устроили угощение, а потом они стали играть на сазах и петь. Все во дворце были очень довольны.

Когда Рази-Нихан слушал ашыков, любовь в его сердце внезапно вспыхнула с такой силой, что он не выдержал, тяжело вздохнул и зашел:

Влюбленные страдают от разлук,
Кто знает, что дано терпеть несчастным?
Жестоко бремя их кровавых мук:
И день и ночь они — в томленье страстном.

В огне любви сгорает мотылек³,
Запретна радость тем, кто сердце сжег.
И соловей без розы — одинок⁴,
Измучен он томлением напрасным!

И я душой познал любовный плен,
Но с юных лет забыт я и презрен!
Взгляните, как я мучусь от измен,—
О, с малолетства был мой рок злосчастливым!

Да знает боль мою отец родной,
Пусть мать моя не плачет надо мной!
Прощаюсь я с родимой стороной,
Влекомый вдаль видением прекрасным!

Служанки с женской половины дворца, услышав эти слова Рази-Нихана, встревожились:

— Горе нам! Наш шахзаде влюбился, а мы и не знали. До сих пор мы не слышали, чтобы он пел. И родители его ничего не знают!

Тут же рассказали они обо всем матери Рази-Нихана. Та тотчас послала за сыном и стала увещевать его:

— Сын мой! Ты пел в присутствии ашыков. Разве тебе подобает поступать так? Ведь ты сын государя! Разве пристало тебе петь перед какими-то ничтожными людьми? Что об этом скажут? Смотри, дитя мое, больше так не делай!

Но слова матери вошли Рази-Нихану в одно ухо и вышли в другое. Он заплакал:

— О моя добрая матушка! Ты меня упрекаешь, а даже не спросишь, что со мной. Спроси, почему я пел эти стихи? Я совсем молод, но у меня безысходное горе. Пожалей меня!

Мать не выдержала, тоже заплакала и спросила:

— Сын мой! Какое у тебя горе? Скажи, мы постараемся справиться с ним.

— Любимая матушка! Просто словами мое горе не высказать! Прикажите принести саз, и я расскажу о своем горе, играя на сазе.

Мать сейчас же велела принести саз. У одного из ашыков взяли саз и подали Рази-Нихану. И он запел:

Как-то раз в забытьи я увидел сон.
Вижу — старец со мной, светом осиян.
В волны моря любви был я погружен,
Без конца, без границ море-океан.

Старец дал мне вина — хмель испил я вмиг,
Вмиг напиток любви в душу мне проник.
В тот же миг дивный лик предо мной возник,
Я глядел в лунный лик, страстью обуян.

И от этой любви я увял да сник,
А и видел тот лик лишь единый миг!
Стал любимой рабом — рок меня настиг.
Далеко Хорасан, далек Хиндустан!

В моем сердце, в душе тайна тайн жива,
А поведать о ней — где же взять слова?
Лишь идет по земле обо мне молва,
Но — крепись и молчи, о Рази-Нихан!

Рази-Нихан перестал петь и отложил саз. Мать и служанки были поражены. Но никто ничего не понял из слов шахзаде. Мать стала его умолять в надежде заставить сказать больше:

— Дитя мое! Я чувствую, что у тебя есть какая-то тайна. Но я не могу понять, что это за тайна. Объясни! Мы сделаем для тебя все, пожертвуем всем!

Рази-Нихан не хотел огорчать мать и снова стал петь:

О, если сын тебе и люб и мил,
Дай весть, молю, скорее в Хиндустан,
Что меч любви меня насквозь пронзил,—
Пусть боль мою излечит мой Лукман!

Любимую увидел я во сне,
Она не наяву явилась мне,
Как птица в клетке, вся душа — в огне,
Дай милой весть, как мучусь я от ран!

Премудрый сокрушенного поймет:
Я день и ночь терплю мучений гнет.
Махи-Фируз меня от мук спасет,
Пошлите весть в края индийских стран!

Когда Рази-Нихан кончил, мать догадалась, в чем дело, стала бить себя в грудь и рвать на себе волосы:

— О, горе мне! Моему сыну во сне показали дочь правителя Хиндустана, и теперь он лишился рассудка. Бегите к отцу, расскажите ему о случившемся. Пусть он как можно скорее найдет какое-нибудь средство от беды.

Несколько служанок побежали к султану и рассказали ему о том, что произошло. Правитель очень встревожился, повел сына и сказал:

— Сын мой, не беспокойся, иди гулять с дядькой, развлекайся, а мы подумаем, как тебе помочь.

Рази-Нихан оставил отца и вместе с дядькой пошел на луг Рушен. В тот день туда пришло много девушек, они играли и танцевали. При виде их Рази-Нихану неудержимо захотелось поиграть на сазе. Так как у него не было саза, он взял вместо саза ветку и, как бы играя на ней, пропел:

О, этот край благословен судьбой —
Красавицы здесь нежатся, играя,
Они напоминают мне о той,
Чей образ я храню, в любви сгораю!

Девушки окружили Рази-Нихана. Среди них была и одна старуха. Она подошла к Рази-Нихану:

— Сынок! Посмотри, как я молода. Спой-ка что-нибудь и мне.

Рази-Нихан засмеялся, видя, что старуха воображает себя молодой, взял ветку вместо саза и запел:

Я красотку узрел — ей уж за сто лет,
Только глянь на нее — окривеешь вмг!
Горб такой у нее, что страшнее нет,—
Кто его повидал, тот в тоске поник!

Вся дряхла да крива, головой трясет,
Еле педит слова сквозь беззубый рот.
Нос — одна синева, все в лице — вразброд,
Так и ждешь, что пойдет да в могилу — прыг!

Кончив, он спросил:

— Ну как, мать, ты довольна?

От радости старуха ничего не поняла и стала благодарить:

— Сынок! Ты порадовал меня. Пусть Аллах даст тебе все, чего ты пожелаешь!

Девушки ждали, что Рази-Нихан споет и для них, но стеснялись попросить об этом. А Рази-Нихан увидел девушку, которая была похожа на его возлюбленную, и стихи сами полились из его уст:

Твою красу вовек не описать,
А брови — полумесяцам под стать.
Стройна ты станом, лядна твой стать,
Лицо твое прекрасно, как луна!

Черны ресницы, томен нежный взгляд,
Благоуханье локоны струят.
Уста твои — бутоны, вешний сад,
А жаркий пламень губ — хмельней вина!

Эти стихи обрадовали всех девушек, потому что каждая подумала, что они воспевают ее.

В тот день Рази-Нихан развлекался на лугу до самого вечера, вернулся во дворец на закате, пошел к себе и лег спать. А отец его, помня свое обещание помочь горю шахзаде, не смог заснуть до утра, думая, что бы предпринять. Но так ничего и не смог придумать.

На следующее утро султан собрал приближенных и спросил, как помочь сыну. Все давали свои советы, и один старик сказал:

— Очевидно, сорок святых показали его высочеству во сне дочь правителя Хиндустана и дали ему выпить вичю любви из рук девушки. Я думаю, единственный выход — это попросить именем Аллаха и волею пророка дочь государя Хиндустана в жены Рази-Нихану. Мне кажется, шах Хиндустана согласится.

Все одобрили предложение старика. А правитель на это сказал:

— Прекрасно! Мы сейчас же напишем и отошлем ему письмо.

Тут один из присутствующих поднялся и предложил:

— Ваше величество! Если вы сочтете уместным, послушаем о горе шахзаде от него самого. Может быть, то, что он расскажет, поможет нам составить письмо. Уверен, что его саз расскажет обо всем.

Удрученный правитель сказал:

— Разве это подобает нашему достоинству? Разве уместно ему петь, подобно уличному певцу?

Но присутствующие стали уговаривать:

— Ваше величество! Разрешите только один раз, и мы узнаем обо всем. Ведь ваш сын может рассказать о своей тайне лишь стихами и играя на сазе.

Султан согласился:

— Ну ладно! Только один раз...

Тотчас привели Рази-Нихана. Он поцеловал отцу руку и спросил:

— О отец, вы звали меня? Что прикажете?

— Сын мой! Собравшиеся здесь хотят узнать о твоём горе из твоих уст.

Рази-Нихан взял саз и стал рассказывать:

Путь к любимой далек, нет мне к ней дорог,
Крыльев нет — не взлететь, а дойти не смог!
Ноют раны, горят — их огонь жесток,
У любимой в саду мне б лечить ожог!

Пламя мук тебя жжет, о Рази-Нихан,
От разлуки в душе — боль бесчисленных ран.
А ведь был уговор — был обет мне дан,
Да влюбленным в торгах разве будет прок?

Услышав это, все поняли, что за горе у шахзаде, и жалость наполнила их сердца.

— Прекрасно! Мы видим, что вы любите друг друга веле-нием всевышнего, подобно Керему и Аслы, Лейле и Меджнуну, Ферхаду и Ширин⁵. Просим вас, поиграйте еще. Даст бог, вы достигнете того, к чему стремитесь.

Не желая обидеть присутствующих, Рази-Нихан снова взял саз:

Знал я страсти завет с самых юных лет,
Да померк, видно, свет — дан мне жребий бед,
Стены горя вокруг — мне спасенья нет,
Где желанная смерть — моих мук конец?

Лишь отец мой меня исцелит от ран,
Мне не сможет помочь даже сам Лукман!
Кто ж тебя и спасет, о Рази-Нихан?
Пусть о тайне твоей знает твой отец!

Слова шахзаде, его печальный голос вызвали у всех слезы, и все обратились к правителю:

— Ваше величество! Жалобы вашего сына разрывают наши сердца. Соболаговолите же скорее написать обо всем шаху Хиндустана. Нам очень жаль бедного юношу.

И Шевкетнума написал шаху Хиндустана письмо, блистающее красноречием, и отослал вместе с богатыми подарками.

А дочь шаха Хиндустана Махи-Фируз тоже сгорала от любви к Рази-Нихану, которого ей показали во сне сорок святых, и горевала оттого, что не может соединиться с ним. С тех пор как во сне она выпила вино любви из рук Рази-Нихана, она не могла спать спокойно ни одной ночи. Огонь любви сделал ее поэтессой, она тоже стала слагать стихи.

Шах догадался, что дочь влюблена, и решил через мать Махи-Фируз узнать обо всем. Но девушка хранила свою тайну и сказала матери, что с ней ничего не случилось. Шах Хиндустана интересовался литературой и поэзией, сам был известным поэтом своего времени. Он высоко ценил поэтическое искусство дочери и подолгу с наслаждением слушал ее печальные стихи.

Однажды в Хиндустан приехал поэт из другой страны. Он остановился в кофейне и по вечерам играл на сазе, зарабатывая себе на пропитание. Узнав, что шах проявляет благосклонность к поэтам, он сочинил и преподнес ему стихи, надеясь получить награду:

Сердце скорбного ашуга исцелите от невзгод,
В этом сердце каждый скорбный милосердие найдет.
У высокого чертога ищет милости ашуг,
О, судьба его убога, он пощады робко ждет!

Стихи понравились шаху. Он велел позвать поэта и щедро одарил его. После ужина шах показал эти стихи дочери и спросил:

— Дочь моя, а ты можешь написать подобные стихи?

Та прочла стихи и ответила:

— Напишу, отец.

Она взяла бумагу, перо и написала:

Правит в странах Хиндустана мой отец — рудник щедрот,
Добродетельным, достойным — у дверей его почет.

Он пришельца не отпустит, добротой не обласкав,
Милосердною десницей ливень благ над ним прольет.

Кто о помощи взывает — всем открыт его чертог:
Сердце радостью зардеет, лик улыбкой расцветет!

Махи-Фируз отдала стихи шаху. Тот остался очень доволен. — Молодец, дочь моя! Ты искусница, равной которой нет. Он велел изготовить прекрасный саз и подарил его дочери. Махи-Фируз была очень довольна подарком. Когда в ее сердце разгорался огонь любви, она брала саз, играла и этим утешала себя.

Между тем в Хиндустан прибыл посол от правителя Кандагара. Он сразу же направился во дворец шаха и вручил ему письмо и подарки. Шах прочел письмо, написал и передал послу следующий ответ:

«Брат мой, правитель Кандагара, Шевкетнума. Мы получили и прочли ваше письмо. Божьей волей вы просили нашу дочь Махи-Фируз в жены вашему сыну Рази-Нихану. Превосходно! Но дело в том, что это моя единственная дочь. Я не хочу разлучаться с ней. Если она не будет постоянно при мне, не будет мне покоя. Если вы пошлете к нам Рази-Нихана, я с удовольствием выдам за него дочь. На иное я не согласен».

Получив этот ответ, посол немедленно отправился в Кандагар. Кандагарский правитель прочитал ответ шаха Хиндустана и очень разгневался:

— У него дочь одна, но и у меня сын один! И я не хочу разлучаться с сыном. Если он добром дочь не отдаст, я возьму ее силой.

И он стал готовиться к войне. Когда Рази-Нихан узнал об этом, он поспешил к отцу и стал умолять его не пачинать войны:

— Отец! Я не хочу, чтобы столько людей погибло из-за меня. Пусть никто не будет страдать из-за нас.

Ему удалось отговорить отца. А через несколько дней после этого Рази-Нихан написал письмо Махи-Фируз и послал с надежным человеком в Хиндустан. Рази-Нихан писал:

Блаженный хмель с тобой во сне я пил,
Познали мы любви и неги пыл,
Нам пряный хмель желанное открыл.
Лети, письмо, к владычице земли!

Ужель не будет мне любви в ответ?
Мой жаркий стон к тебе отыщет след,
Мечтою о тебе мой дух согрет.
Лукман мой, мое горе исцели!

После долгого и трудного пути человек с письмом Рази-Нихана наконец прибыл в Хиндустан. Он мог тайно передать

Махи-Фируз письмо только через какую-нибудь женщину и потому пошел в дом к одной старухе, поцеловал ей руки и сказал:

— Матушка! Я прибыл издалека. Могу я остановиться у тебя на несколько дней? Я тебе хорошо заплачу.

И с этими словами он дал старухе горсть золотых монет. Золото ослепило старуху. Она тут же открыла дверь, впустила его в дом, приготовила кофе, угостила, потом спросила:

— Сынок! Ты похож на благородного и достойного человека. Зачем ты приехал в нашу страну?

Человек Рази-Нихана воспользовался этим случаем, подумав, что может послать письмо Махи-Фируз со старухой:

— Я приехал из Кандагара и привез дочери вашего шаха письмо. Мне нужно так передать ей письмо, чтобы никто не увидел. Только ты можешь это сделать. Если сделаешь для меня это доброе дело и принесешь ответ от девушки, я дам тебе много денег.

Старуха, подумав о золоте, которое она заработает, радостно ответила:

— С удовольствием, сынок! Не тревожься, я все сделаю.

Она взяла письмо, спрятала его за пазухой и пошла прямо во дворец шаха. Там старуха сказала, что хочет получить подарок от Махи-Фируз, прошла к ней и отдала письмо так, что этого никто не видел. Когда девушка прочла письмо и поняла, что оно от Рази-Нихана, она очень обрадовалась. Тотчас же написала она ответ, отдала старухе и щедро ее наградила.

Старуха вне себя от радости вернулась домой и передала письмо человеку Рази-Нихана. Тот на другой же день отправился в Кандагар, через месяц прибыл туда и вручил письмо Рази-Нихану. Юный влюбленный не помнил себя от радости. Он прочитал письмо, поцеловал, вдыхая его аромат, потом вновь и вновь перечитывал. Рази-Нихан щедро одарил гошца, сразу написал ответ и на другой день с тем же человеком послал в Хиндустан. В нем он сообщал, что собирается приехать в Хиндустан.

Прошло около недели. Однажды Рази-Нихан, воспользовавшись хорошим настроением отца, взял саз и в надежде получить у него разрешение уехать в Хиндустан пропел ему такие стихи:

Отец любимый! Пощади, прости,
Пусти — я отыщу мою мечту.
Ужель мне здесь томиться взаперти?
Весь мир пройду, а счастье обрету!

Когда Шевкетюма услышал слова сына, он вдруг рассердился и закричал:

— Слушай, Рази-Нихан! Чтобы я больше и не слышал о твоём отъезде!

Разгневанный государь сообщил обо всем жене. Та запричитала:

— Ты властитель, а не можешь найти способ избавить от горя своего единственного сына! Возможно ли такое?

Но Шевкетюма и сам думал о том, как помочь сыну.

Рази-Нихан понял, что отец пошел к матери, и тоже отправился в ее покои. «Может быть,— думал он,— она найдет какое-нибудь средство!» Когда Рази-Нихан увидел, что мать стонет и обливается слезами, он взял саз и пропел:

О матушка, не плачь, не мучь меня,
Влюблен я — как мне в мире жить без милой?
Не дай погибнуть мне от мук огня,
Я не могу нейти — пусти, помилуй!

Спев это, юноша положил саз и стал умолять родителей разрешить ему отправиться на чужбину. Мать ничего не сказала, но отец ответил:

— Слушай, Рази-Нихан! Забудь об этой напрасной любви. Если ты еще хоть раз вспомнишь об этом, не будет тебе нашего благословения!

Услышав эти суровые слова отца, Рази-Нихан не выдержал и горько заплакал. Он ушел к себе и остался наедине со своим горем.

А правитель Кандагара Шевкетюма до поздней ночи думал о горе сына, о том, как помочь ему. С этой думой он лег спать и заснул. Во сне Шевкетюма увидел старца, которого встретил перед рождением Рази-Нихана во время своих странствий и привел во дворец. Старец приветствовал правителя и сказал:

— Позволь Рази-Нихану уехать! Избавь его от страданий! Если он отправится в путь, то добьется желаемого. А если ты будешь упорствовать и не отпустишь его, то совсем потеряешь сына.

Шевкетюма растерялся и ничего не ответил. Потом он пришел в себя и сказал:

— Я не могу отпустить Рази-Нихана.

Старик пристально посмотрел на него:

— Разве ты не понимаешь, что я тебе говорю? Неужели ты

хочешь навеки разлучиться с ним, вместо того чтобы расстаться лишь на некоторое время?

Правитель в испуге проснулся, весь в поту, и до самого утра размышлял о словах старца. Утром он рассказал о своем сне видения жене. Она ни за что не хотела расставаться с сыном и стала горько плакать.

Когда Рази-Нихану сообщили, что его родители плачут, он поспешил к ним и спросил о причине их слез. Отец Рази-Нихана поведал ему о своем сне.

— Вот, сын мой,— сказал он,— почему мы плачем, почему льем слезы. Как мы можем отпустить тебя на чужбину, если даже и на час не хотим расстаться с тобой? Эта разлука очень тяжела и горька для нас.

Рази-Нихан все понял, взял саз и пропел:

Молю: не плачьте обо мне, несчастном,
Не мучайтесь терзаньем ежечасным,
Не лейте слез в рыдания напрасном,
Кто верен — будет с верною своею.

Кто смел, тому идти путем тяжелым —
По грозным скалам, по далеким долам,
Лишь по весне цвести цветам веселым,
И будет с розой верный соловей!

Когда он кончил, отец сказал:

— Сын мой! Я не хотел отпустить тебя. Но что делать? Сон, который я видел сегодня ночью, повелевает мне отпустить тебя. Мы с матерью долго думали и теперь даем тебе свое разрешение.

Рази-Нихан обрадовался, поцеловал родителям руки, закончил приготовления к путешествию и, прежде чем отправиться с двумя слугами в путь, попрощался с родителями:

В дальний путь я иду, о отец и мать,—
На чужбину брести повелел мне рок.
Видно, доля моя — дальний дол искать,
Путь Меджнуна к Лейле среди гор пролег!

Потом он поцеловал руки родителям и отправился в путь вместе со слугами. Они ехали от одного селения к другому, от города к городу, пока не добрались до города Ахсенкале. Рази-Нихан со слугами остановился в большой кофейне, где было много посетителей. Когда те увидели саз Рази-Нихана, они поняли, что он ашук, и стали просить:

— Пожалуйсга, ашык, спой нам песню, мы послушаем твой прекрасный голос.

Рази-Нихан взял саз и пропел:

Благодатна земля, где лежит Ахсен,
Дивны воздух, вода — край благословен,
Весел-радостен люд среди этих стен,
Вся округа бурлит буйной пеной рек.

Путь скитальца суров, всюду чуждый люд,
Всюду слух обо мне, что я плох да худ,
Я бреду, как Меджнуц,— путь тяжел и крут.
Сердце пламенем мук сожжено навек.

Немного отдохнув, он спел еще. Все остались очень довольны и хвалили его.

На другой день рано утром Рази-Нихан и слуги сели на коней и продолжили путь. Через несколько дней они прибыли в Багдад. Оставив коней и вещи на постоялом дворе, Рази-Нихан и его спутники пошли погулять и пришли на базар. Зашли в кофейню отдохнуть. Посетители, увидев саз в руках Рази-Нихана, стали просить его спеть им, и он запел:

Так творец повелед, так судил мне рок —
В чуждом доле бродить средь чужих людей.
Путь влюбленных тяжел, мой удел жесток —
Поневоле бродить средь чужих людей.

Вспомню розу мою, ее рдяный лик —
Плачу я день и ночь, в сердце — боль и крик.
Разве есть на земле кров для горемык?
Мне доколе бродить средь чужих людей?

Слушатели стали хвалить Рази-Нихана:

— Молодец, ашык!

На следующий день рано утром Рази-Нихан и его спутники отправились в путь — прямо в Хиндустан. После нескольких недель пути они прибыли в Хиндустан и остановились на постоялом дворе. На следующий день они нашли ту старуху, которая передала Махи-Фируз первое письмо Рази-Нихана. С ее помощью Рази-Нихан сообщил девушке о своем приезде.

Когда Махи-Фируз прочла письмо, принесенное старухой, она очень обрадовалась и тотчас же написала такой ответ: «О свет очей моих, душа моя, венец на моей голове, господин мой! Я так рада вашему приезду, что не могу выразить словами. Чтобы сообщить о вашем приезде в Хиндустан, напишите хва-

лебную касыду для моего отца и преподнесите ему. Если Аллаху будет угодно, мы достигнем желаемого!»

Девушка послала письмо Рази-Нихану со старухой.

Рази-Нихан прочел письмо и тотчас сложил прекрасные стихи. Когда в пятницу шах направлялся в мечеть⁶, Рази-Нихан преподнес их ему. Увидев красивого, богато одетого юношу, шах приказал отвести его во дворец. Один из слуг шаха привел Рази-Нихана во дворец, подал ему угощение и сказал, что надо подождать возвращения шаха из мечети.

Через час Рази-Нихан предстал перед шахом. Он поцеловал перед ним землю, потом встал. А шах между тем читал его стихи. В них Рази-Нихан восхвалял шаха, но ни слова не сказал о себе. Шах дочитал касыду до конца, потом произнес:

— Молодец, сын мой! Ты написал очень хорошие стихи.

И, указав юноше место, он велел ему сесть. Когда Рази-Нихан поцеловал перед ним землю и сел на указанное место, шах спросил:

— Сын мой! Ты и играть на сазе умеешь?

— Да, ваше величество!

Шах тут же велел принести саз. Принесли саз Махи-Фируз. Когда Рази-Нихан начал настраивать саз, пришла Махи-Фируз и села за пологом, чтобы узнать, кто будет играть ее отцу на сазе. Рази-Нихан настроил саз и начал изливать свою скорбь в стихах:

Дарован старцем мне ашуга дар,
Я — книг любви глашатай и певец.
Моим словам все внемлют — млад и стар,
Провижу тайны я людских сердец.

Брожу из дома в дом в чужом краю,
Куда приду — там я и ем и пью,
Про все, что знаю, людям я пою,
Индийский край — моих путей конец.

Когда он кончал, шах сказал:

— Чудесно, сын мой! Ты прекрасно играешь и поешь. И голос у тебя очень красивый и печальный. Но мне хочется узнать, почему ты, такой молодой, отправился на чужбину и отчего ты жалуешься на то, что скитаешься по чужбине?

Тогда Рази-Нихан снова взял саз и ответил так:

Забыл я мать с отцом и отчий кров,
Влечет меня к любимой тайный зов.
Где люди есть, там я и петь готов
О бедах, мне ниспосланных судьбою.

Явился образ мне в виденьях сна,
Был дан мне свыше терпкий хмель вина,
Стезя Межджуна мне в удел дана,
Рази-Нихан по ней идет с мольбою!

Эти печальные стихи еще больше понравились шаху:

— Замечательно, юноша! Я не хочу, чтобы ты жаловался на скитания в чужом краю. Я отведу тебе покои в моем дворце, теперь ты будешь жить у меня. Ты станешь моим главным стихотворцем и будешь жить здесь, окруженный почетом.

Рази-Нихан, поселившись в покоях, отведенных ему по приказу шаха, радовался, что он рядом со своей возлюбленной, и думал, что скоро достигнет желаемого.

Под вечер Махи-Фируз, желая разузнать, о чем беседовали ее отец и Рази-Нихан, пришла к шаху и спросила:

— Отец мой! Недавно вы попросили мой саз. Слуга, который пришел за ним, сказал, что пришел какой-то ашык и что он будет играть на моем сазе. Как вы нашли этого поэта? Хорошо ли он по крайней мере сочиняет стихи?

Шах засмеялся и пошутил:

— Дочь моя, когда я тебя просил поиграть на сазе и почитать стихи, ты капризничала и упрячилась. Но теперь ты мне больше для этого не нужна. Сегодня Аллах послал мне ашыка с прекрасным голосом и прекрасно играющего на сазе. И сам он красавец. Сегодня этот ашык развлекал меня.

Махи-Фируз стала просить отца:

— Отец мой! А нельзя ли и нам послушать этого певца, которого вы так хвалите?

Шах согласился, пошел на мужскую половину дворца⁷ к Рази-Нихану и послал его в сопровождении евнуха на женскую половину⁸:

— Сын мой! На женской половине дворца тоже есть поэтесса. Она хочет послушать тебя.

Рази-Нихан вошел в комнату, где его ждала Махи-Фируз, спрятавшаяся за занавесом. Рази-Нихан почувствовал, что находится рядом с возлюбленной. Любовь вспыхнула в нем с новой силой, он взял саз и пропел:

Отца и мать покинул я, несчастный,
Бреду я вдаль, гоним любовью страстной,
Пою, палимый мукой ежечасной,
О бедах, что послал мне грозный рок.

Печаль Межджуна день и ночь со мною,
Заветный сон мой стал всему виною!

Сражен навек истомою хмельною,
Рази-Нихан от горя изнемог.

Махи-Фируз не выдержала, отодвинула занавес и подошла к возлюбленному:

— О господин мой! Добро пожаловать!

Сказав это, она кинулась к ногам Рази-Нихана и лишилась чувств. Рази-Нихан бросил саз и обнял возлюбленную.

Слуга, подсматривавший в замочную скважину за происходящим, побежал к шаху и доложил обо всем. Тот страшно разгневался и приказал:

— Отрубите ему сейчас же голову! Быстро!

Палачи схватили Рази-Нихана, связали по рукам и ногам и отвели на место казни.

Немного погодя Махи-Фируз пришла в себя и узнала от служанок о случившемся. Она очень взволновалась и поспешила к отцу:

— Смотри, отец, не узнав, в чем дело, не обагрый своих рук кровью этого юноши! Иначе ты потеряешь и меня!

И Махи-Фируз лишилась чувств. Шах встревожился, велел привести Рази-Нихана. Несчастливого привели связанного по рукам и ногам. Увидев его в таком виде, Махи-Фируз заплакала:

— Отец! Этот юноша — Рази-Нихан, сын правителя Кавдара Шевкегномы. Святые дали нам во сне испытать вина любви, и мы полюбили друг друга. Теперь я не могу жить без него, а он без меня. Если ты убьешь его, то я убью себя.

Шах в бешенстве закричал:

— Ах бесстыдники! А я-то думал, ты скажешь что-нибудь путное. Если еще раз услышу от тебя такие речи, прикажу казнить и тебя.

И он приказал палачам:

— Закуйте этого юношу в цепи и бросьте в темницу.

Палачи тут же заточили Рази-Нихана в темницу. А девушка, опечаленная случившимся, стала причитать, рвать на себе волосы и заперлась у себя.

Прошло довольно много времени. Однажды в полночь Махи-Фируз, изнемогая от любви к Рази-Нихану, переделась в мужскую одежду и пошла в темницу. Стражник не хотел в полночь пускать в темницу незнакомого юношу:

— Сын мой! Я боюсь за свою голову. Уходи-ка поскорее отсюда.

Тогда Махи-Фируз дала стражнику целую горсть золотых. Стражник преодолел страх, открыл дверь и пустил ее внутрь.

Рази-Нихан, который сидел, закованный в цепи, и плакал, сразу же понял, что пришла Махи-Фируз. Он глубоко вздохнул и пропел:

В чем, не знаю, мой грех, в чем повинен я
И за что твой отец так жесток со мной?
Да поможет мне бог — он мой судья:
Даровавший мне жизнь, он не строг со мной!

Я — твой раб, твой слуга, о, спаси меня!
Всюду был я с тобой, в сердце жар хранил,
Всей душой я люблю — жарок пыл огня,
Только нет никого, кто б помог, со мной!

Махи-Фируз заплакала:

— Почему ты так сердилась на меня? Ты ведь знаешь, что и я люблю тебя. Мой отец поступил так жестоко с тобой, чтобы не отдавать меня тебе. А что я могу сделать? Единственный выход — бежать. Другого я не вижу. Потому я и пришла сюда.

Рази-Нихан тоже плакал.

Вдруг они услышали чей-то голос. А когда повернули головы, увидели, что там стоит и смотрит на них старец, который дал им выпить вино любви. Старец сказал:

— Не плачьте больше, дети мои! Всевышний дарует вам то, чего вы желаете. Я пришел, чтобы доставить вас в Кандагар.

Он снял оковы с Рази-Нихана, потом ударил своим посохом о стену. В стене тут же образовался пролом, и они вышли наружу. Старец приказал им:

— Закройте глаза!

Рази-Нихан и Махи-Фируз закрыли глаза.

Потом старец велел:

— А теперь откройте глаза!

Они открыли глаза и увидели, что находятся на окраине Кандагара. Старец исчез. Тут Рази-Нихан и Махи-Фируз поняли, что это был Хызар. Рази-Нихан послал встретившегося ему человека с радостной вестью к отцу. Шевкетюма тотчас отправился навстречу сыну, обнял его и Махи-Фируз, прижал их к своей груди и отвел во дворец.

Сорок дней и сорок ночей справляли пышную свадьбу⁹ и соединили верных влюбленных. Рази-Нихан и Махи-Фируз забыли о своих страданиях и зажили счастливо.

Пусть наши юноши и девушки будут так же счастливы!

Да ниспошлет всевышний счастье и процветание нашей земле!

Мелек-шах и Тюлю-хан

В давние времена в Гиляне был правитель по имени Адиль-шах. Однажды он сидел в прекрасном дворцовом саду, украшенном, словно рай, тысячами цветов, и беседовал с везиром. Речь зашла о счастье.

Правитель, тяжело вздохнув, заговорил о своем горе:

— В мире много людей, которые кажутся счастливыми, а на самом деле страдают куда больше несчастных. Вот я — правитель, мне подчиняются тысячи воинов. В моем дворце сотни рабынь и слуг. Я ем самые изысканные яства, сплю на самых мягких постелях, могу наслаждаться всеми угодьями моей страны, прекрасными, как рай. И несмотря на все это, я несчастен.

— О великий шах! Вы больны? — встревожился везир.

Правитель сорвал бутон с розового куста, который рос рядом, понюхал его и ответил:

— Нет. Ты не понял. Я объясню. Мне уже немало лет. А сына, который не дал бы исчезнуть моему имени и управлял бы страной после меня, все еще нет. А какая радость от жизни, когда нет детей?

Везир стал утешать его:

— Не печальтесь. Аллах посылает печаль, он же посылает и избавление от нее. Если вы пожелаете, отправимся вместе странствовать. Может быть, в пути мы встретим кого-нибудь, кто укажет способ избавиться от вашего горя.

Правителю эта мысль понравилась. Он тотчас же велел везиру начать приготовления к путешествию. Через два дня Адиль-шах с везиром Муртазой переоделись и отправились в путь.

Прошло несколько дней, а они все еще не знали, куда лежит их путь. Наконец Адиль-шах и Муртаза дошли до какого-то источника и расположились здесь на ночлег, чтобы и отдохнуть, и попить воды, холодной как лед.

Через некоторое время к ним подошел старик с седой бородой. Рядом с ним был прелестный маленький мальчик. Когда шах увидел ребенка, его душевные раны снова открылись, и он подумал: «Если бы у меня было такое дитя! Больше мне ничего не нужно на этом свете».

Адиль-шах не успел и слова сказать, как старик обратился к ним:

— Приветствую тебя, о шах, и тебя, славный везир!

Правитель и везир очень удивились тому, что старец узнал их даже переодетыми.

Везир подошел к нему и спросил:

— Отец, откуда ты нас знаешь?

— Я знаю не только вас, я знаю всех. И знаю, что у вас на сердце. Сейчас, например, государь сказал себе: «Если бы у меня было такое дитя!» Видите, я не лгу. Пока у тебя нет сына, но я буду молиться всевышнему, и ты станешь счастливым, как и я.

Адиль-шах стал умолять дервиша:

— Отец, вся надежда только на тебя! Разве есть на свете что-нибудь более великое, нежели осчастливить несчастного?

Дервиш достал яблоко и протянул шаху:

— Съешь половину, а половину дай жене. Если будет угодно Аллаху, он дарует вам сына. Но не давайте ему имени, пока я не приду к вам.

И с этими словами старец исчез, а Адиль-шах и везир, обрадовавшись, сразу же вернулись во дворец.

Через девять месяцев и десять дней у шаха родился сын. В честь его рождения ровно сорок дней и сорок ночей раздавали милостыню. Радости шаха не было границ. Наконец-то он достиг желаемого и обрел счастье!

Шло время. Ребенку исполнилось семь лет. Ему уже пора было идти в школу, а имени у него еще не было. Знатные придворные, присматривавшие за мальчиком, заметили, что он оченьмышленый. Они явились к шаху и сказали:

— Ваше величество! Шахзаде пора учиться. Ему не следует попусту терять время. Надо послать его в школу. Но вы знаете, что для этого надо наречь ему имя.

Государь не согласился:

— Нельзя,— сказал он,— пока не придет старец, я не могу дать ему имя.

Один из придворных стал настаивать:

— А как быть, если старец умер? Если он не пришел за семь лет, может случиться так, что он и вообще не придет. Я убежден, что лучше его не ждать, а дать мальчику имя теперь же.

Сановники собирались уже разойтись, как вдруг появился седобородый старец.

— Зачем вы собрались здесь? — спросил он.

— У нашего любимого государя есть сын. Уже семь лет он живет без имени. Мы предложили дать ему подходящее имя. Но его величество не соглашается.

— Но у мальчика есть имя, нареченное мною,— отвечал старец,— его зовут Мелек-шах.

И старец исчез.

Через несколько дней Мелек-шах отдал в школу. Мальчик был очень смышленным и прилежным. Он все быстро усваивал и учился легко.

Минули годы. Учение было закончено. И теперь Мелек-шах захотел овладеть воинским искусством. За короткое время шахзаде в совершенстве научился владеть оружием и ездить верхом. Никто в Гиляне не мог превзойти его в этом. Больше всего на свете юноша любил охоту и целыми днями пропадал, бродя по полям и лугам.

Ему исполнилось восемнадцать лет. Он был бесстрашен и смело устремлялся навстречу любым опасностям. Шахзаде был очень хорош собой, и на него влюбленно заглядывались самые красивые девушки Гиляна. Однако Мелек-шах не обращал на них никакого внимания и все свое время отдавал охоте.

Однажды, когда он охотился, перед ним внезапно появился старец и дал ему что-то завернутое в кусок кожи. Юноша почувствовал сильное любопытство и развернул сверток. Едва он взглянул, у него помутилось в глазах: в кожу был завернут портрет прекрасной луноликой девушки. Вмиг Мелек-шаха охватила любовь. Забыв об охоте, он вернулся во дворец, ушел к себе и в сильном волнении стал думать о том, что с ним произошло. Почему старик дал ему этот портрет? Чья дочь эта

девушка? Как ее зовут? Никто не мог ответить на эти вопросы. Только безмолвный портрет был у него в руках. В тревоге и недоумении Мелек-шах заснул.

Во сне ему явился тот же старец. Он держал за руку девушку, изображенную на портрете, который он дал Мелек-шаху. В другой руке у старца был кубок с вином. Приблизившись к Мелек-шаху, старец протянул ему кубок и произнес:

— Вино в кубке — это любовь девушки, которую ты любишь. Выпей, и твои желания исполнятся.

Юноша выпил вино и спросил:

— О дорогой отец! Чья это дочь? Как ее зовут?

— Сын мой! Эту девушку зовут Гюллю-хан. Она дочь правителя Йемена и предназначена тебе судьбой.

Очнувшись от сна, Мелек-шах почувствовал, что любовь его к Гюллю-хан стала еще сильнее. С этого дня он совсем забросил охоту и верховую езду. Все его помыслы были только о Гюллю-хан. Сердце юноши сжигал огонь любви.

Между тем дочь государя Йемена Гюллю-хан увидела сон, будто она сидит на берегу журчащей реки. Вдруг перед ней появляется старец и спрашивает:

— Дочь моя! Если я дам тебе подарок, ты применишь его?

Гюллю-хан поблагодарила и приняла подарок. Это была закрытая шкатулка.

— Открой шкатулку только тогда, — сказал старец, — когда я срыюсь вон за тем холмом. В ней заключено нечто бесценное.

Старик удалился и исчез за холмом. А Гюллю-хан открыла шкатулку. В ней оказался портрет юноши. Едва увидев его, девушка влюбилась.

Проснувшись утром, она побежала к отцу и рассказала ему свой сон. Правитель Йемена утешил дочь:

— Не тревожься, дитя мое! Тот юноша тоже видел тебя во сне. Я думаю, он станет искать тебя. Если он приедет сюда, я отдам тебя ему в жены.

Гюллю-хан обрадовалась, обняла отца и стала его благодарить.

А Мелек-шах все время думал о Гюллю-хан и никак не мог ее забыть. Он пел печальные песни и проливал слезы. Ему захотелось научиться играть на сазе. Через несколько дней юноша стал уже довольно хорошо играть на нем.

Адилъ-шаха очень тревожило состояние сына. Однажды он позвал везира и сказал:

— Ради Аллаха, узнай, какое горе у мальчика. Как я ни старался, ничего не смог узнать.

— Слушаюсь! Предоставьте это мне.

Везир пошел к Мелек-шаху. Тот играл на сазе.

Везир сказал:

— Дитя мое! У тебя какое-то горе. Ты никому не хочешь рассказать о нем. Я очень огорчен. Если ты хоть немного уважаешь и любишь меня, расскажи мне, что печалит тебя. Ведь от невысказанного горя избавиться невозможно.

Мелек-шах не мог обидеть везира, которого любил, как родного отца.

Он взял саз и рассказал:

Мне сновиденье было — дивный сон,
Невиданный мне образ был явлен.
Узрев тот лик, я разум потерял,
С тех пор удел мой — безысходный стон.

Моей любимой имя — Гюллю-хан.
О, если б мне был жребий счастья дан!
Навеки стал я пленником любви,
Печалью страсти дух мой обуян!

Везир передал слова Мелек-шаха государю. Оказывается, девушку, которую любит шахзаде, зовут Гюллю-хан. Но где она живет, Мелек-шах не сказал. А это надо было непременно узнать.

Шах нашел выход:

— Давай немного подпоим его. Под влиянием вина он скажет обо всем, что у него на душе.

И действительно, охмелев от вина, шахзаде стал играть на сазе и рассказывать о своей любви:

Отец мой! Мелек-шах от страсти хвор —
Не стерпят его мук и крики гор!
Жестокой страстью был сражен твой сын —
Дорогой смерти он идет с тех пор!

Я одинок, пришел мой смертный час,
И это — правда, правда без прикрас.
Любовь меня влечет в мой горький путь,
Никто б меня от мук ее не спас!

О, знай же: Гюллю-хан любима мной,
Она — весь свет мне, целый мир земной.
Но мне надежды нет: ее отец
Именом правит — дальнею страной.

Адиль-шах задумался. Он сам очень хорошо знал, какие жестокие страдания приносит любовь.

— Ладно, сын мой! Я сделаю все, чтобы избавить тебя от этого горя.

Но горе сына сломило Адиль-шаха: в ту же ночь он захворал и к утру скончался. Внезапное известие о его смерти повергло всю страну в глубокую печаль.

Через три дня на престол возвели Мелек-шаха. Два месяца он очень хорошо управлял государством. Но больше Мелек-шах выдержать не мог, любовь сжигала его. Он оставил вместо себя везира и решил уехать в Йемен.

На следующий день, когда Мелек-шах собрался уезжать, к нему пришла мать и стала умолять:

— Сын мой! Откажись от этой любви. Сколько времени прошло с тех пор, как умер отец? Ты отдаешь корону и трон чужим людям. А что делать мне, если ты уедешь? Кому довериться? Пошлем посла и попросим девушку тебе в жены. Если ее отец откажет, что-нибудь придумаем.

Мелек-шах не мог устоять перед мольбами матери:

— О матушка! Если хочешь, поезжай со мной и ты.

Женщина только этого и ждала. Она сразу же с радостью согласилась.

Матери Мелек-шаха было сорок лет, но выглядела она молодой и красивой, будто ей не было и тридцати. Она очень заботилась о своем здоровье и сумела сохранить красоту, страстность и пылкость нрава.

Мелек-шах хотел странствовать неузнанным. Поэтому он переоделся и не взял с собой никого, кроме матери.

Через два дня они подъехали к большой крепости. Войдя в крепость, они увидели, что там никого нет, и решили ждать у ворот крепости ее хозяина.

Вскоре появился и он. Это был пехлеван, рослый, сильный и красивый человек. Звали его Гюнаном Силачом. Он добывал средства к жизни грабежом.

Гюнан очень хорошо принял гостей, но делал это не ради Мелек-шаха, а из-за его матери. Гюнан, как и все разбойники, был равнодушен к женщинам.

Мы говорили, что мать Мелек-шаха была женщиной пылкого нрава. Увидев Гюнана Силача, она влюбилась в него. Воспользовавшись тем, что Мелек-шах на некоторое время вышел, его мать сказала пехлевану:

— Ты мне очень понравился. Я до безумия люблю красивых

мужчин и не хочу ни на минуту разлучаться с тобой. Давай вместе жить здесь!

Но предательнице-матери этого показалось мало:

— Мой сын будет мешать нам... От него надо избавиться... Только ты можешь это сделать.

Гюнан Силач ответил:

— Я на все готов, но только не это. Храбрец не может убить храбреца тайком, это подло. Есть другой выход. В двух часах пути отсюда есть яблоневый сад. Кто туда пойдет, уже не вернется. Притворись больной. А я пошлю твоего сына в этот сад за двумя целебными яблоками. В саду живет лев. Когда твой сын будет рвать яблоки, лев его растерзает.

Женщине эта мысль понравилась. Она тотчас же легла в постель и, когда пришел Мелек-шах, принялась стонать.

Тот спросил:

— Матушка, что с тобой?

Гюнан Силач ответил:

— Твоя мать заболела. В двух часах пути отсюда есть сад с целебными плодами. Принеси оттуда пару яблок, дай их матери, и ты спасешь ее.

Юноша тотчас вскочил на коня и поскакал к этому саду. Когда Мелек-шах сорвал яблоки и положил их к себе за пазуху, он увидел, что к нему приближается страшный лев с разверзнутой пастью, готовясь растерзать его. Мелек-шах схватил меч и искусным ударом отсек льву голову.

Женщина съела яблоки, и, чтобы скрыть обман, ей пришлось притвориться, что она поправилась.

На другой день юноша услышал, что мать снова стонет. Он спросил:

— Матушка, ты опять заболела?

Женщина слабым голосом ответила:

— Да, дитя мое. Я снова заболела. В трех часах пути отсюда есть сад, где растут гранаты. Они помогают от болезни. Если ты принесешь два граната, я, может быть, поправлюсь и больше уже не заболею.

Мелек-шах вскочил на коня и снова отправился в путь. По дороге ему встретились два льва. Но они не только не напали на него, но даже и не приблизились к нему. Это придало Мелек-шаху смелости. Он сошел с коня и спокойно стал гладить львов. Потом юноша снова сел на коня и продолжал путь. Когда Мелек-шах приехал в сад, он уселся под деревом, чтобы отдохнуть, и заснул.

А тот сад принадлежал сорока разбойникам. Эти головорезы отрубали головы всем, кто приходил туда. Один из разбойников, увидев, что Мелек-шах спит в саду под деревом, тотчас выхватил меч и подошел к нему. Когда он уже поднял меч и собирался нанести удар, прибежали те два льва и растерзали его. Оказывается, львы, очень довольные лаской юноши, незаметно последовали за ним. Потом львы разорвали на части и остальных разбойников.

Открыв глаза, юноша увидел рядом с собой львов, которых он встретил по дороге, а вокруг растерзанные тела и сорок мечей на земле. Мелек-шах понял, в чем дело, и стал целовать львов, которые спасли его от гнева разбойников.

Прямо перед собой юноша увидел какой-то дом и, войдя внутрь, открыл первую попавшуюся дверь. Там сидела и рыдала прекрасная девушка. Это была дочь правителя Хиндустана, ее звали Чешми-Наз. Ее похитили сорок разбойников. Они согласны были освободить девушку, если получат от ее отца выкуп в тысячу кошельков с золотом. Рассказывая все это, девушка время от времени глубоко вздыхала и нежно смотрела в глаза Мелек-шаху. Девушке очень понравился этот юноша, но она не смела признаться в этом, а сам он ни о чем не догадывался. Все его помыслы были только о его возлюбленной — Гюллю-хан. По откуда об этом могла знать Чешми-Наз!

Мелек-шах не мог долго оставаться здесь. Ему нужно было отвезти больной матери гранаты и спасти ее. Он вывел девушку из дома и окликнул проходившего мимо человека:

— Слушай! Отвези эту девушку к правителю Хиндустана. Он так щедро тебя наградит, что ты станешь богачом. Но если в дороге ты замыслишь что-либо худое — ты погиб. Я колдун и, когда захочу, найду и убью тебя.

Это был честный человек. Он принял предложение и условия Мелек-шаха. Мелек-шах вошел в конюшню и вывел двух коней. Одного дал девушке, а второго — человеку, который должен был отвезти ее в Хиндустан. Отправив их в путь, он снова пошел в дом и сложил все, что нашел ценного, но легкого по весу, в мешок. Потом сорвал гранаты и направился в обратный путь. Львы шли за ним следом.

А мать Мелек-шаха говорила Гюнану Силачу:

— Что нам делать, если он вернется сегодня ночью? Как нам от него избавиться?

Пехлеван ответил:

— Если он снова придет, значит, у него есть талисман. Пока мы этот талисман не уничтожим, мы бессильны против него.

Как раз в это время и вошел юноша. В руке у него были два граната, а за плечами — мешок. Мелек-шах слышал часть разговора, но не мог и подумать, что речь шла о нем. Увидев мать совершенно здоровой, он удивился:

— Слава Аллаху! Как быстро ты поправилась!

— Прости, дитя мое. Я не была больна, а хотела тебя испытать. Я хотела узнать, действительно ли ты меня любишь.

— Хорошо, но ты посылая меня в опасные места. А если бы я погиб?

— Я полагаюсь на твою силу и храбрость.

Тут в разговор вмешался пехлеван:

— Ты и вправду удивительный богатырь, Мелек. Давай я закую тебя в цепи и посмотрим, сумеешь ли ты порвать их.

Юноша согласился, и его крепко заковали в толстые цепи. Он натужился и сразу разорвал их.

Мать удивилась:

— Что придает тебе такую силу?

— Эту силу дают мне три белых волоска на голове.

Наступила ночь. Когда все уснуло, коварная мать встала, подошла к изголовью сына и вырвала три белых волоска с его головы.

На другой день снова заговорили о силе. Женщина сказала:

— Многие силачи могли разрывать цепи, а вот толстые веревки одолеть не могли. Не хочешь ли попробовать?

Юноша охотно дал себя связать. Но сколько он ни тужился, никак не мог разорвать веревки и освободиться. Подлая мать увидела, что сын теперь ничего не сможет сделать, и сказала стоявшему рядом Гюнану Силачу:

— Отруби ему голову, и мы проживем счастливо.

Пехлеван ответил:

— Так, без всякой причины, один храбрец другого не убивает.

И с этими словами он вышел.

Оставшись наедине с матерью, юноша взглянул на веревки и горько рассмеялся:

— Что ж, ты рада тому, что сделала со мною, мать?

И заплакал.

А жестокая женщина выколола сыну глаза острым ножом. Потом она бросилась в объятия пехлевана.

— Любимый мой, на нас больше никто не смотрит. Я выколола ему глаза. Теперь я счастлива.

Когда наступила полночь, Гюнан Силач посадил слепого юношу на мула, отвез к какому-то дальнему колодцу и бросил туда.

Колодец был глубокий, но воды в нем не было. До самого утра Мелек-шах стонал в колодце. Перед восходом солнца он услышал чье-то дыхание у колодца. Мелек-шах встревожился, подумав, что это дикие звери. Ведь он был слеп и ничего не видел. А через некоторое время послышалось уже не дыхание, а жалобный вой. Казалось, будто пришли какие-то животные и выли, жалея пленника. И Мелек-шах стал рыдать:

О, как суров удел мой — нету мочи:
Родная мать мне ослепила очи!
Ужель мне здесь, на дне колодца, гибнуть?
О, можно ль сына покарать жесточе?

Ее любил я, всей душой ей веря,
Любимой звал ее, не лицемеря,
Как ангела я чтил ее всем сердцем —
Увы, таилась в ней жестокость зверя!

Завывания у колодца стали еще громче.

А в это время мимо проходил караван. Вожатый каравана приказал своим людям:

— Эй, друзья! В том колодце происходит что-то необычайное. Около него только что стояли и выли два льва. Сходите и посмотрите, что там делается.

В караване было два человека, славившихся смелостью и бесстрашием. Одного звали Дели Ахмедом, а другого — Дели Мехмедом. Приятели вызвались пойти и узнать, в чем дело. Дели Ахмед и Дели Мехмед с трудом вытащили юношу. Когда они увидели, что у него выколоты глаза, им стало его очень жалко. Особенно их удивило то, что два льва сразу же перестали выть, как только Мелек-шаха вынули из колодца.

Оказывается, львы ждали Мелек-шаха у ворот крепости Гюнана Силача. Когда в полночь Гюнан Силач повез юношу к колодцу, львы последовали за ними. Преданные животные не хотели покинуть Мелек-шаха...

Мелек-шаха привели к главному из купцов. Тот перевязал юноше глаза и спросил, что с ним случилось. Мелек-шах поведал обо всем. Не забыл он рассказать и о львах.

А вожатый каравана был, оказывается, старшим среди куп-

цов правителя Хиндустана. Он взял юношу с собой и привез в Хиндустан.

— Подожди меня немного здесь,— сказал он.— Я сдам товары, а потом вернусь за тобой. Не беспокойся! Отныне ты мой брат. Я готов сделать все на свете, чтобы ты снова стал видеть Мелек-шах безнадежно покачал головой:

— Это невозможно. Мне выкололи глаза. Мать вырвала их и выбросила.

Прошло какое-то время с тех пор, как дочь правителя Хиндустана Чешми-Наз освободилась из плена и вернулась домой. Однажды ей захотелось погулять. Взяв с собой няню, она отправилась за город. На обочине дороги, под деревом, Чешми-Наз заметила слепого юношу. Его лицо показалось ей знакомым. Она дала было ему несколько золотых, но он отказался:

— Спасибо. Деньги мне не нужны.

— Тогда почему же ты здесь сидишь?

— Я несчастный чужестранец. Ничего тут не знаю. И у меня нет глаз.

Девушка задумалась. Ей казалось, что она знает этого юношу. Но где она его видела? Чешми-Наз никак не могла припомнить. Она предложила:

— Хочешь пойти со мной?

— Куда?

— Во дворец. Я отдам тебя нашему главному повару. Он очень хороший человек и будет заботиться о тебе, как о собственном сыне.

Юноша по голосу узнал Чешми-Наз и сразу же согласился:

— Раз вы так желаете, я пойду с вами.

Чешми-Наз привела Мелек-шаха во дворец и передала главному повару, приказав:

— Смотри, хорошенько приглядывай за несчастным. С ним произошло великое несчастье. Его речь и внешний вид выдают его благородное происхождение.

Главный повар обещал сделать все. Когда Чешми-Наз вышла и юноша остался наедине с главным поваром, тот спросил:

— Сынок, как тебя зовут?

— Мелек-шах.

— Но это имя, которое подобает носить шахзаде!

— Почему шахзаде? Какая разница между ними и нами? Разве не все мы люди?

— Ты говоришь умно. Видно, тебе пришлось немало пережить. Расскажи, что с тобой случилось.

Мелек-шах рассказал все, как было. Повар слушал его рассказ, и слезы лились у него из глаз, а сердце разрывалось от жалости.

Прошло два дня. Случайно в разговоре Мелек-шах сказал главному повару:

— Какой. оказывается, беспомощный человек ваш правитель! Почему он не освободил дочь из рук сорока разбойников?

Тот рассердился:

— Если не он ее освободил, так кто же? Может быть, ты? Разве можно человеку так говорить о государе, чей хлеб он ест?

— Если я скажу, что я освободил дочь вашего государя, то это будет чистая правда. Но, увы! Кто мне поверит?

Повар решил, что юноша сошел с ума. При случае он рассказал об этом Чешми-Наз. Девушка совсем не удивилась. Лицо юноши казалось ей знакомым. Она пришла к нему, стала внимательно в него всматриваться и узнала. От радости Чешми-Наз захлопала в ладоши и воскликнула:

— Вот мой спаситель!

Она тотчас побежала к отцу:

— Отец, пришел юноша, который меня спас и отправит на родину.

Правитель поспешил на кухню, обнял и прижал к груди юношу, как родного сына. Он велел приготовить для Мелек-шаха роскошные покон.

Чешми-Наз без памяти любила своего спасителя, ни на минуту не хотела покинуть его и испытывала великое блаженство оттого, что была вместе с ним. Она твердо решила не выходить ни за кого замуж, кроме него.

Однажды они гуляли в саду. Чешми-Наз усадила слепого юношу там, где его никто не мог увидеть, и сказала:

— Мелек-шах, я тебя безумно люблю. Я попрошу отца, пусть он нас поженит!

Юноша покачал головой:

— Это невозможно! Я пошел на все эти страдания ради Гюллю-хан и дал слово, что не полюблю никого, кроме нее.

Чешми-Наз стала умолять его:

— Поцелуй меня хоть раз!

— Увы, и это тоже невозможно. Я люблю тебя, как брат.

— А если бы здесь была Гюллю-хан, ты бы ее поцеловал?

— Ах! Пошлет ли Аллах когда-нибудь такое счастье?

— Я уважаю твою любовь. Как счастлива эта девушка, что ты ее любишь! Но хоть вместо Гюллю-хан обними и поцелуй меня!

Мелек-шах немного подумал, потом обнял Чешми-Наз и стал ее целовать, целовать, пока не лишился чувств.

На следующий день молодые люди снова изливали друг другу свои печали. Мелек-шах рассказывал о самом печальном в своих приключениях — о том, как мать выколола ему глаза.

Когда Мелек-шах говорил о своих глазах, одна птица сказала другим:

— Жалко мне этого молодца! Не подобает ему жить слепым. Пусть он сорвет лист с ветки, на которой я сижу, и потрет себе глаза.

А Мелек-шах понимал язык птиц. Услышав слова птицы, он сказал Чешми-Наз:

— Хорошенько осмотри ветку, на которой сидит и чирикает эта птица. Сорви с ветки один лист и дай мне.

Девушка сорвала лист с той ветки. Мелек-шах с глубокой верой в исцеление потер им глаза. Лекарство подействовало быстро, и глаза юноши открылись.

Через неделю после этого Мелек-шах сказал Чешми-Наз:

— Теперь мне нужно ехать. Я еще вернусь. Дай слово, что ни за кого не выйдешь замуж, пока я не вернусь. Я люблю и тебя.

Девушка согласилась.

Мелек-шах нашел своих львов, сел на коня и отправился в путь.

После многодневного пути он прибыл к крепости Гюнана Силача. Мелек-шах незаметно проник в крепость и внезапно открыл дверь комнаты, где находились Гюнан Силач и его мать. Юноша приказал львам растерзать их и так отомстил своей бесчестной и подлой матери.

Больше он не мог там оставаться и продолжал путь. Ему встретилась большая лужайка, на которой стояли шатры купцов. Мелек-шах пошел к вожатому каравана, приветствовал его и спросил, куда он направляется. Тот ответил:

— К себе на родину, в Йемен.

При этих словах Мелек-шах упал к ногам вожатого каравана и стал умолять:

— Ради Аллаха, помоги мне! Я влюблен в дочь государя Йемена, люблю ее всем сердцем.

И он рассказал обо всем, что с ним произошло.

Вожатый каравана выслушал его с большим вниманием и сказал:

— Я приведу тебя к государю, потому что я старший из его купцов. Но если он заставит тебя играть на сае и петь, ты не должен упоминать ни его имени, ни имени дочери. Иначе он казнит и тебя и меня.

Правителю Йемена доложили о приходе старшего из купцов. Государь принял его. После подобающего приветствия пришедший сказал:

— Ваше величество, со мной приехал поэт, равного которому нет на свете.

Государь ответил:

— Приведи его, посмотрим, что это за поэт.

Глава купцов исполнил приказание. Правитель спросил:

— Сын мой, откуда ты родом? Откуда едешь?

— Ваше величество! Если разрешите, я расскажу вам, откуда и почему приехал.

— Расскажи.

О господин мой, властелин могучий,
Жестoko я сражен бедой горючей:
Любимую ищущу, свой край покинув,
Бреду, влеком моей любовью жгучей.

В долинах брел и меж крутых хребтов я,
Бежал быстрее горных родников я.
Страсть к Гюллю-хан сжигает мое сердце,
Ради нее и смерть принять готов я!

Едва Мелек-шах упомянул имя Гюллю-хан, глава купцов хотел бежать. Но юноша удержал его и продолжал:

Что ж, Мелек-шах, твоя открыта тайна,
Да станет явным, что скрывалось тайно!
О Гюллю-хан, о свет моих очей,
Тебя люблю я страстно и бескрайно.

Едва лишь вспомню образ моей милой —
Пронзает кряжи гор мой стон унылый.
Меня Меджнуном горестным зовут,
Влачащим жизнь в чужбине опустылой.

Государь не только не рассердился, но, наоборот, обрадовался, так как знал, что и дочь его влюблена. Он подумал: «Если это тот юноша, которого любит дочь, то я их пожению. Чтобы узнать это, есть простое средство. Пусть они встретятся и пого-

ворят друг с другом. Если поладят, прекрасно. А нет, так этим все и кончится».

Повесили черный занавес. По одну его сторону сел Мелек-шах, по другую — Гюллю-хан.

Мелек-шах обратился к своей возлюбленной:

О, дай хоть раз взглянуть мне на твое чело,
Не прячясь, горе мук всю душу извело!
Огонь любви к тебе сожжет меня дотла,
Весь мир бы не вместил мне выпавшее зло!

Узрев тебя во сне, я страсть любви постиг —
Навек твоим рабом я стал в единый миг.
Как долго я страдал, стонал под гнетом мук,
И день и ночь со мной был твой прекрасный лик!

В огне любви сгорел от страсти Мелек-шах,
Витает его стон в предвечных небесах.
Ужель свиданья час в награду не пошлет
Печальному рабу всеведущий Аллах?

Но девушка засомневалась: может, кто-то другой выдает себя за Мелек-шаха. А юноша меж тем продолжал:

Среди красавиц я искал тебя одну,
Мечтал, что на тебя хоть невзначай взгляну!
Увы, найти не смог, и горем я объят:
В темнице жизнь влачу — в безрадостном плену.

О Гюллю-хан, молю: страдальца пожалей,
Ужель предела нет тоске-беде моей?
О, если б нас с тобой навек свела судьба —
Дала б изведать нам блаженство светлых дней!

О, пожалей, не мучь, участием оживи,
Укором не терзай — неверным не зови!
Мученьям страсти нет на свете равных мук.
О, увенчай меня венцом твоей любви!

Теперь Гюллю-хан убедилась, что юноша действительно ее возлюбленный. Он взяла саз и ответила:

О Мелек-шах, ты здесь, минули дни тревог!
Как долго я с тоской смотрела в даль дорог!
Приди, любимый мой, прильни и обойми:
Что было, то прошло,— да пощадит нас бог!

Мелек-шах пропел в ответ:

Покинул я свой край, ушел стезей невзгод,
Измучен болью ран, терпел я страсти гнет.

Но счастлив я теперь: страданиям — конец,
Желанного достичь приспел и мой черед!

Государь, который с большим вниманием слушал их беседу, приказал убрать занавес. Как только его убрали, Мелек-шах и Гюллю-хан бросились друг к другу в объятия.

Через неделю должна была состояться свадьба. Но этому помешала смерть правителя, скончавшегося от разрыва сердца. После смерти отца два брата девушки — оба смелые, как львы, — не захотели отдать сестру за Мелек-шаха. Они отвезли ее к дереву по имени Кара-хан. Тот был умным человеком и, заподозрив что-то неладное, велел задержать братьев.

Когда Мелек-хан узнал, что его возлюбленную отвезли к Кара-хану, он тотчас поспешил к нему, рассказал все и попросил отдать ему Гюллю-хан.

Деребей, убедившись в том, что юноша и девушка действительно любят друг друга, отдал Гюллю-хан Мелек-шаху. А братьев девушки он освободил и сказал им при этом:

— Ваша сестра любит юношу, и юноша любит ее. Поэтому ваш долг помочь их женитьбе.

Братья разгневались, а влюбленные были полны счастья.

Мелек-шах и Гюллю-хан не могли больше оставаться в Йемене. Они сели на коней и направились в заброшенную крепость Гюнана Силача, где оставались львы Мелек-шаха. Подъехав к крепости, они увидели львов у ворот. Мелек-шах и Гюллю-хан забрали львов с собой и продолжали путь.

Они ехали больше недели, не подвергаясь никаким опасностям, как вдруг увидели, что к ним приближается, вздымая пыль, многочисленное войско. Войско шло, чтобы отнять Гюллю-хан у Мелек-шаха. Впереди ехали двое молодцов, похожих друг на друга. С первого взгляда было ясно, что это братья и что сражаться они будут храбро. Эти всадники были братьями Гюллю-хан. Они не хотели отдавать сестру за чужестранца. Едва они получили свободу, как тут же собрали войско и устремились в погоню.

Мелек-шах остановил коня и сказал возлюбленной:

— Поднимись вон на тот холм и смотри, какая будет кровавая битва. Мои львы легко справятся и с войском в десять раз большим, чем это.

Гюллю-хан послушалась Мелек-шаха, поднялась на холм и стала наблюдать за битвой.

Старший из братьев выехал вперед и закричал:

— Придержим-ка до времени моих воинов и твоих львов и сразимся друг с другом.

Мелек-шах согласился, сделал львам знак сидеть смирно и погнался коня.

Первым начал брат Гюллю-хан, но ему не удалось поразить своего врага. Мелек-шах дал ему еще два раза напасть на себя, но брат его возлюбленной снова ничего не смог сделать.

Наступила очередь Мелек-шаха. Он поднял коня на дыбы и крикнул:

— Берегись!

Одним ударом Мелек-шах отсек голову врагу.

Тогда младший брат приказал воинам:

— Поворачивайте обратно! Кому же и отдать сестру, как не такому храброму воину!

Он подъехал к Мелек-шаху, пожал ему руку и сказал:

— Поздравляю тебя! Ты действительно великий воин. Я согласен, чтобы ты женился на моей сестре. Пусть Аллах даст вам обоим счастье!

Мелек-шах обнял юношу, который теперь породнился с ним, и сказал:

— Если ты поедешь со мной в Хиндустан, ты будешь счастлив.

Тот согласился, и они отправились в путь. Когда они уезжали, Гюллю-хан прижала к груди голову старшего брата и заплакала:

— О мой бедный брат, ты погиб по своей вине! Пусть всевышний пошлет тебе райское блаженство!

Когда Мелек-шах, Гюллю-хан и ее брат прибыли в Хиндустан, они встретили девушек, которые веселились на площади. Мелек-шах, не увидев среди них Чешми-Наз, спросил о ней. Девушки посоветовали к Чешми-Наз сказать о приезде Мелек-шаха.

Чешми-Наз от радости словно на крыльях летела. Она уже перестала надеяться, что Мелек-шах вернется.

Прошло две недели с тех пор, как Мелек-шах вернулся в Хиндустан. Государь отвел гостям особый дворец. Мелек-шах, Гюллю-хан и ее брат Кахраман-бей были очень довольны гостеприимством.

Однажды Чешми-Наз встретила Мелек-шаха одного и сказала:

— Мелек-шах! Тебя любили двое — Гюллю-хан и я. Но я подумала, что если любовь поделить, то своего жара она не со-

хранит. Я решила принести жертву и отказываюсь от любви к тебе. И ты откажись от любви ко мне. Давай будем братом и сестрой. А раз мы брат и сестра, уговори моего отца отдать меня в жены Кахраман-бею.

— Я сам собирался сказать тебе это, но не смел, боясь, что ты рассердишься. Кахраман-бей безумно любит тебя. Да пошлет Аллах счастье и вам и нам!

На другой день Мелек-шах предстал перед государем, рассказал ему обо всем и попросил его согласия. Тот с удовольствием согласился и хотел, чтобы обе свадьбы устроили в один день. Свадьбы справляли сорок дней и сорок ночей. Все достигли желаемого.

После свадьбы Мелек-шах со своей возлюбленной вернулся в Гилян и стал править страной. А Кахраман-бей с Чешми-Наз вернулся в Йемен и стал править вместо своего отца. Оба прожили счастливо до конца своих дней.

Сюллиани и Гюльпери

Что пытаться-узнавать про мою судьбу:
Нет богатств у меня, ноша бед — со мной!
Так уж мне горький рок начертал на лбу:
Саз со мною да стих, что пропет, — со мной!

Зря ли бродит ашуг — его песнь мудра!
Есть понятливый люд — знает смысл добра,
Лишь безбедный недобр; злата-серебра
Ни в мороз, ни в жару нет как нет со мной!

Лишь для тех мой рассказ, кто поймет намек,
Кто горнем любви свое сердце сжег.
Правду в мире искать — лучше дай зарок:
Не найдешь, хоть пройдешь целый свет со мной!

На расстоянии часа пути от нахийе Ид, в провинции Нарман, среди голых скал, находится тихая и мирная деревня, которая называется Самикале. Здесь жил один бедный и честный человек, по имени Хасан, из рода Касыма. Он добывал себе пропитание тем, что работал у деревенских богатеев. Хасан был очень хорошим семьянином. Больше жизни своей он любил сына Хусейна.

Да будет проклята бедность! Когда Хусейну исполнилось одиннадцать лет, отец отдал его в пастухи пасти деревенских телят. Утром, задолго до того, как из-за голых, бесплодных хол-

мов показывалось солнце, мальчик собирал телят и уводил их то к широкой долине за деревней, то к самому Айлакташу. А вечером, с заходом солнца, он возвращался в деревню.

Уже в этом возрасте он был совсем не похож на своих деревенских сверстников. Хусейн был робким, застенчивым и молчаливым. Он никогда не шалил, любил уединение. Характер его не изменился и когда он вырос. Жители деревни полюбили Хусейна еще с детских лет. По вечерам, пригоняя телят в деревню, Хусейн не подходил к ребятам, игравшим на гумне. Даже когда они звали его, он проходил мимо, смотрел на них издали и возвращался домой. Он никак не мог забыть истории, которые он услышал от ашыка здесь, в деревне, года два тому назад, и постоянно думал о них. От того ашыка Хусейн слышал стихи и рассказы белобородых ашыков, которые по сорок лет играли на сазе, да так, что соловьи садились на саз, которые видели серн сорока стран и вступали в состязание с другими ашыками, побеждая многих из них. И уже в этом возрасте рассказы ашыков вызывали в нем радостное чувство, заставляя биться его сердце.

Хусейн слышал много сказаний о битвах и от отца. И в его сердце пробудилась великая любовь к павшим в сражениях.

Однажды мальчик с отцом отправился в Айлакташ. Там кое-где были могильные холмики. Его отец долгое время не бывал здесь. Когда он увидел, что эти холмики заросли травой и колючками, он сказал:

— Увы, сын! Что стало с этим местом! А ведь здесь лежат святые мученики за веру¹. Почисти камни, Хусейн. Ты будешь вознагражден за это.

Отец объяснил сыну, что нужно делать, и показал ему, какие из холмиков были могилами.

Отец ушел. А Хусейн, пока пас скот, очистил могилы от травы и колючек. Вокруг каждой из них он сложил низкую ограду из мелких камней.

Солнце было уже высоко. Изнемогая от жары, Хусейн прилег отдохнуть в тени камня и крепко заснул. Телята паслись, а он спал. И увидел мальчик такой сон.

К Хусейну подошли три дервиша. На головах у них сидели сорок голубей с распростертыми зелеными крыльями. Дервиши показали ему три буквы на зеленом листе и сказали:

— Дитя, прочти буквы на этом листе!

Хусейн отвечал:

— Я не умею читать, я еще маленький.

— Не беспокойся, — сказали они, — мы тебя научим.

Дервиши тут же повелели ему совершить омовение и сотворить намаз с двумя коленопреклонениями². А затем стали учить его, так что он сумел прочесть эти три буквы. Это были буквы *з*, *п*, *и* — первая, средняя и последняя буквы имени Гюльпери. Так звали девушку, которую они ему затем показали.

Один из дервишей поднял пустой кубок вверх, а когда опустил его, тот оказался наполненным вином. Дервиш протянул его Хусейну со словами:

— Сын мой! Выпей это вино за свою возлюбленную. А живет она в стране Чин-Мачин, в городе Бадахшан. Отец ее — Аббас-хан, а ее зовут Гюльпери.

Хусейн взял кубок из рук дервиша и с трудом выпил вино. Как только он выпил вино, по всему его телу пробежала дрожь, потом его бросило в жар.

А другой дервиш показал ему в стае летающих над их головами голубей образ прекрасной девушки. Это была Гюльпери.

Дервиш обратился к Хусейну:

— Смотри! Девушка, которую ты видишь сейчас, — твоя возлюбленная Гюльпери. Ты будешь любить ее всю жизнь. И она тоже вышьет вина за твое здоровье и полюбит тебя. Всю жизнь Гюльпери будет пылать любовью к тебе. Смотри хорошенько, но только не моргай. Иначе будешь тосковать по ней до Страшного суда.

Но при виде красоты этой девушки Хусейн не мог не моргать: сияние, исходившее от ее лица, слепило его.

Дервиши сказали ему:

— Ты нас не послушался и за это будешь нести наказание всю жизнь.

Затем они обратились к девушке:

— Девушка! Возьми вино и выпей его за здоровье юноши, которого ты будешь любить. Он живет в вилайете Эрзурум провинции Нарман, в деревне Самикале, и зовут его Хусейном.

Гюльпери взяла вино и выпила его. Она тоже ощутила жар во всем теле. Дервиши дали им выпить еще по два кубка вина. Когда вино было выпито, девушка исчезла.

Дервиши увлекли за собой Хусейна. Они перенесли его через бескрайние моря, дремучие леса и горы, где водились хищные звери, и опустили во дворце в Бадахшане. Этот дворец принадлежал Аббас-хану, отцу Гюльпери — возлюбленной Хусейна, за здоровье которой он выпил вино. Один из дервишей раздвинул зеленый занавес и снова показал ему Гюльпери. Хусейн не мог удержаться и хотел обнять девушку. Но дервиши сказали ему:

— Погоди, сынок. Знай, что любовь — страдание³. Не каждому дано испытать это страдание. Трудно будет тебе, ты можешь и погибнуть. Что будет потом, знает только Аллах.

Дервиши схватили Хусейна, положили его на спину и задержали зеленый занавес.

Тут Хусейн и проснулся. Он был весь в поту.

Хусейн заснул в шесть часов утра в тени скалы. Вечером, когда настало время возвращаться домой, телята пришли одни. А Хусейн все еще спал. Он проснулся только в полночь и не увидел своих телят. Совершенно разбитый, возвращался Хусейн домой. В ночном мраке он услышал громкий конский топот. Он остановился и прислушался. Вскоре в темноте он увидел искры, вылетающие из-под копыт от ударов подков о камни. Конь был светло-серой масти, на нем сидел белобородый старец. Подъехав к Хусейну, он сказал:

— Мир тебе, Сюммани.

Хусейн удивился, он не мог понять, кто такой Сюммани.

Всадник продолжал:

— Не удивляйся и не пугайся, сынок! Ты достиг того, что тебе суждено. Теперь имя твое — Сюммани. Три месяца никому не говори, что ты видел во сне в Айлакташе.

Всадник прищипорил коня и ускакал.

С этого времени имя мальчика стало не Хусейн, а Сюммани.

До деревни Сюммани дошел только к утру. Три месяца, как и велел ему всадник, он никому не говорил о своем сне.

Прошло три месяца. Однажды в зимний день жители деревни собрались в доме для приезжих⁴ и по очереди пели песни. Среди них был и Сюммани.

Когда очередь дошла до Сюммани, присутствовавшие там хотели было пропустить этого застенчивого юношу, чтобы не смущать его еще больше:

— Пусть Сюммани послушает, он еще молод. Пусть поучится сначала, потом будет петь.

Но Сюммани с нетерпением ждал своей очереди и не согласился с этим. Он сказал, что знает песни и хочет петь.

— В таком случае, — отвечали ему крестьяне, — пой. Мы слушаем. Мы думали, что ты не знаешь песен.

И Сюммани начал:

Я очнулся от сна, всей душой смущен:
Вижу — свет на весь мир с четырех сторон,
В блеске — трое мужей⁵, словно вижу сон,
Смутно слышу слова — речь едва слышна.

Подошли — сон вспорхнул и исчез вдали:
Как-никак напса плоть — только прах земли!
Три зеленых листка дали мне — внемли!
Вижу — буквы на них, все прочел сплозна.

А едва прочитал — сокрушенным стал,
Словно в раны впились сотни острых жал,
Вижу — кубки кругом. Дали мне фиал,
Старцы подали мне — все испил до дна.

Все испил я до дна, был осадок ал,
Восемнадцать часов ровно пел-играл!
Лик желанный тогда предо мной предстал —
Львь благого чела стала мне видна.

И рекли мне они: «Слушай, Сюммани,
Горе точит людей — в бездне мук они,
Будь подмогою им, радость им верни,
Эта доля творцом лишь тебе дана!»

Когда Сюммани кончил петь, все удивленно молчали. Никто не ожидал этого от Сюммани. Правда, крестьяне замечали, что в последнее время с ним что-то происходит. Теперь они поняли, что Сюммани — настоящий ашык. Только играть на сазе он еще не научился.

Летели дни, и любовь его к Гюльпери все росла. Каждую ночь он беседовал с нею во сне, и однажды Гюльпери сказала ему, чтобы он научился играть на сазе.

Сюммани поведал теперь всем, как три дервиша явились к нему во сне и дали ему выпить вина любви и что его возлюбленная — Гюльпери, дочь Аббас-хана, правителя Бадахшана. Желание Сюммани научиться играть на сазе росло с каждым днем. Отец одобрил это желание сына.

И вот однажды они отправились в Нарман, а оттуда в Эрзурум. В Эрзуруме они заходили в кофейни, где пели ашыки. Сюммани глаз не мог оторвать от сазов. А отец подходил к ашыкам и говорил им, что его сын хочет играть на сазе. Одни ашыки, важничая, отвечали, что играть на сазе нелегко, что сначала надо несколько лет быть слугой при каком-нибудь ашыке⁶. Другие жалели сына бедняка, давали ему советы, объясняли, как надо играть, учили его разным ладам, говорили их названия.

Отец Сюммани кое-как наскреб денег и купил ему саз. Теперь Сюммани перестал спать по ночам и без усталости играл. И вот через некоторое время, приложив много упорства, он научился так хорошо играть, что у него появилось желание помериться силами с лучшими ашыками⁷ Эрзурума.

Однажды в одной из кофейен Эрзурума играл на сазе самый знаменитый ашык того времени — Эрбаби. Ему сказали, что Сюммани желает с ним состязаться. Этот всем известный поэт из квартала Джафери в Эрзуруме не захотел отказать мальчику. Он дал согласие вступить с ним в состязание. Эрбаби усадил Сюммани напротив и сказал:

— Сынок, слушай меня внимательно. Ты еще мальчик. Ты должен учиться, почаще слушать ашыков. И если у тебя есть что-то в душе, ты станешь прекрасным ашыком. Послушай хорошенько, что я теперь прочту.

И Эрбаби прочел два бейта.

Сюммани, которому дар ашыка дал сам Аллах, сыграл затем на сазе, да так, что Эрбаби этого совсем не ожидал. И его ответ оказался лучше, чем стихи Эрбаби. Тогда Эрбаби прочел другие стихи. Сюммани тотчас ответил на них и сам обратился со стихами к ашыку. Ответить на них Эрбаби не сумел. Затем Сюммани пропел:

Если вечной весне суждено цвести —
Сгинут зимние дни, все уйдет-пройдет.
Лжи-обману не верь, сам не лги, не льсти:
Как обман ни храни — все уйдет-пройдет!

К дальним долам-горам проложить бы след,
Дать бы волю мечтам милых детских лет!
Нет, не верь тем садам, где роскошен цвет,
Их красе стыть в тени — все уйдет-пройдет!

Бойся лживой любви: от нее — беда.
Лести верит глупец — много в ней вреда,
Где торговля плоха, там и жизнь худа,
Ложь всем бедам сродни, — все уйдет-пройдет!

Не любому певцу путь любви широк!
Если сам ты постичь свет красы не смог,
Горький жребий судьбы да жестокий рок
Изведут Сюммани — все уйдет-пройдет!

Тогда находившиеся в кофейне почитатели Эрбаби сказали отцу Сюммани:

— Зачем ты привез сюда этого мальчишку и разрешил ему спорить с таким великим ашыком, как Эрбаби?

И они сильно избили его. Когда же они хотели побить и Сюммани, один из посетителей кофейни выхватил нож и защитил его.

Однажды Сюммани опять играл в одной из кофейен Эрзуру-

ма, и, чтобы показать свое искусство тем, кто не обращал на него внимания из-за его молодости, он прочел стихи:

Я бродил по земле, обходя весь свет,
Да завихрил ураган пыль дорог назло.
По раздольям я шел да не ведал бед,
Вдруг сломил душу страх — подстерег назло.

Я стезею любви шел да брел пешком,
Страстью к милой влеком, с хворью стал знаком.
Хворь лечить — к лекарям припал тайком,
Их подмога была мне не впрок — назло!

Не узнает сей мир моих бед-невзгод,
Жизнь пройдет-отойдет, все сметет-снесет!
Весть от милой придет раз за долгий год,
Все во зло обернет злобный рок — назло!

Век влюбленных тяжел — не сочтешь тревог:
Боль да муку терпеть им творец предрек,
Но к одним, Сюммани, милосерден рок,
А к другим он суров и жесток — назло!

Потом Сюммани вернулся домой в деревню. За время пребывания в Эрзуруме он научился очень хорошо играть на сазе. Его саз пел, как соловей. У Сюммани не было хорошего голоса, но он умело скрывал это прекрасной игрой на сазе. Однако отсутствие хорошего голоса очень огорчало его.

В деревне не было ни одного человека, который не любил бы Сюммани. По вечерам он собирал односельчан и под звуки саза рассказывал им о пламени, горевшем в его сердце, приводя всех в восторг. Почитаемые в деревне старцы, много повидавшие на своем веку, говорили, что Сюммани сгорает от любви. Юноша отвечал им:

Если мне кто-нибудь из красавиц мил,
Обниму, залучу — чему быть, то будет!
За нее и побьюсь, не жалея сил,
Мне и бой по плечу — чему быть, то будет!

Я по свету плутал, забыв родню,
Сам себе я книжал, сам себя казню!
Если сам оплошал — сам и суд чиню,
То терплю, что хочу, — чему быть, то будет!

Сюммани под конец так настроил саз:
Только тот молодец, кто себе указ.
Нынче, завтра творец не оставит нас:
Что он даст, получу — чему быть, то будет!

Время шло. Страсть Сюммани к Гюльпери становилась невыносимой. Он не мог больше оставаться в деревне и решил отправиться на поиски возлюбленной.

Отец хотел удержать его:

— Сынок! Я тебя берег, жертвовал всем для тебя, вырос- тил... А теперь ты покидаешь меня!

И односельчане тоже отговаривали его:

— Жаль тебя! Ты губишь себя из-за девушки, которую уви- дел во сне. Откажись от этого!

Сюммани отвечал им:

— Я знаю, что буду тосковать о Гюльпери до дня Страш- ного суда. Или я найду ее, или погибну.

Он говорил, что нельзя заставить его отказаться от решения найти Гюльпери и, как знать, может быть, он найдет ее. И он произнес такие стихи:

Никогда не бранят красоты земной,
Не наденут атлас, если он дурной,
Недозрелых плодов не едят весной,
Только это понять — быть толковым надо!

Приглянулась одна — хороша собой,
Красота ей дана, суждена судьбой:
Пред такую красотой в прах падет любовь,
А добиться любви — быть бедовым надо!

Видел сон Сюммани, красотой влеком,
Да не скажешь о том, с чем едва знаком!
Страсть к любимой горит — не дойдешь шажком,
Скакуна оседлать — быть готовым надо!

Отец и односельчане не смогли удержать Сюммани. Он не слушал их уговоров и однажды покинул деревню. Уходя, он за- пел:

Мне из этих земель путь лежит далек,
Я с друзьями прощусь, выйду в даль дорог,
Путь мой к милой моей — в ее край пролег —
Мне указан судьбой к Гурджистану путь!

Мне б пайти Гурджистан, обрести покой,
День за днем я пойду, обуян тоской.
Счастья там не найду — знать, мой рок такой:
Стану новый искать — к Куффристану путь.

А приду в Куффристан — кто меня поймет?
Сладость жизни ушла — тяжек горя гнет.
«Видно, ты запутал», — скажет мне народ,
Прочь пойду да искать снова стану путь!

А в другой край уйти подойдет пора,—
Значит, там я теперь, где судьба добра!
Попадутся в пути Балх и Бухара —
Не сюда ль выпал мне — дай-ка гляну — путь?

Что мне Балх с Бухарой, если милой нет?
Упаси меня бог от любовных бед:
Снова в путь мне идти да пройти весь свет,
Скажут: «Выпал тебе к Туркестану путь!»

Дев туркменских хвалить — не найдется слов,
Нет соперниц у них — вот их вид каков!
Только скажут они: «Твой напрасен зов,
Поищи-ка теперь к Нимруд-хану путь!»

А приду — и меня схватит хан Нимруд:
Закуют в кандалы да в подвал запрут,
Изувечат-казнят — кожу всю сдерут,
Знать, туда мне, где я в бездну кану, путь!

Жить тебе, Сюмmani, горечь мук грызя,
Знать, до смерти тебе и вздохнуть нельзя!
В край семи языков пролегла стезя:
За любимой тебе — к Бадахшану путь!

Когда Сюмmani, покидая деревню, проходил по местам, связанным с воспоминаниями о детстве, душа его горела. Он шел с сазом на плече, и сердце его было объято пламенем. Он надеялся только на защиту и помощь Аллаха.

Сюмmani отправился в путь рано утром. Он шел несколько часов. Когда полуденное солнце стало сильно припекать, он подошел к источнику. Совершив омовение и намаз⁸, Сюмmani сел на скамейку около источника и заснул.

Во сне Сюмmani увидел свою возлюбленную Гюльпери. Ее волосы, черные как смола, рассыпались по плечам, лик сиял, подобно луне. Но черные глаза ее запали от слез. Она печально и безнадежно смотрела на Сюмmani. Ее брови, подобные двум лукам, пронзали сердце Сюмmani, как кинжалы.

Он вздрогнул вдруг и проснулся. Возлюбленная, которую он так жаждал увидеть, исчезла вместе со сном.

Обливаясь слезами, Сюмmani поднялся и снова отправился в путь. Вечер он провел в одной деревушке. Когда жители деревни увидели саз у него на плече, они поняли, что это ашык. Мужчины и женщины, старые и малые собрались вокруг него. Беседа была долгой. Тем, кто спрашивал, куда он держит путь, юноша отвечал, что отправился на поиски возлюбленной. Одни

одобряли это, другие говорили, что он старается понапрасву. В ответ Сюммани прозел:

Внемлите все — и старец, и юнец!
Страшусь я, как бы сердце не остыло,
Не охладить бы мне людских сердец
Безумной речью, стонущей уныло!

Влюбленные красу любимых хвалят —
Невнятная их речь сердца печалит!
На бедных горемык все беды взывают,
Моя бы речь любимую не злила!

Чем горе Сюммани я изведу?
Урок юнцам — понять мою беду!
Когда б я был садовником в саду,
Боюсь, моим бы жаром сад спалило!

Ночь он провел в этой деревне, а утром пустился в путь. Повсюду, куда приходил Сюммани, он играл на сазе, беседовал и заставлял всех полюбить себя.

А в стране Чин-Мачин, в городе Бадахшан, во дворце Аббас-хана, уже давно царила печаль. Гюльпери, единственная дочь Аббас-хана, выпила во сне вино любви к Сюммани, которое ей поднес дервиш. И с того дня, как девушка выпила это вино любви, она расспрашивала путешественников, где находятся Эрзурум, Нарман и Самикале, но ничего не смогла узнать от них. Гюльпери велела прорицателям узнать, кто такой Хусейн, но и они ничего не сказали. Так и не смогла она узнать, где живет этот юноша с печальным лицом, который иногда ночью являлся ей в сновидениях. От любви к нему Гюльпери заболела. А увидеть его, найти его было невозможно.

Проходили дни, и с каждым днем Гюльпери все больше бледнела и чахла. Радость покинула ее. Все во дворце были обеспокоены ее здоровьем, но не могли найти никакого средства, чтобы помочь ей. Каждый день она, одетая в черное, сидела у окна на тахте из зеленого атласа. Няни и служанки всякими шутками пытались развеселить ее, но все было напрасно.

Однажды ночью во сне она увидела старца, который сказал:
— Тот, кого ты ждешь, придет с запада. Там находится сердце, перенявшее цвет тех рубинов, что добывают в твоих горных копиях, — сердце, горящее, как закатное солнце.

Теперь Гюльпери все время смотрела в ту сторону, где заходит солнце, где находятся рубиновые копи. Девушка разослала повсюду своих людей. Она обещала огромный изумруд, ко-

торый висел у нее на шее, тому, кто принесет радостную весть о Сюммани или сообщит, где он живет.

Проходили недели, месяцы, но даже и следа Сюммани не могли найти. И Гюльпери, страдая от неизвестности, думала: «Неужели эта любовь такой и останется до Страшного суда?»

А Сюммани уже покинул турецкую землю и дошел до границ Кавказа. Вскоре он прибыл в Тифлис. Когда юноша бродил по городу, он встретил пожилую женщину, которая спросила его по-турецки, откуда он и куда направляется. Сюммани это очень взволновало: в чужих краях он слышал только чужую речь, а эта женщина заговорила с ним по-турецки! Он ответил ей:

— Я отправился в странствия. Посмотрим, куда приведет меня судьба!

Женщина сказала:

— Ты, видно, чужестранец. Пойдем, я отведу тебя в свой дом.

Сюммани стал отказываться. Женщина настаивала. Наконец, чтобы не обижать ее, он согласился: решил пойти выпить кофе, а потом отправиться дальше. Сюммани пошел с женщиной. Шли они довольно долго. Войдя в дом этой женщины, юноша увидел там много девушек, которые ему не понравились. По имени, с каким обращались они к той женщине, что привела его сюда, Сюммани понял, что она была не турчанка. Он тотчас же покинул этот дом. Ночь он провел в городе, а утром вновь отправился в путь.

Много дней Сюммани шел по горам и однажды подошел к очень высоким горам, между которыми вился трудный, опасный проход. Вдруг потемнело, хлынул сильный ливень, засверкали молнии, загрохотал гром. Бурные потоки понеслись с гор, покатались огромные камни. Бесперывно сверкали страшные молнии. Сюммани стал искать, где бы ему укрыться от потоков воды, и увидел что-то вроде пещеры. Оказывается, это было убежище газели и ее новорожденного детеныша. Вода проникала и туда. Сюммани отодвинул камни от входа в пещеру, и вода вытекла из нее. А газель как будто поняла, что Сюммани спас ее, и начала лизать ему руки и ноги. Он тоже приласкал газель и ее детеныша. Целых два дня, пока свирепствовала буря, Сюммани был в этой пещере с ними.

Наконец погода улучшилась. Он вышел из пещеры и остановился, не зная, куда идти. Газель, словно поняв это, выбежала из пещеры и пошла впереди. Время от времени она оборачивалась

к нему и блеяла. Сюммани следовал за газелью и думал: «Видно, во всем этом есть мудрость Аллаха». Газель довела его до деревни и исчезла.

Как-то раз Сюммани оказался в маленьком городке, также на Кавказе. Два человека, увидев у него на плече саз, подошли к нему и, насмехаясь над ним, попросили, чтобы он им сыграл. Сюммани заиграл напев, под который заставляют танцевать медведей. Те обозлились, сломали его саз, а самого сильно избили. Сюммани пожаловался правителю города. Этих людей быстро нашли, заставили купить новый саз взамен сломанного и посадили их на три дня в тюрьму.

Вскоре Сюммани покинул Кавказ и вступил на землю Ирана. Он шел из города в город, из деревни в деревню, останавливаясь там.

Однажды в пути он увидел женщин, которые пили чай и веселились. Они были очень оживленные. Изумленный красотой одной из них, Сюммани пропел:

Пред тем как вдаль отправиться, забрел в сады и кущи я
И там узрел красавицу — ладони хною светятся⁹.
И стройный стан мне нравится, и платье, словно жгущее,
Лишь тронь — и след появится, лишь тронь — и хною светятся!

Твоей красую страстно кому дано дурманиться:
Какому хану властная любовь твоя достанется?
За лик твой с розой красною и соловей расстанется,
Твои следы опасные — огонь! — и хною светятся.

Твой Сюммани отравится твоею речью сладкою:
Душе с огнем не справиться, хоть и гляжу украдкою.
Вольно ж тебе забавиться с лукавою повадкою:
Слова у той лукавицы-тихони хною светятся!

Как-то в долгий день Сюммани шел по равнине под жгучим солнцем. Наконец он дошел до местечка, где было всего четырех-пять домов и постоянный двор с деревьями и колодцем. У входа в постоянный двор стояли двое стражников. Сюммани поинтересовался у них, это ли пристанище для странников. Один из стражников, не сказав ни слова, провел Сюммани в комнату. Там в белой одежде и белой чалме сидел ходжа. Сюммани поцеловал ему руку. Ходжа усадил его рядом с собой. Он немного говорил по-турецки и, перебросившись с юношей несколькими словами, отправил его отдыхать.

Сюммани хорошо отдохнул. Утром ходжа спросил его, кто он, откуда, куда и зачем направляется. Сюммани не хотел от-

вечать прямо. Ходжа понял это. Он провел рукой по лицу юноши. И Сюммани вдруг против своей воли рассказал все, как было. Ходжа — как будто он знал, что старцы показали ему во сне Гюльпери, — молвил:

— Сынок! Без сомнения, эта девушка уже не для тебя, потому что ты не послушался совета старцев. Ты ведь моргнул, хотя они предупреждали тебя не делать этого. А теперь не изнуряй себя понапрасну. Возвращайся домой.

Сюммани задумался, но все-таки не послушался совета ходжи и снова отправился на поиски Гюльпери.

Много лишений выпало на его долю, особенно во время странствований по Ираку. Чужая страна, чужие люди... Здесь он не встретил больше никого, кто бы спросил его, кто он, откуда и куда идет, какое у него горе. Одиночество очень печалило Сюммани. Но любовь, горевшая в его сердце ярче, чем прежде, придавала ему сил и вселяла в него надежду. Вот какие стихи сложил он в дни этого одиночества:

У кого бы спросить, у кого б узнать —
Кто бы мне показал моей милой дверь?
А найдешь — не стучи, тщетно сил не трать:
Счастье щедро тебе уж открыло дверь!

У любимой моей на любовь запрет,
А садовника нет — так и розам вред.
Говорят, в Город Тайн двери-входа нет,—
Враки! Хочешь войти — дерни с силой дверь!

И безумный себе не желает зла:
Склонит шею и он, коль пора пришла!
А дойдешь до ворот — была не была:
Крепче бей, если сам ты не хилый, в дверь!

Уведи Сюммани от его дорог,
Он от века всегда одинок-убог.
Что захочешь проси: милосерден бог.
Умоли: мол, открой мне, помилуй, дверь!

Кто же покажет Сюммани путь в Чин-Мачин, в город Бадахшан, где была его возлюбленная Гюльпери? Дворец Аббас-хана и печальное лицо Гюльпери юноша мог видеть только во сне.

Сюммани дошел до Мазандерана. С сазом на плече он прошел много деревень, много постоянных дворов посетил.

Однажды ночь застала его в пути на берегу реки. Боясь хищных зверей, он не решался остаться под открытым небом. Огляделся вокруг. Впереди, справа, на высоком холме, увидел не-

большую крепость. Сюммани решил подняться туда и заночевать там. С большим трудом удалось ему добраться до крепости. Перед входом в крепость он увидел огромную огненно-красную змею, толще, чем человеческая нога, а голова ее была величиной с овечью. Змея устремилась на Сюммани голубые глаза... Больше он уже ничего не видел. Что произошло потом — он не помнил.

Утром Сюммани проснулся на берегу реки. А ведь вечером он поднялся в крепость. Как же оказался он внизу? Или кто-то отвел его сюда? Сколько времени он пробыл в крепости? Сюммани ничего этого не помнил. Он встал, чувствуя большую слабость, и с трудом отправился в путь. Долго шел Сюммани и пришел в какую-то деревушку, где и остановился. Жителям этой деревни он рассказал, что с ним произошло. Оказывается, эта крепость осталась еще со времен Шахмерана. Змея охраняет ее. Не только люди и животные не поднимаются к крепости, но даже и птицы над ней не летают. Лишь всевышний знает, сколько времени змея сторожит эту крепость и сколько еще будет ее охранять. Жители деревни были очень удивлены тем, что Сюммани остался живым и невредимым.

Уже наступила осень. Становилось все холоднее. Высоко в горах стал выпадать мелкий снег. Сюммани очень полюбили в этой деревне и угovarивали его отказаться от поисков возлюбленной или по крайней мере провести зиму здесь. Да он и сам думал об этом. Что делать? Куда идти зимой? Сюммани долго размышлял и наконец решил, что зиму он проведет здесь.

Сюммани спокойно провел зиму в этой деревне. Ее жители были очень довольны им: он много играл им на сазе и пел.

Приближалась весна. Снег и лед на реках стали таять. И Сюммани решил покинуть деревню. В начале весны он тронулся в путь.

С весной все вокруг повеселело. Только печали Сюммани не было конца. Он шел и молил: «О всевышний, дающий богатство нищим, доколе ты еще будешь испытывать меня? Я согласен вынести все, дай только увидеть мне в конце концов прекрасную Гюльпери!»

Время шло. Сюммани стал чувствовать усталость и слабость. И однажды он заболел. Тоска по родине и болезнь совсем лишили несчастного сил. На одном из постоянных дворов он слег. Никто не ухаживал за Сюммани, никто не давал ему лекарств. Только хозяин, иранец, иногда приносил ему стакан воды. Вот и все. Сюммани сумел справиться с болезнью. Он не отказался от мечты о Гюльпери, но в таком состоянии он погиб бы в пути.

Поэтому юноша решил вернуться на родину, набраться там сил и потом снова отправиться в странствие. И тогда Сюммани прочел такие стихи:

О, найти б душе моей доброту в сердцах!
Людам не излив беду, как идти мне вдаль?
Если я к стопам людей не паду во прах,
Облегченья не найду, как идти мне вдаль?

Я у края бездны был, где бурлит поток,
Книги иноверцев чтил¹⁰, веру не сберег,
Страсти к милой жаркий пыл силы превозмог,—
Если к ней я не приду, как идти мне вдаль?

Чем гнала меня сильнее, тем верней любил,
Сколько долгих лет и дней о любви молил!
И за что мне мука с ней? Боль терпеть нет сил,
Ну а все ж терплю и жду, как идти мне вдаль?

Как ни много тщетных грез, ты их не развей,
Сюммани, где кущи роз — там и соловей.
Там, где ветви сад вознес, ты и песню взвей.
Но собрав цветов в саду, как идти мне вдаль?

Сюммани возвращался на родину. Он шел быстро и с каждым шагом все больше удалялся от своей возлюбленной. Поэтому сердце его горело. Мысль найти Гюльпери не покидала его. Он хотел, вернувшись домой, поговорить с отцом и друзьями, а потом снова отправиться в путь. И уж на этот-то раз он обязательно найдет Гюльпери!

Утешая себя, он спешил на родную землю.

Сюммани добрался до места, где можно было заночевать, и встретился там с неким дервишем. Тот спросил Сюммани, откуда он родом и что ищет на чужбине. Юноша подумал, что этот дервиш поможет ему, и рассказал все, что с ним произошло. А дервиш оказался человеком бесчестным. Только Сюммани этого не понял. Дервиш сказал ему:

— О ашык! Ты странствовал не в тех краях, где надо. Зря мучил себя. Все твои мучения оказались напрасными. А теперь с сазом на плече ты возвращаешься домой. Разве разумно возвращаться обратно, не найдя возлюбленной? Разве ты дошел до тех мест? До Бадахшана не дойти по тем дорогам, которыми ты шел. Если ты пойдешь тем путем, который я тебе опишу, ты достигнешь Бадахшана.

Долго думал в ту ночь Сюммани и понял, что слова дервиша совпадают с его мыслями. На следующее утро он расспросил

дервиша о дороге в Бадахшан. Дервиш рукой показал, как ему идти, и сказал, что если он свернет с дороги к реке, то быстро дойдет до Бадахшана.

Сюммани, попросившись с дервишем, отправился в путь. Долго он шел, но ни деревни, ни человека не встретил на своем пути. Ночь провел на дереве, а утром снова продолжал путь. Так шел он много дней и наконец подошел к границе Чин-Мачина.

Однажды вечером Сюммани заметил вдали деревню и направился к ней. Но что же он там увидел? Он увидел таких странных людей, что ему стало страшно. Таких он никогда прежде не видывал: глаза у них сужались не к вискам, а сверху вниз. Веки глаз открывались и закрывались налево и направо. Во рту у них были двойные ряды зубов.

Сюммани не понимал их языка. И они не понимали его. Юноша испугался. Но повернуть обратно было невозможно. Эти люди танцевали, прыгали вокруг него и пели. Потом они отвели его в дом и стали угощать.

Наступил вечер. Все легли спать. Только Сюммани от страха остался сидеть. Вдруг из соседней комнаты стали доноситься какие-то звуки. Сюммани прислушался. Это были звуки от ударов по железу. Через приоткрытую дверь Сюммани заглянул в ту комнату. Там стоял большой котел, в котором кипела вода, а рядом три человека точили ножи.

Это были людоеды. Они собирались зарезать Сюммани, сварить его и съесть.

Увидев это, юноша, сам не зная как, убежал оттуда. Не отдыхая ни днем ни ночью, бежал он обратно по той же дороге и вернулся на тот постоялый двор, где недавно встретился с дервишем. Но дервиша там уже не было. Он ушел.

Сюммани снова, как и решил прежде, отправился на родину.

Индия и Афганистан уже остались позади. Он долго шел по земле Ирана. Всякий раз, когда он видел иранских красавиц с насурмленными глазами и длинными косами, перед ним возник образ Гюльпери, и он плакал.

И вот Сюммани вступил на родную землю. Ее прекрасный воздух, чудесные ароматы взбодрили его уставшую душу, освежили измученное тело.

Вспоминая перенесенные страдания, Сюммани шел без отдыха из края в край. Он обливался потом и задыхался. Наконец он достиг родного Нармана и, нигде не задерживаясь, пошел

прямо в свою деревню Самикале. Рухнув на землю, он стал целовать родную землю.

Когда он увидел своих друзей и товарищей, на душе у него стало легко. Сюммани понял, что он на свете не одинок. Он стал молить Аллаха ниспослать ему силы для того, чтобы искать и найти Гюльпери.

Жители Самикале, увидев Сюммани, очень обрадовались и стали расспрашивать, что с ним произошло. Он, плача, рассказывал о своих грустных приключениях и прочел такие стихи:

Внемлите мне, о други и собратья,
Послушайте-ка, что со мною стало!
Друзья мои, хочу вам все сказать я:
Вот что со мной — я вам открою — стало!

Но обо мне врагам моим — ни слова!
Тяжка моя печаль, и боль сурова,
От страсти все во мне горит багрово,
Вгляните, боль моя какую стала!

Нет, Сюммани, подмоги твоим ранам —
Им от разлуки вечно быть багряным,
Уйду я к горным долам, к дальним странам,
Друзья, душа моя больною стала!

Сюммани довольно долго оставался в деревне. Здесь он нашел себе хорошего товарища. Теперь у него стало три друга: первый — Гюльпери, второй — саз на его плече, а третий — новый друг Ахмет из деревни Пыткар.

Самым близким и задушевным его другом стал Ахмет. Все стихи Сюммани он знал наизусть. По примеру ашыков Сюммани заставлял Ахмета заучивать свои стихи, чтобы не забыть их самому. Ахмет постоянно утешал Сюммани и умолял его не торопиться покинуть деревню. Он уверял, что Сюммани рано или поздно найдет Гюльпери, потому что она предназначена ему судьбой.

Но в Нармане Сюммани не находил себе покоя. Образ Гюльпери ни днем ни ночью не покидал его. Советы Ахмета как будто не приносили пользу. Чтобы как-то отвлечь Сюммани от его страданий, Ахмет уводил его на прогулки по окрестностям.

Спустя некоторое время Сюммани отправился в Посхор. Его отвели к ашыку Зюляли в деревне Сускап. Там же был и ашык Шенлик.

Несколько дней Сюммани был гостем ашыка Зюляли. Ему

предложили сочинить назире. Все трое уселись друг против друга и долго пели, состязаясь.

Через некоторое время Сюммани встретился с Мухибби. Тот не был столь искусным ашыком, как Сюммани. Но хотя Мухибби был простым деревенским ашыком, он был очень высокого мнения о себе и пожелал вступить в состязание с Сюммани. Чтобы не обидеть этого деревенского ашыка, незаслуженно получившего известность в тех краях, Сюммани принял вызов. Он знал, что Мухибби хочет поважничать и похвастаться, поэтому и предложил ему начать. Мухибби согласился. Однако он был посрамлен пением и игрой Сюммани.

Еще раньше Сюммани пожелал состязаться с прославившимся в тех краях ашыком Шенликом. Поэтому Сюммани со своим другом Ахметом отправился в Чылдыр: ашык Шенлик был родом из деревни Сухара под Чылдыром.

В это время Неби-ага, один из знатных людей деревни Пусут, справлял свадьбу и пригласил ашыка Шенлика. Когда Сюммани пришел в деревню, свадьба уже началась. Многие из присутствующих там знали о желании Сюммани состязаться с Шенликом. Ашыкам предложили начать состязание. Они согласились. В назначенное время собралось много слушателей. Среди всех ожидавших самым нетерпеливым был Алмет.

Оба ашыка сыграли на сазе зачин и приготовились к пению. Открыть состязание предложили Сюммани, но юноша сказал, что он человек чужой, лучше, мол, начать Шенлику. Тот согласился. И состязание началось.

Шенлик:

Покинув Эрзурум, мы вдаль пошла,
А ты, певец, сюда и сам пришел.
В мученьях мы достигли сей земли,
Скажи, зачем сюда ты к нам пришел?

Сюммани:

Покинув Эрзурум, я шел пешком,
И волею судьбы я к вам пришел.
Я к светочу стремился мотыльком
И потому, ответ я дам, пришел!

Шенлик:

Недобрых слов не знает мой язык,
Душой я быть с пришельцами привык,
Я много знал ашугов-горемык —
И ты внимать моим словам пришел.

Сюммани:

Почетно быть с прекрасным, говорят,
Участлив ты к несчастным, говорят,

И добр к их мукам страстным, говорят,
В рудник щедрот я, сёрдцем прям, пришел!

Шенлик:

Известен мне всех любящих недуг,
Здесь пел о страсти не один ашуг,
Слыхал ли ты стenanья горьких мук?
И я сюда внимать певцам пришел!

Сюммани:

Творец велел — я грамоту постиг,
Бог не напрасно кормит горемык,
И я, его радетель и должник,
Пасть жертвою безгласной в храм пришел.

Шенлик:

Знал о тебе Шенлик — послушать рад,
Какой тебе любезен строй и лад?
Со мною петь желаньем ты объят,
Послушаем — ты не к льстецам пришел!

Сюммани:

Не ищет Сюммани похвальных слов,
По мне, трехчастный лучше всех ладов,
А хочешь — я и дальше петь готов:
К певцам заветных тайн — я к вам пришел.

После этого ашык Шенлик опять долго играл на сазе, затем зашел.

Шенлик:

Да не в обиду будет мой ответ:
Посмотрим, стоип ли ты плеяды славной?
Открыт или сокрыт твой самоцвет?
И блеск в нем потаенный или явный?

Сюммани:

Служил я верой мужу славных дел,
Была не без достойных его свита.
Любой из них о многом порадел:
Один — открыто, а другой — сокрыто.

Шенлик:

А ты когда поведал свой секрет?
Каким путем ты шел — за кем вослед?
В торгах ты перед кем держал ответ?
Знавал ли в бранях ты исход бесславный?

Сюммани:

В далекий год открыл я свой секрет,
Путем судьбы я шел — за ней вослед,
В торгах я пред собой держал ответ —
В наставнике была моя защита!

Шенлик:

Шенлика чтили — будут чтить и впредь,
А без него кому и песни петь?

Ашуг ашуга чтит всегда, заметь,
Ты — капля или океан державный?

Сюммани:

Беднее всех смиренный Сюммани,
Его дары — от господа они.
Не океан я, но ему сродни:
В глубь океана много капель влило!

Ашык Сюммани без труда отвечал своему сопернику. А Шенлик испытывал затруднение, подбирая слова для ответа. Затем настала очередь Сюммани, и он начал.

Сюммани:

Внемли, Шенлик, послушай мое слово,
Хочу, чтобы любовь в нем прозвучала,
Не в ней ли душ духовная основа?
Уразумей и все скажи — с начала.

Шенлик:

Наставник мой да будет мне защитой¹¹,
Его реченьям сердце мое вяло.
Основа их — не тот ли свет сокрытый,
Который мысль пророка излучала?

Сюммани:

В благих высотах мысль ты распростер,
И я готов с тобой продолжить спор.
Ответствуй мне: которые из гор
Сотворены на свете изначала?

Шенлик:

Ты — словно море, но и я глубок,
Не думай, что я разумом убог!
Куббес-гору вначале создал бог,
Чтобы она все сущее венчала!

Сюммани:

В ученых мудрецов ты понял суть,
Но я понятлив тоже — не забудь!
На небесах какой проложен путь?
Скажи мне все — не много и не мало!

Шенлик:

Умен ты, но и я сметлив умом,
И с пылом страсти сердцем я знаком.
Есть горный путь на небе. Тем путем
Пророка в свои выси небо мчало!¹²

Сюммани:

Где горный путь раскинул свой простор,
Есть одно место. Сколько там опор?
На них оперто сколько кряжей гор?
Скажи,— таить познания не пристало!

Шенлик:

Там в серебре вся высь хрустальных гор
И восемнадцать тысяч есть опор,
И столько же миров увидит взор —
Рука творца те горы создала.

Сюммани:

Хвала творцу, Шенлик, твой ум не мал:
Его казна превыше всех похвал!
А кто у горней лестницы стоял?
Скажи, премудрый, чтобы ясно стало!

Шенлик:

Лишь у невежд в речах такая прыть,
Ашугу подобает твердым быть!
Узнай: пророк там был. Позволь спросить:
Иссяк ли жар у твоего запала?

Сюммани:

Да, задал Сюммани тебе хлопок,
Теперь и отдохнуть пришел черед.
В чем суть ума, куда он нас ведет —
Вот напоследок что в мой ум запало!

Шенлик:

И эту трудность разрешит Шенлик:
Душою разум жив и в ней возник,
А душам дорога премудрость книг —
Не это ли твой разум занимало?

Так пели они. Когда же Сюммани кончил, Шенлик был в сильном замешательстве. Тут присутствующие поняли, что Шенлик побежден. Понял это и Сюммани и великодушно предложил отдохнуть. Это давало возможность Шенлику не выступать с ответом и тем спасало его от поражения.

Чтобы доставить удовольствие обоим, им предложили сочинить назире друг на друга. Оба ашыка с радостью согласились. Первым начал Сюммани.

Сюммани:

Душа верна одной любви своей,
А совесть, честь, добро, почет — к чему?
Над розою стенает соловей,
К другим цветам он не прильнет — к чему?

Шенлик:

Душа верна добру и доброте,
Ей клевета, наветы, гнет — к чему?
Садовник розы нежит на кусте,
Ему лелеять дикий плод к чему?

Сюммани:

А если мир не осенит заря
И солнце не взойдет, над ним горя,
Тепла и света ждать мы будем зря!
А жалкий и слепой урод — к чему?

Шенлик:

Дала нам страсть одни терзанья мук,
Сужденья о любви — пустой лишь звук.
Твердить про счастье и про зло разлук
Хоть и не вред, а не доход — к чему?

Сюммани:

Твой, Сюммани, сердечный пыл иссяк,
Шах красоты тебе не дарит благ!
Что пользы в том, ты трус или смельчак!
Терпеть от милой зло и гнет к чему?

Шенлик:

Шенлик тебе ответит под конец:
И я знал муки сломленных сердец.
А буду я невежда иль мудрец,
Зачем весь пыл моих забот, к чему?

Теперь настала очередь Шенлика начинать.

Шенлик:

Не верь в нетленность блага сей земли:
Нет, вечность человеку не дана.
Рустему, Искандеру и Али
Посмертная их слава не нужна!

Сюммани:

Зачем мне верить в вечность благ земных?
Где ныне те, чья власть была сильна?
Красивых сколько было! Даже их,
Увы, не пощадили времена!

Шенлик:

Посмотришь, мир как будто справедлив:
Есть на море прилив и есть отлив.
Птенцов выводят птицы, гнезда свив,
А слава Сулеймана — где она? ¹³

Сюммани:

Пред тем как злу явиться, высший рок
Добру и дружбе в мире быть предрек,
Дан красоте венец на вечный срок,
А где Юсуф? Его судьба грустна!

Шенлик:

Бедняк Шенлик! Он стонет от невзгод,
Но тленных благ от мира он не ждет:
Из брэнной плоти гордый дух уйдет,
Но вечность и душе не суждена!

Сюммани:

Что ж, Сюммани, ты грустно так поник?
Не обманись величием владык,
Все сущее земной утратит лик,
А вечны лишь пророков имена!

Шенлик понял, что Сюммани искусный ашык, который ценит человека, уважает его и никогда не унижает. Это очень понравилось Шенлику, и он пригласил Сюммани погостить в свою деревню. Ашык Шенлик тоже понравился Сюммани. Он принял приглашение Шенлика. Вот что он спел тогда:

Ашуг, хранитель слов в казне чудесной,
Достойный муж Шенлик — не ты ли, брат?
На весь Восток — до Запада — известный,
Всех покоривший вмиг — не ты ли, брат?

Не ты ли кладезь, перлы слов таящий
В сокровищнице, золото хранящей?
В искусстве слова все сердца манящий,
Щедрот души тайник — не ты ли, брат?

А скромный Сюммани, твой раб безгласный,
Пришел в края страны твоей прекрасной.
Ты — малостей рудник, правитель властный,
Заступник горемык — не ты ли, брат?

Когда праздник кончился, Сюммани, Шенлик и Ахмет отправились в деревню Шенлика. Там Сюммани пробыл несколько дней. Они очень хорошо провели время: веселились, беседовали, слагали стихи о луне и солнце, о земле и небе и никак не могли вдоволь наслушаться друг друга.

Через несколько дней Сюммани попросил разрешения у Шенлика вернуться домой, но тот не хотел его отпускать. Сюммани настаивал, и тогда Шенлик пожелал ему счастливого пути.

Когда Сюммани прибыл в Карс, там был знаменитый азербайджанский ашуг. Очень расхваливали его Сюммани, говорили, что сейчас лучше этого ашыка нет, что во всем он разбирается, что стихи его прекрасны. Сюммани обдумал все. Он был уверен в себе и знал, что сумеет победить. Тем, кто расхваливал этого ашыка, он сказал:

— А нельзя ли нам устроить состязание? Аллах дарует победу или мне, или ему.

Никто на это Сюммани не возразил, однако про себя все подумали: «Ведный деревенский ашык! Нашел с кем тягаться!»

Сюммани настаивал:

— Скажите этому ашыку, что есть ашык по имени Сюммани и он хочет с тобой состязаться. Тот, кто будет побежден, отдаст свой саз победителю ¹⁴.

Эти слова Сюммани передали азербайджанскому ашугу. Тот сказал:

— Позовите его. Посмотрю-ка я на этого ашыка. Наверно, он обо мне и не слышал, если так говорит. Пусть возьмет саз и приходит.

Сюммани позвали.

Взяв саз, он пришел в кофейню. Увидев его, азербайджанский ашуг промолвил:

— Подойди ко мне, ашык. Ты хочешь со мной состязаться. А тебе известно мое имя?

Сюммани отвечал:

— Не сердись, уста. Вот начнем играть на сазе, и станет ясно, кто настоящий ашык. Начнем же! Посмотрим, что скажут струны сазов.

В кофейне было многолюдно. Обоих ашыков усадили друг против друга. Они настроили свои сазы и после небольшого вступления начали состязание.

Стихи Сюммани были лучше стихов азербайджанского ашуга, который испытывал все большее затруднение и наконец не смог подыскать слов для ответа. Он замолчал и задумался. Посетители кофейни, видя это, стали говорить: «А мы-то думали, что это — великий ашык!»

Состязание продолжалось еще немного. Вскоре азербайджанский ашуг уже не мог отвечать на стихи Сюммани. Слушавшие ашыков признали азербайджанского ашуга побежденным. У него взяли саз и вручили Сюммани, но тот вернул саз азербайджанцу. Потом Сюммани вышел из кофейни и отправился в путь. Через несколько дней он пришел в свою деревню.

Десять лет прошло уже с того дня, как Сюммани вернулся в деревню после неудачных поисков Гюльпери. За это время он посетил много мест в окрестностях деревни, побывал в Карсе, Тосхоре, Ардагане; он встречался и водил дружбу со многими людьми. Но никогда Сюммани не забывал Гюльпери, и любовь его к ней ничуть не слабела. Если односельчане спрашивали о его любви к Гюльпери, он отвечал им такими стихами:

Был мне на скрижалях рока предуказан путь:
Время горестной юдоли мне дано судьбой.
Злые демоны жестоко истерзали грудь,
В день сто тысяч мук неволи мне дано судьбой!

Как любовь со мной играла! Все терпел-сносил,
Претерпел я мук немало и лишился сил.
«Небо бед за что наслало?» — я людей спросил.
Говорят: «Все зло неволи суждено судьбой!»

От врагов к моей любимой послан был навет:
«Мол, печальник нелюдимый был тобой пригрет,
Розе, мол, в саду хранимой, терн — плохой сосед!»
Ну не бедствие, не зло ли мне дано судьбой?

Всех кололи злюки эти жалами клевет:
«Мол, и праведных на свете не бывает, нет!
Верных нет, мол, и в примете, ото всех, мол, вред!»
Горе за покорность, что ли, мне дано судьбой?

«Что, мол, за любовь, помилуй! Будет ли в ней прок?
Мол, другие к твоей милой ходят на порог,
Мол, и самый распостылый у нее — дружок!»
А в каком скитаться доле мне дано судьбой?

Разве кто обманет словом, если сердцем прям?
Разве друг бывал суровым к преданным друзьям?
Ищет страсть своим оковам жертв и там и сям,
Сюмmani, страдать доколе мне дано судьбой?

Однажды ночью во сне Сюмmani явился старец и велел ему, прежде чем снова отправиться на поиски Гюльпери, посетить Крым. Сюмmani не хотелось идти в Крым, и он попросил разрешения сразу пойти за Гюльпери. Но старец сказал:

— Нельзя. Ты обязательно должен идти в Крым. Пока тебе не суждено видеть Гюльпери.

После этих слов старца Сюмmani с большой неохотой решил отправиться в Крым. Он стал собираться в путь. Когда его спрашивали, куда он пойдет, он отвечал: «В Крым». Все удивлялись и спрашивали, зачем ему идти туда. Но Сюмmani на это ничего не отвечал, потому что старец предупредил его: «Никому не говори!»

Как Ахмет ни уговаривал Сюмmani остаться, все было бесполезно. Он тоже спрашивал, зачем это путешествие, но Сюмmani и ему ничего не сказал. Ахмет умолял друга взять его с собой. Сюмmani не согласился.

Сюмmani был очень опечален. Он собирался в Крым, ни на что уже больше не надеясь. Это путешествие было бесцельным для него. Что ему там делать? Кого искать? Но — что делать! — старец повелел ему идти в Крым. Ослушаться его было нельзя, так как он дал Сюмmani дар ашыка. Разгневать старца было то же самое, что разгневать Аллаха. А может быть, в этом был какой-то тайный смысл, и старец что-то знал, и ему суждено найти Гюльпери в Крыму, только старец раньше времени не хотел говорить ему об этом? Размышляя так, Сюмmani отправился в путь и через несколько дней пришел в Трабзон. Там в одной из

кофейен он познакомился с ашыком Карари из Полатхане и беседовал с ним. Несколько дней он прожил в Трабзоне, а потом снова пустился в путь. Наконец в один прекрасный день он добрался до Крыма. Крыма Сюммани совсем не знал. Что делать ему здесь? Кого искать? С такими мыслями он зашел в одну кофейню и оставил там свой саз и мешок.

Прошло несколько дней, а Сюммани все еще не знал, что ему делать. Хозяин кофейни спросил, кто он и зачем сюда пришел. Сюммани отвечал на это: «Я странствующий ашык. Судьба забросила меня в эти места. Пока я останусь здесь, что дальше будет, увидим».

— Раз так, — сказал хозяин кофейни, — поиграй на сазе. И ты немного зарабатываешь, и я.

Но Сюммани не прислушался к этому совету.

Однажды, бесцельно бродя по улицам, он зашел в пекарню купить хлеба. Оказалось, что пекарь — его звали Мухаррем — был из Испира. А Испир совсем близко от Нармана, да и говорят там почти одинаково. По выговору Сюммани Мухаррем понял, что тот из его краев, и принялся расспрашивать, кто он и откуда.

И Сюммани тоже обрадовался, что встретил земляка, и рассказал ему о себе: оказывается, Мухаррем уже слышал имя Сюммани. Он очень удивился, так как вовсе не надеялся увидеть его и не ожидал встретить здесь. Мухаррем почтительно пригласил Сюммани к себе в гости и поинтересовался, зачем он сюда пришел. Помня предостережение старца, Сюммани не ответил на этот вопрос. Он сказал только, что ему стало скучно на родине, что он слышал много интересного о Крыме и вот, желая увидеть эти места, отправился в путь; некоторое время он останется тут, а потом вернется домой.

Сюммани остановился у Мухаррема.

Как-то пекарь рассказал ему об одном удивительном дворце в Крыму. Над воротами этого дворца висит камень. Если во дворец хотят войти безгрешные, они смогут пройти. Если же хотят войти грешники, камень при входе падает на них, и, оглушенные, они идут обратно. Мухаррем стал уговаривать Сюммани пойти в этот дворец. Сначала Сюммани испугался, а потом задумался. Ведь он был вдохновенным, безгрешным ашыком. Дар ашыка ему дал святой старец. Сюммани верил в себя и согласился пойти. И однажды, совершив омовение, он со страхом приблизился к воротам дворца. Медленно-медленно прошел Сюммани под камнем. Камень не опустился на него, и он вошел во дворец.

Сюммани много путешествовал, многое повидал, но то, что предстало перед глазами во дворце, он нигде не встречал. Сюммани был поражен. Он стал осматривать дворец. Комнат было много. В них сидели тцеты, сладкоголосые, как соловьи¹⁵. Один ходжа из Дагестана учил сто пятьдесят учеников. На территории дворца было несколько мечетей. В них молилось сто восемьдесят человек. Сюммани увидел более ста тридцати праведников. В каждой комнате дворца имелись кувшины, полотенца, молитвенные коврики. На шкарах газелей были написаны изречения из Корана. Сюммани увидел мраморные бани, отделанные золотом и серебром. Тускло горели золотые светильники. Всюду были разостланы индийские, йеменские и хорасанские ковры. А еще в этом дворце хранились бесценные сокровища. Их охранял дракон¹⁶. Вначале дракон враждовал с обитателями дворца, а потом стал их другом и согласился охранять сокровищницу. Если к нему кто-нибудь приближался, он лишь слегка царапал землю лапой — и все вокруг содрогалось, все приходило в ужас.

В садах дворца зрели всевозможные плоды, особенно много было апельсинов, лимонов, персиков — ешь сколько хочешь! Хан, посадивший эти плодовые деревья, умер до того, как они стали плодоносить.

Сюммани долго ходил по дворцу и осмотрел каждый его уголок. Никто его не спрашивал: «Кто ты? Что ты здесь ищешь?» Впрочем, спрашивать было ни к чему, потому что камень над воротами дворца не пропускал сюда дурных, грешных людей. Зачем же еще спрашивать, кто он?

После осмотра дворца Сюммани подошел к воротам, над которыми был камень. Ему опять стало страшно, но камень не опустился на его голову, и он вышел. Сюммани сейчас же направился к Мухаррему и рассказал ему обо всем, что увидел. Тот внимательно слушал его. Мухаррему очень хотелось пойти в этот дворец, но он так и не осмелился и удовольствовался рассказом Сюммани.

Зиму Сюммани провел в Крыму. С наступлением тепла он, попрощавшись с Мухарремом, отправился в Нарман той же дорогой, по которой пришел в Крым, а оттуда к себе в деревню.

Сюммани стал уже стареть и терять силы, необходимые для поисков Гюльпери. Однажды во сне Сюммани был предупрежден, что он должен ждать особого знака, чтобы отправиться в путешествие, а до тех пор, пока он его не получит, он не должен пускаться в путь. Это еще больше огорчило Сюммани. Чтобы

как-то отвлечься, он иногда ходил по деревням. В одной деревенской кофейне он однажды пропел вот что:

О, что я дать бы мог тебе в уладу,
Властитель мой, правитель мой, душа?
И в чем я без тебя найду отраду?
И дух и тело — все с тобой, душа!

Из-за тебя дано свершаться бедам:
Погибнет за тобой идущий следом,
А без тебя, увы, и путь неведом,
Терпи со мной, страдай и ной, душа!

Ты своеправна волею крутою:
Свершаешь зло — считаешь доброту!
Меня ты жжешь — сама горшишь со мною,
Ведь я — с тобой, а ты — со мной, душа!

Не знал я, сколько зла в тебе таится,
Что можешь ты солгать и не стыдиться.
Не долго ли лихой обман твой длится?
О, будь иной, не будь дурной, душа!

Ты в своеволие страсти бесподобна,
О муках своих любишь лгать подробно,
В своих деяньях мелочна и злобна.
О, успокой, не будь такой, душа!

От всех улад урвать ты долю хочешь,
Любое дело ложью ты порочишь,
С какого зла ты обо всем хлопочешь?
Всему ценой, всему виной — душа!

Мечтай о самой лучшей и желанной,
Взлелей в мечтах зеленый луг тюльпанный,
Сломай ограду сердца долгожданной,
Вглянни на Сюмmani с душой, душа!

Изредка Сюмmani ходил в Нарман и Эрзурум. Однажды, сидя в одной из кофеен Эрзурума со своими почитателями, он завел разговор о прошлом и вспомнил Гюльпери. Старые раны его вновь открылись. Сюмmani как будто опять увидел тот сон. Только теперь он стар... И ему стало очень грустно. Сюмmani взял саз и запел:

В далекий год одиннадцати лет
Стал постигать дела я день за днем:
За милой восемнадцать лет вослед
Бродил в слезах, пылая день за днем!

Не зная счастья, брел я одиноко,
Вся жизнь прошла, и я увял до срока,
Каменьями безжалостного рока
Был сокрушен дотла я день за днем.

Приют твой, Сюммани, смела опала;
Опали листья, и ветвей уж мало.
Безжалостно зубов меня лишила
Моя судьба презлая день за днем!

Тут он заплакал и очень опечалил всех присутствовавших в кофейне.

Теперь Сюммани стал странствующим дервишем. Жизнь утратила для него всякую ценность. Он бродил где придется. Но с савом он никогда не расставался. Любимый его друг Ахмет остался в деревне. Всякий раз, когда Сюммани возвращался домой, друзья встречались.

Многое повидал Сюммани, стал хорошо разбираться в жизни. Он не любил людей, которые льстили ему, и хитрых дервишей. Об этом он даже сказал в стихах:

Три буквы или пять едва узнав,
О тайнах моря-океана судят!
Составят зелье из нелепых трав,
А про Флагуна и Лукмана судят!

Любой из них болтать без меры — хват,
А на уме у них — один разврат!
Увидят тень — от страха задрожат,
А о Рустеме очень рьяно судят!

Прочтенное для них, увы, темно,
И страсти недоступно им вино.
Семьей и то им править не дано,
А справедливость Сулеймана судят!

Нет, не люблю я этих мудрецов:
Любой из них в карман залезть готов!
Губить охочи всех своих врагов,
А Сюммани все как смутьяна судят!

Как-то раз, когда Сюммани был в своей деревне, он пошел к Айлакташу, где в детстве пас скот и где во сне старец внушил ему любовь к Гюльпери. С тех пор он не бывал в тех местах. Сюммани провел целый день в том месте, где вспылал любовью к Гюльпери. Могилы, которые он много лет тому назад привел в порядок, заросли пуще прежнего. Сюммани долго смотрел на эти холмики и на те места, где он когда-то пас телят. Затем он

пошел к тому камню, в тени которого когда-то заснул и увидел сон. Он сел там и стал петь свои стихи и плакать.

Наступил вечер, а Сюммани все еще не вернулся в деревню. Его пошли искать. Один крестьянин сказал, что он видел, как Сюммани пошел к Айлакташу. Туда сейчас же побежал Ахмет. Он увидел Сюммани, который играл на сазе и плакал. С большим трудом Ахмету удалось увести его в деревню.

Зиму Сюммани провел в Нармане и Эрзуруме. Там в кофейнях он играл на сазе и пел.

Теперь ни здешние, ни заходившие сюда из других мест ашыки не осмеливались вступать с ним в состязание. Но Сюммани не обращал на это внимания. Он по-прежнему чуждался дурных людей. О них он пел:

О сердце, не покинь пути любви,
Шайтаном ведь никто храним не будет!
Не веря злу, с молитвою живи:
Кто совестлив — дружить с дурным не будет!

Не знал я в мире благостных дорог,
И нескончаем слез моих поток,
Всю жизнь я тело бrenное берег,
Как ни старайся — проку с ним не будет!

Не слушайся любителей утех,
Кто добр и справедлив — учись у всех,
Не взваливай себе на спину грех,
Покорный злу век благим не будет!

Беги от тех, кто насылает гнет,
Сам не спасешься — ближний не спасет,
Будь добрым — на земле узришь почет,
А за надгробье мертвый чтим не будет!

Внемли советам, слушай мудрецов.
А благ не требуй, будь к себе суров,
Кто был строгив, не слушал отчих слов,
Господь век доволен им не будет.

От скаредности сердца — только вред:
Из жалкой капли не сварить шербет.
Кто худ душой, тот сердцем не согрет,
А кто злосерд — никем ценим не будет.

Все наблюдай и у всего учись —
Старайся всем хорошим запастись.
На вдовых женщин никогда не льстись:
Кто ветрен, тот дружкой твоим не будет.

Для суесловья рта не разевай,
В любви корысти воли не давай,
Сердечных тайн лгуну не раскрывай,
Не верь дурному — он незлым не будет!

Прозящему всегда найдется друг:
У сладких слов всегда приятен звук.
Постигнет недостойного недуг:
Чужое кравший сыт чужим не будет.

О Сюммани, в стенаньях что за прок?
Во всех делах подмога — только бог.
И к другу зря не суйся на порог:
Кто люб — и тот всегда любим не будет!

Как-то Сюммани играл и пел в кофейне в Эрзуруме. Там было многолюдно. Кое-кто из присутствующих стал говорить, что есть, мол, один ашык, получше Сюммани, и что если бы он оказался здесь, то Сюммани растерялся бы и не знал, куда спрятать свой саз. Да и загадки, которые задал бы ему этот ашык, Сюммани ни за что не удалось бы разгадать. Посетитель кофейни говорил громко, и все это услышал Сюммани.

Через некоторое время Сюммани опять услышал такие разговоры. Но, не подав и виду, что слышал это, взял он свой саз и пропел:

Какой ты ни могучий лиходея —
Придет, хоть и не ждешь его, соперник!
Не мни, что он отличен от людей:
Тебя изрубит в крошево соперник!

Ты сам был падох на обман и ложь
И сам бывал обманут ни за грош,
И будь ты хоть стократ хорош-пригож,
Тебя продаст задешево соперник!

И можно ль верить, Сюммани, хвалам?
И разве в мире нет подобных нам?
Наступит день — в тебе оценит сам
Вес злого и хорошего соперник!

Когда он пел это, его почитатели радовались, а некоторые из присутствующих были смущены. Кое-кто из них даже раскаялся в своих словах и поцеловал руку Сюммани. Его стали всячески восхвалять. Но Сюммани не считал себя великим ашыком. В ответ на эти восхваления он под звуки саза пропел:

Как ни худ, как ни плох на сучке росток,
А проглянет цветок — он расцвествь сумеет.

Кто надежным щитом оградиться смог,
Тот всегда защитит жизнь и честь сумеет!

Человеку язык для молчанья дан:
Кто сболтнул — пустослов, кто смолчал — султан!
Кто умен, тот глубок, словно океан,
А другой лишь попить да поесть сумеет!

Ност-плачет один от своих невзгод,
А другой и смолчит, а врага побьет.
Чужд боязни, один защитит сирот,
А иной, устрась, в щелку влезть сумеет!

Любят мудрую речь, книги чтут — одни,
А другим — клевета да навет сродни.
Мало сведущ в делах скромный Сюмmani,
А настроить свой саз, лад завесь — сумеет!

Однажды Сюмmani совершал намаз в деревенской мечети. Когда он вернулся домой, ему сказали, что некоторое время тому назад его спрашивал какой-то седобородый старец и что он ждет его в комнате. Сюмmani подумал: «Любопытно, кто бы это мог быть?» Он вошел в комнату и огляделся. Там никого не было. Сюмmani сказал об этом. Осмотрели весь дом, но старика нигде не было. Решили, что старец подождал немного Сюмmani, да и ушел. Сюмmani тоже подумал так.

Прошло около часа. Сюмmani пообедал и решил немного поспать. Во сне он увидел человека, о котором ему говорили. Это был один из трех седобородых старцев, которые когда-то в Айлакташе внушили ему во сне любовь к Гюльпери. Сюмmani посмотрел на него, тот опустил глаза. И вдруг в тумане Сюмmani увидел женщину с бледным, увядшим лицом, которая смотрела на него. Сюмmani протер глаза, стал вглядываться и увидел, что это — его возлюбленная Гюльпери. Вокруг глаз у нее появились темные круги от слез. Она еле держалась на ногах. В сердце Сюмmani вновь вспыхнул огонь любви, и он воскликнул:

— Отец, постой! Умоляю тебя, отойди в сторону, дай мне посмотреть на ту, которая стоит позади тебя!

Старик отвечал:

— Нет, сын мой! Взгляни на нее в последний раз. Это — Гюльпери, вино любви к которой мы дали выпить тебе когда-то в Айлакташе. Мы сказали тебе тогда: «Смотри не моргай. Иначе ты будешь тосковать по ней до дня Страшного суда. Но ты совершил ошибку — моргнул, глядя на нее. Вот почему вы и будете тосковать друг по другу до дня Страшного суда. Но так как ты долгие годы сгорал от любви к ней, тосковал о ней, ски-

тался по многим странам, пережил всевозможные лишения, ни на час не забывал Гюльпери, доказав, что ты достойный ашук, взгляни на нее еще раз. Знай, что в этом мире тебе уже не увидаться с ней. Смотри, но не двигайся, не приближайся. Больше ты ее не увидишь.

Сюммани плакал, молил. Все было напрасно. Белобородый старец не разрешил ему приблизиться к Гюльпери.

Тогда Сюммани вскочил и бросился вперед. Белобородый старец с огорчением сказал:

— Мы допустили ошибку, показав тебе образ Гюльпери. Ты должен был понести наказание за то, что не выполнил наше требование при первом свидании с Гюльпери. А сейчас ты опять совершил ошибку — бросился к ней.

Старец дунул — и все исчезло. Сюммани посмотрел вокруг — Гюльпери нигде не было. Он закричал, заплакал...

Домашние, увидев плачущего во сне Сюммани, собрались вокруг него и старались разбудить его. Сюммани проснулся, но на их вопросы ничего не ответил. О сновидении он рассказал только одному Ахмету. Ахмет старался утешить друга, но ничто не помогало.

Когда Сюммани видел этот сон, Гюльпери гуляла в дворцовом саду в Бадахшане. Няни сопровождали ее. Неожиданно ей захотелось спать, и она сказала служанкам:

— Девушки, я здесь посплю немного. Если засну надолго, разбудите меня.

И Гюльпери уснула. Во сне она увидела одного из трех старцев, внушивших ей когда-то любовь к Сюммани. Гюльпери пригрезилось, что из-за деревьев к ней приближается седобородый человек. Он подошел к ней и сел рядом. Гюльпери как будто знала его, но никак не могла вспомнить, кто это. Старец сказал, что он когда-то дал выпить ей вино любви к Сюммани. Тут она сразу вспомнила и тотчас же спросила о Сюммани. Старец сказал ей:

— Дочь моя, не твоя вина, что ты страдаешь от разлуки: в этом виноват твой возлюбленный Сюммани, который ослушался старцев. Когда мы показали ему тебя во сне, он моргнул. Вот почему вы и будете мучиться до дня Страшного суда. Но в этом виновата не ты. Взгляни в зеркало, которое я держу, и ты увидишь Сюммани. Это из-за него ты лишилась покоя и погубила свою жизнь. Смотри хорошенько, больше ты его не увидишь.

Гюльпери увидела в зеркале печальное лицо Сюммани. Он был седым и согбенным. Гюльпери воскликнула:

— О, жестокая судьба! Вот во что превратился юноша, вынудивший за меня вино любви!

Она стала умолять старца:

— Отец, я буду твоей рабой, твоей жертвой. Нельзя ли мне хоть разок показать Сюммани на этом свете?

Старец опять сказал, что Сюммани сам виноват во всем, и, спрятав зеркало, исчез. Больше он не являлся. Гюльпери стала кричать, звать его, плакать. Но ответа не было. Она проснулась. Служанки были испуганы. Гюльпери сказала им:

— Девушки, ничего не случилось. Не бойтесь. Дайте мне немного шербета.

Одна из служанок побежала во дворец и принесла шербет. Гюльпери выпила из рубинового стакана напиток и снова заснула. Но викаких снов она уже не увидела.

Больше Гюльпери и Сюммани не видели друг друга в этом мире даже во сне.

После этого последнего сна Сюммани опять стал все время проливать слезы и в конце концов занемог. Его состояние встревожило окружающих, они говорили ему:

— Сюммани, ты состарился. Мы все поняли, что три старца поднесли тебе в молодости вино любви к Гюльпери. Долгие годы ты страдал, у тебя не было ни дня покоя, и наконец ты понял, что будешь тосковать о ней до дня Страшного суда. Теперь ты стар. Забудь обо всем, что было. Успокойся, всему есть конец.

Но от этих слов утешения страдания Сюммани делались еще невыносимее. В один из этих горестных дней Сюммани пел:

Гнет любимой моей жесток: душу укором сожгла,
Усыпила — был сон глубок, глядь — а недругам нет числа!
Скорбь бесчисленных моих тревог громкий стон к небесам взвила,
Воротник мой вместить не смог уготованного мне зла.
В этом мире я сир-убог, радость жизни мне не мила,
Разлился моих слез поток, боль души тяжка-тяжела!

Рок меня разлучил с отцом, в чрево матери я попал,
Деять месяцев день за днем жил в темнице я, слаб и мал.
А в олиннадцатъ лет юнцом я уже боль разлук познал:
Как Меджнуун, с печалью знаком, от Лейлы отлучен я стал.
В этом мире я сир-убог, радость жизни мне не мила,
Разлился моих слез поток, боль души тяжка-тяжела!

Ни покоя, ни счастья нет: что ни день — горя ждать привык,
Рок наслад мнѣ немало бед — крепко держит за воротник,
Я скитальцем прошел весь свет — не иссяк в моем сердце крик,

Сюммани, ты уж много лет стонешь стоном всех горемык!
В этом мире я сир-убог, радость жизни мне не мила,
Разлился моих слез поток, боль души тяжка-тяжела!

А Гюльпери тем временем очень горевала, что ничего не может узнать о Сюммани. Во всем Бадахшане не было ни одного гадателя, которого бы не пригласили к Гюльпери.

Однажды она приказала, чтобы глашатай объявил: Гюльпери разыскивает одного человека; многих спрашивали о нем, но ничего не узнали; если кто-то найдет этого человека или сообщит о нем, он получит все что захочет.

Хотя глашатай и провозгласил это, но никаких сообщений о Сюммани не было. Шли дни. Как-то Гюльпери сидела в окружении нянек и горевала. Некоторые утешали ее, другие предлагали разные способы найти Сюммани. А у одной из нянек было два брата. Они очень любили Гюльпери и были готовы сделать для нее все что угодно. Нянька предложила отправить их на поиски Сюммани. Гюльпери согласилась. Их тотчас же позвали к ней. Она рассказала им все и спросила, согласны ли они искать Сюммани. Братья посоветовались между собой: Гюльпери предложила им отправиться па поиски Сюммани, но смогут ли они справиться с этим? Разве не будет позором, если они вернутся, не найдя Сюммани?

Наконец братья решили, что, если даже они не найдут Сюммани, все же выполнят желание Гюльпери и отправятся на поиски его. Они сообщили ей о своем решении. Гюльпери очень обрадовалась и сказала им, как называется страна, где живет Сюммани, где она расположена и что он за человек. Подготовив братьев как следует к путешествию, однажды утром перед восходом солнца она отправила их в путь.

Шли дни. Проходили месяцы. А Гюльпери все еще ничего не знала. Братья же странствовали из деревни в деревню, из страны в страну, всюду спрашивали о Сюммани, но ничего не могли узнать о нем. В один прекрасный день пришли они на Кавказ. Там, в каком-то городе, сидя на обочине дороги, они смотрели на прохожих. Вдруг один из братьев обратил внимание на двух мужчин, показал на них брату и воскликнул:

— Смотри! Как один из них похож на Сюммани!

Другой сказал:

— Может быть, это он. Спросим. Вдруг это он, если не спросим, то упустим его.

Братья встали и подошли к этим людям, поаодоровались и стали беседовать с ними. Братья поинтересовались, кто они и

как их зовут, откуда они. Из их ответов братья поняли, что это не Сюммани.

Тогда один из братьев сказал:

— Мы знали одного человека, по имени Сюммани, и подумали, что один из вас и есть он, потому и обратились к вам.

Те двое спросили у братьев, откуда они знают Сюммани. Братья отвечали на это:

— Мы однажды его видели. Это был очень хороший человек. И мы полюбили его. Думая, что один из вас двоих — это он, мы обрадовались.

Прохожие глубоко вздохнули и сказали:

— Мы его родственники. А Сюммани недавно скончался. Он любил какую-то Гюльпери, будь она проклята! Из рук святого старца он выпил вино любви к этой девушке и с тех пор влюбился в нее и очень много страдал из-за нее. Нет человека, которого бы он не спросил о ней, не осталось места, где бы он не побывал. Но найти Гюльпери ему так и не удалось. За несколько дней до смерти он увидел ее во сне. Он проснулся весь в слезах. Как мы ни старались его утешить, ничто не помогло. Старый Сюммани плакал целыми днями и бродил один по деревне. Он тосковал по Гюльпери до последней минуты своей жизни. Имя возлюбленной не сходило с его уст. В конце концов он умер от тоски по ней. Может быть, Аллах позволит Сюммани свидеться с Гюльпери на том свете.

Братья выразили глубокую скорбь по поводу смерти Сюммани, поговорили еще немного с его родственниками и ушли.

Теперь не было нужды искать Сюммани. Стало ясно, что он умер. Таково веление Аллаха. Братьям надо было возвращаться. Но как сообщить об этом Гюльпери? Бог знает, что произойдет! Весь Бадахшан придет в смятение.

Братья отправились домой. Они никак не могли решить, сообщить ли о смерти Сюммани или сказать, что не нашли его. Так ничего и не решились.

Они шли много дней и наконец достигли Бадахшана. Увидев вдаль город, один из братьев сказал:

— Будь что будет! Ожидание и тщетные надежды убьют несчастную Гюльпери. Если мы сообщим ей о смерти Сюммани, тоже будет плохо. Но она поплачет, погорюет, а потом и забудет его. Лучше сказать ей правду.

Так они и решили поступить.

Братья приближались к городу, а в это время хоронили Гюльпери.

Элирах и Сельви

В те дни, когда этот мир был молод, в иранском городе Исфахане жил Шах-Аббас. И был при нем старший ашык по имени Аббас-Кулу. Вместе с тридцатью девятью своими учениками-ашыками он играл и пел, развлекая Шах-Аббаса.

Однажды все тридцать девять учеников собрались вместе, отправились к ашыку Аббасу и сказали учителю:

— О искусник из искусников ашык Аббас! Сердца наши призывают нас к странствиям в чужих краях. Раздобудь у Шах-Аббаса такой фирман, в котором говорилось бы, чтобы правители тех мест, куда мы попадем, находили для состязания с нами сорок ашыков, равных нам по мастерству. Если же таких не окажется, пусть дадут нам сорок чаш золота в награду за нашу игру и песни.

Выслушав своих учеников, ашык Аббас отправился к Шах-Аббасу, предстал перед ним и повел такую речь:

— О великий шах! Да наградит тебя всевышний долголетием! Слуга твой, ашык Аббас, и тридцать девять его учеников хотят отправиться на чужбину. Мы просим снабдить нас фирманом, по которому правители тех земель, куда мы придем, находили бы сорок ашыков, столь же искусных, как и мы, а если таких не окажется, пусть вознаградят нас сорока чашами золота за игру и пение.

Шах-Аббас выполнил просьбу ашыка Аббаса. Он тотчас же паписал фирман и вручил ему.

В один прекрасный день ашык Аббас и его ученики прибыли в город Тифлис и остановились в кофейне у водоема на Шайтан-базаре.

Ашык Аббас оставил там тридцать девять своих учеников отдыхать, а сам отправился во дворец Кугу-хана. Представ перед ханом, он настроил свой саз и приготовился петь. Посмотрим, что он спел Кугу-хану:

О хан, покинут нами Исфахан,
Пристанище нам — этот водоем.
Беликий бей, почтенный Кугу-хан,
Тебе во власть мы жизни отдаем.

Аллах над нами и судья и страж,
Кому ж еще молитвы ты воздашь?
Найди певцов иль злата сорок чаш —
Фирман Аббаса мы тебе даем.

Услышав имя Шах-Аббаса, Кугу-хан взял фирман из рук ашыка и, убедившись в достоверности его слов, тотчас ответил:

— О ашык, ты требуешь от меня сорок чаш золота. Но что для меня эти сорок чаш? Даже сорок тысяч чаш не нанесли бы ни малейшего ущерба моей казне. И все-таки я прошу у тебя три дня и три ночи сроку. Возможно, мне удастся найти сорок ашыков или одного, который бы не уступал и сорока.

Ашык Аббас поцеловал Кугу-хану руку и низко поклонился ему. Затем он вернулся в кофейню и все рассказал своим ученикам. Те же подумали: «Кугу-хан не найдет ашыков и даст нам сорок чаш золота» — и радовались этим мыслям.

На следующий день перед Кугу-ханом предстал ашык Ахмед. Он настроил свой саз и приготовился петь. Посмотрим, о чем он поведал Кугу-хану:

Уж сорок лет ашугом я слыву,
И беден ли ашугами наш край?
Спешу рассеять ложную молву:
Позвали петь — играй, мой саз, играй!

У Шах-Аббаса есть ашугов рать,
Но им победы надо мной не знать,
Им песен не сложить моим под стать:
Дрожит червяк, заслыша птичьи грай.

Кугу-хан похвалил ашыка Ахмеда:

— Долгих лет тебе и твоему роду, ашык! Одержи над ними победу, отбери у них сазы, и за каждый саз ты получишь по ключу от моей казны.

Покинув ханские покои, ашык Ахмед отправился в кофейню. Смотрит — на стенах висят сорок сазов и под каждым из них сидит ашык. «Как же мне тягаться с ними?» — подумал он и подошел к ашыку Аббасу.

Вот что ашык Ахмед пропел ему:

Богатства я не нажил, нег.
Нет саза — значит, стих не спет.
И нету гончей у меня,
Чтоб зайцу бросилась вослед.

Из Исфахана вел вас путь,
В Тифлис решили вы свернуть,
Прошу вас, спойте что-нибудь —
Рад слушать вас ашуг Ахмед.

Выслушал его ашык Аббас и предложил всем своим тридцати девяти ученикам начать поэтическое состязание. Каждый из них взял свой саз, и они стали играть.

Когда состязание окончилось, ашык Ахмед покинул кофейню и отправился к себе домой. Он поведал жене о том, что дал слово Кугу-хану состязаться с сорока ашыками Шах-Аббаса, и о том, что не сумел одержать над ними победу. Затем снял со стены свой саз и запел:

Печальный жребий нас привел сюда.
Мы одиноки здесь, жена моя,
Но ты не плачь — чиста лишь та вода,
В которой бьется быстрая струя.

Отныне должен смолкнуть этот саз,
Что нам служил опорой не раз,
Придется к туркам двинуться тотчас,
Иль кары ханской не избегну я.

Ашык Ахмед и его жена взяли из своего скарба лишь самое необходимое, погрузили все на двух ослов и ровно в полночь двинулись в путь. Рядом с ними изо дня в день шагал их маленький сын Эмрах. Наконец они вступили на землю Эрчиша. Но они решили не входить в город и остановились со своими ослами в получасе ходьбы от него. Ашык Ахмед обратился к жене с такими словами:

— О забота головы моей, о свет души моей, моя женушка,

останься здесь и пряди свою пряжу. Эмрах пусть поиграет подле тебя. А я отправлюсь в Эрчиш и с помощью своего саза попробую заработать несколько курушей на хлеб.

Жеда согласилась. Ашык Ахмед взял свой саз под мышку и отправился в Эрчиш.

Среди правителей Эрчиша самым знатным и богатым был Мир-оглу Ахмед. Жил он в большом дворце в самом центре города и славился своей любовью к музыке и пению. Ашык Ахмед отправился прямо к нему. Смущаясь и робея, ашык Ахмед рассказал ему о своей бедности. Но о том, что убежал от Кугу-хана, он не сказал. Мир-оглу сжалился над ним, взял его к себе ашыком и приказал привезти в город Эрчиш жену и ребенка. Затем дал ему дом с усадьбой и скот, выделил пастбище и участок для занятия земледелием.

Долго ли, коротко ли, с тех пор прошло три года. Все эти годы ашык Ахмед играл на сазе во дворце. А сын его учился в школе. Эмрах не знал, куда и зачем ходит каждый день отец со своим сазом. Но однажды ему пришлось в голову отправиться за отцом, чтобы раскрыть наконец эту тайну.

Как задумал Эмрах, так и сделал: отправился вслед за отцом и, никем не замеченный, вошел во дворец. Ашык Ахмед, представ перед меджлисом, начал играть и петь.

В это время мальчика заметили, его сразу же узнали и подвели к Мир-оглу. Эмрах поцеловал руки Мир-оглу и его приближенным, а затем скромно уселся в углу. Он еще ни разу в жизни не брал в руки саза, так как боялся отца. Желая позабавиться с мальчиком, Мир-оглу сказал:

— Дайте Эмраxu мой саз. Пусть отец и сын играют, сидя друг перед другом.

Ашык Ахмед от смущения покраснел, как помидор. Но как он ни объяснял, что сын не умеет играть, Мир-оглу ничего не желал слушать.

Что оставалось делать Эмраxu? Взял он в руки саз бея и сел напротив отца. Видя, с какой силой отец ударяет по струнам, мальчик начал ударять еще сильнее. Девять струн лопнули одновременно.

— Вай-вай-вай, ты порвал струны! — пришел в ярость ашык Ахмед и ударил сына по лицу тыльной стороной руки. Кровь хлынула изо рта и носа Эмраха. Испуганный, выбежал он из дворца и скрылся. Тогда Мир-оглу обрушил на ашыка Ахмеда свой гнев:

— Ты забыл свое место, наглец! Не мальчика ты ударил по

лицу — ты дал пощечину мне. Прочь с глаз моих, а не то я прикажу предать тебя мучительной смерти, а твой труп бросить воронам.

Схватив под мышку свой саз, ашык Ахмед едва унес ноги. Придя домой, он все рассказал жене и отправился на поиски обиженного им сына.

А Эмрах, получив пощечину от отца, побежал на кладбище. Там он смыл кровь водой из чистого источника, совершил омовение и намаз, воздел руки к небу и обратил к Аллаху свои мольбы. Помолившись, он приклонил голову к какой-то могиле и заснул. Во сне ему явился светлоликий старец, белый как лунь, с длинной седой бородой. Святой старец обратился к мальчику с такими словами:

— Возьми эту чашу с вином и выпей его.

Эмрах взял чашу из рук старца и выпил вино. Святой старец подал ему вторую чашу.

— Выпей и это,— сказал он.

Эмрах выпил и сказал:

— Все внутри у меня горит, святой отец, нет ли у тебя еще одной чаши?

Протягивая ему еще одну чашу, старец отвечал:

— Есть сынок, есть еще одна чаша. В первый раз ты выпил за создателя, второй раз — за святого, а эту чашу выпей за Сельви-хан, дочь Мир-оглу Ахмеда, чтобы загорелось твое сердце любовью к ней.

После того как Эмрах осушил третью чашу, святой взмахнул рукой — и перед юношей предстала невиданная красавица. Едва взглянув на нее, Эмрах чуть не потерял рассудок. Только он хотел обнять ее, как вдруг и девушка и старик исчезли. Эмрах открыл глаза и увидел, что рука его обнимает не девичий стан, а могильный камень. Было уже за полночь. Кругом царяла непроглядная тьма.

Эмрах хотел было уйти, но не смог. Мысли о Сельви-хан удерживали его. Он опять прильнул головой к холодной земле и закрыл глаза. В это время и подоспели слуги Мир-оглу, посланные на поиски юноши. Они схватили его и привели к Мир-оглу. Тот спросил:

— Что с тобой, Эмрах?

Эмрах отвечал:

— Случилось то, чему суждено было случиться с твоим рабом.

— Что же именно, Эмрах?

— Я не умел играть на сазе. По моей вине лопнули девять струн сазы. Пощечина, полученная мною от отца, была ниспослана мне судьбой. Я обратился с молитвой к богу. Бог услышал мою молитву и посвятил меня в тайны ашыков. Вот теперь мне хотелось бы потягаться с отцом.

Мир-оглу послал людей за ашыком Ахмедом. Его привели. Увидев сына, ашык Ахмед очень обрадовался:

— Где ты был, сынок?

— Я был в саду святых и выпил чашу вина из рук святого старца. Я хочу потягаться с тобой, отец.

— А саз, который ты держишь в руках, тебе тоже дал старец?

— Нет, отец. За это надо благодарить Мир-оглу — он дал мне свой саз.

— Сынок, что же ты обиделся на своего отца? Ведь ты мой сын. Дай твой саз, я его настрою.

— Ты лучше займись своим сазом, отец.

Так переговаривались они в присутствии бейя. А потом началось состязание.

Эмрах зашел:

Стори, ашуг, в огне любовных стрел,
Пусть шаток мир — будь стоек ты и смел.
Ложь принимать за правду — твой закон,
Лишь тот и прав, кто властью облечен.

Ашык Ахмед встал, поклонился Мир-оглу и сказал:

— О мой бей, хорошо спел мой сын Эмрах, но слова его полны намеков. Прикажи ему выразиться яснее.

Мир-оглу обратился к Эмраху:

— Твой отец, Эмрах, просит говорить яснее. Исполни его просьбу.

Эмрах продолжал:

Я по лесам охотником бродил,
Троих увидел вдруг — кто это был?
И кто в волну морскую бросил сеть
И взял троих — так кто они, ответь!

Тут ашык Ахмед поднялся, положил свой саз перед Эмрахом и сказал:

— Благословляю тебя своим сазом. Если бы ты не был моим сыном по воле Аллаха, я встал бы перед тобой на колени и поцеловал твою руку.

Мир-оглу велел ашыку Ахмеду отправляться домой без

сына, а Эмраха оставил при себе. Едва сдерживая рыдания, ашык Ахмед пошел из дворца. Дома он протянул свой саз жене и сказал:

— Возьми этот проклятый саз и повесь его на стену. Мне он больше не нужен. Эмрах испил чашу с вином из рук святого старца. Он одержал победу в состязании со мной. Мне ничего не остается, как ходить за волами на пашне.

С этого времени ашык Эмрах поселился во дворце Мир-оглу. Уединившись в своей комнате, он беспрестанно думал о Сельви-хан и рассуждал сам с собой:

— Неужели на земле есть еще другой Мир-оглу? Уж не этому ли Мир-оглу придется дочерью Сельви-хан, в честь которой я выпил чашу вина, поднесенную мне святым старцем? Это нужно выяснить. Мне необходимо увидеть лунолицую Сельви-хан.

Прошло немало времени. Однажды накануне новруза ашык Эмрах сидел у окна. Смотрит — приближается стадо овец, а за стадом следуют сорок девушек-прислужниц. Эмрах присмотрелся к ним повнимательнее... И что же он увидел? Впереди шла та самая девушка, которая явилась ему во сне. Уж не она ли и есть Сельви-хан?

Между тем, проводив стадо, все сорок девушек повернули обратно. Они возвращались дорогой, которая проходила под окном Эмраха.

«Она или не она? — вертелось в голове Эмраха.— Если это она, я сейчас же откроюсь ей. Если же не она, я ни минуты не останусь в этом дворце. Истинным влюбленным может считать себя только тот, кто в поисках своей возлюбленной преодолевает горные кручи, пробирается по ущельям, пьет воду из источников в чужих краях».

Пока он размышлял так, прислужницы остановились как раз под его окном, но Эмраха они не заметили.

Девушка, которая была похожа на Сельви-хан, обратилась к одной из четырех окружавших ее прислужниц:

— Не будем торопиться во дворец, Назлы? Погуляем еще немного.

Затем она обернулась к той, что несла на золотом подносе ее волосы, чтобы они не запылились, волоочь по земле, и сказала:

— Поставь на землю поднос, не надо держать его.

После этого она обратилась к девушкам слева и справа от нее, державшим опахала:

О девы Кайсери и Румели,
Сокрылось солнце, меркнет свет вдали,
Прохлада веет с ваших опахал,
Оставьте их — мне холод сердце сжал.

В тот же миг ашык Эмрах взял в руки саз и поведал Сельви о тайне своей любви. Сельви, не в силах до конца выслушать его рассказ, опустила на землю.

Между тем Эмрах продолжал петь:

Моя красавица, чей тонок гибкий стан,
О нежнорукая, кого ты избрала?
Я от красоты твоей любовным хмелем пьян.
Нежноголосая, кого ты избрала?

О мускусная лань, твой нежный облик мил,
Твоя нагая грудь белей лебяжьих крыл,
Ты, словно гурия, тонка, нежна, бела,
О лань пугливая, кого ты избрала?

Ты розой дивною цветешь в своем саду,
Звездой упавшею мерцаешь ты в пруду,
Я раб твой — милосердия я жду.
О нежнокосая, кого ты избрала?

А надо сказать, что Сельви-хан тоже испила вина любви из рук старца и была влюблена в Эмраха. Вот почему она чуть не упала в обморок, когда услышала игру и пение Эмраха. Назлы и другим ее прислужницам стоило большого труда перенести ее во дворец и уложить на тахгу.

Назлы догадалась, отчего это случилось с Сельви-хан, и обратилась к ней с такими словами:

— Голос, который ты услышала, сделал тебя больной, но тот же голос может и исцелить тебя. Выйди в сад и попроси, чтобы новый ашык твоего отца сыграл тебе на своем сазе. От твоего недомогания не останется и следа.

Сельви-хан с радостью приняла это предложение. Медленно и грациозно поднялась она и направилась в сад, окруженная своими сорока прислужницами. Девушки принесли ей тысячи цветов самых разнообразных оттенков! Когда они расселись вокруг бассейна, тот засверкал, как драгоценный камень в оправе. Послала за Эмрахом.

Мир-оглу из уважения к Эмраху пригласил его отца ашыка Ахмеда во дворец. Но сам ашык Ахмед больше не осмеливался играть во дворце: как отец и как друг, он лишь состоял там при своем сыне. Ашыку Ахмеду не хотелось, чтобы Эмрах один отправился к Сельви-хан. Он сказал прислужницам:

— Мой сын слишком молод, ему еще не приходилось видеть женщины с открытым лицом и обнаженной грудью. Я боюсь, что при виде белой груди Сельви-хан взор его помутится и он лишится рассудка. Нужно, чтобы я присутствовал при его встрече и беседе с Сельви-хан.

Назлы ответила на это:

— Если кому и угрожает беда, то это Сельви-хан. Кто такой Эмрах, чтобы опасаться за него?

Как бы там ни было, Эмрах пошел за Назлы, и по дороге она сказала ему:

— Эмрах, когда ты подойдешь к бассейну и начнешь играть на своем сазе, первым делом воспой меня. Тогда я устрою твою встречу с Сельви-хан.

Так, беседуя, они шли рядом, а ашык Ахмед крался за ними.

Когда они подошли к бассейну, Сельви сказала Эмраxu:

— Садись, ашык.

Эмрах сел.

— Ну, ашык,— продолжала Сельви,— потешь красавиц, покажи, как ты умеешь играть и петь.

Ашык Эмрах взял в руки саз. Два имени вертелись у него на языке: Сельви и Назлы.

Эмрах запел:

Как белый лебедь, выйдя из дворца,
Ты о любви молила, Сельви-Наз,
Сражен тобой, я робко жду конца,
Ты сердце мне пронзила, Сельви-Наз.

— Эмрах, ты так хорошо пел, но почему к моему имени ты прибавил другое, презренное? Спой что-нибудь получше, а мы послушаем.

Эмрах запел:

Растерян я, о Сельви-Наз-Суна:
Тебе улыбки шлют Урум, Кайсер.
Как тополь, дивным станом ты стройна,
Твои уста свежее, чем Кевсер.

Когда Сельви услышала это, она стала похожа на разъяренную тигрицу. Она велела своим девушкам вывести Назлы на площадь и как следует побить ее. Из сорока девушек тридцать девять бросились к деревьям, срезали ветки, очистили их от листьев и отлупили Назлы.

Покончив с этим, Сельви обернулась к Эмраxu и приказала:

— А теперь изволь играть и петь так, чтобы в твоих словах

не было никаких Суна, Мине, Наз, Маз. Если же ты вновь примешься за старое, тебя ждет райская пища, которую тебе, как и Назлы, приготовят красавицы.

Но Эмрах уже своими глазами видел, что такое райская пища. Тотчас ударил он по струнам саза и запел:

Когда весной я проезжаю здесь,
Твой сад, Сельви, цветами убран весь.
Как роз весенних сладостный дурман,
Меня пьянит дыханье Сельви-хан.

С высоких гор тюльпаны шлют привет,
Огонь в груди — тюльпана алый цвет.
Едва обнимешь стан моей Сельви,
Во всех садах зальются соловьи.

Сельви-хан воскликнула:

— Сто тебе похвал, сто тебе щедрот, чтобы так играл ты годы напролет! Я довольна тобой, ашык. Скажи, можешь ли ты еще что-нибудь спеть?

— Да, я еще не все сказал, — отвечал ашык Эмрах.

И он снова запел:

Когда издам, друзья, последний стон
И смерть придет, мой дух к себе маня,
Пусть у дороги буду погребен:
Пройдет Сельви — посмотрит на меня.

Сельви-хан оглянулась вокруг. Среди тридцати девяти девушек она не увидела ни одной, которая была бы близка ей. Затем взгляд ее упал на Назлы, которая плакала навзрыд. Сельви обратилась к ней с такими словами:

— О Назлы, душа моя Назлы, я ранила твое сердце. Приди в себя. Не заставляй меня страдать. Прости мне вину мою, улыбнись.

Назлы стала на колени перед Сельви, смиренно склонив голову:

— Вот я стою перед тобой... я не ведаю, в чем моя вина. Кто любит, тот не бьет любимого. Если же наказание исходит от господи, то следует примириться с ним.

Сельви-хан приказала девушкам обойти сад и набрать разных цветов. Избавившись от своих подруг, она осталась наедине с Эмрахом. Прошло три часа. Кто знает, как провели они время, о чем говорили. А Назлы пряталась поблизости и подсматривала за ними.

Через три часа девушки вернулись и окружили Сельви-хан. Суна разгадала тайну любви Сельви-хан и Эмраха. Она увидела, что Сельви украсила свои волосы цветами, и, проходя мимо, нарочно задела Сельви плечом так, чтобы цветы рассыпались. Дерзкий поступок девушки разгневал Эмраха:

— Ну и ну, ни бог, ни пророк ей нипочем! Что ты натворила?

И он взял в руки свой саз. Посмотрим, что он сказал рабыне Суне:

Как не отсохла дерзкая рука,
С волос Сельви сорвавшая цветы!
Хоть нежный лик прекрасней лепестка,
Цветы достойны этой красоты.

Вот стайка гурий высыпала в сад —
Они во тьме как светочи горят.
К лицу идет фиалковый наряд —
Не различишь, где щечки, где цветы.

Едва Эмрах кончил петь, как подул сильный ветер, и оставшиеся фиалки осыпались с волос Сельви-хан. Часть из них упала на Эмраха. Это вдохновило Эмраха на новую песню:

Так повелеял премудрый Соломон,
Чтоб ныне ветер буйный занял трон,
Смятенье в сердце — в тучах небосклон —
Не ведать нам любви и красоты.

Сельви-хан обиделась, услышав эти слова. Она велела своим девушкам следовать за ней и покинула сад. Эмрах молча смотрел им вслед. В надежде вернуть их он вновь ударил по струнам:

Меня красавица манит издалека,
Спешу на зов ее — потупится, молчит.
Нежна рука ее, и талия тонка.
Уйдешь — обидится, обнимешь — закричит.

Две брови дивные, как арки у дворца!
Глазами-стрелами разит она сердца,
Начнет здороваться — жеманству нет конца,
Отвечу, нет ли я — обиженно молчит.

Любовью пламенной к ней меня влечет,
Разлука с милою для сердца словно лед.
Уходит нежная, и с ней весна уйдет,
Люблю ли, нет ее — обиженно молчит.

С горечью отметил Эмрах, что Сельви-хан даже не оглянулась. Он глубоко вздохнул и опять стал играть:

О, горе, горе мне:
Как бровь ее черна!
О, горе, горе мне:
Как молода она!

О, горе, горе мне:
В ее руках клинок.
Смерть принесет она.
Лишь ступит на порог.

О, горе, горе мне:
В руке ее вино.
Грудь с цветником сравнить
Мне, право, не грешно.

О, горе, горе мне:
Проворна, как марал.
Тот вор, тот враг она,
Что разум мой украл.

Услышав это, Сельви-хан не выдержала, вернулась к Эмраху и воскликнула с упреком в голосе:

— О Эмрах! Ты отбросил мои фиалки, даже не вдохнув их аромата, а теперь вот какие слова звучат в твоих песнях!

Эмрах отвечал:

— О красавица моя, не обижайся! В такой счастливый день я не могу петь иначе. Ведь я люблю тебя больше жизни.

Сельви-хан понравился ответ Эмраха. На прощание она подарила ему чашу, полную золота. Отец Эмраха был там же. Сын отдал золото ему. Отец подсчитал золотые монеты и сказал:

— Сын мой Эмрах! Это в десять раз больше, чем я получил до сих пор от Мир-оглу. Если Сельви-хан еще несколько раз наградит тебя так же, я смогу покинуть эти места и уехать к себе на родину, в Тифлис.

Ничего не ответив отцу, у которого не было иной заботы, кроме денег, Эмрах направился к дворцу и уединился в своей комнате. «Неужели Сельви-хан станет моей?» — с этой мыслью он погрузился в океан мечтаний.

На другой день он вновь отправился в дворцовый сад и там увидел свою возлюбленную.

Пусть он наслаждается любовью, мы же вернемся в Исфahan к Шах-Аббасу.

Шах-Аббас восседал на троне и беседовал со своими двенадцатью везирами:

— О мои бей! Вас двенадцать, и я жду, что каждый из вас назовет мне по крепости, которые не смог бы захватить ни один шах.

Один из двенадцати беев, по имени Хасан-хан, поднявшись со своего места, сказал:

— О шах! Я собственными глазами видел на турецкой земле крепость Ван, которую после святого Али никому еще не удавалось завоевать.

— По-твоему, и я не смогу завоевать эту крепость? — спросил шах.

— И ты, мой шах, не сможешь завоевать ее, — отвечал Хасан-хан.

Разгневался Шах-Аббас и послал людей по своим владениям с приказом готовиться к войне.

Через сорок дней было собрано войско в семьдесят тысяч воинов. Наутро сорок первого дня выступили в поход. Крепость Ван, в которой ни о чем не подозревали, была осаждена. Однако прошел год, а захватить ее так и не удалось. Шах-Аббас бессилен был сделать это. Он созвал на совет двенадцать своих ханов. Хасан-хан вышел вперед и сказал:

— О шах! На осаду этой крепости нужно истратить семь лет. Голод заставит ее жителей сдаться. А чтобы воинам было легче переносить ожидание, каждому из них следует посадить по черенку яблони и ухаживать за ним в течение этих семи лет.

Шах-Аббас отдал приказание, чтобы каждый воин посадил по черенку яблони. Зброшенное поле было сплошь усажено черенками и превратилось в огромный сад.

Прошло три года, и в крепости начался голод. Ванский паша приказал поставить котлы на площадях и раздавать пищу голодным. Приказ паши был исполнен. Но вскоре и у богачей запасы иссякли. Жителям ничего уже не оставалось, как сдать крепость Шах-Аббасу. И тогда к ванскому паше пришла одна дряхлая старуха, которой уже перевалило за семьдесят.

— Сын мой, паша! — сказала она. — Слышала я, что собираешься ты сдать крепость врагу. Прикажи своим воинам открыть ворота и выпустить меня наружу. Когда я выйду из ворот, пусть воины возьмут известь и высыплют ее за крепостные стены.

— Хорошо, — сказал ванский паша и простился со старухой.

Старуха пошла к себе домой, подоила двух своих коз, приготовила в двух горшках простоквашу. Выйдя за ворота, она подошла к шахскому шатру и крикнула:

— Сын мой, шах! Я принесла тебе пастуший подарок. Отведай-ка простокваши из козьего молока.

Услышав это, Шах-Аббас удивился и спросил у старухи:

— Матушка! Разве в Ване еще остались животные?

— Что я слышу от тебя, шах! Слава Аллаху, у нас всего хватает. Амбары полны мукой, пасутся на лугах овцы и коровы. Не сей мы и не жни хоть сорок лет — и не будет нам нужды в помощи нечестивцев. Не проходит и дня, чтобы мы не высыпали в ямы сгнившую пшеницу. Не проходит и ночи, чтобы мы не высыпали за крепостные стены гнилую муку. Если бы не вражда между нами, мы бы досыта накормили воинов нашего сына — шаха. Так уж издревле повелось в крепости Ван, сынок.

— По-твоему, мать, все эти три года мы здесь кулаками по воздуху бьем?

— Глупа я, сынок, для таких дел. Мне захотелось только угостить сына моего, шаха, простоквашей. А ответить тебе на твой вопрос сможет ванский паша.

Увидев, что с крепостной стены сыплется тертая известь, шах принял ее за муку. Он приказал снять осаду и со всем войском отправился обратно, разоряя по пути селения.

Много ли, мало ли времени прошло, в конце концов достигли они Эрчиша и разграбили его. Много было раненых и убитых среди жителей города. Мир-оглу был обезглавлен, имущество его разграблено. Воины были довольны добычей: кому достался скот, кому деньги. И только двум воинам ничего не досталось. Пока они размышляли, что бы такое захватить, попались им на глаза Сельви-хан и Назмы. Схватили они девушек, посадили на коней и ускакали. Однако Шах-Аббас отнял у них добычу, а самих казнил, дабы не захватывали они людей вместо скота.

Шах-Аббас приказал девушкам открыть лица. Как только он увидел Сельви-хан, тысячи молний прожгли его сердце. И он обратился к девушке с такими словами:

— О жестокая, ты сжигаешь меня в огне. Я должен заключить тебя в свои объятия, чтобы и тебя охватил тот же огонь.

Затем Шах-Аббас велел одному из своих полководцев доставить девушек в Исфахан и следить за тем, чтобы до его приезда они ни в чем не нуждались.

Услышав слова шаха, Сельви-хан чуть не лишилась рассудка. Она сказала Назлы:

— Лучше бы я ослепла, Назлы! Смотри, что случилось с нами! Разведи в чаше яд, дай мне выпить его вместо шербета. Неужели ты хочешь, чтобы я досталась кому-то другому, а не Эмраху!

А шах между тем рассуждал так:

— Пусть не сумел я взять крепость Ван, зато мне досталась дочь Мир-оглу. Правда, хоть она и у меня, предстоит еще подобрать ключ к ее сердцу и войти в него. Ведь эта девушка скорее умрет, чем отдаст свое сердце кому-нибудь, кроме возлюбленного. В этом деле мне не обойтись без помощи Якуб-хана. Надо наведаться в Саат-Чукур, поговорить с Якуб-ханом и взять его с собой в Исфахан. Якуб-хан умен, сведущ и ловок. Может быть, он вразумит девушку.

А у Сельви-хан было два брата. Им как-то удалось не попасть в лапы врагов и избежать смерти. Не так сильно горевали они по убитому отцу, как по своей сестре Сельви-хан. И вот однажды они решили:

— Во что бы то ни стало надо найти Сельви-хан и освободить ее. Ведь речь идет не только о жизни и смерти, это — дело чести.

В это время появился Эмрах. Он встал перед братьями, скрепив руки на груди, и сказал:

— Если вы разрешите, я расскажу вам, почему я хочу отправиться на поиски Сельви-хан.

— Что ж, говори, Эмрах, мы выслушаем тебя.

Эмрах запел:

Я светлоглазого марала потерял,
Иду искать его — иного нет пути,
В своей потере я полсвета укорял,
Но ране тягостной вовек не зарастя.

Тоской снедаемый, укрылся я в горах,
Все — тлен в глазах моих, повсюду вижу прах.
Вернись, красавица, зовет тебя Эмрах,
Но сердцем горестным мне путь к ней не найти.

Случилось то, Эмрах, что было суждено,
Будь ты пашой или султаном — все равно,
Печаль двух братьев разделить тебе дано,
Ведь горе общее связало нас в пути.

Братья не знали, что Эмрах влюблен в Сельви, но, услышав его песню, поняли это. Ласково обратились они к нему:

— О Эмрах, почему же ты раньше не сказал нам об этом? Мы бы уже давно поженили вас с Сельви. Мы тебе разрешаем, отыщи девушку. Приведешь ее — и она твоя. Если же не найдешь ее, то хоть принеси весть о ней, жива ли она или нет. Мы тебя за это вознаградим. Да поможет тебе Аллах!

Эмрах вернулся домой и обратился к отцу, которому тоже посчастливилось остаться в живых:

— Отец, я уезжаю.

— Куда, сын мой?

— Искать Сельви.

— Не уезжай, подожди до завтра, я провожу тебя.

— Хорошо, отец.

В ту ночь Эмраxu не спалось. Он все ворочался с боку на бок. Рано утром Эмрах стал готовиться в путь. Увидев, что мать и отец плачут, он пропел:

Прости, отец, и мой прими поклон.
Благослови на долгий трудный путь.
Ведь жребий мой судьбою предрешен.
Благослови на долгий трудный путь.

Отец отвечал ему:

Без друга я один в чужом краю,
О сын, не оставляй меня в беде,
Перед разлукой я не устою,
О сын, не оставляй меня в беде.

Эмрах больше ничего не сказал, поцеловал натруженные руки матери и отца и отправился в путь. Вдруг все вокруг заволокло туманом.

Эмрах загадал про себя:

— Если Сельви нет в Эрчише, пусть туман рассеется, если же она в Эрчише, пусть по-прежнему будет туман.

Туман не рассеялся. Эмрах вернулся в город и пошел в сад Сельви. Он увидел сломанные ветки, разрушенные фонтаны, смятые цветы. Зацепившись за сук, висело расшитое серебром покрывало Сельви. Эмрах взял его, прижал к лицу, поцеловал. Посмотрим, как он выражал свое горе:

Свое убежище покинула она,
Не видел зрелища я горше и грустней.
Нет виночершиев, и в чашах нет вина,
И не поет уже над розой соловей.

Разлукой с милою так тяжело болен я,
Тоска по розе убивает соловья.

Рыдает горлинка — кровавая струя
Из горьких слез ее струится все сильней.

Эмрах покинул хасбахче и отправился в дорогу. Пусть он продоляет свой горестный путь, мы же направимся в Исфahan и посмотрим, что там происходит.

Прибыв в Исфahan, Шах-Аббас назначил Якуб-хана главным везиром, а сам стал помышлять о Сельви. Но он не пользовался ее благосклонностью и, не уверенный в успехе, обратился к Якуб-хану:

— Сельви турчанка, и ты турок. Будь ей отцом, а она будет твоей дочерью. Уговори ее стать венцом моей головы. Я справлю такую свадьбу, какой еще не было в Исфahане.

— Ну что ж, хорошо, — ответил Якуб-хан и отправился к Сельви. Как он ни уговаривал ее — ничто не действовало. Однако Наазлы дала ему понять, что еще не все потеряно:

— Я пожертвую собой ради тебя, Якуб-хан. Девушка что крепость, ее так просто не возьмешь. Передай шаху, пусть он разобьет сад и назовет его именем Сельви. Когда он пришлет Сельви виноград первого урожая из этого сада, он получит ее согласие.

Якуб-хан сказал:

— Ты неплохо придумала, девушка, но сад, о котором ты говоришь, принесет плоды только через семь лет.

Тут в разговор вступила Сельви:

— И девушка только через семь лет может дать согласие или же выпьет из чаши отраву.

Якуб-хан все слово в слово передал шаху. Шаху ничего не оставалось, как согласиться на это, и он приказал разбить сад. Он велел также написать портрет Сельви, вставил его в золотую раму, повесил на стену и беспрестанно любовался им.

Но вернемся к Эмраху.

Эмрах, опечаленный всем увиденным, решил идти в Пире. Бродя по садам Пире, он вдруг увидел сорок девушек, глаза которых были словно колодцы смерти, а брови подобны саблям палачей. Стон вырвался из его уст, и, казалось, сама душа отлетела от него, когда глаза его встретились с глазами одетой в траурные одежды Сельви-хан. Не душу ли свою увидел он? Эмрах ударил по струнам саза и запел:

Цвети, весна моя, и щедрым будь новруз,
В твоих садах, Пире, одна гуляет лань,
Боюсь, что разума от радости лишусь,
В твоих садах, Пире, одна гуляет лань.

Одета в черное, лицо ее в слезах,
Одним недугом покарал ты нас, Аллах,
Но пыль дорог на мне — она же вся в цветах.
В твоих садах, Пире, одна гуляет лань.

Меня возлюбленным, как прежде, назови,
Одним огнем со мной горела ты, Сельви,
Нет песен сладостней, чем песни о любви.
В твоих садах, Пире, одна гуляет лань.

Девушка сказала Эмраху:

— Ашык, ты принял меня за другую. Я не Сельви, которую ты ищешь. Но все же зайди в сад, угощайся тем, что у нас есть, да расскажи мне, что случилось с тобой.

Эмрах вошел в сад, насытился, а затем рассказал все по порядку.

Потом он покинул Пире и в один прекрасный день достиг Тебриза. В Тебризе жили семь придворных ашыков. Главного из них звали Мерд-Джаббар. Все семь ашыков выразили желание состязаться с Эмрахом.

Эмрах начал:

Кто не рожден, а сам собой возник
И раньше света в этот мир проник?
Кто до того, как землю постил,
Так ловко дива в сети захватил?

Поняв, что они не смогут достойно ответить Эмраху, все семеро ашыков положили свои сазы перед ним. То же сделал и их учитель Мерд-Джаббар. Но Эмрах сказал:

— Не для того я пустился в странствия, чтобы отнимать сазы у ашыков или охотиться за деньгами. Была у меня возлюбленная, но ее увели воины шаха. Я ищу ее. А ваши сазы и ваши деньги пусть останутся при вас.

От этих слов лопнула струна на сазе Мерд-Джаббара. Он обратился к Эмраху:

— Сынок! В войсках Шах-Аббаса много людей из Хорасана и Герата. Отправляйся-ка сначала в Хорасан, может быть, там тебе и посчастливится что-нибудь разузнать.

Несчастный Эмрах тотчас пустился в путь и шел до Хорасана не переводя духа. Там он остановился в кофейне Бент-Пазара, где собирались ашыки.

В то время беком Хорасана был Хасан-хан, зять Шах-Аббаса. Некий ашык, по имени Лезги Ахмет, поставил перед правителем условие:

— Или найди мне соперника среди ашыков, или дай мне ты-
сячу золотых в знак признания меня первым ашыком.

Служители Хасан-хана схватили Эмраха и привели его к
своему повелителю. Хасан-хан рассказал Эмрахе об условии
Лезги Ахмета. Уповав на волю Аллаха, Эмрах приготовился со-
стязаться с Лезги Ахметом. Лезги Ахмет тут же был приведен
во дворец. Хасан-хан обратился к нему:

— Победишь этого странствующего ашыка — хорошо, а
нет — голова с плеч долой. Так и знай!

— Я согласен. Его черед петь нам, — отвечал Лезги.

Хасан-хан сказал:

— Покажи-ка свое искусство, ашык!

Эмрах ответил:

— Сначала должен спеть главный ашык. В его присутствии
мне, неискушенному ученику, не подобает петь первому.

— Он прав, — решил Хасан-хан. — Пусть лучший кусок до-
станется лучшему.

Лезги начал петь:

Ашуг Эмрах, послушай-ка меня:
Кто первым смог подняться на Синай?
И как нашлась для Евы западня
И кто явился к Еве, отгадай.

Эмрах ответил ему:

Лезги Ахмет, послушай ты меня:
Адам поднялся первым на Синай,
Ждала Абила с Евой западня,
Спустился ангел к ней, покинув рай.

Лезги снова пропел:

Лезги Ахмет, ты изнемог в борьбе,
Но жребий этот сам избрал себе,
Что приобрел Давид, что Моисей,
А что Иса — скорее дай ответ.

Эмрах ответил так:

Я сам себя в капкан любви завлек,
Да будет славен всемогущий бог!
Зебур — Давид, Евангелье — Иса,
А Моисей — Талмуд — вот мой ответ.

Слова обоих ашыков писцы записали слово в слово.

Хасан-хан воскликнул:

— Сынок Эмрах! Лезги побежден. Теперь твой черед петь,
а его — отвечать.

Эмрах запел:

Ашуг Ахмет, попробуй разгадать:
Кто к богу путь сумеет отыскать,
Кто нас с пути старается свернуть
И чьих уловок недоступна суть?

— Хороши твои слова, Эмрах. Спой-ка еще, чтобы я смог сразу ответить,— попросил Лезги.

Эмрах продолжал:

Кто выкрашен без краски, дай ответ.
Чей при ходьбе не остается след?
Родится кто без рук, без ног на свет,
А через сорок дней находит их?

Лезги промолвил:

— Ты хорошо отвечал на мои загадки — вот тебе мой саз!
Но знаешь ли ты сам ответы на свои загадки?

Тут Хасан-хан сказал:

— Эмрах! Лезги посрамлен! Раскрой же смысл своих загадок, чтобы он знал, каким должен быть ашык.

Эмрах запел:

Лезги Ахмет, готов я отвечать!
До бога путь дано лишь миру знать.
Стремится дьявол нас с пути свернуть,
Его уловок недоступна суть.

Шафран без краски крашен — вот ответ.
Лишь мертвецы не оставляют след.
Без рук, без ног лягушка встретит свет,
А через сорок дней находит их.

Когда Хасан-хан встал и хотел передать Лезги в руки палача, Эмрах бросился к нему и стал умолять не делать этого. Хан внял просьбам Эмраха и отпустил Лезги.

Вознаграждение, полученное от Хасан-хана, Эмрах роздал нищим Хорасана, а сам пустился в путь. Шесть лет он странствовал. Не найдя Сельви в Иране, он отправился в Турцию. Дорога в Эрчиш, куда он направлялся, пролегалла через Саат-Чукур. Там, в одном из дворцов, он и остановился на ночлег.

А это был, оказывается, дворец Якуб-хана. Эмрах поцеловал руку матери Якуб-хана — Джевхер-хатун. И они начали беседовать:

— Как тебя зовут, сынок?

— Эмрах.

— Откуда ты?

— Из Эрчиша.

— Ты ашык?

— Конечно!

— Удел ашыков, Эмрах,— страдания,— вздохнула женщина.— Я не ашык, но и мне есть о чем печалиться. Скоро семь лет, как я не имею вестей от любимого сына. Спой-ка что-нибудь грустное, чтобы я слезами облегчила свою душу.

Эмрах запел:

С юных лет поражен я недугом одним,
И с тех пор от него я лекарство ищу.
Среди чуждых равнин, одинок, нелюдим,
Хасбахчейскую лань я упрямо ищу.

Заарканила сердце красавица мне,
Днем она в моих мыслях, а ночью во сне.
И желанье и разум — все связано с ней.
Я, Эмрах, Сельви-хан я повсюду ищу.

У Джевхер-хатун вырвалось:

— Как ты назвал ее — Сельви? Уж не она ли разлучила меня с моим сыном? Шах-Аббас увел с собой и твою возлюбленную, и моего сына. Теперь мой сын — главный везир шаха.

Эмрах заплакал. Джевхер-хатун стала успокаивать его. Она написала и передала Эмраку письмо для сына. Тот прочитал его и спрятал за пазуху. На следующий день он отправился в Исфahan. Пусть он продолжает свой путь, а мы поведаем вам о Шах-Аббасе и Сельви.

Прошло семь лет, и сад Сельви-хан дал первый урожай винограда. Шах послал этот виноград Сельви-хан на золотом подносе. Увидев виноград, девушка ничего не сказала, только из глаз ее ручьями потекли слезы. Когда садовник возвратился к шаху, тот спросил его:

— Что сказала Сельви?

— Ничего не сказала.

— Она молчала?

— Молчала...

— Молчание — знак согласия. Приготовьте все к свадьбе.

Начались приготовления к свадьбе. По приказу шаха Якуб-хан велел ашыку Аббасу и его тридцати девяти ученикам собраться на площади.

— Сорок дней и сорок ночей вы должны играть здесь, развлекая народ,— сказал он им.

Пусть они играют, мы же вернемся к многострадальному Эмраку.

Спустя тридцать дней с начала свадьбы Эмрах прибыл в

Исфahan. Он сразу же направился на площадь, где играли ашыкы, и смешался с толпой. Якуб-хан был там. Он увидел, что пришел новый ашык, подошел к нему и спросил, откуда тот пришел и куда направляется. Эмрах отвечал, что он несчастный ашык, страдающий от любви к своей возлюбленной. Якуб-хан сказал:

— Город, в котором ты сейчас находишься, — Исфahan. Нет человека, который бы не нашел здесь своего счастья. Присоединяйся к ашыкам, покажи нам свое умение — заработаешь себе на хлеб.

Эмрах ответил:

— Что ж, в таком случае я не прочь вызвать на состязание самого главного из этих сорока ашыков.

Обрадованный, направился Якуб-хан к ашыку Аббасу и сказал ему:

— Пришел странствующий ашык, он вызывает тебя на состязание.

Ашык Аббас был кичлив и самонадеян. Он подошел к Эмра-ху и спросил:

— Это ты хочешь состязаться со мной?

— Я! — отвечал Эмрах.

— Что ж, я с радостью принимаю твой вызов, займи здесь свое место, — сказал ашык Аббас.

— Не обижайся на меня! Мне захотелось посостязаться с таким, как ты, чтобы понять, что такое настоящее мастерство, — сказал Эмрах.

— Хорошо ты говоришь, сынок! — воскликнул ашык Аббас. — Я вместе со своими учениками тоже хочу посмотреть, на что ты способен. Саз твой — слово за тобой, поле твое — право твое. Сначала спой ты, чтобы я смог исправить твои ошибки, если ты их допустишь, и сделать тебя своим сороковым учеником.

Эмрах запел:

Весь мир развежился, довольством опьянен,
Лишь выпил чашу я, как понял, что влюблен,
Мой ум в дремоту был семь суток погребен,
Я в двойнике своем себя хотел узнать.

Ашык Аббас воскликнул:

— Хвала учителю твоему, ашык! Долгих лет жизни ему! Спой еще что-нибудь во славу его.

Эмрах продолжал:

Я к тридцати годам пустыни исходил,
Бывал на дне морском, на паруснике плыл,
Слова, что сеял я, рождались без чернил,
Жемчужный бубен мой зовет меня играть.

— Спой еще, ашык! — попросил ашык Аббас.

За тайной тайну этот бубен разглашал,
Камень сыпал он, и жемчуг, и коралл,
Цветами райскими тот жемчуг расцветал,
Настал и твой черед искусство показать.

Ашык Аббас в растерянности не знал, что и ответить. С поклоном обратился он к Якуб-хану:

— О Якуб-хан! Песни Эмраха повергли меня в изумление. Хорошо распродал он товар, добытый им в книгах. Но я не любитель книг. Прикажи ему спеть что-нибудь не из книг.

Эмрах запел:

Разлука долгая — вот тяжкий мой удел.
Каких капканов я доселе не задел?
О, кто расскажет мне, где горестям предел,
На чем весь мир стоит, кто сможет отгадать?

Ашык Аббас произнес:

— Сынок! Половина этого, видно, тоже из книг.

Между тем Эмрах завершил пение следующими словами:

Господь один у нас, и всем он шахам шах.
Стоял ли, мастер, ты пред богом, как Эмрах?
Моим стенаниям внимал один Аллах;
Кто б мог учителя вернее указать?

Ашык Аббас понял, что Эмрах — крепкий орешек и одержать над ним верх не удастся. Не стесняясь своих седин, он поцеловал Эмраха руку. Его примеру последовали и тридцать девять его учеников.

Якуб-хан очень обрадовался. Вместе с Эмрахом он отправился во дворец. По дороге Эмрах вытащил из-за пазухи письмо и протянул ему. Якуб-хан прочитал письмо своей матери Джевахер-хатун и узнал из него, что Эмрах любит Сельви-хан. Узнал, но было уже поздно. Подумав немного, он сказал:

— Сын мой Эмрах! Ты опоздал. Сегодня вечером шах войдет в брачные покои.

— Считаю меня своим рабом, Якуб-хан! — взмолился Эмрах. — Отведи меня к Шах-Аббасу. Может быть, мне удастся смягчить его сердце.

— Говори ему что угодно, только не касайся возлюбленной, — сказал Якуб-хан.

Немного погодя они предстали перед шахом. Услышав, что Эмрах победил ашыка Аббаса, шах похвалил его и усадил на почетное место. Эмрах увидел висящий на стене портрет Сельви. Портрет был обрамлен золотой цепочкой. Увидев это, Эмрах пропел:

О шах всех шахов, знай, как горек жребий мой!
Любовью к пери вся душа моя полна.
Ты окружил ее цепочкой золотой,
Любовью к гурии душа моя полна.

Венец сверкает твой, в алмазы убран трон,
Под стать величию такому мой поклон.
Средь этой роскоши лелеешь ты бутон.
Любовью к пери той душа моя полна.

Шах-Аббас понял, что Эмрах говорит о портрете, висящем на стене. Ярости его не было предела. Слова застревали у него в горле, и он приказал слуге Мирзе принести чашу с шербетом. Мирза принес шербет и подал шаху. Тот выпил. Велев Эмрагу продолжать, шах так и впился глазами в его лицо.

Эмрах пропел:

Дугой согнулся ты и высох, о Эмрах,
Вот-вот рассыплешься и превратишься в прах.
Джевхер, дай чашу мне, что держишь ты в руках,
Любовью к девушке одной душа полна.

Услышав имя Джевхер, Шах-Аббас подумал про себя: «Никто, кроме меня, не знает, что Мирза — девушка и имя ее — Джевхер. Как же об этом узнал ашык? Испытаю-ка я его! Посмотрим, отгадает ли он, какую птицу я загадаю». Он повернулся к Эмрагу и сказал:

— Продолжай, ашык.

Эмрах запел:

Ты, шах всех шахов, славен именем своим,
Но с этой славою другую мы сравним —
Ту, что под облаком летает вслед за ним,
Ведь жаворонка знает каждая страна.

Шах-Аббас поразился еще больше — ведь именно жаворонка он и загадал. Тогда шах сказал Якуб-хану:

— О Якуб-хан! Я убедился, что Эмрах — истинный ашык. Пусть просит у меня все что угодно.

Якуб-хан передал Эмрагу приказ шаха.

А в это время Сельви-хан и Назлы находились в другом

дворце, и у каждой в руках было по чаше с ядом. Они сговорились, как только шах войдет в брачную комнату, одновременно выпить яд.

Эмраху стало известно и это. И он зашел:

Доколе, шах, терзаться мне?
Покоя нету и во сне,
И день и ночь горю в огне —
Испепелит меня Назлы.

Ее дворец — цветущий сад.
Пить только мед я был бы рад.
Как сладки мед и виноград,
Так сладки губы у Назлы.

В руке я скорбный посох сжал,
Скитался долго и страдал.
Туманов тыщу я б не взял
В обмен на поцелуй Назлы.

Шах-Аббас рассердился на такое восхваление Назлы и приказал передать Эмраху в руки палача. Услышав этот приказ, влюбленный ашк снова взял саз в руки:

О, пощади меня, мой шах,
Я беззащитен пред тобой.
Ты властен над моей судьбой,
Но пощади меня, мой шах!

Будь ты пашой, иль ханом будь —
До гроба всем единый путь.
Поднявшись к звездам, не забудь,
Что ждет земля тебя, мой шах.

Меня одежду я подчас
И в рабство продан был не раз.
К Сельви огонь любви не гас,
Так и тебе гореть, мой шах.

Эти слова окончательно убедили шаха в том, что Эмрах любит Сельви. Шах глубоко задумался. Он отослал всех придворных, приказав остаться только Эмраху и Якуб-хану. Они остались втроем.

Шах-Аббас попросил Эмраху рассказать историю своей любви к Сельви-хан. Эмрах подробно рассказал обо всем. У Шах-Аббаса дрогнуло сердце и заняло в груди. Он считал недостойным шаха разлучать двух истинных влюбленных. Он спросил Эмраху:

— Эмрах, кем Сельви приходится тебе?

— Она моя двоюродная сестра. Нас помолвили, когда мы еще качались в колыбели. А потом мы выпили вино любви из рук святого и воспылали любовью друг к другу, — отвечал Эмрах.

— Хорошо, Эмрах, если это правда, что Сельви — твоя двоюродная сестра. Но если ты солгал, я прикажу отрубить тебе голову, — сказал шах.

Эмрах содрогнулся в глубине души и подумал: «Сейчас шах спросит о том же у Сельви, а откуда же ей знать, что я сказал шаху, будто мы двоюродные брат и сестра. Пусть этот утренний ветерок донесет до Сельви мои слова, чтобы она нечаянно не выдала меня».

Эмрах запел:

О ветер утренний. лети,
Дыханьем милую обвей,
Чтоб ей привет мой донести,
Слегка коснись ее кудрей.

А в это время Сельви-хан уже приготовилась выпить яд из чаши, которую она не выпускала из рук. Назлы готова была последовать примеру госпожи и выпить яд из своей чаши, как только шах переступит порог брачных покоев.

Великий Аллах донес до Сельви весть о том, что Эмрах здесь, во дворце шаха, и она воскликнула:

— Какая радость, Назлы! Эмрах приехал.

— Как ты об этом узнала? — удивилась Назлы.

— Утренний ветер принес мне эту весть, — отвечала Сельви.

Тут Сельви и Назлы увидели направлявшихся к ним шаха и Якуб-хана. Девушки предстали перед ними, прижав руки к груди.

— Сельви, кого из близких тебе людей оставила ты на родине? — спросил шах.

— Да ниспошлет Аллах долгую жизнь шаху! На родине у меня остались два старших брата и двоюродный брат Эмрах, — отвечала Сельви.

— Осуши свои глаза от слез, Сельви! Тебя отыскал твой двоюродный брат, он приехал сюда, — сказал шах.

— Благодарю тебя, о Аллах! — воскликнула Сельви.

— Ну что же, уйдем отсюда, Якуб-хан, — обратился шах к везиру. — Семь лет растили мы сад, а виноград достанется другому.

Шах вернулся в свой дворец и сел играть в шахматы с Якуб-

ханом. Эмрах следил за ним. Видя, что шах рассеян и Якуб-хан вот-вот возьмет над ним верх, Эмрах, чтобы предупредить поражение шаха, пропел:

Послушай же Эмраха, о мой шах,
Как угадать, что ждет от нас Аллах?
Спасай коня, веди вперед слона —
И честь твоя да будет спасена.

Шах-Аббас внимательно выслушал Эмраха и спасся от проигрыша. После этого он семь раз объявлял мат Якуб-хану. Когда кончили играть, шах приказал:

— Якуб-хан! Мы зря потратили время. Надень мой свадебный наряд на Эмраха и отправь его в комнату Сельви.

Якуб-хан выполнил приказ шаха. Эмрах отправился в комнату Сельви. Шах и Якуб-хан незаметно последовали за ним. Они знали, что истинные влюбленные, встретившись, семь раз лишаются чувств. Если с ними этого не случится, Шах-Аббас поймет, что они не любят друг друга, и тогда откажется от своего слова.

Эмрах и Сельви шли навстречу друг другу, открывая дверь за дверью. Когда они открыли последнюю дверь, то столкнулись лицом к лицу и, глубоко вздохнув, упали без чувств. Это повторилось семь раз. Тогда шах окончательно убедился, что они истинные влюбленные. Никем не замеченный, он повернулся и ушел. А влюбленные, как будто заново родившись, обняли друг друга.

В ту ночь Шах-Аббасу было грустно, он пригласил к себе главного сказочника Хусрева:

— О Хусрев, ты подобен соловью, ты знаешь сказки семи поясов земли¹. Мне грустно, душа моя полна печали. Расскажи-ка мне что-нибудь веселое и поучительное.

Главный сказочник начал рассказывать сказку. Вот она:

СКАЗКА О СЕМИГЛАВОМ ДРАКОНЕ

Много лет назад жили в Самарканде два брата. Один из них — ювелир — был очень богат, другой — дворник — бедствовал. Хотя богач и бедняк приходились друг другу братьями, богатый был дурным человеком, а бедный отличался добротой и правдивостью.

В один прекрасный день у бедного брата родились два сына-

близнеца. Как и все близнецы, братья были похожи друг на друга, как две половинки одного яблока. Нельзя было отличить их друг от друга.

Так повелось, что дети каждый день ходили в дом богатого дяди, там они ели, пили и играли.

Однажды дворник отправился в лес по дрова. На ветке какого-то красивого дерева он увидел птицу. Ему никогда еще не приходилось видеть такой птицы. У нее были удивительной красоты крылья с разноцветными перьями.

Дворник поднял камень с земли и запустил им в птицу. Бывает же такое! Камень угодил в цель. Птица обронила перо, а сама улетела. Бедняк схватил перо, и что же он увидел? В руке у него было что-то тяжелое и желтое. Всю ночь дворник думал о своей находке, а наутро отнес ее ювелиру. Ювелир посмотрел на перо и мигом определил его цену. Отдав несколько курушей дворнику, он оставил перо у себя. Дело в том, что и перо и птица, увиденная дворником, были из чистого золота.

На следующий день дворник опять отправился в лес. Он рубил ветки, как вдруг та же самая птица вспорхнула и улетела. Бросился он к тому месту — и обнаружил среди зеленых ветвей гнездо птицы, в котором оказалось желтое яйцо.

Бедняк взял яйцо и снова пошел к брату. Увидев золотое яйцо, ювелир чуть не лишился рассудка. Воспользовавшись простодушием брата, он стал умолять его:

— Брат, если ты поймаешь для меня птицу, снесшую это яйцо, я дам тебе все, что ты захочешь.

Дворник все дни бродил по лесу в надежде подстеречь птицу, но ему это никак не удавалось. Наконец однажды он увидел птицу на ветке дерева, бросился на нее и поймал. Он тут же отнес ее брату и продал за несколько монет.

Несчастный дворник не ведал, что это была за птица! Как только птица оказалась в руках у ювелира, он закрыл лавку, отправился домой и позвал жену:

— Красавица моя, женушка! Зажарь-ка мне побыстрей эту птицу. Да следи, чтобы ни кусочка не пропало.

Пока жена жарила птицу, ювелир рассуждал про себя: «Говорят, кто съест эту птицу, тот каждое утро под подушкой будет находить золотое яйцо. Значит, теперь я богат и могу отдохнуть».

Женщина разрешила птицу на куски и начала жарить ее. Ей понадобилось выйти из кухни за блюдом. В это время оба бедняцких сына, как всегда, пришли в гости к дяде. Они увиде-

ли, что в кухне жарится красивая птица, схватили по куску и стали есть. Тут вошла женщина и заметила, что ребята что-то жуют.

— Что это вы едите, негодники? — закричала она.

— Ничего, мы только съели по кусочку от птицы.

— Но вы съели сердце и печенку!

В страхе перед мужем женщина тут же поймала курицу, ее сердце и печенку положила на сковороду, зажарила и жаркое отнесла мужу. Тот съел всю птицу, ничего не заметив. Утром он заглянул под подушку и увидел, что там пусто.

А два мальчика, даже и не подозревая о том, что они натворили, отправились к себе домой. Они безмятежно проспали всю ночь. А утром, проснувшись, увидели, что у них из-под подушек что-то вывалилось. Пошарив вокруг, они нашли два золотых. Они наперегонки бросились к отцу, спеша порадовать его.

— Отец, мы у себя под подушками обнаружили по золотой монете!

Отныне каждое утро братья находили под подушками по золотой монете.

В короткий срок дворник поправил свои дела. Мы уже говорили, что это был чистосердечный человек. Ни о чем не подозревая, он рассказал все старшему брату.

Ювелир вмиг сообразил, что надо было съесть сердце и печенку и что вместо него это сделали мальчишки. Он решил им отомстить и сказал младшему брату:

— Что-то неладно с твоими детьми. Наверно, их дьявол попутал. Смотри, как бы не накликали они беду на твою голову.

Простодушный и чистосердечный дворник не на шутку испугался. Слова о дьяволе засели у него в голове. Всю ночь он думал, думал и не нашел иного выхода, как отвести сыновей в горы и бросить их там на произвол судьбы. Скрепя сердце он оставил своих детей в горах, а сам, рыдая, вернулся домой.

Тщетно искали несчастные дети дорогу домой. Три дня и три ночи они блуждали. Питались они дикими плодами, которые росли в горах.

Однажды, когда они вот так бродили по горам, им повстречался охотник. Увидев их, он сжалился над ними и взял их к себе домой — своих детей у него не было.

Охотник кормил, поил и одевал их. Золотые монеты, кото-

рые он каждый день находил у них под подушками, он собирал и хранил.

Очень хотелось охотнику научить своих приемных сыновей стрелять так же метко, как это делал он сам. Он начал обучать их охотничьему мастерству. Однажды, гуляя с ними в горах, он сказал:

— А ну-ка, дети мои, проверю я, какие вы охотники. Посмотрим, как вы умеете стрелять.

Как раз в это время по небу пролетала стая диких уток.

— Ну же,— сказал он,— стреляйте скорее.

Ребята тотчас же выстрелили в уток.

Охотник был доволен. Он обнял их обоих и поцеловал.

— Ну вот, теперь,— сказал он,— вы оба хорошие охотники.

Вечером они сытно поели. После ужина, когда они сидели все вместе, дети сказали своему приемному отцу:

— Позвольте обратиться к вам с одной просьбой.

— Говорите, я слушаю вас.

— Вы хотите, чтобы мы стали настоящими охотниками. А ведь мы еще ничего не видели, кроме наших гор. Отпустите нас, мы хотим повидать свет.

Охотник отвечал:

— Вы правы. В молодости и я рассуждал так же. Я вижу, вы честные ребята. Что ж, отправляйтесь странствовать. Пусть радость и счастье будут вашими спутниками!

Дети очень обрадовались и через несколько дней собрались в путь. На прощание они поцеловали руку своему приемному отцу. Тут старый охотник, пересчитав золотые монеты, высыпал их перед сыновьями. Затем он достал красивый кинжал и протянул им со словами:

— Дети мои! Вот вам кинжал. Воткните его в дерево на том месте, где вы расстанетесь. Захотите вновь найти друг друга, вернитесь туда. Если лезвие кинжала с одной стороны заржавеет, значит, кто-то из вас умер. Если же лезвие будет блестящим с обеих сторон, значит, оба живы и здоровы.

Попрощавшись со своим приемным отцом, братья пустились в путь. Долго ли, коротко ли, а пришли они в лес. Вдруг, откуда ни возьмись, заяц. Встреча с зайцем — плохая примета. Один из братьев вскинул ружье. Только он прицелился, заяц склонил перед ним голову:

— О охотник,— сказал он,— отпусти меня, а я за это приведу тебе двух зайчат.

Охотник согласился. Заяц исчез в кустах. Заяц не обма-

нул — вскоре он привел двух зайчат. Зайчата были прехорошенькие. Жалко стало охотнику убивать их. Взял он их и хотел положить в свою сумку, да они в сумке не поместились. Тогда он отпустил их, но зайчата не убежали.

Охотники отправились дальше, а зайчата бежали впереди них. Вдруг новая встреча. На этот раз перед ними появилась лиса. Лиса — животное хитрое. Увидев, что охотник прицелился, лиса начала умолять его:

— Не убивай меня, я приведу тебе лисят,— сказала она.

Бросилась она в кусты и привела двух лисят. Только уживутся ли они с зайчатами?

Делать нечего — братья взялись за руки и зашагали дальше. Шли они, а перед ними появлялись по очереди сначала волк, затем медведь, потом лев. В конце концов с ними оказалось десять детенышей.

Охотники отдавали зверятам часть своей пищи, учили их уму-разуму:

— Смотрите не ссорьтесь друг с другом! Следуйте за нами, как братья.

Старшими среди зверей были львята. Они встали перед охотниками и сказали:

— Не беспокойтесь. Пока мы здесь, ничего худого с вами не случится. Мы берегаем вас.

Вот только еды у охотников было очень мало. Вместе со зверями они быстро все съели и остались без пищи. Что теперь делать?

— Лисы славятся своей ловкостью,— сказали охотники,— раздобудьте-ка нам чего-нибудь поесть.

Зверята посоветовались между собой:

— Здесь неподалеку есть деревня. Вон она виднеется. Уж очень хороши там куры.

Охотники впереди, лисята сзади пошли к деревне. Там охотники раздобыли еду и себе и зверям.

Оба брата понимали, что настал час расстаться. Они прошли еще немного. Потом взяли отцовский кинжал и воткнули его в дерево. Они обнялись и расцеловались. Путь одного лежал на запад, другого — на восток. Каждый захватил с собой по пять зверей.

Через некоторое время один из братьев благополучно достиг какого-то городка. Город, оказывается, был погружен в траур. Юноша не знал об этом, он прошел на постоялый двор и попросил крова.

Комната была плохая, со щелями. Зато заяц обрадовался: просунув голову в щель, он мог лакомиться артишоками, лежавшими в соседней лавочке. Лиса же моментально исчезла и притащила курицу и петуха. Волк, медведь и лев были слишком велики, чтобы пролезть в щель. Юноша уговорил хозяина постоянного двора, чтобы тот позволил его зверям съесть падаль, лежавшую на лужайке рядом с домом. Звери наелись. Пообедав, юноша пришел в себя и только теперь заметил развешенные повсюду траурные флаги. Он спросил хозяина о причине траура.

— Завтра умрет дочь шаха! — сказал хозяин.

— Чем она больна?

— Ничем, но она умрет.

— Что это значит?

— А вот что. На той высокой горе, что виднеется впереди, живет дракон. Каждый год ему приносят в жертву молодую девушку. Если мы перестанем это делать, он пошлет бедствия на нашу страну: наводнения, молнии, пожары. Уже отдали всех юных девушек. Теперь настала очередь дочери падишаха. Завтра ее отдадут дракону.

— Отчего все так боятся дракона? Убили бы его!

— Мы хотели его убить. Но найдется ли герой, который отважится на это? Наш падишах обещал выдать свою дочь за того, кто убьет дракона. А после смерти падишаха он получит в наследство и всю страну.

Ничего не сказал охотник. А на следующее утро, взяв с собой зверей, он поднялся в горы.

На горе был прекрасный храм. В храме стояли три чаши с водой. Это была волшебная вода. Над чашами висела дощечка с надписью: «Кто выпьет эти три чаши воды одним глотком, тот прослышет самым сильным человеком в мире, и ему достанется меч, висящий у дверей храма».

Прочитав эти слова, охотник отыскал меч, но поднять его не смог. Тогда он вошел в храм и залпом выпил три чаши воды. И сразу же почувствовал себя необычайно сильным. Одним махом он поднял меч в воздух.

В это время поднялся какой-то многоголосый шум. Приближался час, когда красавица падишахская дочь должна была стать жертвой дракона.

Падишах и его приближенные — все в слезах — подошли к подножию горы и остановились. Девушка, обливаясь слезами, отошла от отца и начала подниматься в гору. Охотник с мечом в руке стоял на вершине горы. Девушка приняла его за дра-

кона и хотела было убежать. Но мысль о грозящей городу гибели удержала ее. Рыдая, она шла вперед. Правитель и придворные заткнули уши, чтобы не слышать ее рыданий, и медленно возвращались в город.

Когда девушка с красными от слез глазами поднялась на вершину горы, она вместо дракона встретила там красивого молодого охотника.

— Красавица, иди за мной, — сказал ей охотник. — Я спасу тебя от беды, отведу тебя к твоему отцу и сделаю тебя счастливой.

Юноша привел девушку в храм и спрятал ее там. В тот же миг поднялся страшный грохот: казалось, что сотрясаются земля и небо, и появился семиглавый дракон. Юноша встал перед ним с мечом в руке. Он крикнул дракону:

— Я пришел, чтобы отомстить тебе. Ты будешь убит. Я спасу от тебя всех девушек этого края.

Хохот дракона потряс землю и небо и отозвался эхом в горах.

— Так это ты, ты покушаешься на меня? Мне жаль тебя. Эх, юнец, беги-ка назад, пока цел. Сотни таких, как ты, уже приходили, чтобы сразиться со мной, но я выпивал их кровь. Не заставляй меня лишать тебя жизни. Отправляйся-ка восвояси!

Юноша не стал больше слушать дракона. Внезапно он ринулся на него и одним махом отрубил дракону три головы. Из оставшихся частей дракона вырвалось пламя — все вокруг вмиг было охвачено пожаром. Пока звери охотника тушили огонь, сам он вновь напал на дракона и отрубил ему еще две головы.

Дракон был семиглавый. У него была небывалой толщины кожа и ужасный хвост.

Юноша опять напал на дракона и отрубил ему последние две головы. Затем отрубил дракону хвост, поднял его на своем мече и отбросил. Охотник уже радовался победе. Да не тут-то было! Валявшиеся на земле части дракона зашевелились, как живые, и начали сростаться. Спасибо зверям — они тотчас набросились на них и растерзали.

Наконец-то дракон был уничтожен. Сердце юноши забилося от радости. Он направился к храму, отворил дверь и позвал принцессу:

— Выходи, красавица, не бойся. Я убил дракона.

Как только девушка услышала это, она заплакала от радости, бросилась к юноше и взяла его за руку:

— Ты подарил мне жизнь. Я твоя навсегда.

Девушка сняла с шеи ожерелье из кораллов, рассыпала кораллы перед зверями. Золото отдала льву, а юноша поднял ее платок, лежавший поодаль.

Охотник отрезал по куску от всех семи языков дракона, положил их в платок и туго завязал. Теперь, когда все было кончено, охотник почувствовал сильную усталость. Он подошел к принцессе и сказал:

— Моя принцесса², я очень устал и хочу хоть немного поспать. Да и вы, наверное, утомились. Давайте отдохнем.

Они легли рядом и уже начали было засыпать, когда охотник позвал льва и сказал:

— Ты оберегай нас. Смотри, чтобы никто близко не подошел и не побеспокоил нас.

Лев был усталый. Это дело он поручил медведю, медведь — волку, волк — лисице, лисица — зайцу. И все они заснули. А что было делать зайцу, как не заснуть вслед за ними?

Между тем придворный, который оставался у подножия горы, когда все заснули, поднялся на вершину. При виде девушки сердце его затрепетало. Он был влюблен в нее, а кроме того, еще вспомнил о том обещании, которое дал отец девушки.

Он не стал медлить, вынул свой меч, отрубил голову охотнику, взял девушку на руки и вместе с ней спустился с горы.

Дочь падишаха и не подозревала, что произошло. Придя в себя, она увидела придворного и очень испугалась его налитых кровью глаз.

Придворный воскликнул:

— Сейчас мы пойдем во дворец падишаха. Там ты скажешь, что дракона убил я. Твоя жизнь в моих руках.

— А где юноша?

— Я отрубил ему голову.

Девушка сильно опечалилась, но не выдала своего горя. Они вместе отправились в город. Когда она подошла ко дворцу, караульные бегом бросились к падишаху, чтобы сообщить ему радостную весть.

Правитель, увидев дочь живой и невредимой, понял, что дракону пришел конец. От радости он не знал, что и делать. Обнимал по очереди то свою дочь, то придворного. Жизнь опять вернулась к нему. Горожане, узнав об этом, устроили праздник. Повсюду играла музыка, слышалось пение. Семь дней и семь ночей продолжалось торжество.

Наконец придворный напомнил падишаху о его обещании.

— Хорошо! Я выдам за тебя свою дочь. Сделаю тебя наследником трона и короны.

Услышав это, девушка сказала:

— Отец, отложи свадьбу на один год.

А мы вернемся к тому, что происходило в горах. Прошло довольно много времени с тех пор, как придворный увел дочь падишаха. Спавшему зайцу на нос села оса. Заяц отогнал ее лапой, но она опять прилетела. Наконец заяц проснулся и увидел отрубленную голову охотника и землю, залитую кровью. Заяц тотчас же разбудил лису, она — волка, тот — медведя, медведь — льва.

Увидев, какая беда стряслась с их хозяином, лев разгневался и зарычал, но какая в том была польза?

Опечаленный заяц подошел ко льву:

— Господин наш,— сказал он.— Я знаю траву жизни. Если потереть этой травой тело охотника, он оживет. Эта трава находится в двенадцати часах ходьбы отсюда. Я быстро сбегаю и принесу ее.

— Иди.

Через сутки заяц вернулся с травой жизни. Этой травой потеряли тело охотника, а пучок травы положили ему в рот. Затем приставили голову к туловищу, и вскоре охотник зашевелился, приходя в себя. Он медленно открыл глаза.

— Ох, крепко же, должно быть, я спал!

Еще не поднявшись, охотник посмотрел вокруг себя и увидел, что девушки нет.

Прошел почти год. Охотник со своими зверями пришел в город. Он очень удивился, увидев, что город, который год назад был погружен в траур, теперь весь украшен праздничными флагами.

Он остановился в караван-сараяе и спросил у хозяина, по какому случаю празднество.

— У нашего правителя есть дочь. В прошлом году ее должен был съесть дракон. Но один придворный убил дракона и спас девушку от смерти. На завтра назначена свадьба. Падишах делает придворного, который спас его дочь, своим зятем и отдает ему свою страну.

Охотник все понял. Он не проронил ни слова. Потом позвал к себе зайца:

— Ступай-ка во дворец и принеси что-нибудь из еды, которую там приготовили.

Заяц стремглав помчался по переулкам, остерегаясь встреч-

ных собак, и вбежал во дворец. Только он хотел взять хлеба — открылась одна из дверей. Там прогуливалась женщина. Заяц потерял о ее ноги. Женщина приняла было его за кошку. Но посмотрела и увидела ожерелье из кораллов на его шее. Она узнала зайца.

Женщина взяла зайца на руки, приласкала его, поцеловала и рассказала ему обо всем. А заяц открыл ей, где находится его хозяин. Он взял хлеба и принес его своему господину. Вслед за ним принцессу посетили лиса, волк, медведь и лев.

В тот же день падишах, который видел, как звери входили во дворец, спросил у дочери:

— Что это были за звери, дочь моя? Что им нужно?

Девушка засмеялась и ответила:

— Пусть на этот вопрос ответит их хозяин. Он в караван-сараях. Велите позвать его.

Падишах тотчас же послал туда своих людей. Юношу пригласили во дворец. Но он сказал:

— Да простит меня падишах! Я не могу прийти, потому что у меня нет одежды. Я смогу прийти только в том случае, если его величество пришлет мне одежду шахзаде.

Когда об этом рассказали падишаху, все присутствующие очень удивились.

Падишах спросил у дочери:

— Как думаешь, послать ему одежду?

— Пошли, отец, пусть придет, — был ее ответ.

Вскоре дворцовый экипаж с двумя слугами, которые везли одежду шахзаде, остановился у входа в караван-сарай. Хозяин и посетители были очень удивлены. А юноша и глазом не моргнул, спокойно встал, оделся, сел в карету и поехал.

Двери во дворец отворились. Как только охотник в одежде падишаха вошел в них, музыканты заиграли марш.

Время было обеденное. Падишах, его дочь и его приближенный, будущий зять, сидели в столовой. Когда сообщили о приходе охотника, девушка сказала:

— Пусть он войдет!

Охотник со всеми своими зверями вошел в комнату и сел на указанное ему место.

Падишах приветствовал охотника и сказал:

— Юноша, сегодня самый большой праздник в моей жизни. Я делаю своим зятем придворного, который спас жизнь моей дочери, избавив ее от дракона. Ты, наверное, видел, весь город празднует это событие.

Услышав это, юноша ответил:

— Да, конечно... Но кто же убил дракона?

— Мой придворный.

— Прекрасно. А каков из себя был этот дракон? Могу я узнать это?

Придворный падишаха начал объяснять, заливаясь краской и покрываясь испариной:

— Дракон был семиглавый, страшный.

Охотник засмеялся:

— Вы отрубили ему головы?

— Конечно.

— И языки тоже отрубили?

Придворный вдруг побледнел и повернулся к падишаху. А тот уже почувствовал, что здесь что-то неладно:

— Разве у дракона есть язык?

Охотник захохотал, вытащил из кармана платок и развернул его.

— Господин мой, безъязыких драконов не бывает. Вот язык того дракона. Проверьте, если хотите.

Падишах растерялся. Его придворный тут же лишился чувств. А девушка поднялась со своего места и сказала:

— Отец, разреши мне сказать тебе всю правду. Меня спас этот охотник.

Тут и охотник вскочил со своего места.

— Вот, падишах мой,— сказал он,— посмотрите на этот платок. Чье имя вышито на нем? Имя вашей дочери. А кораллы на шеях этих зверей? Я положу их перед вами, чтобы вы могли разглядеть их получше.

Охотник собрал кораллы, снял с шеи льва золотые серьги и показал их падишаху. Падишах поверил ему. А придворный, воспользовавшись всеобщим замешательством, скрылся.

Падишах немедленно отдал приказ разыскать придворного. В присутствии падишахского двора его казнили.

Тотчас же стали праздновать свадьбу охотника и дочери шаха. Свадьба продолжалась сорок дней и сорок ночей. Пришел на свадьбу и приемный отец охотника.

Проходили дни. Вся страна полюбила молодого принца. Вскоре падишах объявил его своим наследником. Народ оберегал его как зеницу ока. Супруги жили в радости. И не было у них причин жаловаться друг на друга.

Однажды во время охоты принц увидел какую-то гору, поросшую дремучим лесом. Ему захотелось подняться на нее и по-

охотиться там. Падишах и его дочь удерживали его: поговаривали, что вошедший в этот лес не найдет обратной дороги. Но однажды во время охоты принц со своими зверями вошел в этот страшный лес.

Издали он увидел лань с прекрасными глазами и захотел подстрелить ее. Вихрем помчался он за ней в погоню. Лань все бежала и бежала. Не один холм перевалили они, но вскоре наступила ночь. Кругом стемнело. Принц понял, что сбился с пути. Что было делать? Ему хотелось выбраться из леса и вывести оттуда своих зверей. Но, сбившись с дороги, он решил заночевать в лесу. Было очень холодно. Они развели костер, сели вокруг него и стали глядеть на огонь.

Настала полночь. Вдруг ветер донес до них звуки человеческого голоса:

— Замерзаю, замерзаю!

Это оказалась какая-то старуха. Сердце охотника сжалось при виде ее. Он пожалел старуху и позвал ее:

— Мать, коли тебе холодно, иди сюда, погрейся у огня.

— Я бы подошла, да боюсь твоих зверей.

— Они смиренные, не тронут тебя.

— Все равно боюсь. Возьми эту палку, побей ею своих зверей, они присмиреют, и я подойду.

Старуха бросила палку юноше. Он поймал ее, и как только коснулся ею зверей, все они окаменели. Старуха тотчас подняла брошенную им на землю палку, ударила ею юношу, и он тоже превратился в камень. Старуха сбросила все эти камни в ущелье. А то ущелье было уже полным-полно превращенными в камни людьми и зверями. Старуха эта была колдуньей и постоянно вредила людям.

Наступило утро. Прошел и следующий день. Настала ночь. И вновь наступило утро. Миновало уже два дня и две ночи, а принца все не было... Во дворце объявили траур. Падишах, его дочь и все придворные разослали на поиски своих людей. Но все было напрасно.

А в это время брат охотника вернулся из чужих стран. Ему захотелось увидеть своего брата, и он пошел на то место, где они расстались. Там он разыскал дерево, в которое братья воткнули отцовский кинжал.

Кинжал заржавел с той стороны, куда отправился брат. Но в некоторых местах сквозь ржавчину просвечивала сталь. Юноша сказал сам себе:

— Ох, видно, с братом приключилось какое-то несчастье.

Тут же он оседлал своего коня и как молния полетел в том направлении, куда уехал брат.

Ехал он ехал и оказался в каком-то городе. Караульные у ворот города, увидев его со своими зверями, отдали ему честь. Послали добрую весть падишаху и принцессе: все приняли его за принца, так как братья были очень похожи.

Обманулись и падишах и его дочь, красавица Султан, которая очень обрадовалась, узнав, что приехал муж. Обращаясь к ней, он сказал:

— Жена, я немного задержался на охоте. Извини меня.

Наступила ночь, уже пора было идти в спальню, а охотник все еще не признался в обмане. Но когда он вошел в комнату, то вытащил меч и положил его между собой и принцессой. Принцесса не поняла смысла его действий.

Так прошло несколько дней. Как-то утром, взяв с собой зверей, юноша отправился в лес. Там он увидел красивую лань и, так же как его брат, сбился с дороги. Но этот юноша был хитрее своего брата. Он развел огонь, а сам все посматривал вокруг себя. Наступила полночь. Послышался человеческий голос.

— Эй, кто там — леший, дьявол или человек? — спросил юноша.

— Я не леший и не дьявол, а такой же человек, как и ты. Я здесь замерзаю, помоги мне.

Это был женский голос. Юноша не пошевелился.

— Иди сюда, — позвал он.

— Не пойду. Я боюсь твоих зверей.

— Ну, тогда оставайся там.

— Как можешь ты так говорить? Я замерзаю. Возьми эту палку, ударь ею своих зверей, тогда я подойду.

— Ни палкой, ни чем-либо иным я не коснусь своих зверей.

— Если так, то я не подойду.

— Тогда я убью тебя, — сказал он и пустил в старуху стрелу. Она встретила это хохотом:

— Меня стрелы не берут.

Тогда юноша напустил на нее всех своих зверей. Перепуганная колдунья свалилась в костер. Юноша схватил ее за горло:

— Скажи, потаскушка, — закричал он, — где мой брат? А не скажешь — я убью тебя.

Колдунья перепугалась. Она отдала свою палку юноше:

— Дотронься ею до своего брата — и он оживет.

Обрадовавшись, юноша спустился в ущелье. Там лежали превращенные в камни сотни несчастных. Как только он ка-

сался кого-нибудь палкой, тот издавал стон и оживал. Наконец очередь дошла до брата. Едва юноша дотронулся до него, тот зевнул и ожил. Увидев перед собой брата, он бросился к нему на грудь. Спасенные схватили старуху и разорвали ее на части. Мрак, окутывавший лес, рассеялся. Зазеленели листья на деревьях. Темные тропки осветились. Несчастные люди выбрались из леса.

Оба брата вместе со своими зверями тоже покинули лес. Когда они вошли в город, юноша рассказал брату-принцу обо всем, что произошло с ним: как он приехал во дворец, как его приняли за умершего брата и потому оказали ему почести, как он лег в постель принцессы.

Брат-принц ужаснулся, услышав последнее.

— Значит, моя жена изменила мне. И это сделал мой брат! — воскликнул он и, выхватив меч, одним ударом отсек ему голову. Но, увидев мертвое тело брата перед собой, он раскаялся и начал громко рыдать. Тут подошел к нему заяц и напомнил о траве жизни.

Принц, страстно желавший оживить брата, сказал зайцу:

— Ну-ка, мой заяц, беги и возвращайся поскорее.

Заяц помчался как ветер и вскоре вернулся назад с травой жизни. Ею потеряли отрубленную голову и приставили голову к туловищу как полагается.

Брат открыл глаза. Он ни о чем и не подозревал:

— Я, кажется, задремал, братец мой, ну что же, пойдём.

— Пойдем.

В это время лисица обратилась к ним с таким предложением:

— Вы так похожи друг на друга... Не войти ли вам в город, обменявшись одеждой? Пусть они вновь обманутся.

Это предложение пришлось братьям по душе. Тут же они обменялись одеждой, один вошел в город через восточные ворота, другой — через западные. С обеих сторон слуги падишаха бросились во дворец с радостной вестью:

— Принц едет! Принц едет!

Падишах удивился: как же это один человек может одновременно войти в город с двух сторон? Только он подумал об этом, как два принца встретились у входа во дворец, с церемониями вошли в него и, представ перед падишахом, спросили его:

— Ваше величество, который из нас твой зять?

Падишах растерялся, велел позвать дочь.

— Дочь моя, кто из них твой муж?

— Этот. Нет, этот.

Девушка никак не могла узнать мужа. Вокруг все засмеялись. Наконец юноша-зять сказал:

— Моя принцесса, это я, а он — мой брат:

Юноша рассказал все, что с ним произошло. В тот же вечер во дворце было устроено большое пиршество. Принц и принцесса сидели друг подле друга, а брат принца — возле падишаха.

Красавица Султан рассказала мужу о том, как приехал его брат, как в постели он положил меч между ними, как она тогда не поняла смысла этого, а теперь ей все стало ясно.

Принц очень обрадовался. Он поднялся из-за стола, обнял брата и несколько раз поцеловал его. В это время брат принца и красивая девушка, сидящая рядом с ним, встретились глазами. Брат тихо спросил у принца:

— Кто эта девушка?

— Не знаю.

Тогда принц спросил о ней у Султан.

— Это моя двоюродная сестра, — отвечала принцесса. — Она еще молода и не замужем.

Принц сказал ей, что его брат влюбился в девушку. Принцесса тут же сообщила эту новость падишаху. Падишах, попросив разрешения у племянницы, поднялся и громко сообщил всем сидящим за столом:

— Брат моего наследника-принца и моя племянница любят друг друга. Я даю согласие на их свадьбу. Они — хорошая пара. Этот стол будет накрыт сорок дней и сорок ночей. Завтра весь город будет украшен флагами, заиграет музыка. Мы оповестим весь мир о самом радостном дне в моей жизни. В честь этого великого и счастливого дня будет устроено угощение для всех жителей моей страны. Пусть каждый ест, пьет и веселится!

Эти слова, сказанные им в зале, разнеслись по всему дворцу, из дворца — по всему городу, из города — по всей стране. Сорок дней и сорок ночей все ели, пили и веселились. На свадьбу нового принца были приглашены оба отца двух братьев — родной и приемный. Они разделили празднество со всеми.

На этом старший сказочник Хусрев закончил свою сказку. К Шах-Аббасу вернулось хорошее настроение. Ночь он провел спокойно, погружившись в глубокий сон.

У Шах-Аббаса было двенадцать ханов. Шесть из них стояли по одну сторону от его трона, шесть — по другую. На следующий день, едва взошло солнце, они явились к шаху. Шах по-

смотрел на них и увидел, что они чем-то недовольны. Он спросил их:

— С чем пришли? Почему смотрите на меня так хмуро?

— О шах! Ты семь лет ждал жену — и вот своими руками отдал ее какому-то мальчишке.

— Вам не понять этого! Эмрах — истинный влюбленный.

— Нам ли не знать, каков должен быть истинный влюбленный! Надо еще проверить это.

— Я сам проверил.

— Ты и ядом напоил его, шах?

— Нет, я не поил его ядом.

— На истинного влюбленного яд не действует. Если же он не истинный влюбленный, то он сдохнет, как отравленная собака.

Шах понял, что ему грозит ссора с ханами. Он приказал вызвать к себе Эмраха и сказал ему:

— Эмрах! Я поверил, что ты истинный влюбленный, но эти ханы не верят. Они говорят, что на истинного влюбленного и яд не действует. Нужно, чтобы ты, Эмрах, принял яд.

— Долгих лет вам, шах! А ханы разве не знают, что яд пьют из рук любимой? — отвечал Эмрах.

Шах велел позвать Сельви. Он протянул ей чашу с ядом и сказал:

— В этой чаше яд, дай его выпить Эмрачу.

Сельви растерянно взяла чашу с ядом. Увидев это, Эмрах сказал:

— О шах! Позвольте мне сначала спеть, а уж потом я выпью яд.

— Пой, Эмрах, — разрешил шах.

Эмрах запел:

Сгорю в огне твоих горячих очей,
От слез и горя я ослеп, онемел.
Что пред твоею силой сила мечей?
Приблизить смерть мою кто бы лучше сумел?

Сельви заплакала. Из глаз девушки вместо слез лилась кровь.

Эмрах продолжал:

Страданья долгих лет уйдут без следа,
Судьбу молить не стану я никогда,
Не жди пощады ханов, будь же горда,
Для них забавой стал мой тяжкий удел.

Ханы не отступали от своего. По приказу шаха Сельви опять протянула Эмраху чашу с ядом.

Эмрах запел снова:

Не плачь, Сельви, мой черноглазый марал,
Из рук твоих кто б чашу с ядом не взял?
Всевышний бог к себе на суд нас призвал,
Из рук твоих кто б чашу с ядом не взял?

Прожгла ты сердце мне слезами любви,
Твой взор сковал, а кудри грудь оплели.
Шербет ли, яд ли поднесешь мне, Сельви,
Из рук твоих кто б чашу с ядом не взял?

Шах-Аббас, Якуб-хан и Сельви громко зарыдали. Ханы даже не прослезились. Они кричали: «Пусть выпьет яд!»

Эмрах взял чашу с ядом из рук Сельви-хан и залпом осушил ее. И тотчас изо рта Эмраха стал выходить и рассеиваться вокруг зловонный голубой дым. Вдохнув этот дым, Шах-Аббас, Якуб-хан, другие ханы и все вокруг потеряли сознание и оставались в таком состоянии некоторое время. Когда же они пришли в себя, то увидели обнявших друг друга Эмраха и Сельви. Теперь ханы поверили, что они истинные влюбленные, и прикусили языки.

А Шах-Аббас и Якуб-хан очень обрадовались. Шах велел написать фирман, который гласил: «Кто причинит зло Эмраху и Сельви, тот причинит зло самому шаху».

В один прекрасный день влюбленные отправились в путь. Шах подарил Эмраху сорок чаш золота и сорок вьюков с приданым, которое везли на сорока лошадях. Пятьсот всадников должны были сопровождать их. Когда они приблизились к Саат-Чукуру, Эмрах сказал:

— О Якуб-хан! Да благословит тебя бог! Оставайся в Саат-Чукуре, на радость своей матери. Дальше мы поедем одни. У нас фирман шаха — никто не причинит нам зла.

Якуб-хан согласился. Он пожелал Эмраху и Сельви-хан счастливого пути до Эрчиша. Истинные влюбленные, которые были в разлуке семь лет, отправились по дороге, ведущей в Эрчиш.

Шах-Ислам

Рассказывают, что в Иране был шах. Он правил в Кандагаре. И хотя все шло у него прекрасно, но на лице его никогда не видели и следа радости или счастья. Всегда он был печальным и удрученным. Было у него одно-единственное горе: не имел он сына, который бы унаследовал его трон и величие. Что он только ни делал, ничто не помогало. Врачи сказали шаху, что ему надо много гулять.

Однажды вместе с везиром он отправился за город. Некоторое время шах прогуливался, потом присел отдохнуть около источника. Тут шах увидел, что к нему приближается какой-то старец, и с удивлением спросил его:

— Отец, что ты здесь делаешь?

— О шах, мы путники, идем днем и ночью.

— Откуда ты знаешь, что я шах?

— Нет на земле такой страны, в которой не побывал бы ваш смиренный раб, не сыщешь ничего не увиденного им. Если бы я не догадался, что вы государь, а рядом с вами везир, это было бы для меня позором.

— Путник, раз ты знаешь, что я шах, то, конечно, знаешь и о моем горе. Нельзя ли ему помочь?

— О шах, знай, что горе посылает Аллах, но он же указывает и способ избавиться от него. Мы все рабы всевышнего.

Шах стал умолять путника, чтобы тот помог ему избавиться

от его горя. Старец сжалился над ним, достал из мешка яблоко и подал шаху¹:

— Возьми, шах, это яблоко. Когда придешь во дворец, очисти его. Половину дай жене, а половину съешь сам. Кожицу от яблока дай своей кобылице. Если Аллаху будет угодно,— добавил он,— то у тебя родится сын, а у кобылицы жеребенок. Но пока я не приду, не давай имени ни тому, ни другому².

Шах хотел дать путнику денег за это средство, но тот внезапно исчез. Государь поспешил во дворец. После ужина он очистил яблоко, и они с женой съели его, а кожицу от него шах дал своему главному конюху для кобылицы Махир.

Через девять месяцев у шаха родился сын. Шах обрадовался и щедро одарил бедняков. А у кобылицы родился прекрасный жеребенок.

Шли годы. Рос шахзаде, рос и жеребенок. Шахзаде исполнилось семь лет, а имени у него все еще не было. И сверстники прозвали его «безымянным». Однажды шахзаде, огорченный тем, что дети так называют его, пошел к матери и стал горько жаловаться:

— Матушка, почему у меня нет имени? Почему меня зовут «безымянным»?

Мать опустила голову и ответила:

— Сын мой, спроси у отца. Я не знаю. Отец знает.

Шахзаде тотчас же пошел к отцу и спросил:

— О отец, почему вы не даете мне имени? Меня дразнят этим!

Отец отвечал:

— Сын мой, тебя мне послал всевышний, а помог мне один путник. Я дал слово, что не нареку тебе имени, пока он не придет.

В это дело вмешались везиры и народ. Каждый хотел дать имя шахзаде. Но шах убедил всех подождать. А чтобы шахзаде никто не огорчал, государь приказал сыну ни с кем не встречаться.

Пришло время учиться, и мальчику нашли учителя. Когда его привели к шаху, государь потребовал, чтобы во время учебы сын его ни с кем не виделся.

— Ваше величество,— отвечал учитель,— устройте помещение для сына под землей. Там шахзаде не будет видеть ни луны, ни солнца, будет отрезан от всего мира и станет заниматься только уроками.

Шах счел это разумным и приказал:

— Да будет так! Пусть скорее построят подземный дворец.

Начали строить подземный дворец. Через несколько месяцев он был готов. Шахзаде торжественно отвели в его школу. И учитель с великим старанием начал его учить. Он не только учил шахзаде, но и воспитывал его и даже заботился о его еде. Учитель велел слугам следить за тем, чтобы в яствах шахзаде не было ни единой косточки. Шахзаде не давали ничего, чем можно было бы разбить стекло, так как потолок дворца был из толстого матового стекла. Шахзаде не должен был знать даже о существовании солнца, чтобы у него не возникло желания покинуть дворец.

К пятнадцати годам шахзаде овладел всеми науками. Однажды, когда учитель куда-то ушел, шахзаде подали кушанья. Он стал есть, и ему попалась косточка. Шахзаде тотчас взял ее и швырнул в потолок. Стекло разбилось, и стены сразу же осветились солнцем. Шахзаде очень удивился, так как не видел солнечного света с малых лет. Он стал пытаться выйти наружу. В это время вошел учитель и спросил, что тот делает.

Шахзаде ответил:

— О учитель! Выпусти меня отсюда, мне здесь очень скучно.

Учитель не смог устоять перед просьбой шахзаде, взял его за руку и повел на балкон. С балкона дворца они стали обозревать окрестности. И тут шахзаде увидел, что мимо едет на сером коне какой-то юноша могучего сложения. В руке он держал сокола, за ним бежала борзая. Шахзаде бросился к учителю:

— Дорогой учитель, пусть и мне отец купит коня, сокола и борзую. Я тоже буду охотиться.

Учитель тотчас же поспешил к шаху и предложил ему:

— Государь, наш шахзаде скучает и хочет поехать на охоту. Давайте устроим охоту и по этому случаю наречем и имя шахзаде. Что вы на это скажете?

— Прекрасно! В самом деле, зачем нам ждать того странника?

На следующий день устроили празднество, стали бить в барабаны, играть на зурнах. Во дворце собрались придворные. Привели шахзаде и стали выбирать ему имя. Но никто не мог дать подходящего имени. Все погрузились в глубокое раздумье. И тут вдруг появился тот самый путник и сказал:

— Шах, пусть имя шахзаде будет Шах-Исмаил³, а кличка жеребенка — Камертай.

Все присутствовавшие, погруженные в глубокое раздумье, услышав эти слова, обратили свои взоры на говорившего и уви-

дели странника. Шах хотел торжественно принять его, оказать ему почести, но тот исчез. После того как шахзаде нарекли имя, шах приказал:

— Пусть отберут лучших охотников, и пусть они отправятся с Шах-Исмаилом на охоту и научат шахзаде охотиться.

Выбрали пятнадцать-двадцать прекрасных охотников и приказали им быть готовыми на следующий день выехать на охоту.

На другой день утром охотники вместе с Шах-Исмаилом отправились в путь. Через несколько часов они подъехали к какому-то источнику и остановились. Шах-Исмаил сказал:

— Друзья, завтра мы в этом месте разойдемся в разные стороны. Я поеду охотиться к той горе, а вы поезжайте в других направлениях. Вечером соберемся здесь. Пусть все запомнят это место у источника.

На другой день, взяв с собой собак и соколов, все разъехались в разных направлениях. Шахзаде погнался Камертая в горы. Он поднялся на вершину горы, стал осматриваться и заметил очень красивую газель. Шах-Исмаил взял лук и уже собрался выстрелить, как вдруг газель, которая паслась на берегу прозрачной реки, бросилась бежать. Шах-Исмаил тотчас же пустил сокола и устремился в погоню. Когда они были уже на равнине, газель вбежала в стоявший там шатер. Подъехав к тому месту, где скрылась газель, Шах-Исмаил увидел множество шатров. В это время из шатра, куда вбежала газель, вышла прекрасная девушка, которая перед этим явилась ему во сне. Шахзаде лишился чувств и упал с коня. Увидела это девушка и позвала из шатра старуху, свою няню:

— Матушка! У нашего шатра какой-то юноша лишился чувств. Посади его на коня, пусть он уезжает. Если теперь приедут родители и братья, то подумают что-нибудь плохое и бог знает чего только не наговорят.

Старуха подошла. Тут девушка увидела лицо шахзаде и сразу же признала в нем юношу, которого видела во сне накануне ночью. Во сне она выпила и вина любви. Девушка не могла оторвать глаз от юноши. А старуха та немало повидала на своем веку. Она поняла, что происходит с девушкой, и сказала:

— Дочь моя, не теряй времени. Этот день — твой. Приведи юношу в чувство. Когда он увидит тебя рядом с собой, благоухание твоих кос исцелит его.

Девушка сделала все, как сказала старуха. Шах-Исмаил пришел в себя, с удивлением осмотрелся и сказал ей:

Ты с грустью смотришь на меня,
А я горю любовью страстной!
Звезда моя! В пылу огня
Я весь горю любовью страстной.

Девушка отвечала:

Такою я себя не знала,
Приди, джигит мой, я — твоя!
Увы, сады поникли вяло,
Приди, джигит мой, я — твоя!

Шах-Исмаил:

Шах-Исмаил перед тобой.
Как ты зовешься — мне открой,
Не дай мне душу сжечь тоской,
Разлука — мой удел злосчастный.

Девушка:

О, Гюлюзар — твоя, с тобою,
Во сне ты послан мне судьбою,
Все сердце я тебе открою.
Приди, джигит мой, я — твоя!

В их беседу вмешалась старуха:

— Дети мои, теперь вам надо расстаться. Шах-Исмаил, завтра ты скажешь отцу, чтобы он попросил Гюлюзар тебе в жены, и тогда вы всегда будете вместе.

С этими словами она подвела шахзаде к коню и сказала:

— Иди, дочь моя, попрощайся с Шах-Исмаилом.

Гюлюзар подошла к шахзаде и подарила ему золотой гребень, который был у нее в волосах. Шахзаде поцеловал ее, и они расстались. Шах-Исмаил пришпорил коня, и тот помчался как птица. Шахзаде вернулся к источнику. К вечеру собрались товарищи Шах-Исмаила. И они все заночевали там. Утром Шах-Исмаила спросили:

— Куда мы сегодня поедем, шахзаде?

А Шах-Исмаил не хотел никуда ехать и сказал:

— Друзья, я уже не хочу никуда ехать. Один Аллах знает, что со мной. Давайте вернемся назад.

С того дня юноша совсем переменялся, стал бледнеть и чахнуть. Мать шахзаде сказала:

— Он болен. Позовем лекаря. Пусть посмотрит его.

Но один из его товарищей возразил:

— Болезнь шахзаде неподвластна лекарям. Эта болезнь от любви, болезнь сердца.

Шах приказал:

— Скажите Шах-Исмаилу, что я возьму ему в жены любую девушку, какую он только пожелает.

Когда об этом сообщили шахзаде, тот ответил:

— Я ни в кого не влюблен.

Шах-Исмаил отказывался от еды и слабел с каждым днем. Когда отец узнал об этом, он сказал:

— Что же это такое? Разве не позор, что я — падишах, а мой сын чахнет от любви? Позовите товарищей Шах-Исмаила.

Всех охотников, которые были в тот день с шахзаде, привели к шаху. Шах спросил их, что произошло во время охоты. Один из них ответил:

— Ваше величество! Когда мы поехали с шахзаде на охоту, он соизволил направиться в окрестности Карадага, а нам повелел охотиться в других местах. Когда он вернулся, мы увидели, что он очень бледен. На другой день мы спросили, куда поедет, а шахзаде сказал: «Я теперь никуда не поеду. Никто, кроме Аллаха, не знает, что со мной». Мы ничего не поняли и вернулись. Если что-нибудь и произошло, то это случилось в окрестностях Карадага. Надо узнать, кто там живет.

Шах тотчас приказал разузнать обо всем. Посланный, вернувшись, доложил шаху:

— О шах, за Карадагом находится очень большое летнее пастбище. Это прекрасное место с зелеными, как изумруд, лугами. И лишь кое-где виднеются белые, как ромашки, шатры. Там живут кочевники. Я думаю, что шахзаде влюбился там в кого-нибудь, может быть, в дочь предводителя кочевников.

А как раз в это время прибыл посланец от предводителя кочевников. Шах приказал привести его и сказал:

— Добро пожаловать! Что скажешь?

— Ваш слуга, предводитель кочевников, послал меня к вам, чтобы выразить свое почтение и вручить дары.

— Прекрасно. Я рад и тотчас же велю предоставить тебе ночлег. Но скажи мне прежде: у вашего предводителя есть дочь?

— Да, ваше величество. У него есть очень красивая дочь по имени Гюльзар.

— Прекрасно. Ступай и приведи ко мне вашего предводителя.

Едва посланец вышел, как доложили о прибытии предводителя кочевников.

По приказу шаха его тотчас же привели к нему.

Шах сказал:

— Бей! Говорят, у тебя есть дочь. По велению Аллаха я хочу взять ее в жены своему сыну Шах-Исмаилу.

Предводитель кочевников очень обрадовался этим словам:

— Приказывайте, государь. Ваше повеление для меня закон. Пусть моя дочь будет вашей рабыней. Разве я могу осмелиться нарушить приказ падишаха?

Они поздравили друг друга. Радостную весть сообщили Шах-Исмаилу. Сердце шахзаде горело огнем любви, страсть сжигала его. Услышав это известие, он пропел:

Всем людям в радость эта весть —
Любима мною Гюлюзар.
У всех подруга сердца есть,
А мной любима Гюлюзар!

Она прекрасней всех красой,
Примок в тоске завистник мой.
Пьет Исмаил нектар хмельной —
Любима мною Гюлюзар!

А в это время старуха, познакомившая Шах-Исмаила и Гюлюзар, отправилась в город кое-что продать. В стране только и говорили что о свадьбе шахзаде и дочери предводителя кочевников. Как только старуха услышала об этом, она поспешно распродала все, что у нее было с собой, и вернулась, надеясь получить вознаграждение от жены предводителя кочевников. Старуха была вне себя от радости, так как знала, что Шах-Исмаил и Гюлюзар любят друг друга. На следующий день она вернулась к становищу кочевников и пошла в шатер предводителя.

— Я жажду вознаграждения за добрую весть! — воскликнула она.

Жена предводителя кочевников очень удивилась:

— За какую добрую весть?

— Великий шах берет вашу дочь в жены своему сыну.

Едва старуха произнесла эти слова, как жена предводителя вскочила и воскликнула:

— Горе мне! Разве это добрая весть? Да проклянет тебя Аллах! А мой муж знает об этом?

— Да. Он сам решил отдать дочь Шах-Исмаилу.

Жена предводителя тотчас велела слугам сложить шатры и вместе со своими людьми отправилась в Хиндустан.

А предводитель кочевников после беседы с шахом попросил разрешения уехать, чтобы приготовить все к свадьбе дочери. Шах решил, что для приготовлений к свадьбе понадобится око-

ло полутора месяцев, и назначил свадьбу через сорок дней. Предводитель кочевников отправился обратно к своему племени. В пути ему вдруг стало грустно. Когда он подъехал к подножью большой горы, его беспокойство еще более усилилось. Наконец он приехал на летнее пастбище и увидел, что там нет ни одного шатра, кроме шатра старухи. Он едва не лишился рассудка. Поспешно соскочил он с коня, вбежал в шатер и с тревогой спросил:

— Почему наше племя ушло, а мне ничего не сообщили?

Старуха отвечала:

— Бей, ваша жена очень разгневалась, услышав, что вы отдаете Гюльзар за Шах-Исмаила, и отправилась с нашим племенем в Хиндустан. А я осталась здесь, чтобы сообщить вам об этом.

— Ладно, складывай шатер, тоже поедем.

А Шах-Исмаил был полон радостных надежд и с нетерпением ожидал свадьбы. Между тем отец его стал беспокоиться, так как от предводителя кочевников ничего не было слышно. Он послал гонца на летнее пастбище за Карадагом. На следующий день гонец прибыл туда, но никого там не нашел. Гонец тотчас вернулся и сообщил, что кочевники покинули свое становище. Эта неожиданная весть очень встревожила шаха. Он спросил везира, что делать. Везир долго размышлял, потом сказал:

— Шах! Откажитесь от этой девушки. Кочевники на одном месте долго не задерживаются.

— И я так думаю. Найти их очень трудно. Мы не знаем, куда они ушли. Но шахзаде очень страдает. Надо найти какой-то выход. Что нам делать?

— Соберем в саду всех девушек, которым пришла пора выйти замуж. Поведем туда и шахзаде и скажем, что дадим ему в жены любую девушку, которая ему понравится. А девушкам скажем, чтобы они попытались отвлечь мысли Шах-Исмаила от Гюльзар и постарались бы внушить любовь к себе. Может быть, мы найдем средство избавить шахзаде от его страсти.

— А что делать, если никто шахзаде не понравится?

— Тогда пусть решает сам. Как захочет, так и сделаем.

— Да будет так.

По приказу шаха все прекрасные девушки Кандагара собрались в саду Гюльшен. Среди них были даже дочери знатных людей страны. Когда на следующее утро Шах-Исмаил проснулся во дворце, находившемся в этом саду, он увидел множество красавиц в белых, голубых и красных одеждах, которые гуляли

среди цветов. Девушки были столь прекрасны, что сад казался раем. Если бы на месте шахзаде был кто-нибудь другой, он пошел бы к девушкам и любовался бы их красотой. Но Шах-Исмаил этого не сделал. Он посмотрел на красавиц из окна дворца и пропел:

Здесь много дивных гурий для утех,
Но с Гюлюзар моей им не равняться!
Кто сердцу мил, тот и красивей всех,
И с Гюлюзар моей им не равняться!

У той наряд багрян, у этой — рдян,
Им любо рвать цветы среди полян,
Горда осанка их, высок их сан,
А с Гюлюзар моей им не равняться!

Вот — белый, вот — оранжевый наряд,
Уста красавиц жемчугом блестят,
Легка их поступь, томен нежный взгляд,
Но с Гюлюзар моей им не равняться!

Зеленый цвет одежд, жасминный цвет —
Подобных гурий в целом мире нет,
Влюбленным кудри их — темница бед,
Но с Гюлюзар моей им не равняться!

Взглянул Шах-Исмаил — сгорел дотла,
Но прочь ушел — дорога вдаль вела,
В смятенье сад, разлука тяжела,
Но с Гюлюзар ием девам не равняться!

Потом Шах-Исмаил предстал перед отцом. Тот сказал:

— Сын мой, неразумно так страдать из-за любви к дочери кочевника. Почему ты так печалишься и горюешь? К тому же, как мне стало известно, кочевники покинули пастбище. Что поделаешь? Такова воля всевышнего. Послушайся меня. Откажись от этой девушки. Я найду тебе другую, красивее этой, какую ты только пожелаешь.

Шах-Исмаил встал, поцеловал отцу руки и ответил:

— Дорогой отец! Другой девушки мне не надо. Я больше не могу оставаться здесь. Разреши мне отправиться на поиски Гюлюзар. Найду ее — прекрасно, а не найду — так умру хоть на пути к ней.

Эти слова шахзаде только подлили масла в огонь. Отец очень разгневался и закричал:

— Если хочешь, отправляйся хоть в ад! Такого сына мне не нужно!

И он ушел.

Шах-Исмаил, не зная, как ему быть, заплакал кровавыми слезами и предался раздумьям. Сжигаемый огнем любви, шахзаде не подумал ни об огорчении отца, ни о горе матери. Он пошел в сокровищницу, наполнил мешок золотом, опоясался мечом, взял копье, лук, вывел из конюшни Камертая, сел на него и отправился в путь.

Перед уходом шахзаде решил повидать мать. Он пришел к ней, поцеловал руки и попрощался. На вопрос матери, куда он едет, Шах-Исмаил ничего не ответил и вышел.

Несчастливая мать тотчас пошла к мужу и стала громко причитать:

— Ты шах Кандагара, а сыну ничем не смог помочь. Горе мне! Куда теперь отправился мой сын?

Она заплакала навзрыд, а шах сказал ей:

— Что случилось? В чем дело? Шах-Исмаил отправился на поиски Гюлюзар? Прекрасно! Пусть отправляется! Я не стану искать сына, который меня ослушался.

Жена, рыдая, стала просить:

— Шах! Прощу тебя! Не отпускай сына!

Тогда шах приказал запереть городские ворота. А мать поспешила за сыном, догнала его, стала рвать на себе волосы, бросилась на землю перед его конем и начала умолять:

— Дитя мое, куда ты едешь? Даже сын шаха не может получить все что захочет! Вместо этой девушки я найду тебе сколько угодно других. Возвратись, дитя мое!

Шах-Исмаил взял саз и так ответил матери:

О магь, благослови мой путь,
О, не терзай мне мукой грудь!
О, дай от мук мне отдохнуть —
Моим страданьям счета нет.

Цветеньем горный дол покрыт,
Но жжет мне сердце боль обид,
Мать плачет обо мне навзрыд —
Спаси, господь, меня от бед!

Потом он повернул коня и, прищипорив его, полетел как птица. А мать осталась на дороге и в отчаянии рвала на себе волосы.

Когда Шах-Исмаил подскочил к крепостным воротам и увидел, что они заперты, он страшно разгневался и решил их сломать. Шахзаде взял палицу, отвел Камертая в сторону, ударил несколько раз по воротам и вышиб их. Потом сел на коня

и поскакал во весь опор. Шахзаде ехал долго и устал. Он сошел с коня, чтобы отдохнуть. Некоторое время Шах-Исмаил спал, потом снова продолжал путь. Он ехал по очень красивым местам. Кругом все было зелено, журчали ручьи, на деревьях пели соловьи.

Шахзаде гнал коня к тому месту, где, как он думал, были шатры кочевников. Но невезение преследовало его. Здесь ничего не оказалось. Юноша взял в руки саз и запел:

Я брожу в горах оцепенело,
Боль страданий думой овладела,
Дух мой улетел из клетки тела.
О луга, где Гюлюзар, скажите!

Горько плачет сердце Исмаила,
Все сердца его печаль пронзила,
Стонут реки скорбно и уныло.
О луга, где Гюлюзар, скажите!

Где она — в Египте ли, в Йемене?
Плачу я, горюя об измене,
Я томлюсь в пещере — в тяжком плене.
О поля, где Гюлюзар, скажите!

Где она — в Хабеше ль, в Хиндустане?
Ум мой — словно в огненном тумане,
Слышен зов мой в предрассветной рани:
«Выси гор! Где Гюлюзар, скажите!»

Журавли летят высоким клином,
Осень увяданье шлет долинам,
Сердце поет стоном журавлиным:
«О цветы! Где Гюлюзар, скажите!»

Он не знал, что ему делать, куда идти... И отправился куда глаза глядят. Проходили дни, в дороге все напоминало ему о возлюбленной.

Шах-Исмаил уже целый месяц был в пути. Ни на один день не останавливался он на отдых. Наконец юноша подъехал к высоким стенам роскошного замка, стоявшего на равнине. Он стал искать ворота, но не нашел их. Тогда он взял саз и пропел:

Искал ворота — нет ворот,
Найти б дорогу в замок!
И некого спросить, где вход,
Найти б дорогу в замок!

И неприступен и высок,
Весь в самоцветах тот чертог,—
Кто так его украсить смог?
Найти б дорогу в замок!

А двери нет — чтоб отпереть,
А крыльев нет — и не взлететь!
Где вход? — хоть кто-нибудь ответь,—
Найти б дорогу в замок!

Шах-Исмаил пришел — где вход?
Кто в замке есть? Кто в нем живет?
Гостей не гонят от ворот,
Найти б дорогу в замок!

Пропев это, шахзаде подошел к замку, с силой ударил палицей по стене и через образовавшийся пролом вошел внутрь. Перед ним было обширное пространство, поросшее деревьями. Шах-Исмаил привязал коня к дереву, вошел в дверь, которую увидел перед собой, поднялся по лестнице и оказался в большом зале. Там было восемь дверей. Шахзаде по очереди открыл семь дверей, но нигде никого не нашел. Когда же он открыл дверь восьмой комнаты, то увидел там красивую девушку, которая вышивала на пяльцах. Глаза девушки были влажными. Она плакала. Чтобы завязать с ней разговор, Шах-Исмаил прочел стихи:

О, по тебе томлюсь я так жестоко!
Что за беда, красавица, с тобою?
Кровавых слез мне не сдержат потока.
Что за беда, красавица, с тобою?

Девушка отвечала:

Пришелец добрый, отдохни с пути.
Не счесть мне мук, а как я их открою?
Недуг мой лекарям не извести,
Не счесть мне мук, и как я их открою?

Шах-Исмаил продолжал:

Я ведал сам лихих печалей гнет,
Готов делить с тобой я боль невзгод,
Врагам мой меч погибель принесет,
Что за беда, красавица, с тобою?

Девушка отвечала:

О, небо мне пощады не давало,
Кровавых слез я пролила немало,
На бой с врагом семь братьев я послала —
Вот мое горе, я тебе открою!

Во время этой беседы огонь любви вспыхнул в сердцах молодых людей. Они долго смотрели друг другу в глаза, потом поцеловались. Шах-Исмаил спросил, куда ушли братья девушки.

— Они сражаются с драконом вои за тем холмом. Сегодня ночью я видела, что двое погибли. Поэтому я и плачу.

— Ты не покажешь мне туда дорогу?

— Покажу. А что ты хочешь делать?

— Пойду взгляну, что там происходит.

Девушка показала Шах-Исмаилу путь к месту битвы. Он прищорил Камертая и поскакал туда. Когда шахзаде спустился с холма, пять братьев уже изнемогали в неравной битве. Он подъехал к сражающимся, выхватил меч и бросился на дракона. Дракон, увидев юношу, который устремился к нему словно молния, испугался и обратился в бегство. Такой героизм шахзаде напугал братьев. Однако самый младший из них по возрасту и самый умный и рассудительный сказал:

— Братья! Чего бояться? Если бы он был нам врагом, он не прогнал бы с поля битвы нашего врага.

Все согласились с этими словами и приблизились к шахзаде. Они поблагодарили его за помощь и пригласили к себе. Шах-Исмаил принял приглашение. Братья и шахзаде сели на коней и поехали к замку. Когда братья увидели пролом в стене, они стали говорить друг другу:

— Ах, бесчестная! Пока мы сражались не на жизнь, а на смерть, она здесь предавалась любовным утехам! Мы потеряли двух братьев, а теперь вдобавок еще и обесчещены! Если не разрубим ее на сорок кусков, не будет нам покоя!

Они оставили шахзаде в одной из комнат, а сами пошли к сестре. Та сидела за пядьцами и плакала. Старший строго спросил:

— Кто приходил сюда, пока мы сражались?

Ведная девушка с невинным видом отвечала:

— Сюда приехал храбрый воин на сером коне. Я послала его к вам.

Тут братья поняли, что это был их спаситель. Они пошли к Шах-Исмаилу, а девушке велели приготовить кофе. Когда пришло время спать, Шах-Исмаил, который очень устал, сразу же уснул. А братья собрались, посоветовались и решили отдать сестру в жены шахзаде. На другой день сказали об этом Шах-Исмаилу. Он согласился. Тотчас же устроили свадьбу, и Шах-Исмаила повели в брачную комнату.

Несколько недель Шах-Исмаил счастливо жил со своей же-

ной. Но вскоре он загрустил. Его новая любовь стала угасать. Тоска по Гюльзар опять вспыхнула в нем: он не мог променять ее на другую. Шах-Исмаил все время мечтал о ней, целыми днями думал только о ней. Его жена Гюльпери, видя это, сердилась, но не смела ни о чем расспрашивать. Наконец она не выдержала и с тревогой спросила:

— Я вижу, что ты охладел ко мне. Разве я не делаю все, чтобы ты был счастлив? В чем моя вина?

Шах-Исмаил решил сказать правду:

— Ты права... Я разлучился с девушкой, такой же, как ты, но имени Гюльзар. Мое сердце переполняет любовь к ней. Она была первой девушкой, которую я полюбил. Увы, судьба нас разлучила. Вот почему я чахну. Прошу тебя, если ты видела проходивших здесь кочевников, скажи, куда они направились. Я найду ее, а потом мы вместе поедem в Кандагар.

Гюльпери немного подумала, затем сказала:

— Я никого не видела, но я спрошу у братьев.

Она пошла к братьям и рассказала им все. Те спросили Шах-Исмаила:

— Шахзаде, куда ты хочешь ехать?

Тот рассказал им о своем горе и добавил:

— Я приехал сюда в поисках Гюльзар. Судьба послала мне в жены вашу сестру. Я на нее не жалуюсь, но, пока не найду Гюльзар, не будет мне покоя. Без нее я не могу жить.

Братья решили отпустить шахзаде.

— Да поможет тебе Аллах, шахзаде! Но по дороге тебе встретится один араб. Это страшный богатырь. Он побеждает всех и пожирает их сердца. Остерегайся его.

Они попрощались, расцеловались. Шах-Исмаил сел на коня и пустился в путь.

Через несколько дней он прибыл к замку знаменитого арабского пехлевана — Арапозенги. Замок и окружающая местность ослепляли своей красотой. Шахзаде вошел в сад замка. Там никого не было. На возвышении стояло блюдо с пловом. Шах-Исмаил снял с него крышку и собрался было есть. Но не успел он и попробовать плова, как послышался страшный голос:

— Этот плов называется кровавым. Прежде чем его есть, надо сразиться со мной.

Шах-Исмаил поднял голову и увидел перед собой черного человека огромного роста с лицом, закрытым покрывалом.

Шах-Исмаил резко ответил:

— Чего кричишь? Если ты храбрый воин, давай сразимся.

Арапозенги очень разгневался, услышав эти слова. Он приказал своим людям принести оружие и привести коня. Двенадцать человек принесли палицу весом в двести пятьдесят батманов, а конюхи привели коня Карабаджака, такого же свирепого, как и сам Арапозенги. Арапозенги сел на своего коня, Шах-Исмаил — на Камертая, и они съехались. После взаимных приветствий Арапозенги сказал:

— Ну, младенец, нападай!

— Нападай ты, араб!

Арапозенги самоуверенно отвечал:

— Да я же сразу тебя прикончу, юнец! Как ты сможешь устоять перед мной?

Шах-Исмаил рассердился:

— Араб! Или нападай, или уходи!

Эти слова привели Арапозенги в бешенство. Он выставил вперед копьё и устремился в атаку на шахзаде. Шах-Исмаил прикрылся щитом и отразил удар. Затем и сам взял копьё и направил на Арапозенги. Араб понял, какой храбрец шахзаде, и подумал: «Если я не смогу поразить его палицей, он меня без труда отправит на тот свет. Надо с ним кончать».

Арапозенги схватил свою палицу, Шах-Исмаил — свою. При ударе палицы о палицу сверкнули молнии. Шах-Исмаил лишился сил и отступил. Если бы Камертая не был таким сильным, ему бы пришел конец.

Араб закричал:

— Горе этому юнцу!

Услышав крик Арапозенги, Шах-Исмаил собрался с силами и взмахнул палицей:

— Ну, араб! Получай по заслугам! Если я не смогу одолеть тебя, я недостоин моей Гюлюзар.

Арапозенги отразил удар, но с трудом. Придя в себя, он схватил меч. Теперь оба сражались мечами. Араб очень искусно владел мечом. Шах-Исмаил, видя, что наступает вечер, а мечом ему араба не победить, тотчас бросил меч, схватил палицу и нанес арабу удар. Тот упал. Шахзаде обнажил кинжал и бросился на него, намереваясь убить. Но в этот момент покрывало упало с лица араба. И что же увидел Шах-Исмаил? Лицо красавицы, прекрасное, словно четырнадцатая луна! Шах-Исмаил остолбенел, уронил кинжал и лишился чувств.

А Арапозенги тотчас же встала, побежала к замку и крикнула служанкам:

— Девушки! Принесите скорее розовой воды. Я нашла того,

кого хотела. Теперь мне больше не надо никого вызывать на бой.

Тотчас же прибежали служанки, принесли розовой и цветочной воды, стали тереть Шах-Исмаилу виски и кропить лицо. Через некоторое время он пришел в себя и огляделся.

Арапозенги стояла среди девушек, как луна среди звезд, и пристально смотрела на него. Шахзаде не выдержал этого взгляда и глубоко вздохнул. Увидев, что Шах-Исмаил пришел в себя, Арапозенги взяла его под руку и помогла подняться по лестнице. Она привела его в прекрасные покои, и они стали приятно беседовать, словно между ними ничего не произошло и как будто они много лет были друзьями. Шах-Исмаил и Арапозенги так привязались друг к другу, что через несколько дней решили стать мужем и женой. Некоторое время они жили счастливо. Но это счастье лишь ненадолго смогло утешить шахзаде. Он опять стал бледнеть, чахнуть, тяжело вздыхать.

Однажды Шах-Исмаил сидел с Арапозенги. Он произнес:

— Как я несчастен!

Молодая женщина с тревогой спросила:

— Дорогой мой, отчего ты так грустишь? Если у тебя горе, почему не скажешь мне о нем? От невысказанного горя избавиться нельзя.

Тогда Шах-Исмаил объяснил:

— Если я приехал в такую даль, то на это, конечно же, была причина. Ты об этом не подумала? Моих страданий даже горы не выдержали бы. Моему горю может помочь только Гюлюзар. Пока я не найду ее, не будет мне счастья.

Молодой женщине захотелось узнать, кто такая Гюлюзар. Она с беспокойством сказала:

— Расскажи мне все о своем горе. Без сомнения, я смогу ему помочь.

— Дорогая моя! Прежде я любил Гюлюзар, дочь предводителя кочевников. Я был обручен с ней, но ее мать, не желая отдать мне дочь, бежала вместе с нею. Куда они отправились, неизвестно. Я стал искать, но не мог найти даже их следов. Во время этих поисков я встретился с тобой. Судьба определила тебе стать моей женой. Если тебе что-нибудь известно, скажи, я пойду искать Гюлюзар.

— Дорогой мой! Давай вместе искать Гюлюзар. Я готова ради тебя пожертвовать жизнью.

На другой день Шах-Исмаил и Арапозенги закончили при-

готовления и отправились в долгое и утомительное путешествие в Хиндустан. Наконец однажды под вечер они прибыли в какой-то город. Стали ходить по нему и оказались в одном квартале на окраине. У дверей ветхого дома стояла старуха. Так как уже стемнело, Шах-Исмаил сказал:

— Матупка, можно нам остановиться у тебя? Мы чужестранцы, никого тут не знаем. Примешь нас?

Старуха покачала головой, давая понять, что не понимает языка, на котором говорит шахзаде. Арапозенги знала язык индийцев и сказала женщине на ее языке:

— Бабушка, нам негде переночевать, непустишь ли нас к себе на ночь?

Старуха отвечала:

— Хорошо, дочь моя, но вам негде будет привязать своих коней.

Чтобы уладить дело, Шах-Исмаил достал пригоршню золотых монет и протянул старухе. Та обрадовалась и сказала:

— Сын мой, под домом есть конюшня. Она старая, но дождь туда не проникает. Там вы можете привязать коней.

Уже совсем стемнело. Шах-Исмаил и Арапозенги поели то, что приготовила им старуха, и стали думать, как им найти Гюлюзар. Вдруг послышались звуки саза и песни. Они спросили у старухи, что происходит. Та ответила:

— Справляют свадьбу сына нашего шаха с дочерью предводителя кочевников, недавно прибывшего из Кандагара.

Шах-Исмаил был ошеломлен. С тревогой он спросил:

— Как ее зовут?

— Гюлюзар.

Услышав это, Шах-Исмаил горестно застонал. Арапозенги спросила:

— Когда начали справлять свадьбу?

— Девушка не соглашалась, сказала, что ей нужно сорок дней быть в трауре. Она не пустила шахзаде в брачную комнату. Поэтому свадьба еще продолжается.

При этих словах Шах-Исмаил посмотрел на жену. Та попыталась его утешить:

— Шахзаде, Аллах велик. Кто знает, что принесет новый день.

В ту ночь оба не спали и думали, что им предпринять. Едва наступило утро, Арапозенги встала, дала старухе одно из своих новых платьев, взяла у Шах-Исмаила золотой гребень, который ему подарила Гюлюзар, и сказала старухе:

— Отнеси и отдай его Гюлюзар. Возьми и эти золотые монеты. Приходи поскорее. Мы ждем от тебя добрых вестей.

Старуха тотчас же пошла в дом, где справляли свадьбу, и стала умолять слуг позволить ей отнести невесте хну⁴. Те согласились и дали ей миску с хной. Когда старуха поднималась по лестнице с миской в руках, невеста сверху увидела ее и крикнула:

— Старуха, брось миску с хной, не то я сброшу тебя с лестницы, и ты разобьешься вдребезги.

Тут старуха показала ей гребень. Гнев девушки сразу же прошел. Под каким-то предлогом она тотчас же отослала слуганок, которые были рядом с ней, и подозвала старуху:

— Подойди! Я тебя уже давно не видела. Что нового?

Когда старуха подошла к ней, девушка тихонько спросила, указывая на гребень:

— Бабушка, кто тебе его дал?

— Дитя мое, твой шахзаде гостит у меня и ждет от тебя ответа.

Гюлюзар несказанно обрадовалась этому радостному известию и тихонько промолвила:

— Матушка, сейчас я пойду в сад Гюлистан и буду гулять там до вечера. Пусть он придет туда.

Старуха пошла домой и передала гостям слова Гюлюзар. Шах-Исмаил чрезвычайно обрадовался и щедро одарил старуху. Затем он и Арапозенги сели на коней и поскакали в сад Гюлистан. Там они нашли Гюлюзар. Увидев свою возлюбленную, Шах-Исмаил подбежал к ней и обнял ее. От радости и волнения у них на глазах появились слезы.

Арапозенги посадила Гюлюзар на коня, Шах-Исмаил тоже сел на коня, и они поскакали. Наконец, утомленные, они остановились около какого-то источника. Арапозенги сказала:

— Давайте немного отдохнем здесь.

Арапозенги привязала коней к дереву. Шах-Исмаил и Гюлюзар сели рядом и стали рассказывать друг другу о том, что с ними произошло. Арапозенги предложила:

— Шахзаде, посидите здесь немного, чтобы отдохнуть после долгого путешествия. А я буду охранять вас. Если надо, разбужу.

Шах-Исмаил и Гюлюзар заснули, а Арапозенги стала их охранять.

Через несколько часов со стороны Хиндустана показалось черное облако, и Арапозенги увидела, что идет большое войско,

Она тотчас же стала готовиться к бою, села на Карабаджака, взяла свою страшную палицу и поскакала навстречу вражескому войску. Словно волк, бросающийся на стадо овец, Арапозенги устремились вперед. Через час половина вражеского войска была уничтожена, а остальные обратились в бегство. После этого Арапозенги подошла к спящим влюбленным, которые даже и не подозревали о битве. Ей было жаль будить их. Она взяла лежавший на земле саз и запела:

Покрыл туман дороги Хиндустана,
Проснись, взгляни, что делается в мире!
Вокруг — круженье черного тумана,
Проснись, взгляни, что делается в мире!

К иранцам пусть идет о нас молва,
И, если жажда мести в них жива,
Пусть убедятся в грозной силе льва,
Проснись, взгляни, что делается в мире!

Враг отступил — глядишь, придет другой,
Подступит и затеет с нами бой.
Смотри, что сделал здесь заступник твой,
Проснись, взгляни, что делается в мире!

Тут Шах-Исмаил проснулся и спросил, нет ли чего-нибудь поесть. Арапозенги показала место битвы и сказала:

— Шахзаде! Я убила десяток куропаток, соблаговолите их сварить.

И она повела влюбленных к телам убитых ею воинов. Шахзаде, увидев их, ласково погладил Арапозенги по плечу, очень довольный. А Гюлюзар от страха совсем потеряла голову. Они тотчас же сели на коней и направились к замку Арапозенги. Дней через десять доехали до замка, отдохнули там, взяли все, что было легкого по весу, но ценного, и отправились к маленькому замку, где жила Гюльпери. Братья Гюльпери встретили их.

Арапозенги и Гюлюзар познакомились с Гюльпери. Через три дня Шах-Исмаил сказал Гюльпери:

— Готовься. Теперь мы поедем в страну моего отца.

Гюльпери тотчас же пошла к братьям и передала им, что зять зовет их к себе. Они предстали перед шахзаде и сказали:

— О шахзаде! Вы хотите отправиться к отцу. Мы простимся с вами, так как нам нужно остаться здесь. Да благословит вас Аллах!

— Хорошо! Пусть будет так, как вы хотите.

И Шах-Исмаил пустился в путь с тремя девушками. Недалеко от Кандагара они расположились на отдых около источника. Вдруг Шах-Исмаил увидел, что по дороге из Кандагара идет какой-то человек. Когда он подошел ближе, оказалось, что это дворцовый садовник. Увидев шахзаде, садовник почтительно его приветствовал.

Шах-Исмаил приказал ему:

— Сейчас же иди и сообщи отцу и матери радостную весть о моем прибытии.

Тут Арапозенги, которая умела гадать на песке, тотчас стала гадать, потом обратилась к шахзаде:

— Не веди нас во дворец к отцу. Пусть для нас приготовят другое место.

Шах-Исмаил приказал садовнику:

— Скажи отцу, чтобы для нас приготовили дом на окраине города.

Садовник отправился во дворец и сообщил шаху радостную весть.

Вскоре шахзаде с девушками прибыл в Кандагар. Они поселились в отведенном им доме и стали счастливо жить. Шах-Исмаил очень радовался, постоянно видя рядом с собой трех своих жен.

Через несколько дней в дом, где они остановились, пришла мать шахзаде, чтобы приветствовать невесток. Как только служанки сообщили о приходе султанши, все три невестки спустились вниз, взяли ее под руки, провели наверх, усадили на тахту и почтительно стали перед ней. Увидев их, султанша почувствовала зависть к счастью сына. Под каким-то предлогом она покинула невесток и возвратилась во дворец. Под вечер она пришла к мужу и сказала:

— Государь, ваш сын Исмаил совершил не подобающие ему поступки. Когда он уезжал отсюда, то говорил, что любит одну девушку, а вернулся с тремя. Разве может одно сердце любить трех? Я думаю, что этих трех невесток должны взять вы, потому что это подобает только шаху.

— Как, ханым? Вы на это согласны?

— Я думаю сейчас не об этом. Надо взять невесток и убить Шах-Исмаила, который обманул нас всех.

— О, великий Аллах! Разве у вас совести нет? Можно ли убить своего сына! И к тому же, как я могу взять себе невесток?

— Ошибаетесь. Когда увидите их красоту, поймете, что я права.

Шах ушел к себе, долго размышлял, но, так ничего и не решив, заснул.

На другое утро он захотел взглянуть на невесток и пошел в дом, где остановился шахзаде. Едва девушки узнали о приходе шаха, они поспешили спуститься вниз и очень учтиво его встретили, взяли под руки, отвели наверх и почтительно встали перед ним. Шах краешком глаза взглянул на них. Девушки были одна красивее другой. Они могли свести с ума кого угодно. Шах стал завидовать сыну. Посидев там некоторое время, он вернулся во дворец, тотчас же позвал везира и приказал:

— Убей шахзаде, а невесток пришли ко мне.

Этот приказ очень удивил везира:

— Ваше Величество, Шах-Исмаила схватить нелегко. Придумаем какой-нибудь другой способ уничтожить его.

— А ты знаешь, как это сделать?

— Устроим пир для шахзаде и отравим.

Государю эта мысль понравилась, и он тут же пригласил сына на пир.

Шах-Исмаил готовился идти к отцу. Арапозенги не забыла погадать на песке и сказала:

— Возьми эту печать и, прежде чем есть, проведи ею над яствами.

Шах-Исмаил взял печать и пошел во дворец. Шах с приторной радостью встретил сына. После дружеской беседы накрыли на стол. Шах-Исмаил, незаметно зажав печать в руке, провел ею над угощениями. Когда они встали и шах, ожидавший смерти шахзаде, увидел, что тот не умер, он встревожился. А Шах-Исмаил встал и ушел.

Шах разгневался и набросился на везира:

— Что же вы его не отравили?

— Ваше величество, если всевышний не позволил ему умереть, как можем мы его убить?

— Нет, ты должен убить шахзаде! И ты убьешь его!

— Вы умеете хорошо играть в шахматы, и шахзаде тоже умеет. Сыграйте с ним и поставьте такое условие: если он проиграт, то вы свяжете ему руки. А остальное сделать уже легко.

Государь снова велел на следующий день позвать сына, чтобы осуществить свое намерение. Арапозенги была в этот день нездорова, и поэтому Шах-Исмаил пошел к отцу, ничего ей не сказав.

Государь опять очень приветливо встретил сына:

— Сын мой! Мне очень скучно. Давай сыграем в шахматы. И шах сказал о своем условии.

Шахзаде согласился:

— Как прикажете, отец.

Они стали играть в шахматы. Шах-Исмаил три раза одержал победу. Но когда увидел, что отец сердится, дал ему выиграть два раза. Шах воспользовался этим и приказал связать шахзаде.

Шахзаде связали руки за спиной. Шах сказал, словно желая испытать силу сына:

— Ну, сынок! Разорви-ка веревки.

Шах-Исмаил, натужившись, разорвал веревки. Когда шах увидел это, он решил прибегнуть к хитрости:

— Молодец, сынок. Я счастлив, что у меня такой сын. Ты можешь разорвать любые путы?

— Дорогой отец, кроме тетивы лука, меня нельзя связать ничем.

Тогда шах велел своим людям принести лук. Шахзаде связали пальцы. Тетиву так стянули, что шахзаде стал умолять отца:

— Отец, у меня ломаются пальцы, развяжи меня.

Услышав это, шах обрадовался и позвал палачей. Не успел шахзаде и слова сказать, как его схватили.

Шах-Исмаил стал умолять палачей:

— Позвольте мне сказать несколько слов отцу! А потом убейте. Что делать! Такова воля Аллаха.

Палачи оstanовились, а Шах-Исмаил стал умолять:

О, я готов безгласной жертвой стать,
Но ты не убивай меня, отец!
Пусти, да будет мне опорой мать,
Молю: не убивай меня, отец!

Не потакай врагам, отец, не надо:
Кто ж может загубить родное чадо?
Услышь мой стон, да будет мне пощада,
Молю: не убивай меня, отец!

Шах-Исмаил отчаяньем объят,
Не ты ли милосердием богат?
Едва расцветший разве рубят сад?
Молю: не убивай меня, отец!

Хотя шах и услышал это, но зависть и слова жены сделали свое дело. Он не почувствовал ни капли жалости и, потеряв самообладание, крикнул:

— Убейте его!

Шахзаде отвели на место казни. Собрался народ, люди пришли к шаху и стали умолять:

— О шах! Подари нам жизнь шахзаде. Все ваши подданные просят о милосердии.

— Хорошо! Я дарую ему жизнь ради вас. Но пусть ему выколют глаза.

По приказу шаха палачи вонзили иглы в глаза шахзаде. Кровь брызнула из глаз Шах-Исмаила. Он крикнул палачам:

— Прошу вас, уведите меня от моего жестокого отца! Всевышний вознаградит вас за это.

И палачи сжалились и отвели его к подножию какой-то горы.

А государь, избавившись от сына, приказал:

— Сейчас же приведите сюда невесток!

По приказу шаха три человека пошли в дом Шах-Исмаила. Когда в дверь постучали, открыла Арапозенги. Посланные сказали, что их зовет шах. Арапозенги отвечала:

— Если наш свекор не пришлет к нам сто женщин, которые с почетом сопровождали бы нас, мы прийти не сможем. Таков наш обычай. Передайте ему это.

Шаху доложили. Он тотчас же послал сто женщин. Арапозенги, желая выполнить до конца задуманное ею, сказала:

— Прекрасно, но нам нужно сто носильщиков, чтобы перенести все наши вещи.

Одна из ста женщин отправилась к шаху за носильщиками и вернулась с ними. А между тем Арапозенги убила остальных девяносто девять женщин и положила их тела в мешки. Каждый из носильщиков взял по мешку, и они отнесли их к шаху. Тот приказал открыть мешки в присутствии знатных людей. Когда их открыли, показались отрубленные головы и тела женщин. Увидев это, шах разгневался и приказал:

— Немедленно доставьте ко мне трупы этих бесстыжих!

Около тысячи воинов напали на дворец, где находилась Арапозенги. Но Арапозенги приготовилась к этому и, едва они появились, устремилась в бой. Множество воинов она убила, остальные бежали и сообщили шаху о том, что произошло. Тогда на поединок с Арапозенги было послано много храбрых воинов, но ни один не смог победить ее. В стране стали роптать. Все говорили о жестокости и произволе шаха.

А в это время Шах-Исмаил, оставленный у подножия горы, плача, полз по земле и молил:

Предвечный повелитель мирозданья!
О, исцели моих очей страданья!

Так, видно, воля господы судила,
Чтоб от очей моих весь мир сокрыло!
Ужель к ним не вернуться свет и сила?
О, исцели моих очей страданья!

О, сжался ты над Шахом-Исмаилом,
Дай силу Хызра в помощь его силам,
Взгляни на нас всевидящим светилом,
О, исцели моих очей страданья!

Проходивший мимо старый крестьянин увидел его и сжался над ним. Он взял шахзаде под руку и привел к себе в хижину. Потом крестьянин осмотрел глаза юноши и сказал:

— Слава богу, игла зрачков не задела.

Он промыл глаза шахзаде приготовленным им снадобьем, и через несколько дней глаза юноши совсем зажили. Земледелец жалел его, как сына, а шахзаде помогал ему.

А в это время в деревню пришли посланцы шаха, чтобы набрать воинов в войско. Шахзаде поцеловал руку старику, заменившему ему отца, и тотчас же попросил и его записать в войско. Старик не хотел обидеть шахзаде и отпустил его вместе с воинами в Кандагар. Не успел Шах-Исмаил с другими воинами прибыть в Кандагар, как его послали на бой с Арапозенги. Арапозенги побеждала и убивала всех храбрецов, которые выходили на поединок с ней. Шах-Исмаил пошел к главному богатырю и сказал, что хочет сразиться с Арапозенги. Тот засмеялся:

— Что ты, мальчишка! Младенец вроде тебя не может сражаться с таким храбрецом.

Эти слова очень обидели Шах-Исмаила. Он стал умолять главного богатыря. Наконец тот разрешил. Когда Шах-Исмаил сел на коня и с устрашающим кличем устремился в бой, Арапозенги сказала себе: «Этот клич я однажды слышала от Шах-Исмаила. Теперь я слышу его во второй раз. Этот голос очень меня страшит».

И они вступили в бой. Хотя Арапозенги и шахзаде бились до самого вечера, никто не смог победить. Когда наступил вечер, они разошлись, с тем чтобы возобновить битву на следующий день. Шах издали видел, как сражался юноша. Вечером он велел позвать Шах-Исмаила и похвалил его:

— Молодец, юноша. Ты прекрасно сражаешься.

— Шах, у меня нет настоящего оружия, а конь мой очень плохой. Поэтому я и не смог победить нашего врага.

Шах не узнал сына и дал ему превосходные доспехи и Камертая. Шахзаде поскакал к дворцу Арапозенги. Слуги Арапозенги сообщили, что перед дворцом ходит какой-то человек. Арапозенги подошла к окну и сказала Шах-Исмаилу:

Джигит могуч не похвальбой,
А битвою с врагом:
Открыто он зовет на бой,
А не ползет тайком!

Шах-Исмаил ответил:

А ну, иди — устроим бой,
Шутя иду — дрожи любой!
Я буду милостив с тобой:
Ты встретился со львом!

Арапозенги сказала:

Иди, побиться я готова,
С тобой не буду я сурова,
Я сокрушила всех врагов.
Гляди: лежат кругом!

Шах-Исмаил ответил:

Шах-Исмаил, смелей вперед!
Умру — а недруг не уйдет,
Всех сокрушу я в свой черед,
Побьюсь с любым врагом!

Тут Арапозенги узнала шахзаде, бросилась ему на шею и сказала:

— Здесь тебе показываться не следует. Завтра я дам себя победить, ты бросишься на меня и позовешь шаха, чтобы он убил меня. Едва шах подойдет, ты меня отпустишь. Остальное сделать будет легко.

На другое утро Шах-Исмаил вышел на бой с Арапозенги. Они долго бились, потом Арапозенги вдруг бросилась под коня шахзаде. Тот спрыгнул с Камертая, схватил Арапозенги и крикнул:

— Пусть шах соизволит подойти. Отрубить врагу голову по-добает ему.

Шах обрадовался и поспешил к ним, чтобы убить Арапозенги. Та внезапно бросилась на него и разрубила надвое. Придворные и везиры хотели напасть на Арапозенги, но шахзаде преградил им путь и закричал:

— Я — Шах-Исмаил! Мой отец несправедливо поступил со мной. Всевышний покарал его.

После этого знатные люди государства провозгласили шахзаде шахом. Когда Шах-Исмаил вступил на престол, он взял к себе во дворец крестьянина, который вылечил его. Сорок дней и сорок ночей справляли свадьбу, и желаемое исполнилось.

Шахир и Зухра

В давние времена жил великий правитель. Он властвовал в огромной стране. Несметными были его богатства, велика слава. Единственной горе было у правителя: он не имел детей. Ко многим лекарям обращался он, разные снадобья испробовал. Но ничто не помогало ему, оставалось лишь смириться с бедою.

За городом у правителя был большой сад, где росли всевозможные деревья, прекрасный, словно рай. И когда ему становилось тоскливо, он шел туда. В последнее время правитель часто горевал и целые дни проводил в этом саду. Но вскоре и сад наскучил ему.

Однажды правитель и везир, всюду сопровождавший его, переоделись и отправились на прогулку. Когда они оказались на окраине города, им повстречался старик странник с длинной, до пояса бородой. Взгляд старика словно притягивал к себе.

— Кто даст мне сто золотых, всевышний исполнит все его желания, — сказал он.

Услышав эти слова, правитель обратился к везиру:

— Я истратил тысячи на лекарей и на снадобья. Давай подадим милостыню и этому бедному человеку. Быть может, наше желание и сбудется.

Везир кивнул головой и сказал:

— Дайте. Он бы не просил денег, если бы не испытывал нужды. Если мы поможем страннику, я уверен, всевышний исполнит наши просьбы.

Правитель подошел к старику и подал ему кошелек с сотней золотых.

Обрадованный старик воздел руки к небу:

— Да ниспошлет вам Аллах исполнение всех ваших желаний!

Правитель и везир продолжали путь. В одном безлюдном месте они увидели сидящего под деревом белобородого старца, который читал книгу. Они подошли к старцу, поздоровались с ним и завели беседу. Поговорив о том о сем, государь наконец решился поведать и о своей горе:

— Мы братья по несчастью. У нас нет детей. И чего только мы не делали до сего времени, ничто не помогло!

Белобородый старец улыбнулся:

— Я найду средство, чтобы избавить вас от горя.

С этими словами он достал яблоко, разрезал пополам, одну половину дал государю, другую везиру:

— Съешьте, когда вернетесь домой. И через некоторое время вы убедитесь, что это вам поможет. Если у одного из вас родится сын, а у другого дочь, назовите мальчика Тахиром, а девочку Зухрой. Учите их вместе, а когда придет время, пожените. Если же вы их не пожените, то судьба их будет такой же печальной, как у Лейлы и Меджнуна, Арзу и Камбера, Ферхада и Ширин¹. И об их горькой судьбе тоже будут рассказывать пока живут на свете люди.

Правитель очень обрадовался и хотел дать старцу денег, как сделал это раньше при встрече со стариком странником, но тот внезапно исчез среди деревьев.

Правитель и везир вернулись домой и в ту же ночь съели по половинке яблока.

И вот ровно через девять месяцев и десять дней родились прелестные дети — у правителя дочь, а у везира сын. Мальчика назвали Тахиром, а девочку Зухрой. Дети росли вместе, вместе ели и играли. А когда их разлучали, они горько плакали. И обучать их родители отдали одному учителю. Все видевшие их считали, что они брат и сестра.

Время шло. Детям исполнилось по десяти лет. Они были красивы, как в сказке. В сердце Зухры вспыхнула любовь к Тахиру, которая становилась с каждым днем все сильнее. Од-

нажды она, воспользовавшись тем, что Тахир спал, поцеловала его. Тахир проснулся и стал ее упрекать:

— Ведь ты мне сестра! Неужели тебе не стыдно того, что ты сделала?

С этого дня он стал ходить в школу один. А любовь Зухры становилась все сильнее. Она не оставляла Тахира в покое. Он же считал ее своей сестрой и даже не смотрел на нее.

Однажды, когда Тахир спал, Зухра опять поцеловала его. Он вскочил, браня Зухру за несдержанность, и ударил ее. Зухра плакала днем и ночью и молила Аллаха отдать половину ее любви Тахиру.

Должно быть, мольба Зухры была услышана: вскоре в сердце Тахира загорелась любовь к Зухре. Он стал оказывать ей внимание. Но теперь Зухра делала вид, что равнодушна к нему.

Зухра молила о любви Тахира много раз,
Но лишь добилась своего — и пыл ее угас.

Уж таково свойство женщин: едва они почувствуют, что их любят, начинают капризничать, своевольничать и сжигают юношей огнем любви.

Так и Зухра, поняв, что Тахир влюблен в нее, сразу же стала прикидываться равнодушной и перестала обращать на него внимание. Тахир совсем лишился покоя. Так продолжалось некоторое время.

У Зухры был прекрасный сад вдали от города, у реки. Его вырастили греческие и индийские садовники. Красота сада поражала.

Однажды Зухре было грустно, и она отправилась в сад. Сначала она пошла в летний дворец, потом села у реки. Тахир поспешил за ней и расположился рядом. В тот день он от кого-то узнал, что он — сын везира, а Зухра — дочь падишаха. В это время и Зухра думала о том же. Чтобы выведать, известно ли Тахиру, что они не брат и сестра, она сказала:

Не друзья ли мы с тобою?
Как же тайну я сокрою?
Нет, Тахир, меня не трогай:
Мы с тобою — брат с сестрою!

Тахир ответил:

Не друзья ли мы с тобою?
Как же тайну я сокрою?
Знаешь ты: я — сын везира,
Мы с тобою — брат с сестрою!

Зухра продолжала:

Мною ты любим навечно —
Нежно, страстно, бесконечно.
Что ж ты с верною подругой
Поступил так бессердечно?

Тахир ответил:

Не кори меня напрасно,
О Зухра, люблю я страстно.
О, забудь обиду злую,
Ты, как кипарис, прекрасна!

Зухра сказала:

Ты, Тахир,— моя отрада,
Мне разлука горше яда.
Ты в душе моей навеки,
Нам с тобой быть вместе надо!

Тут Тахир приблизился и страстно поцеловал Зухру в раскрасневшуюся, как роза, щеку. Они вернулись домой и снова, как и прежде, стали учиться вместе.

Однажды, когда представился удобный случай, Тахир и Зухра отправились в сад у реки. Они расположились под деревом и стали читать стихи. Тахир погладил волосы Зухры и сказал:

— О дорогая Зухра! Если я полюблю кого-нибудь, кроме тебя, пусть не будет мне счастья! А если ты полюбишь кого-нибудь, кроме меня, и выйдешь за него замуж, то я буду молить Аллаха о твоей смерти.

Зухра ответила:

— О мой дорогой повелитель! Если я полюблю кого-нибудь, кроме тебя, пусть не будет мне счастья и пусть я умру!

И они поклялись друг другу в вечной верности.

Как-то раз Тахир встретил музыканта, искусно игравшего на сазе и исполнявшего печальные напевы. Он начал брать уроки у него и очень быстро научился его искусству. Когда Зухра узнала об этом, она тоже научилась у одной женщины играть на сазе. Тахир и Зухра стали слагать стихи и петь их друг другу. И не было никого, кто превзошел бы их в искусстве игры на сазе.

Однажды молодые люди, любившие друг друга чистой любовью, пели друг другу о том, какие страдания приносит им огонь любви. И когда пришло время расстаться, Зухра опечалилась, по ее прекрасному лицу потекли слезы. Она пропела:

Будь со мной, мой ненаглядный,
Будь мне радостью усладной,
Мучусь я, теряя разум,
От разлуки беспощадной.

Тахир отвечал ей:

Мне разлука — жарче жара,
Душу жгут мученья яро.
Для того, кто счастлив с милой,
Разлученье — злая кара!

Потом они обнялись и заплакали.

Когда им исполнилось пятнадцать лет, их любовь стала еще сильнее.

А у падишаха был раб, негр, — сплетник и доносчик, очень любопытный. Когда он узнал, что Тахир и Зухра встречаются тайком, он решил следить за ними. Негр спрятался в саду, где встречались влюбленные. И как раз в тот день Тахир и Зухра сели под тем деревом, за которым скрывался раб. Ему хорошо было слышно, о чем говорили влюбленные. Негр не успокоился, пока не донес обо всем матери Зухры. А та рассказала об этом своему мужу. Падишах тотчас приказал позвать негра. Он допросил его и поверил в то, что раб сказал правду.

— Видно, пришло время отдать Зухру за Тахира, — сказал повелитель жене.

— Я не могу отдать мою дочь Тахиру. Она достойна шахаде, — возразила жена.

Правитель ответил ей:

— Сначала надо убедиться, правду ли говорит раб. Я должен увидеть все своими глазами.

Он позвал раба и велел:

— Как только Тахир и Зухра встретятся в саду, немедленно сообщи мне.

— Повинуюсь, мой господин, — ответил раб.

В тот день влюбленные снова встретились в саду. И опять они беседовали, шутили и читали друг другу стихи. Но ведь известно: вода дремлет, а враг не спит. Коварный раб из своего укрытия выследил их и тотчас же донес повелителю.

Повелитель в волнении поспешил в сад и остановился у дерева, под которым сидели влюбленные. Тахир и Зухра читали друг другу стихи. Потом Тахир поцеловал Зухру в щеку, подобную свежей розе, и сказал:

— Твой отец, падишах, дал слово выдать тебя замуж за

меня. Неужели он не выполнит своего обещания? Ниспошлет ли нам Аллах счастливые дни или нам суждено провести жизнь в печали?

И тут Тахир поведал любимой о своем сне:

— Прошлой ночью я видел такой сон. Перед тобой появилась черная собака. Она мешала мне приблизиться к тебе. Вдруг появились еще две собаки. Потом эти собаки бросились на меня. Беспомощный, я побежал. Собаки преследовали меня, и тут я проснулся. Я понял, что нам предстоит разлука!

Они возвратились во дворец, опечаленные.

А падишах, следивший за ними, понял, что Тахир и Зухра любят друг друга, и решил поженить их во что бы то ни стало. Жена падишаха старалась отговорить его, но безуспешно.

Тогда она решила действовать по-своему и обратилась к известной в городе колдунье. Ведьма дала ей зелье и велела напоить им падишаха. Жена падишаха выбрала удобный момент и напоила его тем зельем. Ничего не подозревавший падишах вскоре возненавидел Тахира. Забыв о своем обещании, он разлучил влюбленных.

С горя Тахир лишился рассудка. Он выходил в сад, где когда-то встречался с Зухрой, вспоминал свою любимую и читал стихи:

В разлуке с милой плачу я навзрыд,
Слезами скорби взор очей омыт.
Не осуждайте этих слез, друзья,—
Тоска разлуки горше всех обид!

Зухра, не видевшая Тахира много дней, не знала, что ей делать от тоски. Ее сжигал огонь любви. Наконец она пришла к отцу.

— Отец мой! — сказала она. — Я очень страдаю в этом дворце. Прикажи построить для меня дворец, из которого бы открывался прекрасный вид.

Падишах исполнил все желания дочери. Он тотчас приказал построить летний дворец. Через несколько дней дворец был готов. Зухра поселилась там вдвоем со своей воспитательницей. В этом прекрасном дворце она иногда играла на сазе. Зухра не находила себе покоя: все время думала о Тахире. Однажды она сказала своей воспитательнице:

— Я хочу спросить тебя кое о чем, а ты отвечай мне, ничего не утаивая. Почему мне не разрешают встречаться с Тахиром? Разве его нет здесь?

Воспитательница, зная все дворцовые тайны, рассказа-

ла девушке обо всем. Она даже поведала ей о том, как мать дала зелье падишаху, и добавила:

— Если бы твоя мать не помешала, все было бы уже готово к свадьбе. И отец сразу же отдал бы тебя за Тахира.

Услышав это, Зухра чуть не лишилась рассудка. Дворец показался ей темницей. Она стала рвать на себе волосы и проливать горячие слезы.

Воспитательница, увидев страдания девушки, раскаялась в том, что рассказала ей обо всем, и старалась как могла утешить Зухру, но тщетно. Иногда мимо дворца проходили путники и, словно обращаясь к ней, пели песни Тахира, ставшие уже широкоизвестными.

А Тахир, разлученный с возлюбленной, отправился в сад, мечтая о Зухре. Юноша обошел все места, где они встречались с Зухрой. Наконец от одного из слуг он узнал о дворце, в котором жила теперь Зухра. Тахир тотчас же побежал туда, стал под окном, у которого сидела тоскующая Зухра, и запел:

О лицемерная Зухра,
В любви неверная Зухра,
Зачем забыла ты меня?
Грущу безмерно я, Зухра!

Услышав песню, девушка сейчас же распахнула окно и выснулась из него, чтобы посмотреть на Тахира.

Это заметила воспитательница.

— Ой, дочь моя,— сказала она,— что ты делаешь? Мы опозоримся. Сейчас же закрой окно. Если отец узнает, он изрубит нас на куски!

Зухра возразила:

— Кто же нас увидит?

— Не говори так. Ты не думаешь о тех, кто за нами следит. А они не упустят такого случая, чтобы угодить падишаху.

Зухра не вняла этому предупреждению, взяла саз и ответила Тахиру песней:

Рыдаю ночью я и днем,
Мне тесен стал родной мой дом.
О, не томи меня, Тахир,—
Вся жизнь моя горит огнем!

Тахир несказанно обрадовался. Восторженно глядя в окно, под которым стоял, и не в силах удержаться, он пропел:

Сама, Зухра, ты в путях зла,
Да и меня огнем сожгла.

Ужель тебе обман твой люб,
Как ты забыть меня могла?

Затем он опустил саз и спросил:

— О дорогая моя Зухра, какое зло разлучило нас?

— Колдовство ведьмы и донос — вот что разлучило нас, — вздохнула Зухра. Помолчав, она добавила: — Если хочешь знать правду, во всех несчастьях, выпавших на нашу долю, виновата моя безжалостная мать. Она считает, что ты не можешь быть моим мужем и что я должна стать женой какого-нибудь шахаде. Она не знает, что мил лишь тот, кого полюбит сердце.

А в то время, когда влюбленные так страстно беседовали между собой, там оказался коварный раб. Увидев, что Тахир и Зухра снова нашли друг друга и разговаривают, он побежал к падишаху и донес об этом. В гнев повелитель бросил чашу, которую держал в руках, на пол и закричал:

— Схватить эту собаку! Я прочу его за тайные разговоры с моей дочерью.

Посланные люди застали влюбленных во время беседы. Тахира привели к падишаху. Тот, не взглянув на юношу, крикнул:

— Таким, как ты, место — темница в Мардине. Готовься, сейчас же отправишься в путь.

Тахир растерялся. Он никак не мог уразуметь, почему падишах, который прежде любил его, как собственного сына, в последнее время стал так жесток и несправедлив к нему. И везир тоже не мог понять причину суровости правителя и даже слова не вымолвил в защиту сына.

Тахир простился с родителями. Его посадили на коня и в сопровождении десяти стражников отправили в Мардин. Когда Тахир проезжал мимо дворца Зухры и увидел, что возлюбленная в слезах смотрит на него, он не выдержал и пропел:

Что смотришь на меня с тоской?
Твой гнев велит мне прочь идти.
Да будет прочен твой покой,
Прощай, Зухра, прощай-прости!

Пойду да оглянусь разок,
Тоской любви всю грудь я сжег.
И да хранит тебя сам бог,
Прощай, Зухра, и не грусти!

Проливая горячие слезы, Тахир выехал из города. В пути огонь любви вспыхнул в нем с новой силой. Юноша взял саз и запел:

Поет Тахир — молчать невмочь,
Рыдает он и день и ночь.
Лишь ты, о властелина дочь,
Молитвой можешь мне помочь.

Стражники, сопровождавшие юношу, жалели его, у них было доброе сердце. Грустная песня Тахира опечалила их до слез.

Через семь дней путники прибыли в Мардин. Тахира бросили в темницу. Юноша верил в честность своих стражей и через них послал письмо Зухре.

Прошло семь лет с тех пор, как Тахира заточили в темницу. За все эти годы Зухра ни разу не улыбнулась и все время плакала, сетуя на несправедливость отца и матери.

Воспитательница как могла старалась утешить ее.

Образ Тахира все время стоял перед глазами Зухры. Она сгорала от любви к нему и постоянно вспоминала о нем.

Однажды девушка сидела у окна, думала о возлюбленном и плакала. Мимо дворца медленно шел караван. Когда караван поравнялся с дворцом, она пропела:

Не мной ли жданный караван
Шлет исцеленье мне от ран?
Не о Тахире ли мне весть
Несет он из далеких стран?

А в караване был один юноша, по имени Кельюглан. Он хорошо слагал стихи. Услышав пение Зухры, он взял саз и ответил ей:

Мы бредем из дальней дали,
В чем, скажи, твои печали?
По Тахиру ты томишься,—
Мы такого не встречали!

Затем Кельюглан вместе с караваном отправился в Мардин.

Через семь дней караван достиг Мардина. По воле Аллаха перед темницей, где томился Тахир, находился луг. Здесь и расположился караван. Раскинули шатры. Одни разожгли костры, другие принесли воды. Шатры оказались под самыми окнами темницы, в которую был заключен Тахир. Караванчики слышали звуки печальной песни, доносившейся из темницы. Они прислушались. Тахир пел:

Караван из дальней дали
Отдыхает на привале.
От моей Зухры отторгнут,
Я пою в тоске-печали.

Кельоглан, стоявший среди кунцов, схватил саз и ответил:

Люб мне твой печальный саз —
Он сердца сражает враз!
Как зовут тебя, певец?
Ты почти ответом нас!

Тахир продолжал:

Я — певец, тоской томимый,
Будь же господом храпимы!
Чую, добрые пришельцы,
Вы — посланцы от любимой!

Кельоглан снова ответил:

О, к чему, джигит, твой стон?
Знай: ты будешь исцелен!
Я видал твою Зухру —
От нее тебе поклон!

Услышав привет от несчастной Зухры, Тахир лишился чувств. Когда он пришел в себя, караван уже давно ушел.

Очнувшись, Тахир подумал: «Расспрошу-ка я обо всем кунцов!» — и выглянул в окно.

Но на том месте, где был караван, гулял ветер. Тахир горько заплакал. От его слез земля стала влажной. Юноша, воздев руки к небу, стал молиться:

— О всевышний! Я — несчастный сирота. Нет у меня никого. Сжался надо мной! Освободи меня из этой темницы, в которой я томлюсь уже семь лет. Ведь ты освободил пророка Юсуфа, которого семь лет держали в темнице, и сделал его потом султаном Египта². Святого пророка Юнуса ты на сорок дней заключил в чрево кита, а потом даровал ему свободу³. О всевышний! Ради них сжался над моими безысходными муками!

Тахир молился всю ночь напролет, не поднимая головы. И всевышний, должно быть, внял его мольбам: когда стемнело, дверь темницы открылась, и вошел старик, один из тюремщиков. Он услышал молитву Тахира и сжалился над ним.

Старик приветствовал Тахира. Юноша поднялся и почтительно поздоровался с ним, хотя и не знал, кто это.

Старик снял оковы с Тахира и сказал:

— Сын мой, не печалься. Я освобождаю тебя из этой темницы. Пусть Аллах соединит тебя с теми, кого ты любишь! Садись вон на того коня.

Тахир поблагодарил старика и поцеловал ему руку. Сев на коня, он отправился в путь. Когда наступило утро, юноша не-

много отдохнул, а затем вновь поскакал быстрее птицы. Через несколько дней он вернулся на родину и сразу поехал к дворцу возлюбленной. Но окна дворца были закрыты. Тахир взял саз и зашел:

Спит Зухра, сомкнувши очи.
Что ни миг — мой жар жесточе.
Только ты — мое спасенье,
О, проснись, нет больше мочи!

Я семь лет страдал в неволе,
День и ночь стонал от боли.
Бог помог мне в злой доле,
О, проснись, нет больше мочи!

А Зухра в ту ночь вместе со своей кормилицей спала во дворце. Она проснулась вдруг от звуков сазы. «Кто это играет на сазе?» — подумала она, вскочила с постели, открыла решетку окна... и увидела Тахира. Но она не могла узнать его. За семь лет заточения волосы Тахира отросли до пояса, и он потерял человеческий облик. Но немного погодя, присмотревшись, Зухра узнала его и тут же бросила из окна тысячу золотых.

— О дорогой мой Тахир! Возьми эти деньги, приведи себя в порядок, оденься, сходи в баню. У тебя есть кормилица. Остановись в ее доме. Посмотрим, что укажет нам зеркало судьбы. А сейчас, чего доброго, какой-нибудь недруг увидит, что мы опять встретились и беседуем, и донесет отцу.

Зухра закрыла окно. Тахир взял тысячу золотых и пошел разыскивать дом кормилицы. Дверь открыла сама кормилица, но она не узнала Тахира.

— Кто ты и что тебе надо? — спросила она.

Тахир сказал, кто он. Кормилица тотчас впустила его, прижала к груди.

— О мой господин! Что с тобой стало?

Кормилица остригла его, велела снять лохмотья и отвела в баню. Там он как следует вымылся, оделся во все чистое. Накормленный досыта, Тахир немного отдохнул и рассказал кормилице обо всем, что с ним случилось. Бедная женщина сочувствовала его горю.

Прошло несколько дней. И вот однажды Зухра написала записку и попросила свою кормилицу отнести ее Тахиру. Та пошла в дом, где остановился юноша, и передала ему послание. Обрадованный Тахир прочел записку. Зухра писала ему: «Мой Тахир! Возьми саз и приходи сегодня ночью к дворцу. Я жду тебя».

Получив эту радостную весть, юноша сказал кормилице:
— Передай привет Зухре и скажи ей, что сегодня ночью я приду.

Когда стемнело, Тахир взял саз и пошел к дворцу. Он встал под окном своей возлюбленной и запел:

Пусть твоей косою черной
Скручен плетник твой покорный,
Ты мне — и луна и солнце,
Ясен свет гвой животворный!

Всю ночь влюбленные пели друг другу стихи, изливали друг другу душу и плакали. Когда настало утро, они попрощались и расстались.

На другой день, около полудня, к Тахиру, который в это время отдыхал, пришла кормилица Зухры и принесла ему записку. Бедняжка снова звала его прийти к ней под окошко. Тахир очень обрадовался и велел кормилице сказать Зухре, что придет.

И снова влюбленные беседовали до самого рассвета. Когда рассвело, Тахир простился с любимой и вернулся к себе.

Сорок ночей встречались так Тахир и Зухра. А на сороковой день девушка спустила веревку, и по ней Тахир поднялся к своей возлюбленной.

Они обнялись, заплакали и лишились чувств. Кормилица Зухры окропила их лица розовой водой и привела их в чувство. Когда же они пришли в себя, она поставила перед ними на стол богатое угощение. Возлюбленные, истосковавшиеся друг по другу за долгие годы, превосходно провели ночь, которую им удалось украсть у судьбы. Они развлекались до самого утра. На рассвете Тахир по веревке спустился вниз.

Когда он вернулся домой, кормилица спросила его, где он был. Юноша рассказал ей обо всем. Кормилица посоветовала:

— О дорогой Тахир! Так поступать не годится. Врагов у тебя много. Если ты снова пойдешь к дворцу, то не поднимайся в комнаты и до утра не оставайся.

Но что пользы давать советы влюбленному? Тахир стал, как и прежде, ходить во дворец.

Однажды ему приснился страшный сон: его окружили черные собаки и набросились на него. Как он ни старался, по вырваться не мог. В страхе и тревоге проснулся юноша и подумал: «Ведь однажды я уже видел такой сон! Боюсь, как бы нас не увидели наши недруги». И две ночи Тахир не ходил во дворец.

А проклятый раб пронюхал, что возлюбленные продолжают

видеться, и спрятался в саду. В ту ночь, как обычно, Тахир по веревке поднялся во дворец. Рано утром, когда юноша еще не ушел, мерзкий раб прибежал к падишаху и, поцеловав перед ним землю, сказал ему:

— О мой повелитель! Тахир снова в городе. Ночью по веревке он поднялся в комнату к вашей дочери и сейчас еще развлекается там. Меня очень опечалило бесчестье, которое нанес вам этот неблагодарный, вскормленный вашим хлебом. Неужели этот бежавший из темницы злодей не боится вас?

Властитель разгневался и приказал:

— Когда Тахир придет к дворцу, тотчас же схватите его и доставьте ко мне.

А что же Тахир?

На следующую ночь огонь любви вспыхнул в его сердце с такой силой, что он забыл о страшном сне. Он взял сази и собрался идти. Кормилица хотела удержать его, но не сумела, и юноша снова пошел ко дворцу. Зухра ждала его и хотела, чтобы он сразу же поднялся по веревке во дворец. Но тут Тахир вспомнил советы кормилицы и не стал подниматься наверх. Как девушка ни уговаривала его, ничто не помогло. Они стали беседовать через окно. Несчастный юноша и не подозревал, что его ждет.

Зухра, убедившись в том, что ей не уговорить Тахира подняться во дворец, пропела:

В каждой розе скрыто жало,
Шип язвит больней кинжала.
Сердце бедного Тахира,
Видно, не ко мне лежало!

Тахир ответил:

Лодка в море уплыла,
Мука сердца тяжела.
Я о том теперь грущу,
Что разлука подошла!

Девушка заплакала. Заплакал и Тахир.

В это время люди падишаха выскочили из засады и окружили юношу. Зухра лишилась чувств. А Тахир выхватил меч и стал защищаться. Кому отрубил голову, кому руку... Так он перебил половину слуг падишаха. Оставшиеся в живых предстали перед падишахом и стали его умолять:

— Смилуйся, наш повелитель! Пошли подмогу!

Падишах послал пятьсот человек.

Тахир справился и с ними. Одни были ранены, другие обратились в бегство.

Узнав о бегстве своих воинов, падишах очень разгневался и приказал послать против Тахира тысячу воинов во главе с одним из своих военачальников. Воины бросились на Тахира. Но юноша, воодушевляемый любовью, почувствовал такой прилив сил, что без колебаний устремился в бой против целого войска. Он бился весь день и всю ночь и сразил восемьсот воинов. Потом он подошел к дворцу, чтобы немного передохнуть.

А Зухра, вместо того чтобы похвалить Тахира за его доблесть, предложила:

— Если ты меня любишь, сдайся отцу!

Тахир опустил голову:

— Хорошо! Я готов пожертвовать собой ради тебя. Правду говорят: «женщины непостоянны»!

И когда Тахир вложил меч в ножны, воины, убедившись, что он отказался от боя, схватили его и привели к падишаху.

— Негодяй! Ты не смог удержаться от тайных встреч с моей дочерью. А я ведь собирался выдать ее замуж за тебя!

Затем правитель собрал знатных вельмож и объявил, что отдаст Тахира палачу.

— О наш повелитель! — сказали они на это. — Может быть, наступит день, когда Тахир нам понадобится. Не убивайте такого храбреца! Заточите его в темницу до поры до времени.

Молчавший до сих пор везир понял, что падишах не расположен внимать этим словам и что его сына казнят. Везир бросился к ногам падишаха и стал умолять:

— Ваше величество! Уже больше тридцати лет я непорочно служу вам. Молю вас, пощадите сына!

После некоторого раздумья повелитель сказал:

— О мой верный везир! Слов нет, я тобой доволен. Но сын твой оскорбил мою честь и убил много моих воинов. Он нарушил мой приказ. Вина его велика. И только ради тебя я его не казню. А накажу его так: велю связать по рукам и ногам, бросить на плот и пустить по реке Шат. Пусть течение несет его куда принесет. Если ему суждено остаться в живых, пусть живет.

Везир не стал возражать. В тот же день Тахира связали по рукам и ногам, посадили на плот и пустили его по реке Шат. Плот с несчастным юношей понесло неведомо куда.

Узнав о наказании, которому подвергся ее возлюбленный, Зухра чуть с ума не сошла. Она стала плакать и стенать. Но, поняв, что этим делу не поможешь, стала думать, как бы ей спасти Тахира. Припомнив, по каким местам течет река, она

вдруг просияла, словно сделала какое-то радостное открытие: на берегу реки Шат, в трех днях пути, был прекрасный дворец одного властителя. Зухра хорошо знала его дочерей. Тотчас она написала им письмо, обо всем сообщила в нем и добавила: «Спасите Тахира. Оставьте его у себя и дайте мне весть».

Письмо девушка передала через воспитательницу одному верному человеку. Вручая ему кошелек с золотом, она повела:

— Отдай это письмо дочерям властителя. Скачи туда кратчайшим путем, чтобы успеть к завтрашнему дню. Принесешь добрую весть, дам тебе еще кошелек с золотом.

Гонец Зухры поскакал кратчайшей дорогой. Трехдневный путь он преодолел за полтора дня. Подъехав к дворцу властителя, он встретил там какую-то женщину и сказал ей, что должен передать письмо дочерям властителя.

Женщина ответила:

— Я служанка в их дворце. Сейчас им доложу.

Она пошла к дочерям властителя и сообщила им о прибытии гонца. Девушки велели позвать его. Служанка проводила к ним посланца Зухры. Он достал письмо и подал старшей из девушек. Та прочла письмо и сказала:

— Передай привет Зухре. Пусть не беспокоится! Мы выполним ее желание.

Посланец обрадовался и отправился в обратный путь.

А дочери властителя с нетерпением стали ждать на берегу плот с Тахиром. Они прождали весь день и всю ночь. Наконец вдали показался плот. Но различить, что за человек на нем, было невозможно, и старшая сестра предложила:

— Споем-ка песню! Если и в самом деле на плоту Тахир, он ответит нам. А если ответа не будет, значит, это не он.

И младшая запела:

Сестрицы, что там вдалеке?
Бежим-ка поскорей к реке.
Спешим на помощь — там Тахир,
Он гибнет в муках и тоске!

Услышав песню девушки, Тахир тотчас ответил:

Моя любимая — луна,
Весь мир — палящее светило.
Моя душа огнем полна:
Ее любовь к Зухре спалила!

Девушки вытащили плот на берег, сняли Тахира с плота и отвели его во дворец. Там уже было готово изысканное уго-

щение. Старшая из девушек, подавая кубок Тахиру, выразила свое восхищение им в стихах:

Тахир, в своей красе прелестной
Ты уж не ангел ли небесный?
Весь облик твой — чело и тело —
Сверкает красотой чудесной!

Эти стихи понравились юноше. Он наполнил кубок, поднес девушке и ответил ей так:

Тахир в любви к Зухре своей
Попал в силки ее мудрей.
Но ты ошиблась: облик мой —
Ничто перед красой твоей!

На следующий день старшая из девушек послала с гонцом письмо Зухре, в котором сообщила, что Тахир спасен и гостит у нее. Гонец доставил послание воспитательнице Зухры. Девушка возблагодарила Аллаха за спасение Тахира. Она щедро наградила гонца и свою воспитательницу. Затем взяла саз и запела:

Увы, кровавых слез поток
Послал мне в наказанье рок.
О сердце бедное, терпи:
Терпенье — радостей залог!

А Тахир в это время развлекался с веселыми девушками, которым очень нравились беседы с ним. В их сердцах постепенно загоралась любовь к нему.

Тахир же думал только о Зухре. Но он не хотел обижать девушек, потому что они сделали ему много добра.

Однажды, когда все три сестры веселились вместе с Тахиrom, старшая взяла саз и пропела, намекая ему о своей любви:

О Тахир мой чернобровый,
Мучусь мукой я суровой!
Что в своей Зухре нашел ты?
Подружись с подругой новой!

Тахир отвечал:

Вечной страсти дав обет,
Я увял во цвете лет.
Лучше, чем моя Зухра,
На земле красавиц нет!

Тогда средняя сестра пропела:

Посмотри: я черноброва,
Краше роз цвету пунцово.
У твоей Зухры ни взора,
Ни румянца нет такого!

Тахир ответил ей:

Ты красива, спору нет,
Хороша, как вешний цвет.
Я ж пленен моей Зухрой,
Мне она — весь белый свет!

Когда очередь дошла до младшей, она спела вот что:

Краше розы я румяна,
Тоньше ты не сыщешь стана.
От моей красоты цветущей
Заживет любая рана!

Тахир ответил им всем:

Вы прекрасней всех красою,
Только я от вас не скрою:
Верен я Зухре навеки,
Лишь она любима мною!

Сердца девушек пылали страстью к Тахиру, а он не замечал этого: все его помыслы были только о Зухре. Из ревности девушки однажды поссорились между собой.

Старшая сказала своим сестрам:

— Я старше вас. Тахир — мой!

Средняя сестра возразила:

— Я раньше всех увидела Тахира на реке. Он — мой!

Младшая сказала:

— Я буду принадлежать Тахиру. Если же он меня не полюбит, я обезглавлю его, когда он будет спать.

— Если он меня не полюбит, — сказала старшая, — я свяжу его по рукам и ногам и брошу в реку.

Когда несчастный юноша услышал этот разговор, он опечалился и подумал: «Девушки ссорятся из-за меня. Не случилось бы беды! Надо убираться отсюда подобру-поздорову».

На другой день, перед рассветом, Тахир вышел в сад. Он перебрался через стену и не оглядываясь зашагал прочь. Боясь погони, юноша шел без отдыха весь день и всю ночь. И только на следующее утро остановился у какого-то источника. У него больше не было сил продолжать путь. Он напился воды, совершил омовение, помолился и попросил Аллаха помочь ему достигнуть желаемого. Невыспавшийся и усталый, прилег он на лужайке и тут же уснул.

Часа через два Тахир проснулся от цокота копыт. «Уж не погоня ли это, посланная властителем?» — подумал беглец.

Он увидел пожилого человека, державшего на поводу прекрасного коня. Тахир обрадовался и подошел к незнакомцу:

— Ты местный житель?

— Нет. Но я хочу поселиться здесь.

— В таком случае у тебя уже нет надобности в коне. А я хочу вернуться на родину. Мой путь далек. Мне нужен конь. Не продашь ли мне коня?

Пожилой человек улыбнулся:

— Деньги мне ни к чему. Я люблю делать добро. Раз ты собрался на родину, пусть конь будет твоим.

Поблагодарил доброго человека Тахир, поцеловал ему руки, сел на коня и пустился в путь.

Долгим и утомительным было для юноши это путешествие. Наконец он добрался до родного города. Никуда не заходя, путник явился в дом своей кормилицы. С радостью встретила она Тахира, впустила в дом, накормила. Молодой человек с жадностью набросился на еду: ведь много дней он питался только плодами деревьев, попадавших ему в пути.

Вдруг раздались звуки барабанов.

— Что значит этот барабанный бой? Чья-нибудь свадьба? — спросил Тахир.

Тяжело вздохнув, кормилица отвечала ему:

— Дочь падишаха Зухру выдают замуж за шахзаде. Через неделю будет свадьба. Скоро невесту отправят к жениху.

Услышав эту весть, Тахир упал без чувств.

Кормилица обрызгала его лицо розовой водой и привела в чувство.

Несчастный Тахир в отчаянии бил себя камнями в грудь. Потом стал просить кормилицу:

— Дай мне женскую одежду, я пойду на свадьбу Зухры.

— Послушай, сынок, — отговаривала его кормилица, — отрекись ты от своей любви к Зухре: не будет тебе добра от нее. Если тебя там узнают, то лишат жизни. Я найду тебе девушку куда лучше Зухры.

Но напрасны были все ее уговоры. Пришлось кормилице принести женскую одежду.

Всю ночь Тахир не сомкнул глаз. А с восходом солнца он облачился в женскую одежду, закрыл лицо покрывалом и направился во дворец падишаха. Смешавшись с толпой женщин, которые спешили на свадьбу, он проник внутрь дворца.

Оглядевшись, Тахир увидел, что Зухра, ради которой он перенес столько страданий и готов был пожертвовать своей

жизнью, сидела на высоком троне в роскошных, усыпанных драгоценностями одеждах. А перед нею плясали цыганки.

При виде всего этого дворец показался Тахиру темницей. Он еле сдержался, чтобы не закричать, и едва не выдал себя. Слезы хлынули из его глаз. И тут Тахир заметил, что Зухра не смотрит на танцовщиц и горько плачет. Из ее чудесных очей катились, словно жемчужины, слезы.

В своем свадебном наряде Зухра стала еще прекрасней. И любовь Тахира вспыхнула с новой силой. Юноша взял саз у одной из девушек и печально запел:

Веселой свадьбы звуки —
Предвестье злой разлуки.
Страшнее адской муки
Мне этот день разлуки!

Девушки окружили Тахира и стали петь поочередно. Но Тахир пел лучше всех, и тогда девушки поспешили к Зухре и поведали ей о его искусстве. Зухра очень любила слушать стихи. Она подозвала победителя. Переодетый девушкой Тахир предстал перед нею, взял саз и запел:

О мое хмельное сердце,
Ты — всему виною, сердце:
Мы с тобой желали счастья,
Ты ж страдаешь, ноя, сердце!

Зухра ответила:

Красны розы я возрастила,
Да минуло все, что было,
Но из сердца не изгонишь
То, что сердцу было мило!

Тахир:

Пусть цветы красивы в поле,—
Сердце полно прежней боли
Ты поймешь ли муки сердца —
Боль его печальной доли?

Зухра:

Милый мой, любимый мною,
Краше жемчуга красую
Чтоб добыть его, сдружилась
Я с пучиною морскою

Тахир:

Закипев, вода взбурлится,
Через край стремясь пролиться.
Не сойтись горе с горю,
Боль двоих соединится!

Зухра:

Где котел кипит, играя,
Там вода дойдет до края.
Боль двоих соединится,—
Милый мой, тебе верна я!

Зухра внимательно присмотрелась и поняла, что перед нею Тахир.

Все собравшиеся были восхищены Тахиром. Зухра незаметно подала ему знак, и он пересел на другое место. А Зухра стала уговаривать свою кормилицу оставить Тахира ночевать во дворце. Та сначала заупрямилась, но, когда Зухра дала ей кошелек с золотом, согласилась.

Кормилица укрыла Тахира в одной из комнат. Когда стемнело, Зухра пришла к нему. Увидев возлюбленную, Тахир рванулся ей навстречу и прижал к своей груди. Он погладил ее по волосам и запечатлел пламенный поцелуй на губах девушки, красных, как огонь.

Потом Зухра вышла и некоторое время занималась гостями.

Под каким-то предлогом оставив гостей, она снова пришла к Тахиру и поведала ему о своей свадьбе:

— Мой милый Тахир! Я уже не принадлежу себе. Отец решил выдать меня замуж за сына какого-то шаха, которого я даже не знаю. Но мое сердце принадлежит тебе. Я верна клятве, которую дала тебе. Пусть меня изрежут на куски, я не буду принадлежать никому другому! Я твердо решила: как только меня приведут к жениху, я тотчас же дам яду этому шахзаде, а затем и сама приму смерть. Но, слава Аллаху, ты пришел. Теперь надо сделать так. Завтра утром меня поведут в баню⁴. Со мной будут лишь моя воспитательница, твоя кормилица и еще несколько женщин. Ты пойдешь вместе с ними. По пути в баню мы с тобой обманем их, убежим и будем жить в другой стране.

Этот замысел пришелся Тахиру по душе. На другой день были приготовлены семь быстроходных верблюдов. Тахир, Зухра и сопровождавшие ее женщины сели на верблюдов и отправились в баню. Но случилось так, что их увидел тот отвратительный раб. Он не узнал Тахира, скрытого под женской одеждой. Но, заподозрив что-то неладное, раб сказал, подглядывая за ними:

Добрый конь — с блестящей кожей,
И в повадках он хорош.
Молодец, с Тахиром схожий,
С нежной девушкой не схож!

Услышав это, Тахир тотчас оглянулся. «Интересно, кто это сказал? — подумал он. — Надо бы ответить...»

Но Зухра сделала ему знак молчать.

Когда Тахир, Зухра и сопровождавшие ее женщины подъехали к бане, юноша открыл дверь и хотел войти, но Зухра сказала ему:

— Ты не должен входить туда. Этот раб только что видел нас, узнал тебя и, без сомнения, обо всем донесет отцу. Подумаешь сам, что тогда будет!

И Зухра добавила:

— Мать не родит тебя второй раз. Отсеченная голова ни у кого заново не вырастет. Зачем зря идти навстречу опасности? Не дай бог, чтобы с тобой случилась беда! Тогда и мне не жить!

Но Тахир не внял ее словам:

— Этот раб знает, на что я способен. Он побойтса.

И с этими словами юноша вошел в баню. Напрасно Зухра упрашивала его уйти. Тахир зашел в одно из помещений во дворе бани, а Зухра и сопровождавшие ее женщины направились в мыльню и стали мыться.

Оставшись один, Тахир тоже вымылся и принялся размышлять, как бы ему бежать с Зухрой.

А раб, увидев, как переодетый Тахир отправился в баню вместе с Зухрой, поспешил к падишаху и донес:

— О повелитель! Тахир снова здесь. Он пошел вместе с Зухрой.

Падишах страшно разгневался и тотчас повелел, чтобы пять тысяч воинов окружили баню и схватили Тахира.

Увидев воинов, юноша встревожился. Зухра в страхе поспешила к Тахиру.

Тахир выскочил из бани и ринулся на воинов падишаха. Вырвал у одного меч, у другого щит и с такой яростью бросился в бой, что в течение часа уложил восемьсот человек. Оставшиеся в живых пришли в ужас.

Падишаху доложили о происходящем, и он отправил на бой с Тахиром еще пять тысяч воинов. Но и они не могли схватить его.

Военачальники, убедившись, что в открытом бою Тахир непобедим, отобрали десять лучших воинов, снабдили их арканами и приказали связать Тахира.

Пока не знавший устали юноша вел бой, эти воины скрытно подобрались к нему сзади и набросили на него арканы. Только так им удалось победить Тахира. Связанного по рукам и ногам,

его доставили к падишаху. При виде Тахира падишах сжал кулаки и закричал:

— Предатель! Ты смеешь нарушать наш покой!

И он повелел палачу отрубить юноше голову.

Приближенным падишаха не понравилось такое жестокое решение. Они стали упрашивать своего повелителя:

— Не губи юношу. Пусть он враг, но его доблесть заслуживает уважения. Ведь он выстоял против десятитысячного войска.

Падишах подумал и изрек:

— Если он сочинит два стиха, в которых ничего не скажет ни обо мне, ни о моей дочери, я помилую его. В противном случае он лишится головы.

Придворные согласились.

О воле падишаха сообщили Тахиру. Он взял саз и запел:

Соловей над розой стонет,
Я жестокой страстью донят:
Как безумного Меджнуна,
Страсть Тахира в горы гонит!

Когда Тахир уже кончал петь, неожиданно появилась Зухра. Она не знала о решении отца и, ничего не подозревая, сама послужила причиной казни Тахира. Юноша увидел возлюбленную и забыл об условии падишаха:

Душу мне любовь сожгла,
Страстью я спален дотла.
Пред собой луну я вижу —
Как Зухра, она светла!

Повелитель, услышав эти слова, позвал палача и обратился к окружающим:

— Вы все свидетели! Тахир не выполнил условия: в стихах он назвал имя моей дочери. Теперь он должен погибнуть.

Придворным нечего было возразить. А Тахир, склонив голову, последовал за палачом и сказал:

Палачи ножи вострят —
Нет пощады для ягнят.
Черноокая Зухра,
Почему твой весел взгляд?

Занесет топор палач,
Кровь красна, топор горяч.
Пусть рыдают все вокруг —
Обо мне, Зухра, не плачь!

Затем окинул взором приближенных падишаха и не увидел среди них своего отца.

— Где мой отец? — спросил он палача.

— Он заболел из-за тебя и умер.

От этой печальной вести Тахир лишился чувств. Очнувшись, он стал умолять падишаха:

— Не убивай меня, повелитель! Мой отец умер. В нашей семье нет больше мужчин. Одно ваше слово — и вы даруете мне новую жизнь.

Но падишах не внял его мольбам. Он крикнул палачу:

— Что стоишь? Отсеки ему голову!

Палач уже занес было меч, но Тахир снова взмолился:

— Дайте мне еще пять минут, чтобы помолиться всевышнему.

Падишах согласился.

Люди рассказывают, что Тахир еще не завершил молитвы, как сердце его вдруг остановилось, и он простился с жизнью.

А Зухра еще до казни Тахира в страхе перед отцом удалилась на женскую половину дворца. От нее скрыли, что Тахира обрekli на смерть.

Но печальные вести, как их ни скрывают, все равно становятся известными. И Зухра узнала, что Тахир испустил дух перед самой казнью. Окаменело сердце девушки, и, обливаясь кровавыми слезами, она побежала к отцу.

— Отец, — сказала она, — ты погубил не только безвинного юношу, но и меня.

Падишах схватил дочь, почти лишившуюся от горя рассудка, за руку и потащил ее на женскую половину дворца. Зухра рвала на себе волосы, ноги не держали ее.

Одна из служанок, невежественная и суеверная женщина, посоветовала падишаху:

— Повелитель, если вы хотите, чтобы ваша дочь снова стала здоровой, нужно отрезать маленький кусочек от тела Тахира и дать ей съесть. Зухра сразу забудет его и выздоровеет.

Падишах поверил ей. Он приказал приготовить кушанье из мяса Тахира и послал Зухре. Но няня Зухры узнала об этом и сообщила девушке. Зухра разгневалась:

Эх, злодей-душегубы,
Вам вражда и злоба любы.
Что вам мясо на базаре —
Вам бы плоть Тахира в зубы!

Затем она прибежала к отцу и, глядя ему в лицо, сказала:

Что ты делаешь, отец?
Там, где ты,— добру конец.
Покидаю я тебя,
Пусть погибнет твой дворец!

После этого девушка направилась в дворцовый сад к лежавшему в пыли телу возлюбленного и воскликнула:

— О мой Тахир! Ты погиб из-за любви ко мне. Пусть Аллах покарает того, кто оклеветал тебя и разлучил нас. Теперь мне незачем жить...

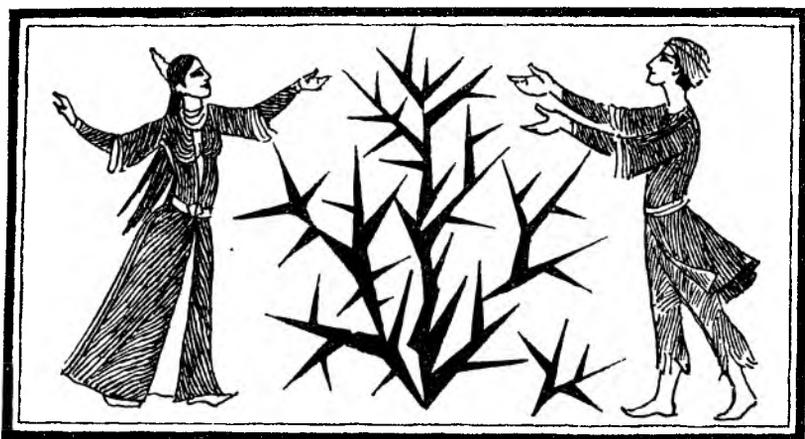
Зухра еще не кончила говорить, как вдруг почувствовала, что ей трудно дышать, что слова застревают в горле. От горя и печали сердце девушки остановилось. Бездыханной упала она рядом с телом возлюбленного.

Двое влюбленных, при жизни страдавших от разлуки, теперь лежали рядом мертвые.

А тот самый раб, узнав о смерти Зухры, прибежал к безжизненному телу девушки, лежавшему на земле, и заколол себя кинжалом. Обливаясь кровью, он упал рядом с возлюбленными. Оказывается, вероломный раб был тайно влюблен в Зухру.

На другой день падишах раскаялся в содеянном. Он повелел всех троих похоронить на том месте, где их настигла смерть, и соорудить там надгробия.

Все, кто приходил поклониться могилам влюбленных, с удивлением рассказывали, что на могилах Тахира и Зухры выросли розы, а посредине поднялся чертополох. Когда от дуновения ветра розы стремились приблизиться друг к другу, казалось, что чертополох мешает им соединиться.

Лейла и Мефжун

В давние времена в степях равнины Кюфе, простирающихся между Багдадом и Басрой, обитало большое кочевое племя, называемое амири. Народ этого племени был отважным и трудолюбивым, и о богатстве его знали все другие племена. Вождь этого племени по имени Мюлеввих ибн Ферахим был таким справедливым, милосердным, щедрым и великодушным, что мог служить примером для вождей других племен. Казалось, что этот человек должен быть доволен жизнью, но на самом деле не знал он ни спокойствия, ни радости: не было у него детей. Считая, что это не по его вине, Мюлеввих ибн Ферахим несколько раз женился и разводился, но судьба не посылала ему детей. Днем и ночью молился он Аллаху, воздевая руки к небу, пять раз в день совершал намаз. Все напрасно.

Но однажды молитва его была услышана. Ему сообщили радостную весть: жена его ожидает ребенка.

Мюлеввих встретил это известие с большой радостью. Упав на колени, он возблагодарил бога.

Родился мальчик. Его назвали Кайс. До пяти лет его лелеяли кормилицы и няньки, а когда он подрос, отдали в школу.

Среди всех своих товарищей Кайс выделялся умом, и учитель отзывался о нем с похвалой.

Однажды в школу пришла новая ученица. Эта была Лейла — дочь Мехди бин Саида, вождя одного из племен.

У Кайса еще не было товарищей в школе. Новая ученица ему очень понравилась. Они стали товарищами. И вскоре между ними завязалась настоящая дружба. Теперь они вместе готовили уроки, вместе ели, вместе резвились между уроками.

В младенчестве и малое — не мало,
А беды недолги: пришла — пропала.

Наконец дети вступили в пору юности. Кайсу исполнилось пятнадцать, Лейле — четырнадцать. Беззаботность, столь характерная для детства, естественно, исчезла. Изменилось и их отношение друг к другу. Они не могли бы выразить словами восторга, который дарило им новое чувство. Но окружающие заметили большую любовь, вспыхнувшую в их сердцах. Мельница сплетен исправно работала среди племен, и в короткое время распространился слух о любви между Кайсом и Лейлой. Повсюду стали о них судачить. Мало-помалу это известие дошло и до ушей матери девушки. Женщина, для которой вопросы чести были на первом плане, очень рассердилась. В тот же вечер она отозвала в сторону вернувшуюся из школы дочь.

— В нашем племени ходят сплетни о тебе, — сказала мать, — наверное, и ты их уже слышала. Дочь моя, о чем ты только думаешь, если так легко подвергаешь опасности честь всего нашего племени? Я даже верить всему этому не хочу. Но молва о тебе уже так распространилась, что мне захотелось услышать все из твоих уст. Ведь для наших врагов это предлог посмеяться над нами, а уста наших друзей немы от печали: их и нож не раскроет. Скажи же мне теперь, есть ли повод для этих сплетен.

Лейла опустила глаза и ничего не ответила. Мать покачала головой.

— Молчишь... — прошептала она, — молчанье — знак согласия. Значит, то, о чем говорят, правда... Не так ли?

—...

— В таком случае, — продолжала мать, — надо принять срочные меры, пока огонь не охватил крышу дома. С завтрашнего дня — никакой школы, конец! И из дома не будешь выходить. Даже к соседям одна не пойдешь. Станешь заниматься домашней работой. Понятно?

Лейла слушала мать, потупившись. При словах «никакой школы» она совсем потеряла голову. Значит, теперь она не увидит Кайса. Это было для нее хуже смерти.

Первое, что пришло девушке на ум, — это рассказать все

матери, упасть к ее ногам и умолять, чтобы ее выдали замуж за Кайса. Но для скромной и застенчивой девочки такой поступок был невозможен. Оставалось отрицать все, и Лейла так и сделала.

— Помилуй, матушка,— сказала она,— я ни в чем не виновата. Я послушна вам. В школе я занималась уроками, а приходя сюда, делала домашнюю работу. Но раз вы не хотите, чтобы я ходила в школу, хорошо, больше не пойду.

Эти слова, произнесенные Лейлой с такой покорностью, произвели на мать положительное действие. Она подумала, что все сплетни — просто клевета, но, несмотря на это, запретила Лейле посещать школу.

Меджнун (племя дало ему это прозвище¹, так как он обладал восторженной душой поэта) ждал Лейлу несколько дней. Когда же он узнал, что она больше не будет ходить в школу, он словно обезумел.

Сжигаемый тоской по Лейле, он отправился бродить по горам и лугам, издавая при этом горестные вопли и стоны. Оставив школу, он блуждал поблизости от дома Лейлы с надеждой хоть на миг увидеть ее.

Шербетом страсти был он охмелен,
Отчаяньем разлуки истомлен.
Хмельной, увы, и сам во власти бед,
И от молвы ему пощады нет!

Некоторые, видя Кайса в таком состоянии, жалели юношу, другие осуждали: «Какой смысл так изводить себя из-за любви к девушке!»

Но отец Лейлы надежно охранял дочь, его слуги бдительно следили, чтобы Меджнун не подходил близко к дому.

Сердце Лейлы, слышавшей издали стоны Меджнуна, трепетало, но из страха перед отцом и матерью она не могла ничего предпринять.

У Меджнуна было три близких друга. Они постоянно сопровождали его и утешали юношу разговорами о Лейле.

Племя Лейлы обитало у подножия горы Неджид. Меджнун со своими товарищами каждый день бродил вокруг этой горы, стенал и, проливая горячие слезы, пел:

Ветер утра — души улада, вестью радостною повея!
Соловей, ты зелени сада Расскажи о розе своей!

Утренний ветерок, доносившийся оттуда, он считал вестником от любимой, и ему казалось, что она близко.

Иногда Меджнун воспламенялся и горел огнем разлуки:

Небосвод изогнулся луком, ранил душу стрелой разлуки,
Нет исхода смертельным мукам, смерть приму я от злой разлуки!

Сыном бед в этот мир вступил я, мраком полночи вскормлен был я,
Не родившись, уже вкусил я ядовитый настой разлуки.

Завтра жар в душе не смирю я — все тебе расскажу, горюя,
Если нынче не догорю я из-за долгой с тобой разлуки!

Два богатства лихой юдоли — мука сердца и мука боли,
Как сказать о моей доле, поделиться бедой разлуки?

До рассвета рыдал всю ночь я, в муках грудь истерзал я в клочья,
В горы брел, как безумный, прочь я, истомленный тоской разлуки!

Однажды утром несколько голубей слетели с горы и пронесли над Меджнуном.

Юноша тотчас прочел такой бейт:

О голуби, лететь бы с вами мне
К моей любимой в синей вышине!

Из глаз его снова полились слезы.

— Ах голуби! Если бы и у меня, как у вас, были крылья!
Я смог бы тогда полететь к шатру моей красавицы, смог бы
еще раз увидеть ее лицо, подобное розе! — промолвил он и долго-долго плакал.

В другой раз, когда он опять бродил вокруг становища племени Лейлы, ветер распахнул занавес шатра, в котором она находилась. На миг Меджнун увидел лицо Лейлы и тут же лишился чувств.

Придя в себя, Меджнун запел:

От твоей красы цветущей отдалил меня соперник,
Стал тебе он сенью кущей, твой покой храня, соперник!

Солнце от него таятся — злобных глаз его стыдится,
Гряну громом — разлетится искрами огня соперник!

А когда я, мукой маясь, у твоих дверей скитаюсь,
Злится раб твой, огрызаясь, от дверей гоня, соперник!

Хоть и камень — его тело, а вздохну я — все сторело:
На тебе б не уцелела даже и броня, соперник!

Клеветою нас порочит, разлучить навеки хочет,
Меч коварства злобно точит день и ото дня соперник!

В страшном отчаянии бился он о землю и рыдал.

Товарищи Меджнуна воскликнули:

— О горе! Сейчас придет отец Лейлы со своими людьми и переломает всем нам кости!

Они подхватили несчастного Меджнуна под руки и, волоча его, побежали.

Отец Меджнуна, видя, что его сын не возвращается домой, решил искать его. А Меджнун уже бродил по пустыне, проводя время в чтении стихов:

Стон и вздох мой ты к Лейле бы понес, ветерок,
Чтобы им поутру быть в плену черных кос, ветерок!

Рассказал бы Лейле, что душа ее здесь и верна
Неостывшей любви и мечте прежних грез, ветерок.

С незапамятных дней был ты дружен с ее красотой,
Я готов и на смерть, чтоб ты душу унес, ветерок!

Ты остался б навек обвевать дуновеньем Лейлу,
Лишь коснулся б кудрей благовонных волос, ветерок!

А вернешься сюда — прах с порога Лейлы привнеси,
Чтоб угасший мой взор мне лечить бы от слез, ветерок!

Несчастный отец услышал эти стихи. Сердце его разрывалось на части. Он собрал почтенных людей своего племени и сказал:

— Поищем вместе какое-нибудь средство, чтобы помочь сыну моему, а не то он погибнет!

Все долго раздумывали и вот что решили:

— Хотя наше племя более знатное, чем племя девушки, мы пошлем туда сватов и предложим отцу девушки выкуп, какой только он пожелает.

Несколько человек во главе с отцом Меджнуна отправились к отцу Лейлы. Увидевшие их сообщили ему:

— Из племени амири сюда идут старейшины.

Отец Лейлы тотчас созвал и своих старейшин и вместе с ними вышел навстречу посланцам. Они встретили их на дороге, и все вместе вернулись в шатры. Отец Лейлы приказал зарезать ягнят и устроил пиршество. После угощения, когда пили шербет, отец Меджнуна рассказал о цели их посещения:

— Мы пришли к вам с намерением получить ваше согласие на брак моего сына Кайса и вашей дочери Лейлы и тем еще больше укрепить дружбу между нами.

А окружающие его добавили:

— Это очень хороший случай. Два племени всегда устоят против любого врага, и никто нас не победит.

Отец Лейлы отвечал:

— Хорошо вы говорите. Ваше желание понятно. Однако я не собираюсь отдавать свою дочь ни вашему сыну, ни кому-либо другому. Лейла еще мала. Придет время, и я пошлю вам известие. Тогда и устроим свадьбу.

Но такой ответ не удовлетворил отца Меджнуна:

— Не выдвигайте как предлог молодость девушки. Раз уж мы пришли, давайте устроим свадьбу теперь же. Мы готовы дать выкуп, какой вы пожелаете.

Видя такую настойчивость, отец девушки сказал:

— Если уж вы хотите знать правду, то вот она: да, я не отдам Лейлу такому человеку, как Кайс. Кайс болен, вернее сказать, безумен... То он приходит сюда и бродит вокруг, распевая стихи, то поет один в горах. Отдать дочь за такого человека — это значит опозориться среди всех арабских племен. Я вам говорю: вылечите Кайса, и тогда я отдам за него дочь.

Это был ответ, который в одно мгновение разрушил все надежды.

Отец Меджнуна со своими людьми удалился. Он приказал привести Меджнуна к себе и предложил ему взять в жены какую-нибудь другую девушку, еще более прекрасную, чем Лейла. Но ничего этим не достиг — безумство юноши только возросло. Меджнун совсем потерял рассудок. Днем и ночью он стонал, п из глаз его вместо слез текла кровь. Он уже не ел, не пил, только думал о Лейле, жалуясь в стихах на разлуку с ней.

Наконец старейшины сказали его отцу:

— Господин, а что, если мы отвезем его к священной Каабе и там помолимся? Молитвы будут услышаны, и он поправится.

Несчастный отец с благодарностью принял это предложение и отдал приказ готовиться в путь. Когда пришел срок, Меджнуна посадили в паланкин, и все отправились в Хиджаз. Совершив там все, что положено², отец привел Меджнуна в священный храм, и там они преклонили колена.

— Повторяй за мной, сын! — сказал отец Меджнуну. — О боже, изыми из моей головы эту любовь, эту безумную страсть и верни мне прежнее мое благополучие.

Но Меджнун, услышав эти слова, вцепился в кольцо цепи Каабы.

— О Аллах! — воскликнул он. — Меня хотят разлучить с моей любимой. На тебя уповаю я, чтобы не поддаться злу. О бо-

же! — молил, плача, Меджнун. — Дай силы любви моей! Пусть растет она день ото дня и умрет лишь с моей смертью!

Отец, увидев это, понял, что все бесполезно, и, вернувшись с ним домой, предоставил Меджнуна самому себе.

Меджнун покинул дом и ушел в пустыню. И опять он бродил вокруг стана племени Лейлы, слагая песни:

Где ж та пора? В душе жила надежда,
Была и в тяжкий миг светла надежда!

За что же я отторгнут от любимой?
А прежде — что ни день — была надежда!

О, разве не осилить яд измены?
Не усладит ли горечь зла надежда?

Свил аист надо мной гнездо разлуки
Не для того ль, чтоб сень дала надежда?

О, если бы, воздвигнув в сердце зданье,
Вовеки рухнуть не могла надежда!

На родичей напрасно уповал я,
Но я молюсь — во мне смела надежда!

Некоторые подстрекатели из племени Лейлы превратили эти песни в повод для сплетен и стали разжигать злобу в сердце отца девушки. И отец пригрозил, что при встрече с Меджнуном или с кем-нибудь из его племени он избьет их до смерти.

Узнав об этом, отец Меджнуна пришел в большое волнение. Он отправил своих людей в пустыню, поручив им найти сына. Те не смогли найти Меджнуна и, решив, что он убит, очень опечалились. Но какой-то путник, проезжая через пустыню, услышал песню и увидел бродившего Меджнуна. На его расспросы Меджнун даже не ответил. И тот человек оставил его. Проезжая мимо становища племени Кайса, он увидел, что все в трауре. Когда он спросил о причине траура, ему рассказали обо всем.

— А я встретил в пустыне как раз такого человека, какого вы описали мне! — воскликнул путник.

Его тотчас отвели к отцу Кайса и расспросили, где нужно искать Меджнуна. Отец Меджнуна, заливаясь слезами, вскочил на коня и отправился в указанное этим человеком место.

Отец нашел Меджнуна сидящим на камне, он посыпал голую песком³.

— Сын мой! — произнес отец. — Да что же это такое? И что это за любовь?! Что за невыносимые страдания! Перестань же,

пойдем. Мы посватаем за тебя самую красивую в племени девушку. Откажись от этой любви!

Меджнун выслушал отца и ответил:

— О мой благодетель, отец мой! В последнее время я не мог помогать вам. Простите меня! Любовь — беда моя, она привела меня в пустыню. Потому я и не могу быть подмогою вам. Предоставьте меня моей судьбе. Наступит день — это пройдет, и тогда я снова буду служить вам.

Отец, немного успокоившись, сказал:

— Хорошо, дитя мое, но как же я, твой отец, оставлю тебя у подножия гор в таком состоянии? И что отвечу я твоей матери, страдающей от горя?

— Ты прав, дорогой отец! — отвечал Меджнун. — Но, не смотря на все твои усилия и на все твое красноречие, я не пожертвую даже и одним завитком волос Лейлы. Оставь меня, как я просил, и, может быть, всевышний оценит силу моей любви и примет мои молитвы!

При этих словах отец снова стал плакать и стонать. Некоторое время отец и сын плакали вместе. Наконец в Меджнуне возобладало сыновнее чувство, и, поддавшись уговорам отца, он вернулся домой.

Но любовь, сжигавшая сердце юноши, любовь, охватившая все его существо, только на три дня была в силах удержать его в доме родителей, где уже воцарилась было радость. Через три дня Меджнун прислушался к голосу своего сердца.

С горьким стоном он ушел из племени вслед за призраком Лейлы и опять отправился в пустыню.

Между тем и Лейла все эти месяцы хранила в сердце любовь к Меджнуну. Но что она была в состоянии сделать? Не могла же она уйти на поиски возлюбленного! Когда она вспоминала, что он в горьком одиночестве бродит по пустыне, слезы лились из ее глаз и ей казалось, что ветер доносит до нее стонания Меджнуна. Написав ответ на стихи Меджнуна, Лейла бросила их на дорогу:

Творец, молю: услышь, боль сердца успокой!

Убей, но не казни: о, где желанный мой?

И ты, Якуб, внемли, дай высохнуть очам!

О, где Юсуф? Мой взор не застилай слезой! ⁴

Так прошла зима.

Весной Лейла вместе с другими взрослыми девушками отправилась в сад, где цвели розы, и, повинувшись этикету, приняла участие в развлечениях с игрой на сазе и пением. А про себя

она твердила: «Все это веселье для меня словно заноза в глазу. Где-то сейчас мой несчастный возлюбленный Меджнун, по каким горам и долам бродит, тоскуя по мне?!»

Девушки, заметив, что Лейла печальна, обступили ее.

— Принцесса! Ведь эти игры и песни, все это веселье — для вас. Вы же не обращаете на них внимания и выглядите грустной. Нас это огорчает.

— Я сегодня немного нездорова, — с печальной улыбкой ответила Лейла и удалилась в уединенный уголок сада. «Ах, где-то сейчас Меджнун?» — подумала она и заплакала.

А в это время мимо сада проходил один араб и, взглянув на Лейлу, вдруг пропел стихи, которые прежде пел Меджнун. Несчастливая девушка зарыдала и запела в ответ:

С тех пор как горе и печаль настигли нас, мой друг,
В душе не стало больше сил и дух угас, мой друг.

Похитил сердце ты мое своею красотой,
Ради тебя и смерть приму я хоть сейчас, мой друг!

Взгляни: с тобой разлучена, сгорало я в огне,
Пришел бы, пощадил меня, от муки спас, мой друг!

О, пожалей, уж нету сил, и смерть моя близка,
С участием вспомни о Лейле хотя бы раз, мой друг!

Страдалец, суждено ль мне быть достойной твоих мук —
Дано ли пасть мне за тебя в мой смертный час, мой друг?

Одна из девушек сидела недалеко под деревом и услышала это, а вечером рассказала обо всем ее матери.

— Смотри, девушка, — стала просить мать, — никому об этом не говори, а то пойдет молва и нам не избежать позора.

Затем мать позвала Лейлу, усадила ее перед собой и долго читала ей наставления. Но что проку от наставлений для пламенного сердца?!

У бея племени бени-асед, которое находилось в той же округе, был сын по имени Ибн Селям — молодой, отважный и очень богатый. И вот этот богатырь увидел однажды Лейлу. Она ему понравилась. И он решил жениться на ней. А случилось это так.

Однажды Ибн Селям с друзьями отправился на охоту, и они проезжали мимо шатра Лейлы. А девушка в тот день собралась во всей своей красе отправиться в Гюлистан. Ибн Селям, увидев Лейлу, всем сердцем влюбился в нее и стал всех расспрашивать, чья это дочь.

Вернувшись после охоты домой, он уединился и стал думать о Лейле. На расспросы о причине его уединения он все рассказывал как есть.

— Дорогой,— сказали его друзья,— пошлем людей к ее отцу, посватаем ее, дадим такой выкуп, какой он попросит.

Ибн Селям согласился. На следующий день двадцать человек из его друзей и товарищей с ценными подарками, тяжелыми тканями и драгоценными камнями отправились договариваться. Когда они пришли, отец девушки со своими людьми вышел им навстречу и оказал гостям почет и уважение. Был устроен великолепный пир.

Когда уже выпили и шербет, гости объяснили цель своего прихода:

— Наш бей Ибн Селям по велению Аллаха и совету пророка желает жениться на вашей дочери Лейле. Нашего бея вы знаете. Он самый богатый вождь в этом краю.

Отец Лейлы с удовольствием встретил эти слова.

— Извольте,— сказал он,— я Ибн Селяму не только дочь отдам, но даже душу и все свое имущество. Так и скажите ему по возвращении. Только Лейла вот уже несколько дней немного нездорова. Пока вы все подготовите, мы ее вылечим. Как только дадим вам весть, сразу же и приезжайте. Заключение брака, отдадим девушку вам.

Ибн Селям очень обрадовался и начал готовиться к свадьбе.

Лейла же, узнав обо всем, совсем потеряла голову.

Меджнун тем временем все еще бродил по пустыне, распевая грустные песни.

А в том краю жил еще один очень воинственный и богатый бей, по имени Невфель. Однажды он со своей свитой отправился в пустыню на охоту и там услышал голос Меджнуна. Когда он увидел и самого певца, то проникся жалостью к нему. А Меджнун в тот миг пел:

Страдальду дар любви — стон муки ежечасной:
Предела бед и мук не ведает несчастный!

Сопернику грозит не горький стон страдальца —
Все солнце бытия потушит рок всевластный!

И пусть соперник-враг не точит саблю мести:
Паду от милых глаз я жертвою безгласной!

По времени, мой враг, моей не жаждай крови —
Пьют не мою ли кровь уста моей прекрасной?

И если это так, к чему твои угрозы?
Мне хватят и пинков моей судьбы злосчастной!

Невфель с горечью наблюдал за этим юношей, бледным, печасаным и оборванным. Он спросил у окружающих, кто этот юноша и почему он впал в такое состояние. Ему рассказали, что юноша полюбил девушку по имени Лейла и это стало причиной его безумия.

Невфель погладил Меджнуна по спине.

— Не отчаивайся, друг мой,— сказал он,— идем, я отведу тебя в мой дворец. Я попрошу отдать за тебя эту девушку или же заберу ее силой.

Он привез Меджнуна во дворец, и тот, поблагодарив бея за его доброту, пропел:

Больное сердце не лечи, напрасно сил не трать,
Не тщишь мой сокрушенный дух усадой утешать!

Я знаю: лестью усыпив, измучишь под конец,
Что в этом мире верность есть — доказывать не ладь!

Сынам Адама, говорят, добро не по плечу:
Захочешь мучить — вволю мучь, не вздумай боль смягчать!

О боже, если я в любви отрады не обрел,
С больного сердца не снимай моих мучений кладь!

Рыданьем тайну, как Меджнун, вовек не выдавай,
Молю: ту розу, что люблю, не норови сорвать!

— О Меджнун,— воскликнул Невфель, услышав это,— я не буду спокоен, пока не исполню твоего желания.

Он отослал Меджнуна в баню. Там его вымыли, постригли, надели на него красивое платье. Каждый день Невфель ходил с юношей в цветник и слушал его песни.

Грустно по земле скитаться, вдаль идя от дома к дому,
Как и я, томясь любовью и тая в душе истому.

Солнце, миру лик являя, дарит жар сиянья странам,
Светит солнце всем пределам — каждый миг уже иному!

Прежде верная подруга обо мне, скорбя, грустила,
А теперь она враждебна, словно бы совсем к чужому!

В сердце — горе и рыданье, от веселья отрешен я.
«В чем мой грех? За что мне кара?» — я взываю к всеблагому.

Но повсюду взору сердца виден лик моей любимой,
Даль над душами невластна — души видят по-другому!

Невфель, слушая эти песни, все понял и опять обещал помочь Меджнуну.

Наконец он собрал своих воинов и во главе их направился прямо к племени Лейлы. А вперед он отправил посла, который заявил от его имени:

— Вы отдадите Кайсу в жены свою дочь Лейлу, а я дам выкуп деньгами и товарами, какой вы пожелаете. Если же вы не согласитесь, я буду воевать с вами. И горе будет вам тогда!

Однако ответ, который последовал на это, был отрицательным.

— Мы не отдадим девушку за сумасшедшего. Если хотите воевать, мы готовы. Вот поле боя!

Невфеля очень рассердил этот ответ. Он приказал воинам идти в наступление. Два войска сошлись, и началась кровавая битва.

Во время боя Меджнун сидел на холме в тылу войска Невфеля.

— О боже! — молил он, воздев руки к небу. — Помогите войску моей Лейлы, пусть будут побеждены воины Невфеля.

И молитва Меджнуна была услышана.

Невфель, видя, что поражение неминуемо, попросил мира. Противная сторона согласилась, и Невфель с войском вернулся в свои земли.

Невфеля очень огорчило это поражение. Он не мог стерпеть обиды. Военачальники успокаивали его, но безуспешно.

Наконец и Меджнун пришел к Невфелю.

— Во имя Аллаха, — попросил он, — не удерживай меня. Я опять буду бродить по пустыне, находя отраду в стихах. О, как я верил твоим обещаниям! Я думал, что уздечка верблюда моей Лейлы уже у меня в руках. Теперь вижу, что я обманулся.

Жалобы безумца привели Невфеля в волнение. Он разгневался и тотчас разослал по всем селениям, всем своим беям повеление, приказав собрать большое войско. И снова он напал на племя Лейлы. Закипела великая битва.

Меджнун, как и в прошлый раз, был позади войска Невфеля. Он стал бросать камни в его воинов и взывать к богу:

— О боже, я прибегаю к твоему величию и могуществу. Я умоляю тебя: не допусти, чтобы воины моей Лейлы были побеждены, — пусть потерпит поражение Невфель!

Один из воинов услышал это и стал упрекать Меджнуна:

— Ну что ты за человек! — крикнул он. — Ведь эти воины

из-за тебя воюют, а ты в них же кидаешь камни и проклинаешь их!

Меджнун отвечал:

— А зачем вы убиваете воинов моей возлюбленной? Я души не чаю в ней. Что за жестокие вы люди!

На этот раз битва окончилась победой Невфеля. Племя Лейлы было сокрушено.

Отец Лейлы вышел вперед вместе с другими старейшинами и попросил у Невфеля пощады.

— Вы — сильные люди, — сказал он, — но до сих пор никому еще не делали зла. А теперь приказываете отдать дочь мою Лейлу за Кайса! Будьте же справедливы! Разве девушек отдают за таких безумцев? А честь нашего племени? Воля ваша. Но подумайте о нашем положении и будьте милосердны.

Эти слова заставили Невфеля задуматься. Затем он ответил:

— Нельзя сказать, чтобы вы были не правы. Насильно выдать девушку за Меджнуна — значит и ей и вам причинить зло. Лучше всего было бы предоставить влюбленных самим себе.

Оба племени так и порешили. Меджнун, услышав об этом, бросился к Невфелю:

— О горе! — воскликнул он. — Говорят, что первая доблесть джигита — выполнение данного слова. А вы уже дважды меня обманули. Подобаает ли это вам?

Пристыдив бая, Меджнун опять ушел в пустыню.

Надо сказать, что во время второй битвы и Лейла молила бога, чтобы он послал поражение войску ее отца. Она так мечтала увидеть Меджнуна! Но, узнав, что Невфель отказался от своего намерения, она совсем пала духом, слегла в постель и много дней была больна.

А Меджнун снова бродил по горам, и его печальные газели сокрушали сердца всех, кто его слышал. Однажды в пустыне он увидел какого-то охотника с тремя живыми ланями, у которых были связаны ноги. Чтобы легче было нести добычу, охотник решил зарезать их.

Подоспевший Меджнун увидел, что из глаз ланей каплют слезы. Он спросил охотника:

— Ты что собираешься делать с этими животными?

— Я зарежу их...

— Как! Ты погубишь эти прекрасные создания?

Когда Меджнун произносил эти слова, перед его мысленным взором появился образ Лейлы. Разве она, плачущая, как и

эти лани, связанная по рукам и ногам, тоскующая по любимому в доме отца, не похожа на них?

Слезы навернулись на глаза Меджнуна, и он продолжал:

— Прошу тебя, охотник! Отпусти животных!

— Как же мне их отпустить? Я зарабатываю себе пропитание охотой. Зарезав их, я двух продам и получу деньги, а третью отнесу домой, чтобы накормить детей.

— Да взгляни, какие у них прекрасные глаза!

— Ты, видно, добрый человек. Ну ладно, ради тебя я отпущу их, но что будут есть мои дети?

Меджнун задумался.

— Ты прав,— сказал он наконец,— ты не должен оставлять их голодными. И вот что я тебе предложу. Видишь на мне это богатое платье, расшитое золотом?

— Да...

— Продай его, и ты получишь денег больше, чем за ланей.

— Хорошо. Снимай платье...

Меджнун с радостью разделся и отдал свое платье охотнику. Тот отпустил ланей, и они умчались. Глядя им вслед, Меджнун вспомнил Лейлу и пропел:

Без моей шахини властной и убог и одинок я,
Без луны моей прекрасной и убог и одинок я!

Как она со мной жестока! Мне в разлуке одиноко,
Вдаль она ушла далеко — и убог и одинок я!

Как разлукой изможден я! Возношу стенаний стон я,
Горем согнут, истомлен я — и убог и одинок я!

О жестокая, помилуй, о, услышь мой стон унылый,
От тебя отторгнут силой — и убог и одинок я!

Потом он быстро отправился в путь. Было жарко, и Меджнуну захотелось пить. Он увидел дерево и под ним родник, в котором, как хрусталь, сверкала вода. Он напился. Тут на дереве каркнула ворона. Меджнун взглянул на нее:

— О птица-ворон, ты черна, как волосы моей любимой! Может быть, это оттого, что ты, как и я, несчастный, разлучена со своим возлюбленным?

В это время вдаль показались два человека. Старший из них был свободен, а на шее у младшего болталась цепь. Меджнун удивился и, когда они подошли, спросил:

— Чем провинился этот несчастный, что его заковали в цепи?

Старик объяснил:

— Я остался без работы, а он по слабости здоровья не может работать. Я заковал его в цепи, и вот мы ходим по деревням. Я говорю, что это мой раб. Все жалеют его и дают нам денег. Потом мы эти деньги делим. Так и живем.

Услышал это Меджнун, и глаза его заблестели от слез. Он стал умолять старика:

— Старик, отпусти этого юношу, а цепи надень вместо него на меня и пойдем. Ты станешь говорить: «Этот раб еще при рождении был пленен одним сердцем». Нам будут давать много денег, но мне их не надо, и все будет твоим.

Старик сразу же согласился и надел цепь на Меджнуна. Они пустились в путь, бродили-бродили и добрались наконец до племени Лейлы.

Лейла узнала Меджнуна по голосу и вышла к нему. Меджнун, увидев свою любимую, совсем потерял голову.

— О душа моей души, источник силы моего! — воскликнул он. — Взгляни, как неволит меня любовь моя! Закованный в цепи, я пришел к твоему порогу. И для меня счастье пасть жертвой у твоих ног.

Тут он заплакал и, отчаянно рванувшись, порвал свои цепи. Он устремился было к горам, но старик, который был рядом с ним, воскликнул:

— Эй, побойся Аллаха! Я еще и денег не выплатил за цепи, а ты порвал их и убегаешь в горы. Я же до самой смерти буду должником.

И старик заплакал, а Лейла, из глаз которой тоже катились слезы, попросила:

— Не обижайся на него, старик. Он ведь безумен от любви. Видно, он не мог сдержаться.

И она дала старику деньги за цепи.

Молва о красоте Лейлы шла теперь уже во всех арабских племенах. Сыновья многих беев хотели взять ее в жены. Прислышав об этом, Ибн Селям тотчас же снарядил старейшин и отправил их к племени Лейлы с богатыми подарками.

Подарки были приняты, в честь гостей устроили пиршество. После трапезы послы сказали:

— У нас ведь был уговор, что вы отдадите Лейлу за Ибн Селяма. Мы приехали, чтобы заключить брак. Давайте сейчас же и сделаем это доброе дело!

Согласие было дано. Тотчас пришел ходжа и заключил брачный договор.

— О горе! — зарыдала Лейла, услышав об этом. — Самое большое зло в мире причинил мне мой же отец — он разлучил меня с моим верным и любимым Медждуном и отдает меня в жены чужому!

Она облеклась было в траур, но, несмотря на это, свадьба была совершена. Три дня и три ночи Лейла, оцепенев от горя, сидела среди гостей, разукрашенная драгоценностями. К ней подходили с благопожеланиями:

— Да сойдет на тебя благословение, да будет тебе счастье!

А Лейла думала про себя: «Пусть охрипнет ваш голос, пусть сведет ваш рот!»

Наконец брачный караван привез ее к становищу племени Ибн Селяма. Счастливый жених осыпал ее драгоценными камнями.

Когда в ту ночь Ибн Селям вошел в комнату для новобрачных, он увидел Лейлу. Пораженный ее необыкновенной, ослепительной красотой, он упал без чувств. Его лицо окропили розовой водой, и он очнулся.

Но как только Ибн Селям захотел приблизиться к своей невесте, девушка воспротивилась этому. Ибн Селям рассердился и стал упрекать ее:

— Что я тебе сделал? Почему ты так пренебрегаешь мною? В чем моя вина?

— А в том, — отвечала невеста, — что ты женишься на мне без моего согласия. И теперь ты одержим страстью добиться своего. Но я ни за что не стану твоей. Будешь неволить меня — я отравлюсь или убью себя.

Ибн Селям, решив переждать, пока гнев девушки пройдет, удалился.

Проходили дни. Лейла не скрывала своей любви к Меджду-ну, каждый день плакала и стенала.

А между тем друзья и родные стали подстрекать Ибн Селяма:

— Дорогой, твоя жена даже не скрывает своей любви к какому-то бродяге. Разве это не позор для твоей чести и достоинства всего рода? Брось ее, отправь к отцу. Недаром ведь говорят:

Корить влюбленного нельзя: объят он страстью, не сможешь,
Горька людской любви стезя: увы, несчастью не сможешь!

Но Ибн Селям, до безумия влюбленный в Лейлу, отвечал на эти слова лишь печальной улыбкой.

Однажды какой-то человек из племени Ибн Селяма, проезжая по пустыне, услышал страстный голос Меджнуна. Араб тотчас бросился в ту сторону и увидел Меджнуна.

— Странный ты человек, — сказал он, — ты томишься от любви, а твоя возлюбленная, из-за которой ты гибнешь, просто недостойна этого: в ответ на твою преданность она вышла замуж за Ибн Селяма. Теперь она его жена. День и ночь они развлекаются, а ты ходишь тут как неприкаемый.

Услышав эти слова, Меджнун совершенно обезумел, упал на землю, стал кататься в пыли. Араб сжалился над ним и, чтобы успокоить Меджнуна, сказал:

— Я солгал. Я просто проверял тебя. Вставай же — ничего этого не было.

Но эти слова не произвели никакого впечатления на Меджнуна. Безумец продолжал издавать вопли и стоны.

Отец Меджнуна очень горевал.

— Это несчастье, посланное мне под конец моей жизни, — говорил он, — так тяжело. А умру я — и меня все будут проклипать. Надо найти сына, попытаться увещать его.

Как он задумал, так и поступил: отправился в пустыню. Когда старик увидел Меджнуна, лежащего на земле и безутешно рыдающего, у него сжалось сердце и он стал ласкать сына.

Несчастный Меджнун, испугавшись, что эти ласки помешают его мечтам о Лейле, рассердился.

— Кто меня трогает? — воскликнул он и раскрыл глаза.

— Сын мой Кайс! — умолял отец. — Это я, твой отец... Дитя мое, что же это с тобой? Встань, пойдем отсюда домой. Я отдам тебе все. Пусть не погаснет очаг нашей семьи, который горел столько лет. Я приблизился уже к концу своей жизни. Все мое богатство будет твоим. Вставай, пойдем!

— Отец, — отвечал Меджнун, — мой благодетель, умоляю тебя, оставь меня! Подари мне лишь отцовское благословение, и мне этого будет довольно.

Отец, видя, что все его слова напрасны, сказал наконец:

— Дитя мое, когда ты услышишь о моей смерти, приходи обязательно на похороны и брось на мою могилу горсть земли. Вот тебе мое благословение, и да будет оно тебе во благо!

Тогда Меджнун зашел:

Чаровница! Льва осилить сабля острая нужна.

Не рыдай слезами скорби, мукой грудь и так полна!

О, краса твоя — разбойник: налетит набегом лютым,
Сад любви отравит ядом — вся страна разорена!

Береги красу от взоров — опусти завесой кудри:
Пусть сияющее солнце призакроет пелена!

На челе твоём прекрасном сонмы родинок бесчисленных,—
Шах индусов вывел войско братъ Иран⁵: идет война!

Нет, влюбленного Меджнуна опьянил не кубок Джама:
Хмель от уст твоих — рубинов — опьянит сильней вина!

Мне не горе и не мука за тебя расстаться с жизнью,
Да паду твоей я жертвой, если смерть мне суждена!

Вскоре отец Меджнуна умер.

Однажды, когда Меджнун бродил в горах, он встретил охотника.

— Эй, бродяга! — крикнул охотник. — Твой отец скончался. В твоём доме печаль и рыдания. А ты здесь, точно бездомный, бродишь, читая стихи. Как жаль твоего отца, он имел такого непутевого сына!

Услышав это, Меджнун как безумный побежал к своему кочевью. А отец его уже давно был похоронен. Меджнун нашел могилу отца и долго-долго плакал там. Потом снова ушел в горы.

Однажды какой-то охотник привез ему письмо от Лейлы. В письме Лейла подробно рассказывала обо всем, что с ней произошло, и под конец писала: «О властелин моей жизни! Я не забывала тебя ни на минуту. Ты всегда в моём сердце. Но что делать, раз судьба уготовила нам такую печальную участь! Будем же уповать на всевышнего! Знай, что я всегда жду тебя. Если захочет Аллах, мы встретимся».

Меджнун прочел письмо, прижал его к лицу и глазам. Затем написал ответ. В нём он так восторженно восхвалял красоту Лейлы, что и описать нельзя.

У матери Меджнуна был брат по имени Селим-Амир. Он всегда принимал участие в судьбе Меджнуна, приносил ему пищу, посылал одежду. Как-то раз он снова разыскал Меджнуна, дал ему поест. Они сели, стали беседовать. На Меджнуне в это время уже почти не было одежды. Амир, увидев это, ушел, принес узелок с новой одеждой, положил его перед Меджнуном. Но юноша отбросил принесенное.

Селим-Амир сказал ему:

— Что я ни приношу тебе, ты ничего не берешь и ничего не ешь. Чем же ты жив тогда?

— Я питаюсь ветерком, который доносится ко мне от Лейлы, — ответил Меджнун, — тем и живу. Мне этого хватает...

И Селим-Амир подумал тогда: «В мире нет и, верно, не будет добродетели выше, чем самоотверженность!»

Повелитель Дамаска устроил в своем великолепном дворце празднество и пригласил на пир друзей и самых известных государственных мужей. На празднике присутствовали также и высшие военные чины, воинскими подвигами стяжавшие славу.

После богатого угощения начались увеселения — певцы и музыканты выходили к гостям и показывали свое искусство. Танцовщицы, напоминавшие бесподобных пери восточных сказок, прикрыв разноцветным тюлем обнаженные тела, извивались в ритме музыки, услаждая присутствующих.

Вдруг повелитель подозвал молодую и прекрасную рабыню, недавно привезенную в его гарем.

— О красавица, свет моих очей,— сказал он,— прочти-ка нам газель, а мы послушаем.

Рабыня, голос которой был благозвучен и прекрасен, как и она сама, прочла:

Ты врагам моим внимаешь — свылся с клеветой ты,
Чашу страсти пьешь с другой ты — слился с ней душою ты!
Свой обет забыв, простился с верностью былою ты.
О мучитель мой, да где же обещания твои?

Поутру в садах цветущих любишь ты с другой гулять,
На пиру ль, в укромных кущах с ней вкушаешь благодать,
Разве людям подобает так обеты нарушать?
О мучитель мой, да где же обещания твои?

Ты теперь другую любишь,— о, как жалок мой удел!
Прежде преданный, вступил ты на стезю недобрых дел —
Прежнюю любовь забыл ты, и ко мне ты охладел.
О мучитель мой, да где же обещания твои?

Сломленное горем сердце да не будет смятено,
Да не пьют уста-рубины кровь влюбленных, как вино,
Верному любви вовеки да не будет мук дано!
О мучитель мой, да где же обещания твои?

Гости выразили свое восхищение стихами и спросили рабыню, прочитавшую газель:

— Кто же сложил эти прекрасные стихи?

Рабыня ответила, обращаясь к повелителю:

— Султан мой, эти стихи сочинил Меджнун для своей Лейлы.

Тогда повелитель пожелал узнать, кто такой Меджнун, и, услышав о его жизни, приказал найти юношу и привести к нему.

Когда это было исполнено и его привели, Меджнун пропел повелителю:

Мукам страсти, врачеватель, не отыщешь в мире зелья,
Нелегко гранить алмазы и точить из них изделья!

Сетовать на муки тягот не пристало тем, кто любит:
Страсть влюбленного не знает беззаботного веселья!

Людный город и пустыня — их различье всем известно,
Незнаком с пустыней страсти тот, кто чужд любви похмелья!

Единение с любимой рвет тенета уз телесных:
Недостойн единенья тот, чей дух в телесной келье!

Стихи очень понравились повелителю, и он пожаловал Кайсу ценные подарки и добрыми пожеланиями напутствовал его. Но своего обещания соединить Кайса с Лейлой повелитель не выполнил. Он забыл свои слова и не сдержал данного слова. И Меджнун снова, как прежде, стеною и плача, вернулся в пустыню.

Однажды, вдыхая аромат утреннего ветерка, он пропел:

Легкий ветер, ты примчался, быстрый и неукротимый,
Ты принес мне, верно, вести о страданиях любимой!

Не успел он закончить стихи, как показался светлолицый старец на чалом коне. Меджнун в волнении подбежал к нему и спросил, откуда он прибыл.

Старец поведал, что видел Лейлу, которая в слезах говорила ему: «Меня выдали за Ибн Селяма насильно, а я люблю только Кайса и буду принадлежать только ему!»

Услыхав это, Меджнун стал умолять старца:

— О почтенный старец! Поезжай к Лейле и скажи ей, что ее Меджнун верен своей любви и никого не полюбит, кроме Лейлы. Скажи, что он в печали шлет ей привет.

Старик удивленно взглянул на Меджнуна.

— Значит, ты и есть возлюбленный той девушки? — спросил он. — О, бедное мое дитя! И стихи, которые распевает весь Арабистан, твои? Не горюй, я исполню твое желание, дитя мое!

И чтобы выполнить обещание, старик отправился к племени Лейлы. Увидев Лейлу, он передал ей привет от Меджнуна.

— Меджнун все еще в пустыне, — добавил он, — бродит с дикими зверями и жив только любовью к тебе. Ты хорошо сделаешь, если напишешь ему письмо.

Лейла вошла в шатер, написала стихи и послала их со старцем.

Свой круговорот, о небо, мне назло свершало ты:
Я найти мечтала розу — плешь мне ее жала ты!

Никому не помогало ты желанного достичь,
И меня неволить мукой, видно, пожелало ты!

В чем моя вина, не знаю: я счастливей всех была,
А теперь мне унижений принесло немало ты!

Мне твой умысел понятен: радость жизни мне даря,
Стену мук, что рок судил мне, прочно укрепляло ты!

И жестокою десницей сняв с моей души покров,
Всем открыло мою муку, скрытую сначала, ты!

Не судило ты мне срока жребий верности познать:
Счастье верности обету у меня забрало ты!

Прочтя эти стихи, Меджнун сто раз их поцеловал.

Истосковавшись по сыну, мать умоляла своего младшего сына Селима отвезти ее туда, где был Меджнун. Добрый брат отвез мать к Меджнуну. Мать и сын долго плакали. Но, несмотря на все просьбы и мольбы матери, Меджнун не вернулся домой. Мать не вынесла этого и вскоре умерла. Меджнун, узнав об этом, так печалился и плакал, что из глаз его лились кровавые слезы.

А тем временем Лейла угасала с каждым днем от любви к Меджнуну. Муж ее Ибн Селям, видя это, не выпускал ее из шатра и содержал словно в заключении. От сердечной тоски и душевной боли Лейла страдала и худела.

Однажды муж ее отправился на охоту, а Лейлу оставил одну. Ночь была лунная, и Лейла в эту светлую ночь отошла довольно далеко от шатра. Устав, она присела отдохнуть. Устремив взор к небесам, Лейла спрашивала у звезд, где сейчас бродит в пустыне Меджнун. Ее рыдания могли бы вызвать сострадание даже у самых жестокосердных.

Вдруг перед ней появился какой-то путник.

— Доброго тебе пути! — приветствовал он ее. — Куда это ты идешь в полночный час?

Лейла сначала испугалась, но, услышав в голосе старика участие, рассказала ему о Меджнуне и спросила, не видел ли он его. Старик ответил, что знает Меджнуна, и тогда Лейла вынула из сережек жемчужины и, отдавая их, сказала:

— О почтенный старец! При случае скажи Меджнуну, что я жду его на холме Рияд.

Старик сделал все, как обещал, и отдал жемчужины Меджнуну.

Направляясь на заветный холм, Меджнун от радости стал петь:

Нет различий у хмельного с тем, кто чашу страсти пьет,
Мотыльку подобно, гибнет испытавший страсти гнет!

Если ты душой горящей жертвой пасть за друга рад,
Значит, ты — из тех влюбленных, в чьей душе любовь живет!

В чем, о свет очей, не знаю, пред тобой виновен я,
До рассвета я стенаю страстным ладом соловья.

Сонм соперников ты нежишь, к ним участия не тая,
Красоту твою увидеть подойдет ли мой черед?

Сердцем и душой влюблен я — в мире нет любви верней,
Слову истины внемли же, приходи, печаль развей,

Сердце страстно, ежечасно жаждет милости твоей,
Нежности твоей достоин лишь Меджнун — дитя невзгод!

Меджнун пел таким громким и звонким голосом, что Лейла издали услышала его, узнала и заплакала от радости.

А немного погодя двое молодых людей встретились и от души благодарили старца, который им помог.

Старец, пожелав им счастья, ушел, и даже луна на время скрылась за завесой облаков — влюбленные остались наедине.

Лейла и Меджнун не могли найти слов, чтобы выразить свою радость. Они рассказали друг другу, что с ними произошло: как Лейла вышла замуж за Ибн Селяма, как Меджнун побывал в Дамаске и видел там повелителя. Лейла особенно радовалась этому рассказу, она стала надеяться, что повелитель силою заберет ее у отца и отдаст Кайсу.

Под утро влюбленные расстались. Когда Лейла возвратилась в шатер, муж ее еще не вернулся с охоты.

Через некоторое время Ибн Селям отправился воевать с другими племенами. В одной страшной битве он был ранен. Рана была тяжелой, и вскоре он скончался. Люди его племени совершили погребальные обряды, собрались женщины, плакали, рвали на себе волосы. И только Лейла плакала в этот миг по Меджнуну.

По древнему арабскому обычаю, вдова должна была два

года жить взаперти в своем доме и ни с кем не общаться. Волей-неволей Лейла была вынуждена подчиниться этому обычаю. Но отныне она была свободна! А два года пройдут же когда-нибудь!

Один человек из племени Кайса, по имени Зейид, помчался сообщить Меджнуну о смерти Ибн Селяма. Узнав об этом, Меджнун зарыдал и стал биться о землю: он понял, что целых два года не увидит лица Лейлы, и горе его было беспредельно. Он вспомнил также, что Ибн Селям почитал его возлюбленную. И хотя покойный был его соперником, Меджнун очень жалел его и прочел молитву за упокой его души.

Зейид пожалел Меджнуна и обещал тайно приносить ему известия о Лейле.

Затем Зейид пробрался к шатру Лейлы и сказал, что Меджнун хочет видеть ее.

И они стали вместе думать, как бы им встретиться. Лейла думала всю ночь и наконец утром, когда Зейид приблизился к ее шатру, сказала:

— Завтра я в поминовение души Ибн Селяма буду раздавать беднякам пищу. Скажи Меджнуну, чтобы он в одежде бедняка пришел повидать меня. Иди сейчас же, пусть он готовится.

Зейид тотчас сел на коня и принес Меджнуну радостную весть. Меджнун надел старое платье.

— Завтра,— сказал Зейид,— ты в этом рубище пойдешь к шатру Лейлы и смешаешься с толпою нищих.

Выслушав наставления, Меджнун обрадовался как ребенок и до утра бродил в нетерпении по пустыне. А Зейид вернулся к своему племени.

На следующий день перед шатром Лейлы собралась толпа нищих и бедняков. Лейла занималась приготовлением пищи, а сама все поглядывала, нет ли где-нибудь Меджнуна.

Вскоре подошел человек в рваной одежде. Глаза его светились радостью. Лейла присмотрелась к подошедшему и узнала Меджнуна.

Когда она раздавала пищу и очередь дошла до Меджнуна, Лейла налила ему в миску супа, и глаза ее встретились с его глазами. На миг они замерли, опьяненные. Потом, чтобы не привлекать внимания, Лейла отвела глаза и протянула черпак к миске следующего.

Меджнун ел суп из миски и думал: «Вкусна пища из рук любимой!»

И пока Лейла не ушла в шатер, Меджнун все смотрел и смотрел на нее.

А вечером, довольный и счастливый, он снова вернулся в пустыню. Он видел свою любимую, и не было конца его счастью!

Прошло два года. Траур подходил к концу, и Лейла готовилась в путь, собираясь возвратиться в дом отца. Меджнун, снедаемый нетерпением, отправился туда, чтобы хоть на миг увидеть Лейлу. При виде каравана он запел:

Тот не любит, кто любимой похвалы воздать не смог,
Жалок, кто для страстных взоров в сердце неги не сберег!

Кто сердец не привлекает, тем любимыми не быть!
В красоте, не пробуждавшей страсть влюбленных, что за прок?

От не ведающих страсти лик возлюбленной сокрыт:
Непонятливый невежа от высот любви далек.

Тот не знает единенья, кто во власти суеты:
Путать радость встреч с разлукой для влюбленного — порок!

Лишь влюбленный злато жизни за любимую отдаст,
Те не любят, кто влюбленных на страдания обрек!

Пусть коварное лукавство чуждых истине страшит,
Мужу истины невятна суета мирских тревог!

Лейла услышала эти стихи и, выглянув из паланкина, украдкой послала привет Меджнуну. Несчастному показалось, что вся вселенная стала принадлежать ему.

Печально глядел он вслед удалявшемуся каравану.

Лейла приехала к матери и осталась у нее, а Меджнун снова вернулся в пустыню.

Однажды вечером, взойдя на высокий холм, он стал умолять Аллаха соединить его с возлюбленной, пока не угас огонь его жизни. В ту ночь он не уснул до утра.

Под утро он увидел приближающегося верхом на коне Зейида, и его сердце застучало от радости. Любимая послала ему весть, она ждала его! Надо было, не теряя времени, тотчас же ехать.

Зейид посадил Меджнуна позади себя на круп коня, и они быстро помчались. Звери, полюбившие Меджнуна, бежали рядом с ними.

Когда Меджнун увидел Лейлу, он издал протяжный стон, от счастья потерял сознание и упал на землю. Зейид с трудом привел его в чувство.

Влюбленные молча смотрели друг на друга. Наконец Лейла нарушила молчание.

— О возлюбленный моей души и моего сердца,— сказала она,— ты готов был пожертвовать собой, лишь бы на миг увидеть меня,— что же сейчас сразило тебя? В пустыне от любви ко мне ты пел, как соловей, а теперь нем и безмолвен. Я — твоя рабыня и жду твоих приказаний.

В ответ на эти слова Меджнун поклонился и поцеловал полу одежды Лейлы.

— О моя верная возлюбленная! — воскликнул он. — Да не даст Аллах увянуть твоей красе! Я потерял дар речи перед волшебной силой твоих черных очей. Я все сказал, что мог. Что же еще я должен объяснить стихами?

Только верностью сердечной речь влюбленного жива:
Если выдашь тайну сердца — зря потрачены слова!

— Единственное мое желание и стремление,— продолжал Меджнун,— всегда, как сейчас, созерцать тебя. Хвала Аллаху, я удостоился этого!

И он опять стал читать стихи:

Исторгнув сердцем слабый стон,
Разрушить можно даже трон!

О тайнах сердца скажешь страстно —
И пропадут слова напрасно!

Лишь свечке скажет мотылек
О том, что он в душе берег.

А соловей ведет напев
В своем саду, среди дерев.

Так влюбленные глядели друг на друга целых восемь часов подряд и только потом обнялись и расстались.

Лейла по-прежнему жила затворницей в своем доме. Она не вынесла упреков отца — тосковала, терзалась и наконец заболела. Страсть к Меджнуну, ее неиссякаемая любовь к нему совсем замучили юную затворницу. Она отказывалась от пищи и воды, с утра и до вечера горевала и стенала.

Однажды ночью ее отец, прохаживаясь вокруг шатра, услышал тихие стоны. Он вошел в шатер. Лейла в этот миг повторяла стихи Меджнуна, все существо ее было поглощено мыслями о любимом. Она сразу и не узнала отца и, подумав, что это

Меджнун, подбежала и бросилась ему на шею. Но уже через миг она поняла, что ошиблась.

Рассердился отец и начал стыдить ее за то, что она из-за какого-то бродяги Меджнуна стала позором всего племени. Он требовал, чтобы она отказалась от своей страсти.

Лейла не могла сдержатъ рыданий.

— Отец,— твердила она,— я умру, но от Меджнуна не откажусь. Любовь Кайса покорила все мое существо, без нее я не смогу жить!

Отец еще больше разгневался и стал бранить Меджнуна.

— О отец,— воскликнула Лейла,— вы так ошибаетесь! Меджнун не какой-нибудь легкомысленный или непостоянный возлюбленный. Он проявил истинные чувства, пожертвовал всеми радостями и наслаждениями жизни из-за меня и ушел в пустыню к диким зверям. Чтобы убедиться в истинности любви Кайса, посмотрите на его стихи. Эти стихи наполнены большим чувством — так не писал до сих пор ни один арабский поэт. А ведь это я вдохновила его! И я счастлива этим. Слепая судьба не сделала меня его женой, ну что же... Вы думали, что наша любовь — просто увлечение юности. А я, наверное, умру от этой страсти.

Сказав это, Лейла лишилась чувств.

Отец пожалел, что говорил с ней так резко, и, взволнованный, позвал жену. Оба они старались успокоить и утешить Лейлу.

Открыв глаза, девушка бросилась к матери:

— Матушка! Я чувствую, что ангел смерти уже стоит у моего изголовья. Не надейтесь на мое выздоровление. Мое последнее желание пусть будет и моим завещанием. Положите на мое бездыханное тело венки из роз и гиацинтов, а саван мой смочите кровью. Пусть знают все, что я умерла мученицей любви. Будьте великодушны к моему Меджнуну, оберегайте его, и душа моя будет спокойна.

Эти слова Лейлы были ее последними словами. Глаза ее, так и не насладившиеся земной жизнью, навеки закрылись.

Смерть Лейлы оплакивали все. Многие считали, что виноват в ее смерти отец. Несчастливая была погребена, и все бросили в ее могилу по горсти земли.

Через несколько дней Зейид повстречал племя Лейлы и, узнав о смерти девушки, зарыдал. Он бросился к могиле Лейлы, упал на надгробный камень и долго-долго плакал.

Поздно ночью Зейид ушел в пустыню. Усталый и ослабев-

пий, он с трудом добрался до тех мест, где раньше скитался Меджнун. Но там никого не было. Только слышались в ночной темноте рев и рычание диких зверей. Дул жаркий самум, и казалось, что сама природа облеклась в траур.

Через некоторое время появился Меджнун, который, ни о чем не подозревая, брел, бормоча стихи. Подойдя к пещере, где он обычно ютился, он увидел Зейида, и сердце его забилося.

— Что ты ищешь здесь ночью? — спросил он в большом волнении Зейида. — Какие вести? Зейид, что с тобой? Ты как будто огорчен...

Зейид молча смотрел на Меджнуна, но его усталый и потухший взор был красноречивее слов: казалось, он беззвучно говорит о несчастье.

Наконец, не в силах больше молчать, он воскликнул, рыдая: — Лейлы больше нет!

Меджнун, услышав эту горькую весть, бросился на землю и стал биться, рыдая и призывая Лейлу. Он плакал так до утра.

Когда настало утро и взошло солнце, Меджнун все еще стоял. Зейид старался его успокоить. Наконец Меджнун решил пойти на могилу Лейлы, чтобы проститься. Зейид поддерживал его, и они добрались до кладбища. Меджнун припал к могиле Лейлы и зарыдал. Целыми днями он плакал и бился на могиле, ничего не ел, и жизнь угасала в нем. Наконец силы его иссякли, и жизнь покинула его. Он простился с жизнью у изголовья могилы своей возлюбленной.

Так смерть соединила двух влюбленных, которые не смогли соединиться при жизни.

Ферхад и Ширин

Сказители рассказывают, что некогда в одной из иранских провинций был торговый город — благоустроенный, утопающий в садах и виноградниках. Воздух и вода его были великолепны. Жители этого города, который назывался Эрзен, были богатыми и счастливыми.

Правительницей в этом городе была женщина по имени Мехмене-бану. У ее отца не было сына, и, по обычаям той страны, она унаследовала трон. И было у нее несколько умных и проницательных везиров, которые служили еще при ее отце. Благодаря их мудрому руководству в стране царили мир и спокойствие, народ был сыт, трудился и не помышлял ни о чем ином, кроме развлечений.

У Мехмене-бану была очень красивая сестра по имени Ширин. Не было человека, который, увидев Ширин, не остановился бы в изумлении. Девушке уже исполнилось пятнадцать лет, и слава о ее красоте распространилась не только по всему Ирану, но даже по всему миру.

Ширин, в оправдание своего имени, была прекраснее гурий, очаровательнее пери, красота ее была несравненна. И казалось, что именно о красоте Ширин поэт сложил такие стихи:

В Адамов век явилась ты на свет,
Тебе подобных в целом мире нет!

Звук имени Ширин — всех звуков слаще¹
От сладости, сердца людей маящей.

Мехмене-бану очень любила свою сестру Ширин. Ни на минуту она не желала отпустить ее от себя и не могла прожить и дня, чтобы не видеть ее лица.

Однажды Мехмене-бану задумала построить для Ширин дворец. Собрав самых знаменитых зодчих страны, она сказала им:

— Я хочу построить дворец для Ширин. И пусть это будет такой дворец, подобного которому никто еще не видел в этом мире и в будущем также не увидит. И вот я собрала вас здесь, чтобы вы выбрали того из вас, кто сможет построить такой дворец. Зодчий, которого вы выберете, должен быть не только великим знатоком строительного искусства, но также и сведущим в науке о звездах. Он должен заложить дворец, когда звезды предскажут наиболее благоприятное время.

Тут Мехмене-бану покинула их, чтобы они посоветовались и выбрали самого достойного.

Зодчие совещались три-четыре часа и, выбрав из своей среды одного, сообщили об этом правительнице.

Мехмене-бану призвала к себе этого избранного всеми мастера и высказала ему все свои пожелания относительно дворца для Ширин.

Зодчий сказал:

— Ваше повеление, госпожа, будет выполнено.

Тогда она, желая оказать зодчему милость, пожаловала ему очень дорогой халат и приказала немедленно приступить к работе.

Зодчий произвел расчеты, изучил положение звезд и построил великолепный дворец, состоящий из семи покоев. Каждый из этих покоев соответствовал одной из семи планет на небе.

Для того чтобы расписать стены дворца, был приглашен знаменитый мастер-живописец Бехзад. Художник Бехзад приступил к работе вместе со своим сыном Ферхадом, который также был живописцем.

Ферхаду было лет шестнадцать-семнадцать, и был он очень красив. Слава о его красоте в стране не уступала славе Ширин. И тот, кто хоть раз видел его прекрасное, словно полная луна, лицо, не мог не изумиться и не полюбить юношу.

Бехзад и сын его Ферхад начали украшать дворец росписью.

Однажды Мехмене-бану, взяв с собой Ширин, отправилась во дворец, чтобы посмотреть, как идет работа. Старший зодчий сопровождал ее и давал объяснения по всем видам работ.

В это время Ширин увидела Ферхада, который с кистью в руке был занят расписыванием стены. И в тот же миг она всей душой и всем сердцем полюбила его. Не желая показать своего состояния старшей сестре и всем присутствующим, девушка с усилием овладела собой и спросила:

— Сколько здесь работает живописцев?

— Госпожа моя, — ответил зодчий, — работают два мастера. Они искуснее всех в мире. Бехзад и Ферхад самые одаренные и искусные художники. Я поручил эту работу им, так как только они могут ее достойно выполнить.

Тут Ширин благосклонно взглянула на Бехзада и Ферхада. Осмотрев новый дворец, по достоинству оценив работу живописцев, Мехмене-бану и Ширин удалились и по своему обыкновению предались развлечениям.

Но Ширин, которая сгорала от любви к Ферхаду, почти ничего не замечала. Она не утерпела и наутро тайком отправилась в новый дворец и спряталась в саду.

А Ферхад в это время был занят разрисовкой наружных стен.

Ширин бросила в Ферхада золотое яблоко, взятое ею с собой. Когда юноша, не поняв, откуда упало яблоко, удивленно оглядывался вокруг, Ширин вышла из своего укрытия и предстала перед ним. Увидев прекрасную девушку, Ферхад застыл от изумления и, выронив из рук краски и кисти, чуть не потерял сознания.

Девушка, увидев это, поняла, что он тоже полюбил ее. Она была счастлива. Радостная, вернулась она во дворец.

Не понимая, что с ним происходит, Ферхад кое-как дождался вечера. Руки его не могли рисовать, и он больше не работал. В ту ночь до самого утра он не сомкнул глаз, а как только рассвело, сразу же отправился во дворец и, не дожидаясь отца, приступил к работе. Он упорно трудился, стараясь забыть о своей любви. Но и в этот день Ширин снова пробралась во дворец и явилась Ферхаду.

Огонь, который уже пылал в сердце юноши, разгорелся с новой силой. И всю следующую ночь Ферхад маялся, тяжело вздыхал. На следующий день он снова пришел во дворец очень рано и сделал вид, что приступил к работе. Но дело валилось из рук — он ждал прихода Ширин.

Ширин пришла в тот день одна. Юноша, увидев ее, растерялся и лишился чувств.

Ширин воспользовалась этим, подбежала к молодому чело-

веку, поцеловала в обе щеки и положила у его головы написанное ею четверостишие:

Кто ты — жизнь, краса вселенной? Разум мой объят дурманом.
В странах красоты властитель — хан или хакан ты саном? ²
Не скажу моим врагам я о своей любви-печали,
О, скажи: не ты ли послан в исцеленье моим ранам?

Через некоторое время Ферхад пришел в себя и раскрыл глаза. Он увидел оставленное девушкой письмо, схватил его и прочел. Поняв, что Ширин полюбила его, он так обрадовался, что и описать нельзя. Тотчас он нарисовал на бумаге портрет Ширин и, глядя на этот портрет, дено и ночью тешил этим свое сердце. Из глаз его лились слезы, огонь любви сжигал ему грудь.

Так продолжалось несколько дней. Ширин тоже тосковала, бледнела и отказывалась от пищи. Она беспрестанно размышляла о том, под каким бы предлогом посетить новый дворец.

Однажды утром она встала на рассвете и вышла в сад. Усевшись против дворца, она запела печальную песнь:

От любви своей горячей муки приняла Ширин,
Я стенаю и рыдаю — выпал жребий зла Ширин.
Видно, воля провиденья так решила в день творенья:
Страстная любовь к Ферхаду суждена была Ширин!

Сжигаемый тоской Ферхад был занят работой, когда услышал пропетое ею четверостишие. Слова песни вернули жизнь его сердцу. Выронив из рук кисть и краски, он горестно вздохнул и запел:

Мне Ширин — любовь-отрада,
Пылу страсти сердце радо.
«Сладостной» Ширин зовется:
Слаще жизни та услада!

На эти слова Ферхада девушка отвечала ему:

Страстью к милому пылая,
Сожжена огнем дотла я.
Птичьей речи научившись,
Соловиный стон взвила я.

Ферхад в ответ:

Очи ищут — где любимая?
Глянь, как мучусь нестерпимо я!
О алмаз мой, пожалела бы
Сердце, мукою томимое!

Услыхала Ширин эти печальные слова отчаявшегося юноши и не смогла выдержать — вскочила и побежала к Ферхаду. Влюбленные бросились друг другу в объятия, затем уселись рядышком и начали беседовать. Ширин дала слово, что каждый день будет стараться приходить сюда. Потом встала и убежала во дворец. Несчастный Ферхад остался один. Вздыхая и томясь, он изливал свою печаль стихами:

Не поймет меня не знавший мук моих, моих невзгод,
Лишь измученный любовью счастье жить без мук поймет!

Через несколько дней строительство, роспись и убранство дворца были завершены. Главный зодчий разрешил Бехзаду и Ферхаду, как и всем другим работникам, отдохнуть.

На следующий день Мехмене-бану и Ширин отправились осматривать новый дворец, обошли все его покои, и все им очень понравилось.

Через три дня Ширин сказала старшей сестре:

— Дорогая сестрица, дворец, построенный для меня, не имеет себе равных во всем мире. Я не нахожу слов для благодарности. Такой огромный и роскошный дворец скорее подобает иметь правительнице, как вы, а не молодой девушке вроде меня. Так как старый дворец, где мы живем, нуждается в ремонте, я бы хотела, чтобы вы поселились в новом. Что же касается меня, то я предпочла бы дворец поменьше, похожий на клетку для канарейки.

Мехмене-бану, желая исполнить просьбу сестры, тотчас позвала зодчего:

— Постройте теперь против этого дворца другой дворец, — приказала она, — маленький, как клетка канарейки, и пусть роспись его и убранство будут еще великолепнее.

На следующий же день, собрав мастеров и рабочих, зодчий приступил к строительству. Бехзад и Ферхад снова занялись разрисовкой стен. Ширин не упустила удобного случая и каждый день, спускаясь в сад, встречалась с Ферхадом.

Однако свидания двух верных влюбленных не ускользнули от глаз кормилицы Ширин. «Что бы значили эти беседы молодой султанши с сыном художника?» — стала размышлять она и решила обо всем разузнать.

Она никогда не любила и считала эти свидания неуместными.

Через некоторое время строительство дворца было завершено, художники ушли.

Однажды Мехмене-бану и Ширин, прогуливаясь в окрестностях города, увидели источник с холодной, прозрачной и вкусной водой. Ширин напилась и воскликнула:

— Как жаль, что этот источник так далеко от города! Если бы он был ближе к дворцу, мы бы сделали водоем и пустили в него эту воду!

Мехмене-бану, стремясь, как и всегда, исполнить любое желание Ширин, пригласила строителей. Они сказали, что нужно будет прорубить гору, которая находится между источником и дворцом, и, проложив трубы, отвести по ним воду к дворцу.

Тогда повелительница призвала глашатаев и приказала оповестить всех, что, если кто-либо возьмется подвести воду к дворцу, она выполнит любое его желание.

Дело это, однако, было крайне трудным, и никто не отважился за него взяться. Прошло несколько дней, но так никто и не пришел. Ферхад тоже слышал, о чем возвестили глашатаи, и размышлял об этом. Наконец он решил пойти во дворец и заявить, что проведет воду. Придворные привели его к Мехмене-бану.

— Если ты проведешь ту воду к дворцу, я исполню любое твоё желание, — подтвердила она свое обещание.

— Госпожа, — ответил он, — лишь одно-единственное желание есть у меня — быть привратником у ваших дверей.

— Почему привратником? — удивилась повелительница. — Я назначу тебя на более почетную должность.

— Для меня быть привратником у вас — большое счастье, — отвечал Ферхад.

Эти слова молодого человека очень понравились Мехмене-бану, и она тотчас написала приказ о назначении его на должность привратника. Потом, призвав главного зодчего, повелела ему снабдить Ферхада всем, что только потребуется ему для работы.

Выйдя от повелительницы, Ферхад сказал главному зодчему:

— Сделайте мне две кирки — одну весом в сто окка, а другую весом в двести окка.

Зодчий приказал изготовить такие кирки и вручил их Ферхаду.

Народ, проведав, что Ферхад скоро приступит к работе, с утра стал собираться возле источника: все хотели видеть, как юноша проведет воду к дворцу.

Ширин тоже попросила Мехмене-бану:

— Сестрица! Если вы позволите, мы тоже пойдем и посмотрим, как Ферхад прорубит гору.

Повелительница тотчас приказала приготовить паланкин.

Увидел Ферхад, что прибыла Ширин с сестрой, и, воспылав жаром, схватил большую кирку и стал крушить гору. При каждом его взмахе сталь с таким звоном ударялась о скалу, что звук долетал до самых небес. Огромные куски скалы рушились и тяжело откатывались в сторону.

Видевшие это — Мехмене-бану, Ширин и все остальные — только дивились силе, ловкости и умению юноши.

Страсть к Ширин придавала Ферхаду сил. Он безостановочно, днем и ночью, работал киркой, ничего не ел, почти совсем не отдыхал.

Через несколько дней Ширин, испросив у сестры разрешение, отправилась посмотреть на работу Ферхада. С ней пошло несколько рабынь и служанок. Они раскинули недалеко от источника большой и роскошный шатер из атласа. Ширин поместилась в шатре, приказала накрыть стол и отправила посвященную в ее тайну рабыню по имени Сервиназ к Ферхаду с угощением.

Когда Сервиназ принесла угощение и поставила все перед Ферхадом, он воскликнул:

— О госпожа! Вы для меня принесли эти яства и вино?! Но я вкусил вина любви и решил не есть земной пицци, не пить иного вина. Я благодарю вас. Если вас это не затруднит, отнесите все обратно.

Сервиназ отнесла все назад и передала Ширин все слова Ферхада. Услыхала девушка эти слова, и из глаз ее полились слезы, похожие на жемчуг. Она очень опечалилась и, не выдержав, встала со своего места и сказала рабыням:

— Вы вкушайте здесь яства, пока не насытитесь, а я немного пройду. Только смотрите, чтобы никто за мною не пошел.

Она направилась прямо туда, где работал Ферхад. В это время он был занят тем, что крушил гору, но, увидев Ширин, бросил кирку и почтительно склонился перед ней.

Девушка, одарив его любящим взглядом, пропела:

Ты мне — дух, живящий душу, дух души, мой повелитель,
Стала я рабыней страсти — что велишь мне, мой властитель?

Услыхав это, Ферхад тотчас ответил:

Ты пришла, тая участие,
Принесла мне радость счастья,

Рад твоею жертвой пасть я —
Да продлит твой век создатель!

Правишь ты в величье властном
Всем, что в мире есть, прекрасным,
Ты — душа во мне, несчастном, —
Да продлит твой век создатель!

Если я виновен в страсти,
Умертви — в твоей я власти.
Разруби меня на части —
Да продлит твой век создатель!

О, приди, не мучь — не надо!
Ты мне — милость и пощада,
Улыбнешься — мне награда —
Да продлит твой век создатель!

В ответ на эту мольбу Ферхада Ширин решила объясниться ему в любви, чтобы у него не оставалось никаких сомнений, и пропела:

По тебе, о мой прекрасный, я томлюсь, как соловей,
Я стенаю в муке страстной от невзгод любви своей.
Став тебе рабою верной, за тебя я жизнь отдам,
Жертвою любви безгласной пасть я рада — не жалею!

Услышав эти слова, Ферхад осмелился приблизиться к Ширин. Они обнялись, поцеловались, уселись рядом и стали поверять друг другу свои печали.

Затем, боясь, что кто-нибудь придет, увидит их и разгадает их тайну, они расстались. Ширин пошла в шатер к рабыням, а Ферхад продолжал свое дело.

Ферхад и Ширин тайно встречались через каждые два-три дня довольно долгое время. За эти дни Ферхад проделал такую работу, которую и тысяча человек не смогла бы сделать. Вода источника подошла к дворцу.

Мехмене-бану приказала построить в саду между двумя дворцами белый мраморный водоем. В тот день, когда вода полилась в водоем, были прочтены молитвы, зарезаны сотни баранов и розданы беднякам и нищим.

Мехмене-бану, позвав к себе Ферхада, оказала ему много милостей, сделала ценные подарки. Но он ничему не был рад.

По ее приказу Ферхада отвели в баню. Он надел шелковое белье и платье из дорогих тканей, которое ему прислала в узелке Ширин. Его поместили во дворце в специально отведенной для него комнате.

Ферхад теперь завоевал большую известность во всем мире и стал знаменит. Его прозвали «Сокрушающим горы».

Однажды, когда Мехмене-бану и Ширин сидели вместе и по обыкновению развлекались, повелительница сказала:

— Девочка, мне так нравится этот юноша! Я полюбила его столь нежно, что, если бы не была повелительницей и не боялась бы сплетен, которые могут возникнуть в народе, я вышла бы за него замуж.

Ширин обрадовалась, услышав эти слова от старшей сестры. Она была довольна, ибо, хваля Ферхада, та как бы одобряла и ее выбор.

Однажды Мехмене-бану предложила Ширин отправиться вместе в ее дворец, но девушка отказалась под предлогом недомогания.

Когда же повелительница ушла, Ширин позвала кормилицу и сказала:

— Нянюшка, ты ведь мне вместо матери, вырастила меня на своих руках, вскормила своим молоком. Я знаю, ты любишь меня, как свое дитя, и я могу тебе поведать любую тайну. До сих пор я тебя ни о чем не просила. Но нынче я попрошу тебя об одной услуге. Ты, конечно, исполнишь мою просьбу... А если откажешь мне, я не переживу этого. Давно я не видела Ферхада и хочу повидать его, поговорить с ним. Приведи его сюда тайком.

Эти слова Ширин не вызвали в кормилице сострадания, и она начала читать ей наставления:

— Дорогая моя доченька! Откажись от этой безграничной страсти! Ты ведь дочь государя, с простым юношей не можешь связать свою судьбу. Что скажет твоя сестра?

Ширин не ожидала такого ответа. Услышав эти слова, она так опечалилась, что совсем сникла.

Кормилица поняла, что дело плохо.

— Госпожа моя, дорогая султанца! — воскликнула она. — Я не могу не выполнить твоего приказа. Но кроме меня здесь столько рабынь! Они увидят Ферхада и сообщат Мехмене-бану. Что мы будем делать тогда? Она спросит: «Это что еще такое?» — и что мы ей ответим? Вот этого я и боюсь...

— Ты боишься привести сюда Ферхада... — отвечала Ширин, — но есть ведь и другое средство. Приведи его в маленькую беседку в саду. Мы повидаемся, а ты побудешь при нас. Согласись хоть на это.

Кормилица согласилась:

— О свет очей моих, так будет лучше. В каждом деле надо по возможности предусмотреть все. Вы сейчас с рабынями идите в сад, как будто хотите подышать воздухом, и погуляйте там немного. Затем под предлогом, что вам будто бы захотелось спать и вы решили отдохнуть, идите в беседку. Я отошлю рабынь во дворец, а потом приведу туда Ферхада.

Ширин одобрила этот план. Взяв с собой несколько рабынь, она вышла в сад. Побегав и повеселившись среди деревьев и цветов, она воскликнула:

— Ах, я устала, хочу немного полежать и отдохнуть! — и пошла в беседку.

— А ну идите во дворец, — сказала рабыням кормилица, — а я побуду с молодой султаншей.

Так она спровадила девушек и затем привела Ферхада в беседку.

Кормилица наполнила два бокала шербетом, один дала Ширин, а другой — Ферхаду.

Выпив шербета, Ширин почувствовала, что пожар в сердце немного утих, и сказала:

— Хвала Аллаху, я смогла сегодня достигнуть счастья — свидания с моим возлюбленным.

Она подошла к Ферхаду. И чтобы погасить пламень любви, от которого побледнело ее розовое лицо, она положила голову на грудь Ферхада. И до самого вечера они беседовали, как это могут делать только влюбленные.

Наконец кормилица сказала, что пришла пора расстаться. Влюбленные еще раз обнялись и попрощались. Ферхад ушел в такой печали и тоске, точно душа его расставалась с телом. Ширин глядела ему вслед и тихо пела:

Нет, никто не видел душу, покидающую тело,
А моя душа уходит — я сама ее узрела!

В тоске и печали Ширин вернулась во дворец.

А среди рабынь Ширин была одна с дурным и злобным нравом. Она видела, что Ферхада приводили в беседку и что он оставался там с Ширин до самого вечера. Ночью эта рабыня рассказала обо всем Мехмене-бану.

Повелительница, боясь, чтобы такая важная тайна не стала достоянием людской молвы, крепко-накрепко приказала рабыне молчать и отпустила ее. Но все равно она не была уверена, что тайна будет сохранена, и, подумав немного, приказала бросить рабыню в темницу.

Рано утром, когда Ширин еще лежала в постели, пришла служанка и сказала, что госпожа желает видеть сестру. Ширин тотчас встала и пошла к ней. Мехмене-бану, не подавая виду, что знает обо всем, сказала:

— Дорогая моя, и тебе и мне нужно рассеяться. Я уже несколько дней думала о том, чтобы съездить в другой город. Сейчас же прикажу приготовить паланкин. Ты тоже приготовься. Для этого я тебя и позвала. Часа через два мы отправимся в путь.

Так как Ширин не могла найти никакого предлога, чтобы отказать от поездки с сестрой, она вернулась к себе, готовилась и поехала вместе с повелительницей.

В городе, куда прибыли сестры, они оставались довольно долго. Но все эти дни мысли Ширин были об одном — о Ферхаде.

Через несколько дней после возвращения во дворец Мехмене-бану пригласила Ширин совершить вместе прогулку по садам и развлечься. Но Ширин под каким-то предлогом отказалась. Повелительница не стала настаивать и отправилась одна.

Ширин, считая, что наступил долгожданный миг, попросила кормилицу привести Ферхада. Кормилица выполнила ее просьбу, и влюбленные, как и прежде, предались беседе.

А между тем Мехмене-бану, усомнившись в искренности Ширин, через некоторое время вернулась во дворец и, спрятавшись в саду, подсмотрела свидание молодых людей. На этот раз, правда, влюбленные не обнимались и не целовались, а просто сидели рядом и беседовали.

Настало время обеда, и Ферхад ушел.

Мехмене-бану, которая из своего укрытия видела, что влюбленные невинно беседуют, стала говорить себе:

— В их душах нет ничего плохого. Вина во мне самой. Я хвалила Ферхада в присутствии Ширин, и под влиянием моих слов она влюбилась...

Затем, словно бы только сейчас вернулась с прогулки, она вышла из своего укрытия и, войдя в комнату, приказала позвать Ширин. Обе сестры, как обычно, начали беседовать. Когда пришло время ложиться спать и Ширин ушла в свои покои, Мехмене-бану взяла перо и стала писать указ. Позвав придворного, она вручила ему указ и приказала приступить к его исполнению. А в этом указе было сказано, что привратник Ферхад тотчас должен быть сослан в крепость Ахен и там закован в цепи.

Придворный взял этот указ и направился прямо к Ферхаду.

— Сын мой, Ферхад,— сказал он,— есть указ о тебе. Я должен тебя сейчас отправить в крепость Ахен, и там ты будешь закован в цепи.

Услышав это, Ферхад остолбенел. Он не видел никакой причины для такого наказания. Может быть, стали известными их отношения с Ширин? Подчиняясь приказу, он поднялся. Придворный приставил к нему для охраны несколько стражей и отправил Ферхада в крепость Ахен.

Несчастливого бросили там в темницу и заковали в цепи. Но самым тяжелым для юноши было то, что он оказался в разлуке с любимой. Влюбленный день и ночь тосковал по ней и непрерывно рыдал. Все окружающие и даже все окрестное население очень жалели Ферхада. Днем и ночью молились люди о его освобождении.

Однажды туда прибыл торговый караван и раскинул свои шатры неподалеку от крепости. Как раз в это время Ферхад сумел подняться к отверстию для воздуха почти под самым потолком темницы, просунул в него голову и, горестно стелая, читал печальные стихи. Главный караванщик услышал этот голос. Он вышел из шатра, стал прислушиваться и услышал такие стихи:

Твой Ферхад сражен напастью,
Обожженный лютой страстью.
Нет вестей ему от милой,
Нет ему дороги к счастью!

Главный караванщик, услышав это, спросил:

Родом ты, джигит, откуда?
Что с тобой — какое худо?
Как зовут тебя, скажи мне,
Как ты брел-добрел досюда?

Ферхад отвечал ему:

Знай: Эрзен — мой край родимый.
Страстью огненной томимый,
Прозван в людях я Ферхадом.
Все сказал я, досточтимый!

Главный караванщик опять спросил:

А сюда пришел зачем ты?
В здешних землях занят чем ты?
О горящий пылом страсти,
В этот край прибред за кем ты?

Ферхад на это отвечал:

Для джигита нужно дело,
Сердце у Ферхада смело,
Я во всем тебе открылся:
Страсть к Ширин мной овладела!

Ферхад снова стал плакать. Он отчаянно рыдал и молился всевышнему.

Прошло некоторое время, и однажды ночью Мехмене-бану увидела во сне старца. Этот старец обратился к ней с гневными словами:

— Эй, женщина! Завтра же освободи Ферхада из темницы, а не то ты погибнешь...

Мехмене-бану в страхе проснулась и тотчас же отправила людей, чтобы они освободили Ферхада. Да еще послала тысячу золотых на пропитание ему.

Когда Ферхад был выпущен из крепости Ахен, эту тысячу золотых он роздал беднякам, а сам пошел бродить по горам и долам.

Велик и мудр Аллах! Сколько было диких зверей в горах и пустынях, все они стали собираться вокруг Ферхада, были послушны и покорны ему, повиновались любому его приказу. Так вместе с ним они и бродили.

Еще отправляясь в темницу, Ферхад захватил с собой маленькую кирку. Когда он вышел из темницы, кирка тоже была при нем. Чтобы иметь пристанище в горах, он вырубил ею пещеру. Здесь он и проливал слезы, слагая стихи о своей возлюбленной Ширин.

Однажды он отправился в город, купил краски и кисти и вернулся назад. На всех четырех стенах пещеры он нарисовал четыре портрета Ширин. Глядя на них, он то утешал свое сердце, то испускал такие стоны и вопли, что даже горы стонали, вторя ему. Аллах сжалился над ним и раскрыл ему тайну султана Сулеймана³. Поэтому все звери и птицы стали подвластны Ферхаду, искренне привязавшись к нему.

Но Ферхад уже не мог совладать с разговарившимся в его сердце желанием увидеть свою возлюбленную и отправился в город. Все звери пошли вместе с ним.

А между тем Ширин с утра до вечера проливала горючие слезы по Ферхаду, и не было мгновения, чтобы образ его не возникал перед ее глазами. И ей уже была невыносима разлука, и она решила отправиться в горы и пустыни, чтобы разыскать там Ферхада:

Буду я искать Ферхада, веря в светлую мечту, —
Или смерть свою найду я, или счастье обрету!

Неожиданно ее сморил сон, и она увидела во сне высокого
белобородого старца, который сказал ей:

— Вставай, дочь моя! Не время спать. Погляди-ка в окно...

Ширин тотчас проснулась, встала, подбежала к окошку и
увидела, что люди на улице разбегаются в разные стороны.

— Странно, почему они бегут? — сказала она сама себе
удивленно. И тут же взглянула в сторону городских ворот. Там
она увидела целое стадо диких зверей, посреди которого шел
Ферхад. Тут-то она и поняла, что означал сон.

Ферхад медленно продвигался среди своих зверей, сочувст-
вующих его несчастью. Подойдя к выступу дворца, где у окна
находилась Ширин, он остановился. Подняв голову, он взглянул
на окно. Девушка, увидев это, упала в обморок. А Ферхад по-
думал, что она скрылась от него, и печально зашел:

Мне увидеться с любимой
Доведется или нет?
Странник, как и я, гопимый —
То ль найдется, то ли нет?

Стала ты моим светилом!
Дал бы бог подмогу силам!
Мне твой лик виденьем милым
То ль вернется, то ли нет?

Нет в любви конца преградам,
Всем страданьям и разладам —
Все ничтожно с ними рядом!
Боль уймется или нет?

Дремлют гуси, в зное млея,
Сделал надпись на скале я:
«Девушка тебя смелее
То ль найдется, то ли нет?»

Говорит Ферхад влюбленный:
«Твои губы — как бутоны.
Свет, красую озаренный.
То ль вернется, то ли нет?»

Ширин, рыдая, отвечала ему:

Бродят по степям стада,
Журавлям мила вода,
Мне без милого — беда:
Ничему не радо сердце!

Вся округа — словно сад,
Реки пеною бурлят,
Слышен соловьиный лад,
Ничему не радо сердце!

Ферхад пропел в ответ:

Без любимой дни и ночи
Миг за мигом жар жесточе,
Истекли слезами очи —
Жить в разлуке нету мочи!

По тебе мое томленье,
О, явись хоть в сновиденье!
Смерть приму я — нет терпенья —
Жить в разлуке нету мочи!

Ширин, тронутая этой печальной жалобой, тотчас же откликнулась:

Не рыдай, Ферхад, не надо: милосерд Аллах, велик,
Бог — опора и отрада для страданий горемык.

День придет — и он потушит пламя огненной тоски,
Небо злой зарок нарушит — станут наши дни легки.

Чашу счастья и свиданья кравчий вечности нальет,
И развеются страданья от благой его руки!

Услышав эти слова Ширин, дающие ему надежду, Ферхад ответил, проливая слезы:

В край иной моя дорога —
Прочь от этого порога,
Добрый ветер — мне подмога,
О, прощай, Ширин, прощай!

О султан красоты всевластной,
Милосердья кладезь ясный,
Боль Ферхада — в муке страстной,
О, прощай, Ширин, прощай!

Ты — души моей отрада,
Не забудь, молю, Ферхада,
Не люби других, не надо,
О, прощай, Ширин, прощай!

Я скажу такие речи:
Не такой хотел я встречи!
Твой Ферхад идет далече,
О, прощай, Ширин, прощай!

Простившись так с Ширин, Ферхад ушел вместе с животными. И снова он стал бродить по пустыням и горам.

Бехзад давно уже не знал, где его сын и что с ним произошло. Но вот ему сказали, что Ферхад был у дворца. Бехзад тотчас побежал к дворцу, но уже не застал там сына. Он расспросил очевидцев и вышел из города искать его. Немного погодя он увидел Ферхада, который сидел под деревом.

— Сын мой, свет моих очей! — воскликнул Бехзад. — Почему из-за какой-то девушки ты дошел до того, что ушел в пустыню? Твоя мать, плача по тебе, почти ослепла. Если хочешь, чтобы мы за тебя молились, вставай, пойдем домой...

Ферхад выслушал слова отца и сказал:

— О мой досточтимый отец! Не трудись искать меня, не проливай слез и не искушай меня. Все напрасно! За все муки и беды на этом свете я буду вознагражден в загробной жизни. Не думай, что я страдаю, беда моя — для меня наслаждение. Теперь тебя и матушку я увижу только в раю у райского источника. Не забывайте меня в ваших молитвах, простите меня.

Сказав так, он поднялся и ушел, пропев:

О, не держи, иду я в путь,
Прости-прощай и счастлив будь!
Пока любимой нет со мной,
Что жизнь мне? Счастья не вернуть!

Несчастный отец рыдал, глядя вслед уходящему сыну.

Хюрмюз-шах, который в те времена был правителем в Амасье, решил однажды объехать свои владения. Они простигались до иранской границы. В пути шаху пришлось пересечь границу государства Мехмене-бану. Чтобы дать коням немного отдохнуть и самим подкрепиться, шах приказал раскинуть шатер у подножия горы. Ночь была лунная, и шах сидел под деревом, любуясь окружающим. И вдруг он услышал доносившийся издали печальный голос. Шах заинтересовался и сказал приближенным:

— Я слышу печальный голос — неужели здесь есть кто-нибудь? Поищите и найдите!

Слуги шаха отправились на поиски и увидели Ферхада, сидевшего под деревом. Вокруг него собрались львы, тигры, волки, газели, лисы и другие дикие звери. А сам юноша играл на сазе и пел грустную песнь.

Люди шаха не отважились приблизиться к Ферхаду. Вернувшись назад, они обо всем рассказали Хюрмюз-шаху. Любопытство шаха еще больше возросло.

— Позовите его,— приказал он,— скажите, что я послал вас, и приведите сюда!

Боясь подойти, люди шаха издали стали звать Ферхада. Ферхад подошел к ним.

— Что вы хотите от меня? — спросил он.

— Тебя приглашает Хюрмюз-шах,— сказали они.

— Я не друг и не приятель шаха. Зачем он меня приглашает? — удивился Ферхад.

— Хюрмюз-шах услышал твое прекрасное пение и приказал нам: «Пойдите и приведите ко мне этого ашыка, да пусть он захватит с собой и саз...»

Тогда Ферхад пошел вместе с ними и предстал перед шахом. И все звери тоже пришли с ним.

Один из приближенных шаха узнал Ферхада и сказал шаху:

— Этот человек был брошен в темницу за то, что полюбил Ширин, сестру Мехмене-бану, а затем, наверное, бежал...

Хюрмюз пожалел Ферхада. Поступок Мехмене-бану очень разгневал его.

— А девушка, которую зовут Ширин, жива? — спросил он.

Люди его ответили в один голос:

— Да, господин, жива. Она тоже любит этого певца всей душой и всем сердцем!

Тогда Хюрмюз сказал Ферхаду:

— Сын мой, не беспокойся! Господь милостив. Ты спой нам сейчас несколько песен, а мы послушаем.

Ферхад взял саз. Посмотрим, что же он спел:

Кто расстанется с любимой,
Жизнь его тяжка бывает:
Хоть слезами душу вымой,
Грустно без дружка бывает!

По степям скитаюсь-маюсь,
От любви моей терзаясь,
Мукой страсти упиваюсь,
Невтерпеж тоска бывает!

Я люблю, горя от пыла,
И она меня любила!
Счастье двух врагам не мило:
Злоба жестока бывает!

Стала жизнь мне опостылой,
Я в степях брожу унылый:
Если нет со мною милой,
Жизнь всегда горька бывает!

Боль страданий жжет Ферхада,
Маюсь я в мученьях ада,
Жизнь в разлуке — горше яда:
Словно пить, тонка бывает!

Не держи меня — иду я,
И, прощаясь, прочь бреду я.
Без любимой — как в бреду я:
Жизнь тесней силка бывает!

Ферхад играл на сазе и пел, а из глаз его градом катились слезы. Шаху стало очень жаль Ферхада.

— Сын мой! — воскликнул он. — Клянусь тебе, я добуду для тебя Ширин! Даже если я лишусь трона, то и тогда не откажусь от своего решения. А ну, спой-ка еще что-нибудь!

Ферхад снова взял саз и запел:

О тоске разлуки речь веду я,
Злую долю мне послало небо:
Розу отыскал в мирском саду я,
Но, увы, ее отняло небо!

Отлучен я от Ширин любимой —
Потерял ее, судьбой гонимый.
Любям чужд, бреду я, нелюдимый,
Мук судило мне немало небо!

Мне в моих стенах нет позора:
Если в сердце боль — все тело хворю!
Где ж она — любовь моя, опора,
О, каким жестоким стало небо!

Ферхад умолк. Хюрмюз-шах сказал:

— Вставай, сын мой! Пойдем-ка во дворец! Напишем Мехмене-бану письмо и попросим у нее Ширин! Но в таком виде тебе оставаться нельзя. Я одену тебя в богатое платье и опоясаю оружием.

Ферхад согласился на предложение шаха, и они отправились в Амасью. Ашыка отвели в баню, дали ему великолепную одежду. Шах написал Мехмене-бану письмо и отослал его с гонцом.

Гонец Хюрмюз-шаха прибыл во дворец Мехмене-бану и вручил ей письмо. Это было даже не письмо, а почти приказ. В нем говорилось:

«Как только мое послание дойдет до вас, немедленно отошлите сюда вашу младшую сестру Ширин вместе со всем ее приданым, чтобы сочетать ее браком с моим другом Ферхадом.

Если вы не выполните мой приказ и не сделаете все необходимое, я пошлю на вас войска и насильно возьму девушку. Да будет это известно вам!»

Мехмене-бану прочла письмо, в гневе порвала его на клочки и бросила гонцу в лицо.

— Поезжай и скажи своему господину,— крикнула она,— я не боюсь подобных угроз. Если он осмелится на это, пусть сам пеняет на себя. Завтра же я соберу свое войско, и оно будет готово к войне с ним. Если бы я хотела отдать Ширин за Ферхада, я бы давно это сделала. Нет у меня девушки, которую вы просите отдать ему!

Гонец вернулся и все рассказал Хюрмюз-шаху.

— Она спрятала девушку! — воскликнул шах.— Я теперь понимаю, эта Мехмене — безумная!

Шах приказал готовиться к походу. Повсюду разослали указы шаха и начали набирать солдат. За несколько дней было набрано сто шестьдесят тысяч воинов.

Дав воинам разрешение грабить казну Мехмене-бану, Хюрмюз-шах очень воодушевил их этим. Кроме того, он послал в крепость Эрзен несколько лазутчиков. Один бывалый лазутчик, по имени Сехмерд, служил еще отцу Хюрмюз-шаха. Он надел платье странника и прибыл в страну Мехмене-бану. Здесь он смешался с людской толпой.

А в это время Мехмене-бану и ее везир проверяли готовность воинов к битве. Сехмерд незаметно приблизился и стал слушать. Мехмене-бану как раз спрашивала у везира, сколько набрано воинов.

— Сейчас в наличии двести тысяч,— сказал везир.— Через несколько дней из Ирана прибудет еще шестьдесят тысяч человек.

— Тогда и двинемся на Хюрмюз-шаха,— решила Мехмене-бану.

— По моему мнению,— сказал везир,— нам надо выждать — пусть они нападут на нас. Не стоит нам преждевременно утомлять воинов.

Эта мысль понравилась повелительнице.

Услышав сказанное, лазутчик стал обдумывать, как бы ему проникнуть во дворец. Он переоделся в платье странствующего певца, уселся между шатрами и начал петь, играя на сазе. Собрался народ и стал слушать. Одна из рабынь тоже услышала поэта-певца и поспешила к Ширин.

— Сюда пришел какой-то старик певец. Он очень хорошо

поет, — сказала она. — Игра его тоже достойна похвал. Если вы призовете его к себе и послушаете, будете очень довольны.

Ширин тотчас послала человека и приказала позвать этого лазутчика, переодетого певцом. Сехмерд вошел в комнату, поцеловал землю и прочел молитву.

— Что ты споешь нам? — спросила Мехмене-бану певца.

— О повелительница, я бедный человек, — отвечал лазутчик, — что вижу, о том и пою.

— В таком случае, — засмеялась Мехмене-бану, — ты поступаешь как вор, не так ли?

Сехмерд уселся и заиграл на сазе. Мехмене-бану сразу же оценила его искусство.

— Ты играл когда-нибудь в присутствии знатных особ? — спросила она.

— Да, повелительница, — ответил лазутчик, — прежде я играл в присутствии Хюрмюз-шаха. При нем еще был юноша Ферхад, которого шах любит, как родного сына. Этот красивый богатырь мне понравился, да сохраняет его Аллах!

Сказав так, певец краем глаза взглянул на Ширин. Девушка, услышав имя возлюбленного, побледнела и еле удержалась, чтобы не закричать.

Певец получил от Мехмене-бану сто золотых и стал озираться вокруг, словно ища что-то.

— Куда бы мне положить это золото? — промолвил он. — Некуда и спрятать его!

Тут Ширин сняла с себя пояс и дала его певцу. Он завязал монеты в этот пояс, поцеловал землю перед ней и вышел из дворца. Теперь он уже знал все, что нужно, и направился прямо к Хюрмюз-шаху. Рассказав ему все, что видел и слышал, он отдал пояс Ферхаду.

— Его сняла с себя Ширин, — сказал он, отдавая пояс Ферхаду, — он ваш.

Все приготовления были закончены, и Хюрмюз-шах выступил с войском в поход. Шли они много дней и, дойдя до границы государства Эрзен, разбили там лагерь.

Мехмене-бану со своим войском тоже выступила в поход. Войска ее расположились у подножия горы напротив лагеря шаха. Между двумя станами простиралась широкая равнина, и бой должен был состояться здесь.

На склоне одной горы был установлен роскошный шатер Хюрмюз-шаха, на склоне другой горы, напротив, — такой же шатер Мехмене-бану.

Войско Хюрмюз-шаха в то время считалось одним из самых больших и самых сильных. Глаза слепили знамена с золотыми и серебряными навершиями и расшитые золотом флаги.

Мехмене-бану понимала, как трудно будет сражаться с войском, которое состоит из прославленных богатырей, но не считала возможным уклониться от битвы.

На следующий день, утром, обе стороны приготовились к бою. На равнине выстроились, держа равнение, воины, и ждали: первым должен был выйти на поле боя и показать свое удалство какой-нибудь храбрец.

И вот один богатырь из войска Мехмене-бану погнал коня на середину поля. Он несколько раз объехал поле и стал вызывать соперника. Из другого войска тоже выехал прославленный богатырь. И оба они помчались в атаку друг на друга. Они долго сражались, но, так как силы и мастерство их были равными, они бились до вечера, так и не осилив друг друга.

На следующий день на поле боя снова вышли два богатыря. Они боролись недолго. Богатырь Хюрмюз-шаха сбросил противника с коня и убил его. В тот день много воинов с обеих сторон вступало в поединок. Когда стемнело, оба войска отошли, ждали утра.

На третий день на поле боя выехал Ферхад и, стремительно погнав коня, так прокричал:

— Ведавшие силу мою пусть узнают ее, а не ведавшие да образумятся! Я известный богатырь, сокрушающий горы, Ферхад! Кто хочет увидеть смерть, пусть выходит против меня, и узнает он, что такое удал!

Мехмене-бану, увидев на поле брани Ферхада, призвала своего самого сильного, самого отважного богатыря — Каруна.

— Я требую от тебя, — сказала она, — голову Ферхада, который сейчас на поле боя. Если исполнишь это, отдам тебе Ширин и сделаю тебя своим зятем.

Карун поцеловал землю у ног повелительницы, вышел из шатра, вскочил на коня и выехал на поле боя. Приблизившись к Ферхаду, он крикнул:

— Эй, Ферхад! Что это ты натворил? Ты поссорил двух правителей, стал причиной этого кровопролития! Знаешь ли ты меня? Я побеждал и брал в плен дивов с горы Каф. И тебя я уничтожу. Только жаль мне тебя, иди сюда, сдавайся, я отведу тебя к повелительнице и буду просить ее помиловать тебя.

Услышав слова Каруна, Ферхад вспыхнул от гнева, свет потемнел в очах его. Он издал громоподобный клич и закрычал:

— Тебе ли это говорить про меня?! Вот я сейчас зарублю тебя! Не стой же, нападай! Если ты воин, бейся со мной, у меня нет времени слушать пустые слова!

И тут Ферхад пропел:

Разве кошкам львами подобает зваться?
Я на поле выйду — все меня бояться!

На эти слова Ферхада и на его подзадоривающие стихи Карун ответил так:

Нет, не кот, а лев я, и в моей ты власти:
Я тебя осилю — разорву на части!

Подняв железную булаву, которая была в его руке, богатырь Карун атаковал Ферхада. Ферхад отвел удар булавы киркой и спасся. Теперь настала очередь Ферхада. Взывая к Аллаху, он изо всех сил ударил богатыря киркой по голове. Голова расколосась, и богатырь мертвым упал с коня. Ферхад поднял его труп и бросил врагам.

— Возьмите своего богатыря, — крикнул он, — я отправил его в ад, чтобы он подготовил там место и для вас.

Мехмене-бану очень опечалилась, так как все свои надежды она возлагала на силу и ловкость Каруна. А Ширин радовалась.

После этого против Ферхада вышел богатырь Кехраб, но и он лег рядом с Каруном. В тот день Ферхад отправил в загробный мир семь самых знаменитых богатырей из стана врага. Настал вечер, и битва утихла.

В полночь к шатру Ферхада подошел какой-то человек и передал ему письмо от Ширин. Девушка в письме подтверждала свою непоколебимость и верность возлюбленному, писала, что восхищена смелостью Ферхада, и сообщала, что на следующий день на поле боя выйдет самый знаменитый и самый могучий богатырь. В конце письма были стихи:

О творец, молю я, уповаю:
Он мне — жизнь, душа моя живая,
Не лишай души живое тело,
Нас навек друг с другом разрывая!

Ферхад прочел письмо, утер слезы и, написав ответ, отослал его. Затем, обратив лицо к обителю творца, он вознес к нему молитву и мольбу. Заснув, он увидел во сне, что к нему

пришел какой-то почтенный старец. Старец этот научил его, как ему следует бороться с завтрашним соперником.

Когда утром Ферхад встал, он был уверен, что одержит в битве победу.

Уже в пятый раз он выходил на поле брани и вызывал противника.

Мехмене-бану выслала против Ферхада одного из самых прославленных своих богатырей. И уже через полчаса голова этого богатыря была разбита ударом кирки на две части, а сам богатырь отправился в загробный мир.

Мехмене-бану не смогла больше найти никого, кто бы осмелился выйти на поединок с Ферхадом, и вынуждена была подать знак, чтобы трубы и барабаны оповестили о прекращении битвы.

А Ферхад, который вернулся в шатер и предался отдыху, был приглашен в шатер Хюрмюз-шаха. Он пришел, поцеловал перед шахом землю и встал, ожидая приказаний.

Шах оказал ему много милостей, похвалил его, а затем сказал:

— Сколько дней мы сражаемся, а они не отказываются от своего упрямства. Я не считаю, что это дело должно и впредь продолжаться. Поэтому я хочу снова писать Мехмене-бану письмо и увещевать ее. Что ты скажешь на это?

— Воля ваша, — отвечал Ферхад. — Пусть будет так, как вы желаете!

И шах написал Мехмене-бану послание. В письме говорилось:

«Сколько дней мы уже воюем! Если дело и дальше пойдет так же, сколько еще биться нам? Каждый день погибает много отважных богатырей. Один такой воин только раз за четверть века появляется на поле боя. Лучше бы вы отказались от своего упрямства. Отправили бы Ширин с почестями к ее возлюбленному, и войне был бы положен конец».

Мехмене-бану, прочитав послание, сильно разгневалась и порвала его на мелкие клочки.

— Иди, — сказала она гонцу, — и скажи Хюрмюз-шаху, пусть он откажется от задуманного. Уговорами девушек не берут. Если он храбр, пусть придет и возьмет сам.

Гонец принес этот ответ шаху.

— Хорошо, — сказал шах, — пусть будет так, как она говорит. Грех падет на нее...

И шах приказал продолжать войну.

На следующий день, как только наступило утро, на поле боя вышел сын шаха — Хусрев, издал воинственный клич и крикнул:

— Ведавшие силу мою пусть узнают ее, а не ведавшие да образумятся! Я сын Хюрмюз-шаха — Хусрев. Пусть Мехмене-бану высылает против меня богатыря.

Мехмене-бану послала война по имени Симург. Это был человек очень высокий, могучего телосложения, точно див. Он напал на Хусрева. Но молодой шахзаде отразил удар и сам нанес удар булавой. Симург прикрыл себя щитом, и булава угодила в голову коня. Конь упал и околед, и богатырь остался пешим.

Тогда и Хусрев соскочил со своего коня, и оба противника стали биться на саблях. Когда Симург напал, шахзаде отбил удар и, схватив противника за кисть руки, так сжал ее, что сабля выпала из рук Симурга. Хусрев схватил врага за поясницу и, бросив его на землю, сел ему на грудь, связал руки и отправил к отцу.

Второго вышедшего на битву богатыря шахзаде тоже пленил.

Мехмене-бану, увидев все это, растерялась. Она поняла, что не одержать ей победы, и, собрав людей, стала совещаться с ними. Наконец они решили, что Ферхада и Хусрева можно будет одолеть лишь силой колдовства.

А в тех краях жила знаменитая колдунья по имени Азрака. К ней и послали человека, чтобы призвать ее.

Колдунья, взяв свои колдовские принадлежности, предстала перед Мехмене-бану. Повелительница встретила ее с почетом и уважением и объяснила ей суть дела.

— Не тревожьтесь, — сказала колдунья, — я сделаю все необходимое.

Мехмене-бану обрадовалась и отвела колдунью в своем стане особый шатер.

На следующий день Хусрев вышел на поле боя и стал вызывать противника. Вышла колдунья Азрака. Увидев ее, шахзаде понял, что это — колдунья, и начал читать молитвы.

Колдунья напала было, но Хусрев благодаря молитве отразил ее атаку. Потом Хусрев сам пошел в атаку, но колдунья силой своего волшебства устояла. Так сражались они до вечера, и никто из них не победил.

Тогда Азрака позвала другую ведьму, более сильную в колдовстве, чем она сама. Об этом Хусреву сообщил лазутчик.

А в то время у шахзаде был гостем один странник, Шубуриндус. Этот странник обошел весь мир, и не оставалось таких стран, которых бы он не видел. Он спросил Хусреву:

— А из-за чего вы ведете войну с Мехмене-бану? Ваша цель — захватить крепость и всю страну или же еще что-то?

Хусрев ответил:

— Ферхад полюбил Ширин, и мой отец, сочувствуя Ферхаду, хочет добыть для него Ширин. А Мехмене-бану не соглашается и упрямится. Вот в чем причина войны.

— О досточтимый шахзаде, — сказал странник, — Ширин поистине достойна такой любви! И прав Ферхад, что ради любви к ней готов жертвовать всем, даже жизнью. Я видел изображение Ширин. Редко в мире встречается такая красота. Нигде не видел я подобного совершенства.

Такое восхваление Ширин возбудило любопытство шахзаде, и любовь проснулась в его сердце. Он захотел сам повидать Ширин и заполучить ее себе.

А в это время к колдунье Азрака прибыла приглашенная ею ведьма Тантаана. Она обещала Мехмене-бану схватить и привести Хусреву и Ферхада к ней.

Наступило утро. Хусрев вышел на поле боя и стал вызывать противника. Вышла ведьма Тантаана и бросила в шахзаде какую-то маленькую склянку.

А Хусрев не успел прочесть молитву. Как только жидкость из склянки попала на шахзаде, он превратился в медведя, и ведьма, набросив ему на шею цепь, привела его к Мехмене-бану.

Снова вышла ведьма на поле, поколдовала, и все вокруг запылало огнем.

Увидев это, Хюрмюз-шах сказал:

— Нет, войной их победить, видно, нельзя. Сделаем-ка лучше ночью неожиданный набег.

— Повелитель, — сказали находившиеся при шаху лазутчики, — если вы разрешите, мы ночью захватим шахзаде, а ведьм перебьем.

Шах нашел это предложение приемлемым и так и повелел сделать.

Лазутчики переоделись слугами и проникли ночью в стан Мехмене-бану. Они сказали, будто Мехмене-бану послала их прислуживать ведьмам, и вошли в их шатер. Лазутчики перебили спящих ведьм и, захватив Хусреву и других пленных, ушли.

Ровно в полночь, когда войско Мехмене-бану погрузилось в глубокий сон, войско под командованием Хюрмюз-шаха вошло в лагерь. Тут началось настоящее столпотворение. Сонные воины не могли понять, что происходит. Не было счета погибшим и раздавленным.

Мехмене-бану, не понимая, что случилось, едва спаслась бегством. Ее воины, оставшиеся в живых, разбежались.

Ферхад с несколькими воинами, взяв паланкин, бросился к шатру Ширина.

Молодая девушка тоже не понимала, что произошло, и дрожала от страха. Ее усадили в паланкин и доставили в лагерь Хюрмюз-шаха.

Так было все закончено. Не осталось никого, кто противостоял бы теперь войску, и на следующий день все под звуки барабанов и труб отправились в обратный путь.

Наконец они прибыли в Амасью. Ширин была принята как гостья, специально для нее были отведены покои во дворце.

Пока Ферхад размышлял, когда ему устроить свадебный пир, Хусрев, увидев девушку, так в нее влюбился, что перестал есть и пить и совсем исхудал.

А у Хусрева была очень хитрая кормилица. Он рассказал ей все и стал просить помощи. Кормилица подумала и сказала:

— Господин мой! Откажись ты от этой любви. Ведь твой отец поклялся отдать Ширин Ферхаду. Из-за нее была такая война. Теперь он не отречется от своих слов.

Но Хусрев горько-горько заплакал и сказал:

— Ах, моя любимая кормилица! Ты советуешь мне отказаться от этой любви. Но разве это в моих силах? Только ты можешь мне помочь!

Кормилица снова задумалась.

— Единственное средство, — сказала она, — это умертвить Ферхада хитростью. Тогда отец твой спокойно отдаст Ширин тебе...

Хусрев продолжал чахнуть и страдать от мук любви, так как мысль умертвить Ферхада была неприемлема для его доброго имени. Наконец он заболел и слег в постель. Обеспокоенный этой болезнью сына, Хюрмюз собрал всех лекарей, какие только были в стране, и велел осмотреть больного. Все лекари сказали, что болезнь шахзаде — любовь.

Тогда кормилица, зная, в чем дело, рассказала все шаху. Хюрмюз изумился. Шах оказался в затруднении: он не мог отказать от слова, которое дал Ферхаду, но не мог также при-

мириться с гибелью сына. И он стал просить кормилицу, чтобы она уговорила шахзаде отказаться от этой любви. Кормилица опять стала увещевать Хусрева, но ничего из этого не вышло. Придя к шаху, она сказала:

— Шах мой! Чтобы спасти ваше единственное чадо и в то же время не нарушить данного слова, есть лишь одно средство. Позовите сюда Ферхада и скажите: «Ты провел воду в водоем Мехмене-бану. По ту сторону вон той горы есть источник. Если ты проложишь путь воде этого источника в город, я тотчас же отдам за тебя Ширин». Но провести сюда воду невозможно, а раз он не сделает этого, то и вы будете свободны от своего обещания.

Хюрмюз одобрил этот совет и, позвав Ферхада, предложил ему сделать это.

— Исполню приказ моего господина,— сказал Ферхад,— наверное, во всем этом заключена премудрость божья.

Взял Ферхад свою кирку и ушел к тому источнику. Он сейчас же приступил к работе и при каждом ударе киркой откалывал огромные глыбы от горы.

Шах, прибыв туда, чтобы посмотреть, как работает Ферхад, спросил:

— Сын мой! Когда ты предполагаешь закончить эту работу?

— О шах! — ответил Ферхад. — За сорок дней я сумею пустить воду в город.

Когда юноша говорил это, он забыл добавить слова «если позволит Аллах!».

Через пятнадцать дней Хюрмюз со своей свитой снова прибыл туда, где трудился Ферхад. Несчастный влюбленный уже раздробил почти полгоры. Они подивились его терпению, силе и упорству.

По возвращении во дворец шах сказал жене:

— Сегодня я видел Ферхада. Окрыленный любовью к Ширин, он горы сдвигает. Вокруг него сидят и наблюдают за его работой львы и тигры. Мне стало жаль несчастного. Лучше было бы наш сын отказался от этой любви, потому что, случись что-нибудь с Ферхадом, Ширин все равно не станет возлюбленной Хусрева. Пошлю-ка я эту девушку с несколькими рабынями туда, пусть двое влюбленных хоть повидаются.

На следующий день Ширин с несколькими рабынями отправилась повидать Ферхада. Юноша, увидев ее, бросил кирку и вышел ей навстречу.

Тяготы терпя, не плачь от боли,
Потерпи, Ширин, господь поможет.
Мы с тобойждемся светлой доли,
Не рыдай, Ширин, господь поможет!

Не поддайся горьким сожаленьям,
Не губи ты жизнь свою мученьем:
Счастье достигается терпеньем,
Потерпи, Ширин, господь поможет!

Мук врагам не выдай и намеком,
Не забудь меня, молись пророкам,
Бог тебя хранит всезрящим оком,
Потерпи, Ширин, господь поможет!

Любящий всегда во всем — с утратой,
Щедрый, как ни тратится,— богатый,
В сотах мед — всегда как непечатый,
Не рыдай, Ширин, господь поможет!

Влюбленные обнялись, и из глаз их хлынули потоком слезы. Затем Ширин вернулась во дворец, а Ферхад продолжал работать.

Через несколько дней шах снова отправился посмотреть, как работает Ферхад, и, вернувшись, сказал супруге:

— Сегодня я ездил посмотреть на Ферхада. Мне так жаль его, что я не мог даже глядеть на него. Я хочу тотчас же женить его на девушке. Пошли завтра туда Ширин, пусть они повидаются и немного утешатся. А мы тем временем все подготовим.

Шахиня на следующий день отправила Ширин с несколькими рабынями туда, где работал Ферхад. Девушка увидела Ферхада, и сердце ее чуть не разорвалось от рыданий. А Ферхад, увидев ее, запел:

Не гори, Ширин, в огне разлуки,—
Твой Ферхад спасет тебя от муки:
Розе подобает сад цветущий,
Соловью — быть с розой среди кущей.

Влюбленные, печальные и тоскующие, долго смотрели друг на друга. Потом Ферхад пропел:

Сгорела плоть от мук любви — в пыланье их огня:
Увы, теперь твоей красе уж не обжечь меня!

Ширин ответила:

Не терзай себя, Ферхад, сурово,
Боль разлуки вечно не продлится.

Шах красы, послушай это слово:
Плачущим дано возвеселиться!

Новой, не ущербною, луною,
Радостный, предстань передо мною.
Ты твоей Ширин любим вовеки:
Любящий любим любой ценою!

Ширин, исстрадавшаяся в разлуке, видя, что дело идет к счастливому концу, не смогла сдержаться и заплакала. А Ферхад пропел:

Изошли из сердца муки,
Светлая пора настала,
Прочь умчалось зло разлуки —
Время для добра настало!

— О мой любимый! — воскликнула Ширин. — Сердце мое сегодня в печали. Конь мой, когда я ехала сюда, споткнулся. Это не к добру. Помолимся господу!

Ферхад вздохнул и пропел:

Суждено ль кому судьбою
Гнет напастей побороть?
Нам теперь вдвоем с тобою
Вся надежда — лишь господь!

Затем влюбленные попрощались. Ширин вернулась во дворец. Той ночью она увидела во сне, что на Ферхада напала бешеная собака и укусила его. В страхе она проснулась и рассказала сон любимой рабыне.

— Прошу тебя, — умоляла Ширин, — сегодня же поезжай и повидай Ферхада, привези мне известие, что он жив.

— Сейчас ночь, — сказала рабыня, — никто не узнает, давайте отправимся вместе.

Обе девушки поехали. Ширин увидела Ферхада, живого и невредимого, обрадовалась и рассказала ему свой сон.

Юноша заверил ее, что сон этот — к добру.

— О свет очей моих Ширин! — воскликнул он. — Через три дня будет закончена моя работа. Тогда мы и достигнем желаемого. Не тревожься ни о чем.

Но кормилица узнала, что обе девушки ночью уезжали, и рассказала жене шаха, а та обо всем поведала мужу. Тут Хюрмюз постиг всю силу их любви.

— Они умрут, но не разлучатся, — сказал шах жене. — Хусрев должен отказаться от своей любви, потому что добром это не кончится.

Тогда жена шаха пошла к сыну, который все еще был болен. По сколько она его ни наставляла, сколько ни уговаривала, Хусрев не смог отказаться от девушки и говорил, что скорее убьет себя, чем сделает это. Наконец вмешалась в дело кормилица и сказала шаху:

— Ваш единственный сын погибнет. Есть лишь одно средство спасти его — отдать ему Ширин. Но пока жив Ферхад, вы не сможете этого сделать. Если поручите это дело мне, я все устрою.

Получив разрешение шаха, она надела старушечье платье, взяла поднос с кусками хлеба и отправилась к Ферхаду. Приговорно плача и роняя слезы, она сказала ему:

— Сын мой Ферхад! Ты эту гору крушишь ради Ширин! А я сейчас проходила мимо дворца и услышала внутри какой-то плач. У ворот раздавали хлеб. Я спросила, что случилось. Мне сказали, что девушка по имени Ширин сегодня ночью неожиданно скончалась, вот и раздают хлеб. И мне дали блюдо с кусками хлеба. Жаль твоих усилий. Не старайся напрасно...

Услыхав эту черную весть, Ферхад пришел в отчаяние и безутешно зарыдал.

Он подбросил в воздух свою кирку и поставил под нее голову. Кирка упала ему на голову, разбила ее на части, и он испустил дух.

Кормилица, увидав все это, побежала во дворец и рассказала обо всем Хюрмюз-шаху.

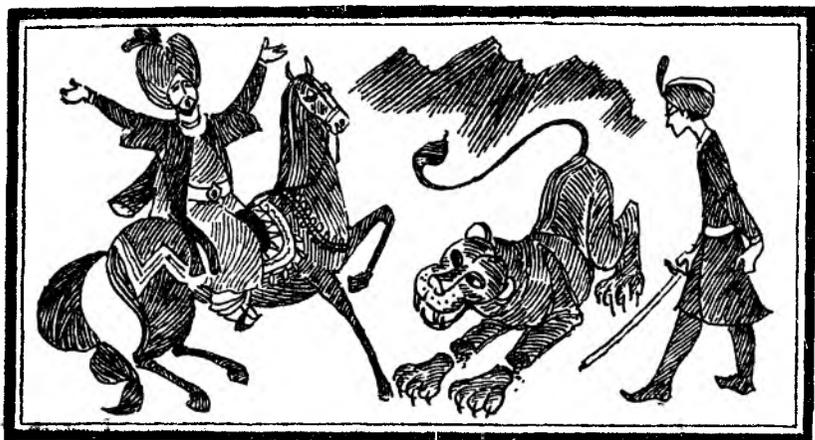
Переходя из уст в уста, эта весть дошла и до Ширин. Девушка лишилась чувств. Через некоторое время она пришла в себя и сказала, что хочет видеть тело Ферхада. Шах приказал доставить ее туда.

Ширин упала на бездыханное тело своего возлюбленного и стала издавать отчаянные вопли и стоны. Она вытащила прятанный ею заранее кинжал и вонзила его себе в сердце. Душа ее тотчас улетела и соединилась в раю с душой Ферхада.

Узнав об этом, Хюрмюз-шах прибыл к месту гибели Ширин. С ним пришла и кормилица — взглянуть на дело рук своих. Тут с гор спустился лев и разорвал ее на части.

Хюрмюз-шах был очень опечален. Двух влюбленных, которые не смогли соединиться при жизни, похоронили в одной могиле, и беднякам роздали много милостыни.

Через некоторое время на могиле Ферхада и Ширин вырос черный куст. И поныне посещающие их могилу видят там этот куст.

Титва при крепости Бехрамабад

Сын Дараб-шаха Фируз-шах открыл глаза. Он сел, огляделся. Не видя никого в комнате, пробормотал:

— Аллах, Аллах! Что за странный сон? Три ночи вижу один и тот же сон. В этом, без сомнения, заключен какой-то тайный смысл...

Фируз-шах встал с кровати из черного дерева, украшенной жемчугом, хлопнул в ладоши и крикнул рабьям, стоявшим у дверей:

— Одеваться! Скорее!

Он быстро оделся и направился на мужскую половину дворца¹. Встретив одного из слуг, Фируз-шах приказал:

— Беги и скажи везиру Тайтусу, что я срочно хочу его видеть.

А сам сел у окна на тахту, на которой были разостланы тюфяки из птичьего пуха, обшитые шелком, и с нетерпением стал ждать прихода везира.

Наконец пришел везир Тайтус. Со словами «Приветствую тебя, шахзаде!» он вошел в комнату. После положенного приветствия везир сел на указанное ему шахзаде место и сказал:

— Приказывай, шахзаде!

Фируз-шах сразу перешел к делу:

— Да будет это к добру! Три ночи подряд я вижу один и тот же сон. Это меня беспокоит. Вот почему я тебя позвал.

— Да будет это к добру, шахзаде! Расскажите ваш сон, а я послушаю и, как смогу, истолкую его.

— Сон мой очень простой. Три ночи я вижу девушку. Она такая красавица, подобной которой я до сих пор не видел. У нее три родинки: одна — на правой щеке, вторая — на левой, а третья — на подбородке. Из глаз ее струится свет, проникающий в самую душу. Всякий раз, когда я ее видел, она говорила: «Я твоя судьба». Я спросил, кто она. Девушка дала очень странный ответ.

— Что же она ответила?

— Сначала я спросил ее имя. Девушка сказала: «Источник, дающий жизнь». Я спросил, откуда она. Девушка ответила: «Мое место в славе».

При этих словах Фируз-шаха везир Тайтус опустил голову. Подумав некоторое время, он сказал:

— Шахзаде! Большею частью сны следует толковать не буквально. По-моему, «источник, дающий жизнь» по-арабски будет «айнихаят», а «слава» по-арабски — «тааз». Это название города в Йемене. В таком случае девушка, которую вы видели во сне, должна быть дочерью Сервера Йемени, падишаха Йемена, а зовут ее Айнихаят.

Сердце Фируз-шаха сразу же преисполнилось радости: ум и познания Тайтуса были столь велики, что он верил каждому его слову.

Хотя Фируз-шах очень обрадовался этим словам Тайтуса, он все же захотел узнать обо всем подробнее:

— Ты знаешь, что у падишаха Йемена есть дочь, которую так зовут?

— Нет, шахзаде. Я узнал об этом только из вашего сна.

— Если так, пошли людей на рынки и базары. Вели отыскать купцов или путешественников, которые недавно оттуда прибыли. Мы поговорим с ними и узнаем, на самом ли деле у падишаха Йемена есть дочь по имени Айнихаят.

— Слушаюсь!

Через несколько часов Тайтус пришел в сопровождении человека высокого роста, с черной бородой, одетого во все белое.

— Шахзаде! Я привел к вам купца, который только вчера прибыл из Йемена.

Купец учтиво приветствовал шахзаде, сел на указанное ему место и стал ждать вопросов.

Фируз-шах велел принести гостю шербет, оказал ему хороший прием, затем стал расспрашивать.

— Как вас зовут?
— Сиявуш Художник.
— Откуда вы родом?
— Из города Саны в Йемене.
— Чем вы занимаетесь?
— Каждый год я отправляюсь из Йемена в Иран и Туран, торгую.

— Вы посещали город Тааз в Йемене?
— Там у меня лавка. Поэтому, когда я возвращаюсь или уезжаю, всегда бываю в этом городе.

— Кто сейчас падишах в Таазе?
— Сервер Йемени.
— Есть у него сыновья и дочери?
— У него семь сыновей, которых прозвали «семь львов», и дочь такой красоты, подобной которой не видели в этом мире.
— А как зовут его дочь?
— Айнихаят-султан.

Шахзаде сильно покраснел и устремил взор, полный восхищения и радости, на везира Тайтуса. Его взгляд говорил: «Честь и слава тебе, Тайтус! Я поражен твоим умом и познаниями!»

Затем он снова обратился к Сиявушу Художнику и продолжал расспрашивать:

— Вы видели ее?
— Не только я, ни один мужчина, кроме отца и братьев, не видел Айнихаят. Ее дворец находится в саду, напоминающем рай, который окружен стеной. Но я слышал о несравненной красоте этой девушки от женщин.

— Вы можете передать, как они ее описывают?
— Тело Айнихаят белое и сияющее, как жемчуг. Когда она смотрит на человека, в его сердце льется свет. Стройность ее и красота несравненны. У нее три родинки: одна — на правой щеке, вторая — на левой, третья — на подбородке. Каждая из них стоит всех сокровищ египетской казны.

— Сколько же ей лет?
— Я очень хорошо помню, когда она родилась. Весной ей исполнится ровно семнадцать.

— Кто-нибудь за нее уже сватался?
— Еще бы, шахзаде! Сотни государей, шахов и шахзаде сватались за нее. Но всем им она отказала.

— Почему?
— Она не сочла никого достойным себя.

Шахзаде опустил голову, погрузился в глубокое раздумье, затем шепнул Тайтусу:

— Как думаешь? Рассказать этому человеку о сне?

Тот сразу же ответил:

— Если вы чувствуете в своем сердце расположение к этому человеку, нужно рассказать. Кто не говорит о своей болезни, лекарства не найдет.

Тогда Фируз-шах глубоко вздохнул и рассказал Сиявушу Художнику о своем сне. А потом сказал:

— Я чувствую, что мое сердце сгорает от любви. Я боюсь погибнуть от этой муки. Есть ли средство спасти меня от нее?

Сиявуш Художник посмотрел на Фируз-шаха. Это был крепкий молодой человек лет двадцати двух — двадцати пяти. Его черты выражали одновременно мягкость, что редко встречается у мужчин, и мужественность. Это сочетание делало лицо Фируз-шаха необыкновенно привлекательным.

Сиявуш Художник, улыбнувшись, ответил:

— Шахзаде! Не тревожьтесь. Я смогу помочь вашему горю. Но сначала позовите искусного живописца и велите написать ваш портрет. Дайте его мне. Я тотчас отправлюсь в Тааз, найду какой-нибудь способ передать Айнихаят-султан портрет и сообщить ей о вас. Я очень надеюсь, что таким образом смогу помочь вашему горю.

Шахзаде Фируз-шах очень обрадовался этим словам Сиявуша. Он тотчас же приказал позвать одного из самых знаменитых живописцев города. Прекрасно выполненный портрет свой Фируз-шах передал Сиявушу. Он дал ему также много денег и богатые подарки, а потом сказал:

— О Сиявуш! И ты и я испытываем судьбу. Если ты добьешься успеха и сделаешь меня счастливым, я осыплю тебя величайшими в мире милостями.

И с этими словами отправил Сиявуша в Тааз.

С тех пор прошло около трех месяцев. От Сиявуша не было никаких вестей. За это время огонь любви, пожиривший сердце Фируз-шаха, стал совсем невыносимым. Шахзаде не находил покоя, не ел, не пил, по ночам не смыкал глаз. Он уединялся в безлюдном уголке дворца и проводил все время в мечтах о своей возлюбленной, плача и стона.

Такое состояние шахзаде очень обеспокоило всех во дворце. Все хотели знать причину этого. Но тайну Фируз-шаха не знал никто, кроме Тайтуса.

У Дараб-шаха, отца Фируз-шаха, был очень смелый и мужественный военачальник по имени Пильтен. Его сын Ферахзад и Фируз-шах были сверстниками. Все двадцать два года своей жизни они провели вместе. Юноши учились у одного учителя, один и тот же воин учил их ездить верхом и владеть оружием. Если хотя бы день молодые люди не видели друг друга, они начинали скучать.

Состояние Фируз-шаха очень опечалило Ферахзада. Страдания шахзаде, которого Ферахзад любил, как родного брата, чрезвычайно огорчали его. Ферахзад хотел узнать, что за горе у Фируз-шаха. Но и он не мог ничего добиться от него.

Наконец Ферахзад решился. Однажды он снова пришел во дворец Фируз-шаха и сказал:

— Брат, кто я для тебя?

— Кто? Ты дорог мне, как собственная душа. Ты мне ближе родных братьев.

— В таком случае расскажи мне о своем горе. Если ты этого не сделаешь, я уйду. И даже покину страну.

Шахзаде некоторое время колебался, но потом поведал о страданиях своего сердца, о сне, который видел три ночи подряд, рассказал о том, что послал Сиявуша в Тааз, и о том, что, хотя прошло три месяца, никаких известий от него нет.

Ферахзад выслушал рассказ шахзаде. Теперь он понял, почему тот уединялся в самых укромных уголках дворца.

Ферахзад сказал:

— Если так, чего мы ждем? Расскажем обо всем твоему отцу Дараб-шаху. Он очень любит тебя, сразу отправит нескольких везиров к падишаху Йемена с подобающими дарами и попросит его дочь тебе в жены. Если тот откажет, отец пошлет войско и решит дело силой меча.

Фируз-шах это предложение не принял:

— Мой отец справедливый падишах. До сих пор он никогда не применял насилия. Я не хочу, чтобы он из-за меня запятнал свою честь.

— А что же в таком случае ты думаешь делать?

И тут шахзаде решил сказать о плане, который он обдумывал уже много дней:

— Я хочу тайно отправиться в Йемен и попытаюсь там найти средство от моего горя.

Ферахзад долго думал, потом согласился с шахзаде и предложил:

— Раз ты хочешь это сделать... Всю жизнь мы не расстава-

лись. И в этом деле мы должны действовать вместе. Если твое решение твердое, отправимся вместе.

Фируз-шах с большой радостью принял это предложение Ферахзада:

— Тогда готовься втайне.

Ферахзад под каким-то предлогом велел конюхам отвести Ямана, коня шахзаде, в одно место в окрестностях города. Он взял самое прочное оружие, все украшенное золотом.

Фируз-шах боялся, что отец вернет его, и хотел, чтобы никто не знал об их приготовлениях и отъезде. Приготовления были закончены в глубокой тайне.

Наконец однажды ночью Фируз-шах и Ферахзад незаметно покинули дворец. Сначала друзья пошли туда, где был спрятан Яман. Там они сели на коней и вооружились. А потом, положившись на милость Аллаха, отправились в путь. Чтобы не оставлять следов, они поехали по горным дорогам.

Фируз-шах и Ферахзад обходили стороной деревни и города. В горах они питались хлебом, молоком и дичью, которые покупали у пастухов. Они уже оставили позади страпу Дараб-шаха, вступили на земли других правителей и продолжали путь.

Однажды перед Ферахзадом вдруг появилась газель. Довольный тем, что ему попалась эта добыча, юноша гнался за ней изо всех сил.

Газель некоторое время бежала по равнине, потом поднялась на холм. Но, едва достигнув вершины, словно испугавшись чего-то, повернула обратно и побежала в другом направлении.

Ферахзада заинтересовало поведение газели. «Аллах, Аллах,— сказал он себе,— что это животное увидело там за холмом?»

Чтобы удовлетворить свое любопытство, он решил подняться на холм, пришпорил коня и через несколько минут достиг вершины. Посмотрев вниз, Ферахзад увидел большой караван с множеством людей. Люди расположились под деревьями и отдыхали от жары. Ферахзад решил не преследовать газель. Вернувшись к Фируз-шаху, он сказал:

— За холмом на отдых расположился караван. Чем нам путешествовать по этим дорогам одним, лучше присоединиться к каравану.

Предложение понравилось Фируз-шаху. Он тотчас же повернул коня к каравану. Оба юноши стали спускаться с холма. Но караванчики, увидев двух вооруженных молодых людей верхом на прекрасных конях, с криками «Разбойники!». Раз-

бойники!» стали разбегаться. Некоторые же схватились за оружие.

Ферахзад погнал коня вперед и крикнул:

— Не бойтесь! Мы не разбойники. Мы едем из Ирана в Басру. Если вы согласитесь, мы присоединимся к вам.

С трудом удалось ему наконец убедить караванщиков. Однако кушцы, которые шли с караваном, посоветовались друг с другом и решили: «Эти молодые люди в самом деле не очень похожи на разбойников. Но все же будем осторожны. Как-нибудь отнимем у них оружие и свяжем им руки. Поведем их потом до третьей остановки. Если следом за ними никто не поживится, освободим».

Фируз-шах и Ферахзад ничего не знали об этом решении. Они сняли оружие и расположились под деревом на отдых. Караванщики внезапно набросились на них, отняли оружие, связали руки и погнали перед собой. Караван вновь пустился в путь.

На следующий день, к полудню, караван подошел к ущелью. Как раз когда караван собирался пройти там, он столкнулся с разбойничьей шайкой. Некоторые караванщики стали кричать: «Видите? Эти разбойники — их товарищи!»

Фируз-шах не вытерпел:

— Зачем вы нас понапрасну обвиняете? Разве мы похожи на разбойников? Развяжите нам руки, дайте оружие. Тогда вы поймете, что эти разбойники не товарищи нам.

Фируз-шах произнес эти слова с таким отважным видом, что сразу убедил слышавших его. Молодым людям развязали руки, вернули оружие.

А в это время разбойники готовились напасть на караван. Фируз-шах и Ферахзад вскочили на коней и в сопровождении вооруженных караванщиков бросились на разбойников. Многих они убили и ранили, остальных же обратили в бегство.

Этот героизм юношей устыдил караванщиков. Они стали просить у них прощения и предлагать им много подарков.

Фируз-шах сказал:

— Нам не нужно ничье имущество. Мы только хотели путешествовать вместе с вами. Но вы не оценили нас, оскорбили. И мы не хотим быть с вами.

Юноши хотели покинуть караван, но караванщики окружили их, стали умолять и не отпустили. Скоро караванщики поняли, как разумно они поступили.

Оказывается, в тех местах была крепость Бехрамабад.

В ней жили два брата — Каадир-шах и Каахир-шах. У них было несколько сот всадников. У братьев не было никаких источников дохода. Они жили тем, что посылали своих всадников грабить проходившие караваны.

И в этот раз, едва увидев караван, братья послали своих людей. Они хотели ограбить караван. Увидев, что те вернулись побежденными, в жалком виде, братья удивились и стали их расспрашивать. Те ответили:

— В караване есть двое юношей. С ними не справиться. Они обратили нас в бегство.

Братья пришли в изумление. Каадир-шах страшно разгневался:

— Вас было так много, как же вы бежали от двух человек? — Потом приказал: — Приведите коня, принесите оружие! Быстро! Я покажу этим юношам!

Каадир-шаху принесли оружие, привели коня. Его люди последовали за ним. Они погнали коней к каравану.

Когда караванщики увидели позади себя облако пыли, они страшно перепугались и стали плакать и причитать:

— Горе нам! Разбойников стало в несколько раз больше. Что будем делать?

Фируз-шах снова обратился к ним:

— Друзья! Плакать и жаловаться при виде врага бесполезно. Сейчас остается только вооружиться и оказать сопротивление.

Он тотчас же отвел караван в подходящее для обороны место, разделил всех вооруженных людей так, чтобы они выстроились двумя рядами вдоль дороги. Командовать одним он поручил Ферахзаду, а второй возглавил сам. Затем Фируз-шах стал ждать приближения разбойников.

Каадир-шах был уже близко от каравана. Вдруг он остановил коня. Увидев вооруженных караванщиков, выстроившихся двумя рядами, Каадир-шах растерялся.

Воины, которым удалось спастись в первой стычке, указали на Фируз-шаха и Ферахзада, величественно сидевших на конях:

— Вот это те самые юноши, которые обратили нас в бегство.

В сердце Каадир-шаха внезапно закрался страх:

— Если мы прямо нападём на них, слова погубим даром много своих людей. Не будем нападать. Пошлём богатыря. Потребуем, чтобы они тоже выслали человека для единоборства.

Без сомнения, им будет один из юношей. Если наш богатырь сумеет убить его, караван сдается.

И приказал главному богатырю Текинташу:

— Выходи на бой!

Текинташ выехал вперед и поскакал к защитникам каравана. Приподнявшись на стременах, он крикнул:

— Я главный богатырь Каадир-шаха Текинташ. До сих пор никто не мог побороть меня. Ни один богатырь не мог устоять перед силой моего меча. Если среди вас есть храбрец, пусть выходит на единоборство со мной.

Фируз-шах тотчас пришпорил коня и крикнул:

— Эй, хвастун! Знай, я нападаю на тебя! Крепче держись на коне!

Фируз-шах выставил вперед меч и так стремительно бросился вперед, что Текинташ, пытаясь спастись, свернул вправо. И меч вонзился ему в грудь по рукоятку. Текинташ, обливаясь кровью, тут же рухнул на землю.

А у Текинташа был брат по имени Култаш. Он также был знаменитым и мужественным богатырем. Когда Култаш увидел, как брат его упал, он не выдержал, в тот же миг пришпорил коня, выхватил меч и как молния бросился вперед.

Фируз-шах вдруг поднял коня на дыбы. Напал на Култаша справа и нанес ему такой страшный удар, что рассек голову гиганта-богатыря в шлеме до самой груди.

Увидев это, Каадир-шах сказал своим воинам:

— Давайте все вместе нападём на этого юношу. Набросимся на него со всех сторон и убьем!

В это время Фируз-шах вытирал кровь с меча и поэтому не обратил внимания на то, что враги совещаются. Но он разгадал их замысел и приказал своим товарищам:

— Вперед!

И началась схватка. Звон мечей, крики, ржание коней — все слилось в ужасающий гул.

Фируз-шах и Ферахзад без устали рубили врага. При каждом взмахе меча падал один или два разбойника. Каадир-шах кричал во все горло, ободряя своих людей. Но те не могли устоять перед Фируз-шахом и Ферахзадом.

Разбойники стали разбегаться и отступать к крепости Бехрамабад.

Наконец не смог устоять и сам Каадир-шах. Теперь и он повернул к крепости и пришпорил коня.

Фируз-шах очень обрадовался победе.

— Друзья! Будем преследовать врага! — приказал он. Но караванщики, не привычные к бою, действовали медленно и не смогли догнать бегущих.

Каадир-шах с уцелевшими воинами вошел в крепость.

— Скорее закройте ворота! — приказал он страже.

Затем Каадир-шах сказал встретившему его брату Каахир-шаху:

— Действительно, эти двое юношей как огонь. Они нас разбили и даже преследовали до самых ворот крепости.

Каахир-шах страшно разгневался при этих словах брата:

— Позор, что ты с таким большим числом воинов не сумел справиться с двумя юношами! — Потом приказал слугам: — Быстро приготовьте коня!

Он немедленно вооружился и сел на чистокровного арабского скакуна. Каахир-шах вместе со всеми воинами, которые были в крепости, подошел к воротам, велел их открыть и закричал:

— Кто смеет выступать против нас? Если есть среди вас смелый человек, пусть выходит, померяется со мной силой!

Фируз-шах в тот же миг пришпорил коня и подъехал к Каахир-шаху.

— Эй, разбойники, не боящиеся Аллаха и не стыдящиеся рабов его! Что вы хотите от каравана, который идет своим путем? Пока вас не накажу, не уйду отсюда!

При этих словах страх закрался в сердце Каахир-шаха. Он внимательно оглядел Фируз-шаха, потом обернулся к Каадир-шаху, стоявшему рядом:

— Брат! Этот юноша не похож на обычного купца-караванщика. Он говорит почти как правитель! Нет иного выхода, как убить его!

И Каахир-шах тотчас же выхватил свой меч и устремился на Фируз-шаха. Но Фируз-шах разгадал замысел Каахир-шаха еще до того, как тот бросился в бой. Он прикрыл голову мечом и пригнулся. Его конь на всем скаку столкнулся с конем Каахир-шаха. Меч вылетел из руки Каахир-шаха, а сам он свалился с коня.

Как только Каадир-шах это увидел, он тотчас же устремился в бегство по направлению к крепости. Но Ферахзад в тот же миг пришпорил коня, догнал Каадир-шаха, схватил его за пояс и поднял в воздух.

Каадир-шах так при этом растерялся, что не мог больше сопротивляться и закричал:

— Сдаюсь!

Как только Каахир-шах упал с коня, Фируз-шах приставил копье к его груди, но благородный юноша не смог убить Каахир-шаха, который находился в таком положении, он сжалился над его молодостью.

Каахир-шах понял, что Фируз-шах пожалел его, и был вынужден сдаться, как и брат.

Фируз-шах сошел с коня и обратился к Каахир-шаху, лежавшему на земле:

— Я прощаю тебя с одним условием.

— С каким же?

— Поклянись, что не будешь больше грабить караваны.

Каахир-шах именем Аллаха поклялся, что больше не будет нападать на караваны. Тогда Фируз-шах сказал:

— Я прощаю тебя и твоего брата и освобождаю вас.

Этот великодушный и благородный поступок очень тронул и Каахир-шаха и Каадир-шаха.

Каахир-шах взял Фируз-шаха за руки:

— Юноша! Ты очаровал нас не только своей храбростью, но и великодушием. Крепость, которую ты видишь, принадлежит не нам, а тебе. Окажи нам честь, будь нашим гостем.

Фируз-шах принял это предложение Каахир-шаха и вместе с Ферахзадом вошел в крепость. Они уселись на тахту в роскошно убранной комнате, находившейся в верхней части башни, пили, ели, беседовали.

Потом Фируз-шах спросил:

— Почему вы живете в горах в этой одинокой крепости?

Каахир-шах глубоко вздохнул и печально ответил:

— Я сын падишаха Чёлистана. Когда отец умер, все имущество, все богатства и крепости остались мне и моему брату Каадир-шаху. А у отца был брат по имени Мелик-Халид. Наш дядя оставил нам только крепость, а все остальное отнял у нас. Он отказался от данного им слова выдать за меня свою дочь Рухсар, с которой я обручился при жизни отца. Сила была на его стороне. У нас было недостаточно сил, чтобы вступить с ним в борьбу. Я полностью отказался от всех прав на имущество отца и только просил отдать за меня невесту, я плакал, умолял. Но этот человек с каменным сердцем ничего не хотел слушать. Тогда вместе с братом я удалился в эту крепость. Собрав немного людей, я решил взимать пошлину с проходящих здесь караванов и этим жить, хоть и хорошо знал, что поступаю нечестно. Благодаря тебе я раскаялся и поклялся не совершать более таких гнусных поступков. Благодарю тебя за это.

Эта печальная повесть глубоко тронула Фируз-шаха. Он стал расспрашивать:

— А где живет твой дядя Мелик-Халид?

— На расстоянии трех переходов отсюда есть крепость. Там он и живет.

— Сколько у него воинов?

— Точно не знаю, но много.

— Дело не в числе. Главное — как их использовать. Если хочешь, пойдем к его крепости, потребуем отдать тебе девушку. А если он будет упорствовать и откажет, пусть спор решит Аллах. Надеюсь, что мы заставим его подчиниться.

— Если вы сделаете для меня такое доброе дело, я буду всю жизнь молиться за вас.

— Тогда готовь своих людей. Завтра вечером, когда стемнеет, мы отправимся в путь.

Приказ Фируз-шаха был тотчас же выполнен Каадир-шахом. Всем воинам в крепости было приказано готовиться.

На следующий день, вечером, когда стемнело, Фируз-шах сел на коня и поскакал впереди. За ним следовали Ферахзад, Каахир-шах и Каадир-шах. А позади ехали воины, разделенные на несколько отрядов.

Глубокой ночью они осадили крепость Хюрремабад. Фируз-шах приказал воинам собрать хворост, сложить его вокруг крепости и поджечь. Вмиг вспыхнуло страшное пламя.

Крепость оказалась окруженной огненным кольцом. Часовые, увидев это, очень удивились и тотчас же побежали сообщить о случившемся Мелик-Халиду.

Мелик-Халид поднялся на высокую башню крепости посмотреть и тоже изумился. Он велел крепко запереть ворота крепости и послал несколько человек узнать, в чем дело.

Фируз-шах предполагал, что, как только Мелик-Халид увидит огни, он пошлет людей разузнать, что происходит, и приказал всем воинам привести к нему тех, кто с этой целью выйдет из крепости.

Скоро воины Каахир-шаха привели трех человек. Сначала Фируз-шах допросил их, затем указал на Каахир-шаха и Каадир-шаха:

— Эти молодые люди — мои братья в этом и загробном мире. Они пожаловались мне на дядю, Мелик-Халида. Идите к нему и скажите, что сейчас вокруг крепости десять тысяч воинов. Если в течение часа Мелик-Халид не придет сюда и не вернет моим братьям то, что им принадлежит по праву, до рассвета

крепость будет разрушена до основания. От нее не останется камня на камне.

Трое вернулись в крепость и рассказали, что видели и слышали, Мелик-Халиду.

Мелик-Халид очень удивился и стал расспрашивать:

— Что за человек сказал вам эти слова?

— До сих пор мы такого юноши не видели. Когда он говорит, человек испытывает почтительный страх.

— У него действительно столько воинов?

— Воинов повсюду полно. Как морской песок, передвигается.

Мелик-Халид при этих словах страшно испугался, долго размышлял, потом собрал везиров и стал с ними советоваться. Везиры предложили:

— Светлейший Мелик! Будет разумно, если вы отправитесь на зов этих людей и обманете их. Главное, чтобы ночь прошла. А завтра рассветет, мы увидим, сколько у них воинов, и что-нибудь придумаем.

Мелик-Халид сел на белого мула и выехал из ворот крепости в сопровождении своих приближенных в роскошно расшитых одеждах. Он направился туда, где находился Фируз-шах.

Фируз-шах не поднялся и продолжал сидеть, подобно великому правителю. Каахир-шах и Каадир-шах стояли позади Фируз-шаха, опираясь на мечи.

При виде этого в сердце Мелик-Халида вдруг закрался страх. Он сошел с мула и приветствовал Фируз-шаха. Фируз-шах ответил на приветствие и указал на седло, лежавшее на земле:

— Садись, Мелик-Халид.

Фируз-шах произнес эти слова столь величественно, что Мелик-Халид повиновался, как раб.

Фируз-шах заговорил грозным голосом, от которого Мелик-Халид затрепетал:

— Мелик-Халид! Чьи сыновья Каахир-шах и Каадир-шах?

— Они сыновья падишаха Чёлистана.

— Что случилось с падишахом Чёлистана?

— Он скончался.

— Если умирает отец, кому достается наследство?

— Сыновьям.

— В таком случае как же ты отнял у них наследство, на которое они имеют право?

— Помилуй бог! Я не нарушил их прав. Я сохранил крепо-

сти, чтобы их не захватили другие... так как сыновья падишаха Чблистана были малы, когда он скончался.

— Превосходно! Ты обручил свою дочь с Каахир-шахом, когда его отец был жив. Но после того как отец умер, ты отказался от своего слова. Почему?

Мелик-Халид не ответил на эти слова. Он пришел в ярость от того, что его допрашивают подобным образом в присутствии приближенных. Он поднялся:

— Юноша! Ты задаешь мне эти вопросы... Но сначала скажи, кто ты.

Фируз-шах ожидал, конечно, что Мелик-Халид разгневется.

Он приказал:

— Возьмите оружие у этого человека, свяжите ему руки. В наказание за совершенную им несправедливость повесьте его на том дереве.

Люди Каахир-шаха тотчас бросились на Мелик-Халида, обезоружили его, крепко связали ему руки и потащили к дереву, которое росло в пяти-десяти шагах.

Слуги Мелик-Халида при виде этого пришли в смятение и разбежались.

Фируз-шах сделал знак Ферахзаду. Ферахзад подбежал к Мелик-Халиду и сказал:

— Слушай! Ты видишь, шахзаде не шутит. Ты погибнешь понапрасну. Моли его, проси пощадить.

Мелик-Халид совсем перепугался и стал умолять:

— Сжался, о юноша! Если ты спасешь мою жизнь, я отдам тебе всю свою казну. Беги к шахзаде и скажи, что я на все согласен.

Ферахзад подбежал к Фируз-шаху:

— О шахзаде! Мелик-Халид раскаивается в своих словах и принимает все ваши предложения.

Фируз-шах властно приказал:

— Оставьте его! Не вешайте! Приведите сюда!

Мелик-Халида привели, и Фируз-шах обратился к нему:

— Какой же ты дядя, если бросил этих шахзаде в крепости в бесплодной пустыне? Ты едва не заставил их стать разбойниками, так как им нужно было как-то добывать себе средства к пропитанию. Ты захватил то, что им принадлежало по праву. Теперь ты должен довольствоваться только этой крепостью. А крепости, оставшиеся этим молодым людям в наследство от отца, вернешь им.

Мелик-Халид опустил голову:

— Согласен...

Фируз-шах продолжал грозным голосом, от которого Мелик-Халид трепетал:

— Потом... Отдашь дочь Каахир-шаху.

— Слушаюсь, шахзаде.

Фируз-шах велел развязать руки Мелик-Халиду, потом обернулся к Каахир-шаху и Каадир-шаху, которые не могли скрыть радости:

— Идите, поцелуйте руки дяде и отныне живите с ним в дружбе.

Каахир-шах и Каадир-шах поцеловали руки дяде, а потом вместе с Мелик-Халидом поклонились до земли Фируз-шаху и выразили ему свою глубокую благодарность:

— После того как на свете появился такой благородный и бесстрашный шахзаде, как ты, нам стыдно быть падишахами. Правь нами, стань нашим государем.

Но Фируз-шах глубоко вздохнул. Если бы в этот миг ему предложили власть над целым миром, он бы не смог принять ее. Целью Фируз-шаха было как можно скорее отправиться в Йемен и увидеть свою возлюбленную Айнихаят. Поэтому Фируз-шах отказался от предложения Каадир-шаха и Каахир-шаха, распрощался с ними и продолжал путь.

Каахир-шах взосел на трон отца, женился на своей возлюбленной. А его младший брат Каадир-шах не пожелал расставаться с Фируз-шахом и, взяв с собой десять слуг и всю свою казну, присоединился к нему. Трое юношей снова отправились в путь. Они направлялись в Йемен и повсюду искали Сиявуша Художника.

А Сиявуш Художник между тем, как только расстался с шахзаде, тотчас вернулся в Йемен и немедленно принялся за дело.

По прибытии в Тааз Сиявуш сначала пошел в баню, вымылся и так избавился от усталости после путешествия. Затем он оделся и принялся ходить вокруг дворца Сервера Йемени. Сиявуш намеревался найти удобный случай и проникнуть во дворец, договориться с кем-нибудь из приближенных Айнихаят и найти средство помочь шахзаде.

Когда Сиявуш так ходил около ворот дворца, со стороны рынка показалась толпа. Множество людей в роскошных одеждах вошло во дворец.

Сиявуш тотчас подошел к привратникам и спросил:

— Кто это?

— Послы падишаха Кашмира. Они прибыли сватать дочь нашего государя за сына падишаха Кашмира.

Сиявуш немедленно присоединился к послам из Кашмира и вместе с ними вошел в огромный зал дворца.

Сервер сидел посередине зала на троне, отделанном жемчугом и слоновой костью.

Послы выразили ему свое почтение. Потом им подали сладости, шербет.

Сервер-султан обратился к послам и спросил:

— Что вы желаете?

— Наш государь, шах Кашмира, приветствует вас и шлет вам это послание.

И послы вручили Сервер-султану письмо, которое достали из мешка, сшитого из алого атласа.

Султан отдал письмо везиру Тайффуру. Тот пробежал письмом глазами и сказал:

— Султан! Падишах Кашмира просит у вас в жены для своего старшего сына ее высочество Айнихаят.

Письмо не понравилось Сервер-султану, но он вежливо ответил послам:

— Мы несколько дней подумаем, потом дадим вам ответ.

В это время в зал вошел главный привратник и доложил:

— Султан! Прибыли послы от государя Египта Велид-шаха. Они просят принять их.

Сервер-шах приказал впустить и этих послов. Их также угостили сладостями и шербетом. Затем пришла очередь спросить, зачем они приехали.

Глава посольства поднял над головой мешок из зеленого атласа и вручил Сервер-султану. Тот снова передал его везиру Тайффуру. Тайффур достал письмо, просмотрел его и обратился к Сервер-султану:

— Султан! Правитель Египта Велид-шах просит в жены для своего сына по имени Шах-Салих ее высочество Айнихаят. Он очень хвалит сына и говорит, что этот брак будет чрезвычайно полезен для обеих стран.

Эти слова очень рассердили Сервер-султана. Ничего не ответив египетским послам, он поднялся и собирался пойти на женскую половину дворца, когда снова в зал вошел главный привратник и доложил:

— Султан! Прибыли послы и от правителя Азербайджана Шах-Мурада. Они просят принять их.

Сервер-султан подумал, что эти послы рассеют неприятное впечатление от двух первых посольств, и приказал:

— Пусть войдут!

Посольство из двенадцати человек также вошло в зал. Все они склонились перед Сервер-султаном, изъявили ему свое глубокое почтение. Их угостили сладостями, шербетом. Наконец наступила очередь спросить о цели их приезда. В ответ глава посольства достал мешок, расшитый золотом, и передал султану. Сервер-султан вручил расшитый золотом и украшенный жемчугом мешок везиру Тайфуру. Тайфур достал из него письмо, просмотрел его и сказал:

— Султан! Правитель Азербайджана Шах-Мурад также просит в жены своему младшему сыну Шах-Нушу ее высочество Айнихаят. Если его просьба будет исполнена, он обещает дать золота в десять раз больше, чем находится в казне Египта.

Сервер-султан очень разгневался из-за того, что ему предложили деньги:

— За кого же меня считает ваш падишах? От кого он слышал, что мы продаем дочь за деньги? Если бы вы не были послами, я бы сейчас же велел отрубить вам головы и послать их вашему шаху.

Сервер-султан поднялся и удалился на женскую половину дворца.

После долгих размышлений он вызвал везира Тайфура:

— Каждый день все больше желающих взять в жены мою дочь Айнихаят. Надо наконец выдать ее за кого-нибудь. Что ты скажешь?

Везир Тайфур долго размышлял, потом ответил:

— Султан! Если выдадите ее высочество Айнихаят за одного, остальные станут врагами, в покое вас не оставят. Самое лучшее — предоставить все самой Айнихаят. Пусть она сама берет себе мужа.

— А что нам сказать послам?

— Скажите им: «Моя дочь еще слишком молода. Ей рано выходить замуж. Когда наступит время, мы подумаем о ваших предложениях».

— Тогда иди и передай им это от моего имени. Подарков же не принимай.

Везир Тайфур пошел в зал, где находились послы, и передал им ответ Сервер-султана. Послы были очень огорчены таким ответом и в глубокой печали покинули дворец.

Сиявуш Художник вместе с ними тоже вышел из дворца.

Вернувшись домой, он предался размышлениям: «Как нам получить дочь султана, который даже не обращает внимания на послов и дары такого множества государей? Здесь нет ни шахзаде, ни его послов. Кто же в таком случае будет говорить с султаном? Единственное средство — покорить сердце Айнихаят. Надо попытаться сделать это».

Приняв такое решение, Сиявуш Художник стал выполнять его. Как показывает имя Сиявуша Художника, он был знаменитым живописцем. Сиявуш Художник сделал три разных портрета Фируз-шаха, затем под каким-то предлогом послал одну женщину на женскую половину дворца. От нее он узнал, что Айнихаят находится в саду за городом. Днем Сиявуш Художник обошел вокруг сада, запомнил, где были часовые, и выбрал место, откуда часовые были далеко и где можно было перебраться через стену. Он дождался ночи, перебросил в этом месте через стену аркан, пробрался в сад и потихоньку пошел среди фруктовых деревьев к дворцу. Сиявуш Художник подошел к бассейну, посередине которого бил фонтан. Бассейн находился как раз напротив дворца. Сиявуш Художник залез на дерево и через открытые окна стал смотреть, что делается во дворце.

Действительно, Айнихаят была поразительно красива.

«Поистине эта девушка достойна Фируз-шаха», — подумал он.

Около часа Сиявуш Художник созерцал ее бесподобную красоту, слушал игру рабынь на музыкальных инструментах. Потом он повесил один из портретов шахзаде на ветку так, чтобы его можно было видеть из дворца, спустился с этого дерева, залез на другое, спрятался среди густой листвы и стал ждать, что будет.

Ночью, когда Айнихаят собралась ложиться спать, окна дворца закрыли. Утром, когда дочь султана проснулась, их опять открыли. Принесли и поставили перед окном золотое блюдо с завтраком. Айнихаят умылась, затем села перед блюдом и начала завтракать. Случайно ее взор упал на дерево, которое росло напротив. Увидев, что там висит какой-то портрет, Айнихаят очень удивилась. Она тотчас же позвала рабынь и приказала:

— Девушки! Быстро! Достаньте портрет с того дерева и принесите мне!

Девушки побежали в сад, забрались на дерево, сняли портрет и передали его Айнихаят.

Айнихаят посмотрела на портрет и изумилась.

— Кто этот юноша, изображенный на портрете верхом? Кто

осмелился принести сюда этот портрет и повесить его? — закричала она.

Айнихаят имела обыкновение приказывать, чтобы ей приносили портреты тех шахзаде, которые сватались за нее, и хранить их. Она послала няню за портретами во дворец, разложила их перед собой. Но портрет, который она держала в руках, не был похож ни на один из них.

Тогда, придя в совершенное изумление, Айнихаят спросила у няни:

— Любопытно, кто проник в этот сад, окруженный, как крепость, стенами, и принес этот портрет.

Няня, женщина невежественная, ответила:

— Ваше высочество! Это, без сомнения, дело рук джиннов и пери. А портрет — наверное, это портрет сына падишаха пери... Очевидно, шахзаде-пери влюбился в тебя, как и шахзаде-люди. Они принесли и повесили портрет.

Сначала Айнихаят хотела тут же пойти к отцу, показать ему портрет и рассказать о случившемся. Но потом передумала и провела весь день в размышлениях.

Когда наступил вечер, рабыни снова стали играть на музыкальных инструментах. Сиявуш опять забрался на дерево. Некоторое время он слушал музыку, а потом повесил на дерево второй портрет, спустился и спрятался в прежнем месте.

На следующее утро Айнихаят проснулась и, едва взглянув на дерево, крикнула:

— Девушки! Еще один портрет. Бегите, принесите и его!

Когда девушки побежали и принесли портрет, она посмотрела на него и сказала себе:

— Портрет того же юноши. Но на этот раз он сидит на троне.

Она долго-долго смотрела на портрет, не выпуская его из рук.

На следующую ночь Сиявуш повесил и третий портрет. Айнихаят, увидев этот портрет, не могла больше выдержать и велела позвать Шерифе, дочь няни. Показав ей портреты, Айнихаят рассказала, как их нашли висящими на дереве, и стала умолять:

— Шерифе! Твоя мать говорит, что это — дело рук джиннов и пери. Но я так не думаю. Ты умная девушка. Прошу тебя, объясни мне тайну этих портретов.

Шерифе долго думала. Она не могла найти никакой связи между словами матери и этими портретами. Выйдя в сад, девушка стала ходить вокруг того дерева. Увидев следы, она догадалась, в чем дело, и побежала к Айнихаят:

— Ваше высочество! Это не дело рук пери или джиннов. Это дело рук человека.

Айнихаят взволнованно спросила:

— Дело рук человека?

— Да. Под тем деревом много следов. По ним видно, что какой-то человек в разное время залезал на него и спускался.

— Но кто же это может быть? Во всяком случае, тот, кто изображен на портрете, не из жителей нашего города. Это красавец с каштановыми волосами, подобного которому трудно найти на свете.

— Я тоже так думаю. Я полагаю, что это сын одного из иностранных падишахов.

— Почему ты так считаешь?

— Посмотрите на портреты. На одном из них он изображен верхом, на другом — сидящим на троне, на третьем — у него на голове чудесная корона. Простых людей так не изображают.

Айнихаят удовлетворилась этим ответом и удалилась во дворец, взяв с собой портреты.

Сиявуш подождал наступления ночи. Как только стемнело, он забрался на дерево и стал смотреть, что происходит во дворце.

Не было видно ни музыкантов, ни танцовщиц. Айнихаят разложила перед собой портреты и в глубокой задумчивости рассматривала их. При виде этого Сиявуш очень обрадовался: «Теперь Айнихаят влюбилась в портрет шахзаде. Надо как можно скорее ехать в Иран и сообщить об этом Фируз-шаху».

И он поспешно спустился с дерева.

А Фируз-шах, Ферахзад и Каадир-шах в сопровождении слуг на лошадях отправились в путь. Через несколько дней они вступили на землю Арабистана. Днем путники задыхались от жары и, когда наступал вечер, искали прохладное тенистое место, чтобы остановиться на отдых.

Однажды вечером они расположились под финиковыми пальмами у колодца, приготовили кебаб из убитой ими в тот день газели, поели, улеглись под пальмами и сразу же заснули, так как очень устали.

Наверное, было уже за полночь, когда они услышали, что приближается множество всадников. Путники тотчас вскочили с криками:

— Кто это?

Но, увидев, что их окружило более пятидесяти всадников, поняли, что это разбойники, тотчас опоясались оружием, вско-

чили на коней и бросились на разбойников. Однако те действовали очень хитро и отделили друг от друга Фируз-шаха и его товарищей, которые еще не совсем пришли в себя после сна, а потом с яростью нападали на них поодиночке. Шахзаде Фируз-шах и его спутники выдержали натиск, сумели сбросить с коней многих разбойников. А когда стало светать, обратили в бегство и остальных. Затем они стали искать друг друга. Фируз-шах и Каадир-шах легко нашли друг друга. Но Ферахзада найти они не смогли и очень опечалились. Фируз-шах и Каадир-шах стали кричать изо всех сил и звать его, послали на поиски нескольких своих уцелевших слуг. Но даже следов его не нашли.

А Ферахзад во время битвы был тяжело ранен в голову ударом меча. Почти без чувств, он крепко уцепился за шею коня. Конь его был чистокровным арабским скакуном. Очень умный, как все такие кони, он понял, что хозяин ранен, и понес его прочь от поля битвы в пустыню.

Не найдя Ферахзада, которого любил, как брата, шахзаде Фируз-шах стал плакать и тосковать.

Он искал Ферахзада повсюду, но, потеряв всякую надежду найти его, был вынужден продолжать путь.

Через некоторое время Фируз-шах и его спутники достигли наконец пристани в окрестностях Басры. Там они увидели корабль, полный пассажиров, и пожелали продолжать путь на нем. Подойдя к кораблю, они спросили:

— Куда идет этот корабль?

— На суше все пути перерезаны разбойниками. Этот корабль идет в Йемен. Мы сами тоже из Йемена, потому и сели на него.

Каадир-шах очень обрадовался. Он обернулся к Фируз-шаху:

— Более удобного случая не может быть. Сядем-ка и мы на этот корабль, поплывем с ними вместе.

Фируз-шах глубоко вздохнул:

— Да... Хорошо... А что же с Ферахзадом?

Но сколько бы он ни горевал о Ферахзаде, это было напрасно. Фируз-шах утешал себя: «Отправимся поскорее в Йемен. Даст бог, и Ферахзад туда придет и найдет нас там».

Фируз-шах подошел к путешественникам, которые были на корабле, вежливо приветствовал их и спросил:

— А нас примете в спутники?

Среди них был очень богатый пожилой человек по имени Ходжа-Ильяс. Все путешественники обращались к нему с большим почтением. Ходжа-Ильяс понял, что Фируз-шах человек

знатный. Он тотчас взял Фируз-шаха под руку, усадил на тахту, приготовленную для него на корабле, и сказал:

— Ваше чело сияет благородством и знатностью. Мы считаем за честь путешествовать вместе с вами. Откуда вы и куда направляетесь?

Фируз-шах величественно ответил:

— Мы из Ирана, направляемся в Йемен, в город Тааз. По дороге мы подверглись нападению разбойников и потеряли товарища, которого я люблю, как брата. Сколько его ни искали, найти не смогли, и в глубокой скорби и печали нам пришлось продолжать свой путь без него.

Ходжа-Ильяс решил, что и Фируз-шах один из тех, кто хочет жениться на Айнихаят, но пока не счел нужным его расспрашивать.

Приготовления закончились, и корабль отплыл.

И тут Фируз-шах опечалился еще больше и залился слезами:

— О Ферахзад! Неужели нам так и суждено расстаться с тобой? Неужели нам не встретиться до дня Страшного суда?

А Ферахзад тоже был в таком же состоянии. Конь унес его с поля битвы, спас от разбойников, но, увы, он оказался разлученным с товарищами. Придя в себя, Ферахзад открыл глаза и огляделся. Увидев, что он очутился совершенно один посреди пустыни, юноша зарыдал, как ребенок, и вскричал:

— Фируз-шах! Брат мой! Неужели мы не увидим теперь друг друга?

Разумеется, этот плач и крики были бесполезны. Конь принес Ферахзада в пустыню, в такое безлюдное место, где невозможно было остаться ни на минуту, где негде было укрыться.

К тому же рана смелого юноши была очень глубокой. Другой на его месте забыл бы обо всем и предался бы только своему горю.

Ферахзад стал думать, что ему делать, в какую сторону ехать. Потом снова сел на коня и дал ему скакать, куда тот захочет.

Через некоторое время на горизонте появилась гора.

Ферахзад погладил шею коня:

— Молодец, Шахин! Видно, ты спас меня от этой пустыни. Во всяком случае, ты несешь меня в какой-то город или поселок.

Через некоторое время на склонах этой горы показалось стадо овец. Ферахзад подъехал к нему, подозвал пастуха. Не успел тот подойти, как Ферахзад, не в силах больше сдерживаться, сошел с коня, упал на землю и стал молить:

— Помоги мне!

Пастух был человеком добрым. Он тотчас надоил молока, промыл этим чистым молоком рану Ферахзада, разорвал его рубашку, перевязал рану, накрошил в молоко сухого хлеба, который был у него в мешке, накормил Ферахзада и уложил его в тени под деревом.

Потом простодушно начал его расспрашивать:

— Что это с тобой? Кто ты? Откуда и куда идешь?

Ферахзад так рассказал о своих приключениях:

— Мы с братом поехали торговать, ехали в Басру. В полночь на нас напали разбойники, некоторых из наших людей убили, других ранили. Я тоже был ранен и уцепился за шею коня. Конь понял, что я ранен, и вынес меня с поля битвы. Когда я открыл глаза, то увидел, что я совсем один посреди пустыни, и очень огорчился тем, что оказался разлученным с братом и товарищами. Тогда я дал коню скакать, куда он захочет. И вот, как видишь, приехал сюда. Но не знаю, где я?

Пастух, выслушав Ферахзада, стал, как умел, утешать его, потом ответил на его вопрос:

— Молодец! Это летнее пастбище города Кут. Потерни до завтра. Я погоню стадо в город и отвезу туда и тебя. Там отдохнешь, найдешь врача и залечишь рану.

Ферахзад обрадовался словам этого доброго пастуха. Он провел ночь с пастухом, а на следующий день отправился вместе с ним в город Кут. По дороге они все время беседовали. Ферахзад остановился на постоялом дворе недалеко от городских ворот. Хозяин постоялого двора тотчас поместил его в комнату, потом привел врача. Тот осмотрел рану и сказал:

— Эта рана очень глубокая. Чтобы вылечить ее, надо купить лекарство на десять динаров. И мне дай десять динаров вперед. Если дашь двадцать динаров, буду лечить.

Ферахзад тут же развязал пояс, достал двадцать динаров и дал врачу.

Врач пошел на рынок, купил разных лекарств и стал лечить Ферахзада. Однако не прошло и десяти дней, как он сказал:

— Рана стала заживать, но для дальнейшего лечения нужно еще двадцать динаров.

Ферахзад не возражал, дал еще двадцать динаров, но на этом деньги, которые были завязаны у него в поясе, кончились.

Через несколько дней врач снова потребовал еще двадцать динаров.

Ферахзад долго думал, потом попросил позвать хозяина постоянного двора:

— Продай моего коня и оружие и отдай врачу деньги, которые он потребует.

А хозяин постоянного двора был мошенником. Он взял коня, оружие, через некоторое время вернулся и сказал:

— Юноша! В этом городе продаются прекрасные кони и оружие. Поэтому за твоего коня и оружие я выручил всего двадцать динаров. Их я отдал врачу. Но с кого мне получить твой долг?

Ферахзад очень огорчился. Не говоря ни слова, он снял с пальца дорогой перстень и отдал его хозяину.

Рана Ферахзада зажила. Но через несколько дней перед Ферахзадом снова появился хозяин:

— Твой долг большой. Денег, вырученных за перстень, не хватит. Ты можешь оставаться здесь только три дня. Я тебя предупредил, а ты уж сам думай, что тебе делать.

Ферахзад пробыл на постоялом дворе еще три дня. Оставаясь один, он рыдал:

— О Фируз-шах! Все произошло из-за того, что я разлучился с тобой. Удастся ли мне спастись и снова свидеться с тобой?

Потом он пошел на рынок и стал искать работу. Ферахзад был очень голоден, так как два дня ничего не ел. Случайно его взгляд упал на плоды, лежавшие перед лавкой торговца фруктами. Тяжело вздохнув, он стал смотреть на них. Продавец был добрый старик, много повидавший на своем веку. По виду Ферахзада он понял, что тот — чужестранец и что он голоден. Торговец тотчас подошел к нему, достал хлеб из печи, угостил молодого человека хлебом, фруктами, поел вместе с ним, а потом стал спрашивать, кто он, откуда и куда направляется.

Ферахзад рассказал торговцу фруктами то же, что и пастуху. Затем сказал, в каком положении он очутился теперь:

— Так как у меня не осталось денег, я ищу подходящую работу.

Торговец утешил Ферахзада:

— По твоему виду ясно, какой ты достойный и благородный юноша. С этой минуты я усыновляю тебя. Сам я не могу справиться со всеми делами, заниматься сразу виноградниками, садами и лавкой. Я буду привозить фрукты, а ты будешь сидеть здесь и продавать их.

Ферахзад согласился и с того дня поселился в лавке и сразу

же стал торговать. Он так вежливо и приветливо встречал покупателей, что их число выросло в несколько раз.

Торговец был очень доволен.

В это время в город Кут приехал силач по имени Харис. У него был такой лук, что никто не мог натянуть его тетиву. Этот силач путешествовал по разным странам. После того как выяснялось, что никто не может натянуть тетиву его лука, он просил у правителя страны бумагу, в которой было бы написано: «В этой стране никто не смог натянуть тетиву лука пехлевана Хариса». И Харис гордился этим.

Как только пехлеван Харис прибыл в Кут, он повесил лук на дерево на главной улице. Глашатай стал кричать: «Силачи города Кут! В наш город приехал пехлеван Харис. Он вывесил свой лук. Кто полагается на свою силу, пусть придет и натянет его тетиву».

Правитель города тоже заинтересовался этим. Он захотел, чтобы в его городе кто-нибудь натянул тетиву, которую никто не мог натянуть во многих странах, и объявил:

— Тому, кто натянет тетиву этого лука, я дам тысячу флоринов, копя, почетную одежду и оружие!

Лук повесили на дерево недалеко от лавки Ферахзада. Каждый день приходило много силачей, уверенных в своей силе. Они пытались натянуть лук, но никому не удавалось это сделать.

Ферахзаду стало любопытно. Он захотел поближе взглянуть на этот лук. Ферахзад пошел и попросил Хариса показать его. Тот оглядел юношу. Так как Ферахзад потерял много крови, когда был ранен, он выглядел очень слабым.

Пехлеван насмешливо улыбнулся:

— Сынок! Не заставляй меня трудиться понапрасну. Натянуть этот лук — дело не для таких, как ты.

Слова пехлевана задела Ферахзада. Он ответил:

— Это правда, я слаб, но, думаю, у меня хватит сил натянуть твой лук.

Пехлеван тотчас вскочил, схватил лук и закричал:

— Юноша! Если ты утверждаешь, что у тебя хватит сил натянуть этот лук, бери, натягивай. Если натянешь, я дам тебе в два раза больше, чем обещает падишах. И сверх того отдам все бумаги, которые получил в других странах.

Ферахзад скромно сказал:

— Я чужестранец. Почести мне не нужны. Твой лук я хочу натянуть только из любопытства. Если мне удастся его натянуть, честь этого будет принадлежать не мне, а городу.

Этот разговор слышали несколько человек из слуг падишаха. Они посоветовались между собой, потом обратились к Ферахзаду:

— Юноша! Не торопись натягивать лук.

Они поспешили во дворец и рассказали обо всем правителю Селим-шаху. Селим-шах очень обрадовался и сказал:

— Приведите этого юношу ко мне. Пусть он натянет лук в моем присутствии.

Слуги Селим-шаха побежали к Ферахзаду и сообщили о приказе падишаха ему и пехлевану. Они хотели отвести их во дворец.

В этот момент в лавку пришел торговец фруктами. Узнав о том, что произошло, он испугался и стал отговаривать Ферахзада:

— Сын мой! Как ты сможешь натянуть лук, который не могли натянуть столь многие пехлеваны, когда ты так слаб? Брось, а то сделаешь и меня и себя посмешищем для всего города.

Но Ферахзад успокоил его:

— Не тревожься, отец. Это дело как раз по мне.

И он последовал за слугами Селим-шаха во дворец.

Селим-шах тотчас велел отворить ворота дворцового сада и послал глашатаев объявить:

— Пусть люди придут и посмотрят, как натянет лук юноша, который хочет защитить честь нашей страны!

В саду около мраморного бассейна поставили трон. Селим-шах сел на него. Все женщины и девушки на женской половине дворца столпились у окон. Среди них была и дочь Селим-шаха Гюльнуш-султан. Красота юной и прекрасной принцессы была у каждого на языке. Те, кто видел ее и Айнихаят, говорили: на свете есть только две красавицы: одна — Гюльнуш-султан, а другая — Айнихаят-султан.

Гюльнуш-султан очень заинтересовалась Ферахзадом:

— Любопытно, кто этот юноша, который хочет спасти честь нашей страны?

Она захотела увидеть его.

Сначала к Селим-шаху подошел пехлеван, владелец лука. За ним следовал Ферахзад.

Пехлеван проявил грубость и ограничился простым приветствием. А Ферахзад приблизился к трону, склонился до земли, три раза приложил руки к губам и ко лбу, затем вознес молитву о здравии падишаха и произнес слова, которые учтивость требует произнести в присутствии падишаха:

— О славный государь страны Кут Селим-шах! Да будут

долгими твоя жизнь и правление твое и пусть тебе всегда сопутствует успех!

Такое поведение Ферахзада привлекло внимание и Селим-шаха и народа, который там собрался.

Гюльнуш-султан, увидев это из окна, живо обернулась к няне и сказала:

— По лицу юноши видно, что он знатного происхождения. И он знает, как следует вести себя в присутствии падишахов. Во всяком случае, этот юноша не простой человек.

В это же время и Селим-шах шепнул стоявшему справа от него везиру:

— Аллах! Аллах! Кто бы мог быть этот юноша, который так прекрасно знает правила обхождения и так учтив?

Везир ответил:

— Господин! Я не знаю, кто он. Слышал только, что его усыновил старик, торгующий фруктами на рынке.

Селим-шах обернулся к Ферахзаду, сделал знак приблизиться к трону и тихонько сказал ему:

— Юноша! Я очень рад, что ты так заботишься о чести нашей страны, но я не хочу, чтобы ты осрамился. Если ты лук натянуть не можешь, я найду какой-нибудь предлог, чтобы ты этого не делал.

Но Ферахзад мягко улыбнулся:

— О шах! Мы находимся в присутствии славного падишаха и на поле состязания мужей. Сначала пусть пехлеван покажет свое искусство и сам натянет лук. А потом, когда наступит наша очередь, если Аллаху будет угодно, он не даст нам осрамиться.

Тогда Селим-шах приказал пехлевану:

— Сначала ты натяни лук.

Пехлеван взял лук, стал перед падишахом и сказал:

— О повелитель мира! Я побывал с этим луком везде — в Дамаске, Багдаде и других городах и странах. Теперь я прибыл в ваше государство. Отсюда я направляюсь в город Тааз. Если не найду никого, кто бы мог натянуть лук, поеду в Иран, в страну Дараб-шаха. Известно, что там живут сыновья Зал-оглу Рустема. А если и они не смогут его натянуть, то отправлюсь в Медину и повешу лук на гробнице погребенного там святого Хамзы. До сих пор я получил свидетельства, что его не могли натянуть, из двадцати городов. Если этот юноша сумеет натянуть лук, я отдам ему вместе со свидетельствами все, что имею. Но что он даст мне, если не сможет натянуть лук?

При этих словах Ферахзад многозначительно улыбнулся:

— Я странник. И не стремлюсь к славе. Я взялся за это дело, только чтобы отблагодарить город, хлеб которого ем уже несколько дней. Если не сумею натянуть лук, буду до конца дней служить тебе как раб. Но сначала ты натяни лук.

Пехлеван с надменным видом расставил ноги, напрягся изо всех сил и с трудом натянул лук. При этом он страшно покраснел, у него перехватило дыхание.

Наступила очередь Ферахзада. Пехлеван с насмешливой улыбкой передал лук юноше. Ферахзад сначала осмотрел лук, потом упер его в колено и натянул без всякого труда. Пехлеван очень удивился и закричал:

— Упирать лук в колено не полагается! Так не делают!

Ферахзад снова улыбнулся и три раза натянул лук. Потом разломил его надвое и бросил перед пехлеваном.

Пехлеван пришел в совершенное изумление и с криком «Кто ты такой, чтобы ломать и бросать мой лук?» бросился на Ферахзада и поднял кулак, чтобы ударить его. Но Ферахзад одной рукой схватил его за руку, а другой ударил в грудь. Пехлеван рухнул на землю.

Всех так изумило, что Ферахзад сначала натянул лук, потом сломал его и бросил, затем одним ударом кулака свалил великана-пехлевана, что на несколько минут все оцепенели. От волнения никто не мог даже выразить своих чувств. Но когда Селим-шах, после того как пехлеван упал на землю, гневно воскликнул: «Выбросьте отсюда этого шута, который изображает из себя пехлевана!» — тысячи людей, собравшихся в дворцовом саду, словно пробудились от сна и вне себя от радости стали приветствовать Ферахзада. Селим-шах тотчас же велел надеть на Ферахзада расшитый золотом халат, который казначей поспешно принесли из сокровищницы.

Потом падишах подозвал юношу-героя и сказал:

— Я беру тебя к себе на службу. С сегодняшнего вечера ты будешь жить у меня во дворце. Будешь сопровождать меня на прогулках.

Ферахзад стал отказываться:

— Я сделал это не ради вознаграждения. Если вы оставите меня в моем прежнем положении, я буду доволен.

Но все было напрасно. Шах и слушать его не хотел. И Ферахзаду пришлось поселиться в комнате, выделенной ему на мужской половине дворца.

А старый торговец фруктами не знал, что его приемный

сын сумел натянуть лук. До позднего вечера он ждал его в лавке. Наконец из дворца пришел слуга, дал старику кошелек с золотом и сказал:

— Это послал твой приемный сын Ферахзад.

Затем слуга рассказал обо всем, что произошло в присутствии Селим-шаха.

Хотя старик очень обрадовался кошельку с золотом, но огорчился из-за того, что потерял приемного сына, и стал проклинать пехлевана:

— Лучше бы этот пехлеван сюда не приходил. Из-за него я потерял приемного сына.

Зато единственная дочь Селим-шаха, прекрасная Гюльнуш-султан очень радовалась. Она даже сказала, когда отец пришел на женскую половину дворца:

— Благодарю вас за то, что вы достойно наградили этого юношу, который спас честь нашей страны.

Так как Ферахзад получил воспитание во дворце, он все больше и больше нравился Селим-шаху. Ферахзад занимал все более высокие должности. А любовь Гюльнуш-султан к Ферахзаду делалась все сильнее. Но она никому не могла сказать об этом.

Однажды Селим-шах отправился на охоту в сопровождении всех своих охотников. С ним был Ферахзад. Охотники окружили логовище льва и стали приближаться к нему, постепенно сужая кольцо. Селим-шах с возвышенности следил за охотниками. Ферахзад был неотлучно при нем. Вдруг охотники пришли в смятение и стали кричать:

— Лев! Лев! Лев убегает! Он бежит прямо к шаху!

В сердце Селим-шаха закрался страх, он обратился к Ферахзаду:

— Быстро! Бежим!

Но Ферахзад сохранял полное спокойствие и отвечал:

— Мой шах! Будьте спокойны! Не двигайтесь. Пока лев не разорвет вашего раба на куски, с вашей головы и волос не упадет!

И он тотчас пришпорил коня и галопом поскакал навстречу двум львам — льву и львице.

Но лошадь, почуяв запах львов, встала на дыбы и начала лягаться. Ферахзад понял, что из-за этого трусливого животного он может оказаться в опасности, и быстро спрыгнул с коня. Молниеносно выхватив меч, он устремился навстречу приближавшемуся льву. Лев даже растерялся от такой смелости. Он гото-

вился броситься на юношу и растерзать его. Но Ферахзад как молния ринулся вперед и страшным ударом меча рассек надвое голову льва.

Львица, увидев, что лев упал, пришла в страшную ярость и с ужасным ревом бросилась на Ферахзада. Но ловкий юноша отскочил в сторону. Спасая себя, он взмахнул мечом и отсек львице передние лапы. Та начала так громко реветь, что от этого рева волосы становились дыбом. Вытянув окровавленные лапы, она упала на спину. Ферахзад не хотел мучить животное и отсек львице голову.

Мужественный поступок Ферахзада поразил Селим-шаха. Он тотчас сошел с коня и подарил его Ферахзаду, затем приказал казначею сразу же по возвращении во дворец дать Ферахзаду, спасшему ему жизнь, десять тысяч динаров.

Селим-шах был на охоте несколько дней. За это время любовь всецело завладела сердцем Гюльнуш-султан.

Когда Селим-шаху наскучила охота и он вернулся в город, Гюльнуш-султан встретила отца и стала его расспрашивать:

— Как вы провели время на охоте?

Селим-шах рассказал о происшествии со львами и всячески восхвалял смелость и бесстрашие Ферахзада. Когда Гюльнуш-султан слушала этот рассказ, она менялась в лице и один раз так тяжело вздохнула, что привлекла внимание няни, стоявшей позади нее.

А няня уже заметила, что в последнее время Гюльнуш-султан так вздыхает от каких-то тяжелых мыслей.

Сейчас, услышав, что девушка снова тяжело вздохнула, как только речь зашла о Ферахзаде, няня сказала себе: «Теперь я поняла... Без сомнения, принцесса любит этого юношу».

Гюльнуш-султан, закончив разговор с отцом, удалилась к себе. Няня хотела, чтобы девушка рассказала ей о своем горе, и обратилась к ней со словами:

— Госпожа! Я уже давно вижу — у тебя какое-то горе. Я так долго заботилась о тебе... я хочу знать, что тебя мучит. Не скрывай ничего от меня. Если у тебя что-то на сердце, откройся мне.

Гюльнуш-султан не хотела говорить о любви, сжигавшей ее сердце, но няня так настаивала, что она наконец призналась:

— Няня! Я влюбилась в Ферахзада и за его красоту, и за смелость. Я люблю его и готова на любую жертву, чтобы выйти за него замуж.

Няня стала уговаривать ее:

— Дочь моя! Действительно, этот юноша очень красив. И все убедились в его бесстрашии. Но неизвестно, кто он. Ты — дочь великого падишаха и не можешь выйти замуж за кого попало. Ты должна избрать только равного себе юношу.

Но Гюльнуш-султан не желала слушать всех этих советов. Она стала плакать и умолять:

— Няня! Раз ты заставила меня рассказать о моем горе, ты должна и помочь ему. Во что бы то ни стало ты должна сделать так, чтобы я хоть раз поговорила с ним.

Она просила, умоляла и не отпускала няню, пока та не сказала:

— Хорошо! Завтра ночью вместе пойдем и увидимся с ним.

Гюльнуш-султан стала с нетерпением ждать, когда наступит вечер следующего дня.

Когда настала ночь, она закуталась с головы до ног в покрывало и незаметно вместе с няней вышла из женской половины дворца. Через сад они прошли к мужской половине дворца и постучали в дверь комнаты Ферахзада, которая находилась в летнем дворце. Ферахзад подумал, что его зовет Селим-шах, и тотчас открыл дверь. Увидев перед собой двух женщин, закутанных в черное, он изумился:

— Кто вы? Что хотите от меня?

Няня ответила:

— Мы хотим поговорить с вами.

— Пожалуйста.

И Ферахзад отошел от двери.

Гюльнуш-султан и няня бесшумно, как два призрака, проскользнули в комнату, крепко заперли дверь и уселись на тахту.

И Ферахзад, и обе женщины некоторое время не могли найти слов, чтобы начать разговор, и молчали. Наконец няня заговорила:

— Юноша! Рядом со мной дочь нашего падишаха Селим-шаха, ее высочество Гюльнуш-султан. Когда она увидела твою смелость и бесстрашие, в ее сердце пробудились расположение и любовь к тебе. Гюльнуш-султан захотела увидеть тебя вблизи и, презрев все опасности, пришла сюда. Она полагается на твою великодушие. Во всяком случае, мы надеемся, что наше посещение останется в тайне.

Услышав это, Ферахзад очень удивился и смутился. Ведь до сих пор у него не было ни одного любовного приключения.

Некоторое время он молчал, потом, заикаясь, сказал:

— Я молодой странник, оторванный от родины. Я не вижу

в себе никаких качеств, которые бы сделали меня достойным любви ее высочества.

Гюльнуш-султан ответила:

— Вы обладаете столь высокими достоинствами, что только я могу оценить их. Вот почему я хочу выйти за вас замуж. Действительно, сегодня вы, возможно, всего лишь молодой чужестранец. Но на вашем лице признаки такого благородного происхождения, что вы можете вступить в состязание со всеми шахзаде на свете.

Говоря это, Гюльнуш-султан так разволновалась, что не заметила, как с ее лица упало покрывало.

Ферахзад, увидев лицо Гюльнуш-султан, прекрасное, как роза, задрожал и воскликнул:

— Ваше высочество! Вы высоко оцениваете меня, хотя я этого и недостоин. Здесь я всего лишь простой слуга вашего отца. Как я могу осмелиться принять ваше предложение?

Тут проявилась вся чистота сердца Гюльнуш-султан:

— Предположим, что дело обстоит так, как вы говорите. Но я не променяю мужественного и бесстрашного слугу отца на сотню безнравственных и трусливых шахзаде.

Ферахзаду очень понравились эти слова Гюльнуш-султан. Но в этот миг он вспомнил о Фируз-шахе. Если он женится на Гюльнуш-султан, то останется тут и никогда больше не увидит Фируз-шаха.

Поэтому после недолгого раздумья Ферахзад ответил:

— Ваше высочество! Слова ваши прекрасны. Но в бою с разбойниками я разлучился с братом. Я должен непременно найти его. А когда найду, намерен вернуться в Иран и избавить родителей от горя и тоски.

Гюльнуш-султан, не задумываясь, сказала:

— Куда бы ты ни отправился, я с великой радостью последую за тобой!

Няня стала уговаривать Ферахзада:

— Сын мой! Ты умный юноша и должен понять, почему дочь великого падишаха полюбила тебя. Гюльнуш-султан не легкомысленная девушка, которая готова отдать сердце любому юноше и умолять его о любви. Главная причина, почему она пришла сюда и сама сказала тебе о своей любви,— это твое благородство и бесстрашие. Я думаю, что ты и сам это понимаешь.

По правде сказать, Ферахзад, едва увидев лицо Гюльнуш-султан, почувствовал, что в сердце его вспыхнул огонь любви. После недолгого раздумья он ответил:

— Хорошо! Я повинуюсь вашему высочеству!

А между тем Фируз-шах и Каадир-шах сели на корабль и вышли в открытое море. Они плыли в Йемен. В открытом море совершали омовение и намаз, вместе ели и пили, а в свободное время собирались около Ходжа-Ильяса и слушали, как он читает книгу под названием «Хамза-наме».

Фируз-шаху очень нравилось слушать сказание о геройских подвигах святого Хамзы. Он буквально влюбился в него, не мог ни на минуту позабыть о нем и все время повторял:

— Да будет с нами его благословение!

Они плыли с попутным ветром восемь или десять дней, когда увидели в открытом море корабль. Как только показался этот корабль, капитан и матросы пришли в смятение и стали кричать:

— Путешественники! Это пиратский корабль. Он обязательно нападет на нас. Теперь готовьтесь!

Все пассажиры растерялись и не знали, что делать. Они собрались вокруг Ходжа-Ильяса и стали спрашивать:

— Что нам делать? Что предпринять, чтобы спасти от этих разбойников имущество и жизнь?

Ходжа-Ильяс в горе и отчаянии ответил:

— Друзья! Здесь ничего не поделаешь. Пираты возьмут наше имущество, а нас убьют и бросят в море. Единственное, что сейчас надо делать,— это молиться о прощении грехов и ждать участи, уготованной нам Аллахом.

Тут подошел Фируз-шах и спросил:

— Ходжа! Сколько може быть пиратов?

— Уж никак не меньше пятидесяти человек.

— А нас тоже пятьдесят. Мы тотчас вооружимся и будем защищаться.

На лице Ходжа-Ильяса появилась горькая улыбка:

— Сынок, ты до сих пор не плавал по морю и не знаешь, что это за свирепые звери. Один из этих проклятых разбойников стоит нас десяти.

Но Фируз-шаху была невыносима мысль о сдаче без боя. Он отобрал пассажиров, способных носить оружие, и призвал их вступить в бой. Затем расставил вооруженных людей по бортам, разделив их на две части. Во главе одной он поставил Каадир-шаха, а другой стал командовать сам.

Пиратский корабль медленно приближался. Он сделал несколько кругов вокруг пассажирского корабля, как хищник, готовящийся напасть на свою жертву.

Потом капитан пиратов, совершенно черный и обнаженный человек, закричал:

— Эй, путешественники! Выносите ценные вещи на палубу, а сами готовьтесь к смерти.

Эти слова капитана пиратов привели пассажиров в совершенный ужас. Всеми овладел непреодолимый страх. Они уже приготовились выносить ценные вещи на палубу. Но Фируз-шах стал кричать:

— Друзья! Если кто-то из вас захочет сдаться этим пиратам, я убью его.

Тогда они остановились и собрались у мачты во главе с Ходжа-Ильясом. Им пришлось вверить себя воле Аллаха.

Наконец пиратский корабль приблизился. Начался бой. С одной стороны на пиратов устремился Каадир-шах, а с другой — Фируз-шах. Они стали рубить пиратов. Каждым ударом меча Фируз-шах поражал насмерть пирата.

Капитан пиратов топал ногами и диким голосом кричал:

— Этот юноша не то ураган, не то буря! Он убивает всех на своем пути! Эй, друзья, окружите его и бросайтесь на него!

Пираты тотчас окружили Фируз-шаха и все вместе напали на него.

Некоторое время Фируз-шах бился, как лев. Но наступил миг, когда он дрогнул. И тут он вспомнил о святом Хамзе и воскликнул:

— Помоги, Хамза! На помощь!

В то же мгновение перед его глазами словно молния сверкнула, в ушах загудел ветер. Он уже не был самим собой. Казалось, будто сражался не он, будто святая душа святого Хамзы вошла в его душу. Фируз-шах без устали бросался на пиратов, каждым взмахом меча поражал одного из них, обращая в бегство остальных.

Капитан пиратов очень испугался и стал кричать:

— Друзья! Прекратите бой, вернемся на корабль, оставим их, не то все погибнем!

Уцелевшие от меча Фируз-шаха пираты вернулись на свой корабль, отказались от боя и уплыли.

Увидев это, путешественники изумились. Только когда корабль пиратов ушел в открытое море, они пришли в себя. Путешественники пали ниц и возблагодарили Аллаха.

Потом они собрали все, что было у них ценного, и положили перед Фируз-шахом со словами:

— Если бы не ты, мы бы попали в руки пиратов, потеряли

и имущество и жизнь. А ты спас и наше имущество, и нашу жизнь. Пусть все это будет тебе на счастье!

Фируз-шах не принял даже малой доли того, что ему предлагали.

— Я сражался не из корысти. Я сделал только то, что должен был сделать.

Эти слова Фируз-шаха очень понравились путешественникам. Все чувствовали в сердце глубокую благодарность к Фируз-шаху.

Прошло несколько дней. Погода была прекрасной. Корабль скользил по волнам спокойного моря. А Фируз-шах радовался тому, что приближается к Йемену.

Но вдруг на горизонте появились черные тучи. Они стали расти, и скоро все вокруг потемнело. Капитан и матросы пришли в смятение, засуетились и стали кричать пассажирам:

— Сейчас разразится страшная буря! Готовьтесь!

И вскоре буря разразилась. Непрерывно сверкали ослепительные молнии, раздавались оглушительные раскаты грома, дождь лил как из ведра.

Через некоторое время дождь прекратился, зато начался страшный ураган. Вздымались волны, огромные, как горы. Они швыряли корабль, как скорлупку ореха, то поднимали его к небу, то бросали вниз, словно готовились проглотить. Капитан хотел было где-нибудь бросить якорь, но якорная цепь не доставала до дна. Сильный ветер разорвал паруса. Положение корабля стало очень опасным. Пассажиры собрались на палубе, на корме, и все хором молили Аллаха о спасении. На мачте остался только один парус. Сильный порыв ветра наполнил его, и мачта не выдержала. С ужасным треском она сломалась и свесилась через борт. Корабль накренился. Капитан и матросы очень испугались и стали кричать:

— Горе нам! Эта мачта потопит корабль. Надо перерубить канат на конце мачты и освободить ее. Найдется ли среди вас храбрец, который это сделает?

А корабль уже черпал бортом воду. Опасность все росла. Но никто не вызвался перерезать канат на конце мачты, свесившийся в море. Фируз-шах взял на себя это опасное дело. Но это означало верную смерть. Шахзаде, идя на верную смерть, захотел сделать завещание. Он схватил Каадир-шаха за руку и сказал:

— Брат мой! Я приношу себя в жертву, чтобы спасти жизнь многих. А тебе я завещаю вот что. Как только ты благополучно

достигнешь берега, разыщи Ферахзада, поцелуй его в глаза за меня. Скажи, как я тосковал о нем. Отвези его в Иран, расскажи моему отцу Дараб-шаху о наших приключениях. Пусть меня не забудут. А так как я умру, не добившись того, к чему стремился, пусть все мое имущество раздадут бедным, чтобы они вспоминали обо мне добром.

Но Каадир-шах возмутился:

— Что ты говоришь, шахзаде? Разве ты можешь подвергать себя такой опасности, пока я жив? Ради Айнихаят ты отказался от роскоши и власти, вынес столько страданий, почти достиг Йемена. Как же ты можешь жертвовать своей жизнью, когда ты так близко от страны Айнихаят? Это мое дело, меня к жизни ничто не привязывает.

И с этими словами он так быстро устремился к мачте, что Фируз-шах не успел удержать его.

Каадир-шах сел на мачту верхом, как на коня, вытащил кивжал и одним ударом перерезал канат. В тот же миг мачта упала в море, а корабль, освободившись от этого тяжелого груза, тут же выпрямился. Взбесившиеся волны уносили теперь мачту с крепко державшимся за нее Каадир-шахом прочь от корабля. Фируз-шах не мог более смотреть на это, он сел на кучу канатов и стал рыдать.

Часа через два буря кончилась. Все поздравляли друг друга с избавлением от смертельной опасности.

Потом к шахзаде подошел Ходжа-Ильяс и сказал:

— Юноша! Тебе не стыдно? Мне очень хочется узнать о тебе. Кто такой Ферахзад, о котором ты все время говоришь? Кто тебе Каадир-шах, который пожертвовал своей жизнью ради тебя? Кто ты? Зачем плывешь в Йемен? Я очень прошу, расскажи мне все. Может быть, я тебе помогу.

Шахзаде Фируз-шах сначала не хотел отвечать на эти вопросы. Но Ходжа-Ильяс так настаивал, что в конце концов шахзаде рассказал ему обо всем.

Ходжа-Ильяс выслушал Фируз-шаха с большим вниманием и мягко улыбнулся:

— Фируз-шах! Говорят, кто о своей болезни не скажет, лекарство от нее не найдет. Правильные слова. Я старшина купцов султана Йемена Сервера. Каждый год я отправляюсь в путь, чтобы продать его товары, посещаю много разных городов. Поэтому я очень хорошо знаю и Сервер-шаха, и ее высочество Айнихаят. Действительно, Сервер-шах очень горд, и дочь точно такая же. Шахзаде всех правителей мира уже сва-

тались за нее. Однако отец и дочь ни одного из них не сочли достойным. Но когда, даст бог, мы благополучно прибудем в Тааз, я тотчас же попытаюсь помочь тебе. Надеюсь, сумею убедить Сервер-шаха.

Шахзаде Фируз-шах очень обрадовался этим словам Ходжа-Ильяса. Но он был крайне огорчен и испытывал угрызения совести из-за того, что потерял сначала Фералзада, а потом и Каадир-шаха. Тяжело вздохнув, он сказал себе:

— Всевышний не дает сразу счастья во всем. Быть может, я когда-нибудь соединюсь с Айнихаят и буду счастлив. Но всякий раз, вспоминая Фералзада и Каадир-шаха, я буду испытывать мучения и страдания.

А Каадир-шах, упав в море вместе с мачтой, лишился чувств и только через некоторое время пришел в себя. Хотя он не был уверен, что спасется от этих бешеных волн и достигнет безопасного места, но слабая надежда теплилась в нем, и он крепко ухватился за мачту и предал себя воле судьбы.

Его носило по волнам часов десять, когда вдруг показался остров. Каадир-шаху уже не хотелось жить, но все-таки он обрадовался и стал ждать, чтобы волны вынесли его на берег. Вскоре конец огромной мачты уткнулся в песчаную отмель. Каадир-шах тотчас выбрался на берег, огляделся вокруг и пошел к зданию, которое увидел под деревьями. Он был очень голоден и испытывал жажду. Не увидев никого около дома, Каадир-шах стал сомневаться: «Если я там никого не найду, наверняка погибну от голода и жажды».

Здание было недалеко от берега. Через несколько минут он подошел к нему. Его удивило, что дверь была открыта. Каадир-шах вошел. Навстречу ему вышла молодая и очень красивая девушка. Увидев Каадир-шаха, она чрезвычайно удивилась и спросила:

— Кто ты? Как попал сюда?

— Я плыл на корабле. Корабль потерпел крушение. А я уцепился за мачту и так попал сюда. Я уже два дня в море, очень голоден и очень хочу пить.

Девушка вздохнула:

— Садись сюда, а я принесу тебе поесть и попить.

На некоторое время она исчезла, потом принесла много разных кушаний на серебряном подносе и кристально чистой воды в хрустальном графине.

Каадир-шах поел, выпил один за другим несколько стаканов воды. Его внимание привлекло то, что в течение всего этого

времени в доме никто больше не появился. А на лице девушки он заметил следы глубокого горя и печали.

Каадир-шах, поев и попив, сказал:

— Спасибо, сестрица. Ты сделала мне очень много добра. Если бы я тебя здесь не встретил, я погиб бы от голода и жажды. Но одно меня удивляет: я никого больше здесь не вижу. В то же время по твоему лицу видно, что у тебя большое горе. Ты не скажешь мне, кто ты и почему здесь одна?

Тут девушка глубоко вздохнула. Из ее глаз полились слезы, подобные жемчужинам, и она так рассказала о своих приключениях:

— Я дочь богатого купца из Басры. Мой отец собирался ехать в Йемен по торговым делам и не смог отказать в моей просьбе взять меня с собой. Мы вместе сели на корабль. Но в открытом море мы встретились с пиратами. Между нашим кораблем и кораблем пиратов завязался ожесточенный бой. Наконец верх одержали пираты. Капитан, предводитель пиратов, забрал все ценное, что было на нашем корабле, взял и меня в плен, привез и оставил на этом острове. Здесь сокровищница пиратов. Награбленное ими хранится в подвале под этим домом. Пираты приплывают сюда раз в три-пять месяцев, привозят захваченную ими добычу, остаются здесь на несколько дней, потом опять уплывают. Капитан не посягнул на мою честь и невинность и не разрешил никому и пальцем меня тронуть. Когда он бывает здесь и проводит со мной время, он только ест, пьет и учтиво беседует. Каждый раз он привозит еду на несколько месяцев. Он даже отдал мне ключ от сокровищницы. Вот так я и живу.

Каадир-шах с большим удивлением выслушал ее рассказ, потом подумал и сказал:

— В таком случае мне надо поскорее уйти отсюда. Если тот человек придет сюда, он, без сомнения, испытает ревность, увидев меня. Может быть, и тебя убьет.

Девушка возразила:

— Нет сомнения, сам Аллах послал мне тебя на помощь. Я очень тоскую по людям, так как на острове я совсем одна. Я ненавижу предводителя пиратов по имени Сэндюль за то, что он осудил меня на эти муки. Даже лица его не хочу видеть. Когда я увидела тебя, то подумала, что ты один из пиратов. Но, услышав твой рассказ, обрадовалась тому, что Аллах послал мне друга. Правда, Сэндюль, увидев тебя, будет очень ревновать. Он убьет и тебя и меня. Чтобы с нами не случилось такого

несчастья, будем действовать с умом. Подумаем, как нам спастись.

Каадир-шах согласился с девушкой. Он решил где-нибудь спрятаться, когда приплывут пираты, а потом выйти, когда они опять уплывут. Так пройдет некоторое время. А при первом удобном случае он и девушка спасутся бегством.

Между тем в Йемене наступили тяжелые времена. Отцы шахзаде, отвергнутых Айнихаят, заключили союз и послали большое войско против города Тааза.

Сервер-шах собрал войско, отправил дочь из летнего дворца в город и спрятал в своем дворце. Сам же во главе войска стал ждать объединенные силы врагов у подножия горы Джебели-акбер.

Среди военачальников этой армии был и султан Кута Селим-шах. Так как он всюду брал с собой Ферахзада, то он взял его с собой и на этот раз. Правда, Ферахзаду было очень тяжело расстаться со своей возлюбленной Гюльнуш-султан, но, думая, что Фируз-шах уже прибыл в Йемен, он с радостью отправился туда. Ферахзад хотел как можно скорее увидеть Фируз-шаха.

Однако Фируз-шах еще не добрался до Йемена, его приключения продолжались.

Когда корабль, на котором плыл Фируз-шах, спасся от той ужасной бури и пристал к берегу, все пассажиры, бывшие на корабле, снарядили караван и отправились в Йемен. Через несколько дней пути среди путешественников возник спор. Фируз-шах спросил Ходжа-Ильяса о его причине, и тот ответил:

— Вот та крепость принадлежит двум братьям по имени Катир и Кутур. Когда-то они служили падишаху Йемена Сервер-шаху, но потом восстали против него. Сервер-шах приложил много стараний, чтобы захватить их в плен, но это ему не удалось. Видя, что с ними ничего не сделать, он оставил их в покое. Братья обосновались в этой крепости. Они не пропускают ни одного каравана, чтобы не взять с него пошлины. И вот сейчас одни говорят: «Пойдем к воротам крепости, уплатим пошлину и спокойно будем продолжать путь». Другие же говорят: «Это жадные разбойники. Малым они не удовлетворятся, а возьмут половину того, что у нас есть. Может быть, даже совсем ограбят. Лучше пройдем незаметно ночью». А что ты скажешь?

Фируз-шах немного подумал и ответил:

— По-моему, лучше уплатить пошлину.

Путешественники последовали совету Фируз-шаха и Ход-

жа-Ильяса. Они подошли к воротам крепости, сложили около них свой груз и послали сказать тем, кто был в крепости:

— Пусть возьмут пошлину.

Катир приказал своим людям:

— Между падишахом Йемена Сервер-шахом и его врагами скоро начнется война. Кто бы ни был побежден, мы воспользуемся этим случаем. Но нам необходимо увеличить число своих коней. Идите к каравану. Вместо пошлины требуйте коней. Отберите лучших.

Люди Катира вышли из крепости и подошли к каравану.

— Кто главный караванщик? — спросили они.

Когда им указали Ходжа-Ильяса, они передали ему приказ Катира. Ходжа-Ильяс ответил:

— Хорошо. Но все кони в нашем караване вьючные. На них верхом ездить нельзя. Если не верите, идите и посмотрите сами на лошадей, пасущихся на лугу. Если какие-нибудь кони вам подойдут, возьмите их.

Люди Катира пошли на луг, оглядели пасшихся там коней и хотели поймать коня Фируз-шаха. Но этот конь никому, кроме Фируз-шаха, не позволял прикасаться к себе. Он сразу стал лягаться и ржать и разбудил спавшего Фируз-шаха.

За конем гнались четыре человека. Фируз-шах одним ударом свалил на землю одного из них. Остальные очень разозлились и втроем бросились на Фируз-шаха, чтобы отомстить за своего товарища. И все трое получили по заслугам. Обливаясь кровью, они убежали и стали жаловаться своему предводителю, который вел переговоры с Ходжа-Ильясом об уплате пошлины. Этот человек был самым дурным из людей Катира. Он пришел с двадцатью воинами. Увидев, в каком состоянии четверо из них, он разразился гневом:

— Кто тот наглец, который осмелился поднять руку на людей Катира? Быстро схватите и приведите его!

Все в караване перепугались и стали проявлять недовольство поступком Фируз-шаха:

— Что делает этот молодой человек?! Разве сейчас можно так поступать? Если Катир узнает, он нас всех убьет.

Как они ни умоляли, как ни просили людей Катира, ничто не помогло.

Четырнадцать человек разом бросились к Фируз-шаху, чтобы схватить его.

Фируз-шах тотчас вскочил на коня и устремился к ним, захватив меч. Раздались крики, зазвенели мечи. Фируз-шах

напал на врага с такой яростью, что почти все люди Катира были ранены им и бежали в крепость.

Через некоторое время ворота крепости внезапно растворились, и из них, подобно дикому зверю, выскочил Катир.

Люди в караване от страха разбежались кто куда. Остался только один Фируз-шах. Катир натянул поводья, выхватил меч и так стремительно бросился на Фируз-шаха, что, если бы шахзаде, действуя очень проворно, не повернул коня вправо, его бы ожидал, без сомнения, печальный конец.

В это мгновение Фируз-шах собрался с силами, прищпорил коня и погнался за Катиром. Он схватил его за пояс, мощными, точно стальными, руками поднял с коня в воздух, как мешок с соломой, а потом с силой швырнул на землю. Катир испустил душераздирающий вопль и закрыл глаза. Он потерял сознание.

Шахзаде тотчас соскочил с коня, поймал коня Катира, перерезал узду и этим тонким ремнем связал Катира по рукам и ногам. Повернувшись к каравану, Фируз-шах прокричал:

— Ходжа-Илья! Возьми и стереги этого дикого зверя. Смотри, чтобы не убежал. Я потребую его у тебя.

Зрелище было столь ужасным, что сопровождавшие Катира в один миг разбежались и укрылись в крепости. А люди в караване были поражены силой, мужеством и героизмом Фируз-шаха.

Фируз-шах снова вскочил на коня и подскакал к самым воротам крепости. Встав на стремяна, он приложил руку ко рту и закричал:

— Эй, Кутур! Я связал твоего брата по рукам и ногам и уложил на землю. Ты не придешь к нему на помощь?

Эти слова совершенно ошеломили людей в караване. Все остолбенели от изумления.

Кутур, конечно, видел, какая печальная участь постигла брата, но сделал вид, что ничего не знает, и, стоя на башне над воротами, нагнулся и крикнул:

— Эй, человек! Чего кричишь?

Шахзаде концом меча указал на Катира, лежавшего на земле, и ответил:

— Посмотри, что с твоим братом. Ты не пойдешь спасать его?

— Юноша! Моего брата победить нелегко. Видно, ты обладаешь колдовскими чарами. Скажи, чего ты хочешь за то, чтобы уйти отсюда.

— Я хочу, чтобы ты сдался.

— Тогда тебе придется долго ждать.

— Нет. Долго ждать я не буду. Ты это сам увидишь.

Тут Фируз-шах пришпорил коня и с призывом «Помоги, святой Хамза!» так смело и стремительно поскакал в ворота крепости, что воины, охранявшие их, растерялись. В мгновение ока он заставил своего коня прыгнуть до башни, находившейся над воротами, схватил Кутура, ошеломленного тем, что произошло, за длинные волосы и выволок его из ворот крепости. Затем Фируз-шах спрыгнул с коня, наступил ногой на грудь Кутура, приставил меч к его горлу и крикнул:

— Сдаешься?

Кутур понял, что ему остается только сдаться, и стал умолять:

— Юноша! Пощади меня! Все мои богатства и сокровища — твои.

Путешественники, увидев это, подбежали к ним, поцеловали Фируз-шаху руки и поздравили с победой. Катира и Кутура привязали к мулам, и караван продолжал свой путь.

Они уже вступили на землю Йемена и шли прямо к городу Таазу.

Однажды вечером, когда караван прибыл на стоянку, путешественники встретили там нескольких всадников, ехавших из Тааза, и спросили у них, что нового в Таазе. Те рассказали, что шахзаде, которые хотели жениться на Айнихаят-султан, с объединенным войском подошли к Джебели-экберу в окрестностях Тааза и что они будут воевать с Сервер-шахом. При этом известии Фируз-шах обрадовался и спросил:

— Где находится Джебели-экбер?

Ходжа-Ильяс указал на гору, видневшуюся впереди:

— Вот эта гора. Она на нашем пути. Как нам пройти там с караваном?

Фируз-шах не мог больше ждать. Он воспользовался словами Ходжа-Ильяса и сказал:

— Ты совершенно прав. В военное время там идти с караваном не следует. Оставим караван здесь и отправимся туда вдвоем. Поступим в зависимости от того, что там произойдет.

Ходжа-Ильяс согласился с предложением шахзаде. Караван расположился у реки, там они и провели ночь. На следующее утро Ходжа-Ильяс и Фируз-шах сели на коней и поскакали к Джебели-экберу.

Они увидели, что на равнине у подножия горы друг против

друга выстроились два войска. Ходжа-Ильяс и Фируз-шах поднялись на холм и стали наблюдать.

Сначала с обеих сторон выехали несколько пехлеванов и схватились друг с другом. Одни одержали победу, другие были побеждены. Наконец очередь дошла до главных пехлеванов Кашмира. Вперед выехал пехлеван гигантского роста и обратился со следующими словами к правителю Йемена Сервер-шаху:

— О Сервер-шах! Ты проявил упрямство и не отдал свою дочь Айнихаят за нашего шахзаде. Из-за тебя пролито столько крови! Кто знает, сколько еще людей погибнет по твоей вине. Прояви милосердие и жалость. Выстави последнего пехлевана. Если я одержу победу, ты отдашь дочь за нашего шахзаде. Если он победит меня, мы покоримся судьбе и уйдем отсюда.

Смуглое лицо Сервер-шаха побледнело. Он тотчас обернулся к везиру Тайфуру:

— Что делать? Кого послать против этого великана, огромного, как див?

Везир Тайфур оглядел выстроившихся пехлеванов, но не смог найти среди них никого, кто бы мог вступить в единоборство с главным кашмирским пехлеваном.

Фируз-шах и Ходжа-Ильяс слышали слова кашмирского пехлевана и видели, что они привели в замешательство Сервер-шаха.

Фируз-шах сказал:

— Ходжа, я иду. Не забудь меня в своих молитвах.

И, пришпорив коня, он молниеносно спустился с холма и подъехал к главному пехлевану Кашмира. Кашмирский пехлеван спросил:

— Кто ты, юноша? Мы ждем здесь пехлевана Сервер-шаха. Что тебе от нас нужно?

Шахзаде с поклоном обратился к Сервер-шаху:

— Если ваше величество разрешит, я вступлю с ним в единоборство.

Сервер-шах был в недоумении, он спросил у везира Тайфура:

— Кто этот юноша?

Везир Тайфур отвечал удивленно:

— Этого юношу я вижу впервые. Кто он, не знаю. Но если он так уверен в себе, значит, несомненно, победит кашмирского пехлевана. Разрешите ему сразиться.

Сервер-шах крикнул шахзаде:

— Разрешаю тебе, юноша!

Фируз-шах направился к кашмирскому пехлевану и крикнул:

— Твоя очередь. Нападай!

Кашмирский пехлеван намеревался сразу же покончить с шахзаде. Раскрутив тяжелую булаву, он со страшным криком метнул ее в Фируз-шаха. Но шахзаде мгновенно пригнулся к шее коня, и тяжелая булава со свистом пролетела над его головой и глубоко врезалась в землю на несколько пядей.

Тогда Фируз-шах насмешливо крикнул:

— Твоя булава пропала даром. Теперь моя очередь нападать!

Неудача ошеломила кашмирского пехлевана. Но он не хотел признать себя побежденным, выхватил меч и стал ждать нападения Фируз-шаха. Фируз-шах сильно прищипил коня, поднял его на дыбы и на бешеной скорости стал скакать вокруг кашмирского пехлевана, а затем одним ударом сразил его.

После этого Фируз-шах во весь опор поскакал по холму к Ходжа-Ильясу.

На огромном поле битвы воцарилась глубокая тишина. При виде этого необыкновенного зрелища все как будто оцепенели. Казалось, что тысячи людей, находившихся там, лишились дара речи.

Тут от войска Селим-шаха отделился всадник и галопом поскакал к Фируз-шаху. Взглянув ему в лицо, он закричал:

— Мой шахзаде! Фируз-шах! Ты ли это?

И, тотчас соскочив с коня, он обнял шахзаде. Фируз-шах тоже обнял его, задыхаясь от волнения, проговорил:

— Ферахзад... Брат мой...— и громко зарыдал.

Тут все удивились еще больше. Сервер-шах обернулся к везиру Тайфуру:

— Такого на свете и не видели! Кто этот юноша? Почему он совершил столь великое и опасное дело ради нас? Почему, убив с такой невообразимой ловкостью главного кашмирского пехлевана, он не попросил у нас награды? Почему он обнял всадника из вражеского войска? Почему этот юноша, который проявил такое мужество, стойкость и самообладание, плачет сейчас, как ребенок? Иди скорее и узнай обо всем! Иначе я сойду с ума от любопытства.

Везир Тайфур тотчас сел на коня и направился к Фируз-шаху и Ходжа-Ильясу. Увидев там Ходжа-Ильяса, он очень удивился. Тайфур поздоровался, обратился к Фируз-шаху и по-

вторил вопросы Сервер-шаха. Шахзаде сильно покраснел и скромно опустил голову.

Тогда Ходжа-Ильяс довольно и счастливо улыбнулся:

— Выражаю почтение его величеству. Так как победа осталась за его величеством, пусть он соизволит отправиться в город. Я приеду и отвечу на его вопросы.

Ходжа-Ильяс вместе с Фируз-шахом и Ферахзадом отправился в город. По дороге он послал известие каравану. После того как кашмирский пехлеван был убит Фируз-шахом, все шахзаде, пришедшие воевать, признали себя побежденными и удалились. Фируз-шах и Ферахзад наконец встретились. Они рассказали друг другу о том, что произошло с ними после того, как они расстались. Теперь они думали о Каадир-шахе.

Так как опасность миновала, Айнихаят вывели из того места, где ее спрятали, и рассказали, что Сервер-шах одержал победу благодаря неизвестному юноше.

Ходжа-Ильяс привез множество подарков Сервер-шаху и Айнихаят-султан. Подарки для Айнихаят он послал во дворец со своей женой, а подарки падишаху повез сам и представил их Сервер-шаху, с нетерпением ожидавшему его. Падишах, не обратив внимания на подарки, сразу же спросил:

— Ходжа! Рассказывай. Кто этот юноша?

Ходжа-Ильяс рассказал с начала и до конца все, что он слышал и узнал о Фируз-шахе и его товарищах с того момента, как встретил его.

Сервер-шах, слушая это, взял свою бороду в кулак и погрузился в глубокое раздумье. При этом он вспомнил о Сиявуше Художнике:

— Сиявуш много путешествовал по Ирану. Он недавно вернулся оттуда. Сиявуш должен знать этого шахзаде. Спросим-ка у него.

И Сервер-шах велел позвать Сиявуша Художника.

Сиявуш уже слышал об удивительном происшествии на поле битвы, и ему также очень хотелось узнать, кто был неизвестный юноша.

Он тотчас же прибыл во дворец. Как только Сервер-шах увидел его, он сказал:

— Слушай, Сиявуш! Я спрошу тебя кое о чем. Ты знаешь шахзаде по имени Фируз-шах, сына Дараб-шаха?

Сиявуш сложил руки на груди и с почтительным поклоном ответил:

— Как не знать! Когда я был в Иране, видел много хоро-

шего от него. И во время последнего путешествия я хотел посетить его, но не смог увидеться с ним, так как он по какой-то причине отправился неизвестно куда.

— Юноша, который убил вчера главного кашмирского пехлевана, утверждает, что он Фируз-шах.

— Без всякого сомнения, это он, ваше величество.

— Откуда ты это знаешь?

— Когда я в последний раз видел Фируз-шаха и говорил ему о вашем величестве и о том, как справедливо вы управляете государством, он сказал, что при первом же удобном случае посетит вашу страну. Судя по тому, что во время моего последнего путешествия он отправился неизвестно куда, надо думать, юноша, одержавший вчера победу, и есть Фируз-шах.

— Он сейчас в доме Ходжа-Ильяса. Повидайся с ним и немедленно сообщи мне обо всем.

Сиявуш Художник, исполняя приказ Сервер-шаха, сразу же отправился в дом Ходжа-Ильяса и приветствовал Фируз-шаха:

— С благополучным прибытием, ваше высочество!

Фируз-шах и Ферахзад встретили его с большой радостью. Они сели друг против друга и рассказали обо всем, что с ними произошло с тех пор, как они расстались.

Сиявуш Художник рассказал, как он повесил портреты на дереве в саду дворца Айнихаят-султан и как Айнихаят их взяла. Потом сказал:

— Я принес хорошие вести. Ее высочество без ума от вас. Днем и ночью она смотрит на ваши портреты и все время думает: «Кто это? У кого бы мне об этом узнать?» Я поехал в Иран, чтобы сообщить вам эту радостную весть, но не нашел вас и, огорченный и опечаленный, вернулся неделю назад. Победа, которую вы вчера одержали, произвела очень большое впечатление на Сервер-шаха и пробудила в его сердце чувства любви и благодарности к вам. Теперь вы непременно обретете счастье, так как, с одной стороны, вас любит дочь, а с другой — ее отец так благодарен вам.

Вселив этими словами большую надежду в шахзаде, Сиявуш отправился во дворец и сказал:

— Ваше величество! Я виделся с Фируз-шахом. Это он самый. Фируз-шах очень рад, что случайно оказал вам услугу.

Сервер-шах очень радовался известию, которое принес Сиявуш, и приказал Тайфуру:

— В таком случае мы устроим подобающее пиршество в его честь и пригласим его во дворец.

Между тем и жена Ходжа-Ильяса отправилась во дворец Айнихаят-султан, чтобы передать ей подарки. Увидев, что Айнихаят рассматривает портреты, сделанные Сиявушем, она в изумлении воскликнула:

— О ваше высочество! Где вы нашли эти портреты? Это же портреты шахзаде, который вчера одержал великую победу для вашего отца! А сам он гостит у нас.

Айнихаят-султан была так поражена, что чуть не лишилась чувств и некоторое время не могла произнести ни слова. Но, придя в себя, она засыпала жену Ходжа-Ильяса вопросами и стала подробно расспрашивать о шахзаде. Узнав все о нем, Айнихаят оделась, как было принято одеваться у девушек того рода. Она велела и няне вместо дворцовой одежды надеть простое платье и сказала жене Ходжа-Ильяса:

— Пойдем в ваш дом. Я хочу увидеть Фируз-шаха собственными глазами.

А Фируз-шах был вне себя от радости и счастья. Сиявуш и Ходжа-Ильяс вернулись из дворца домой и сообщили о большом и торжественном пиршестве, которое устраивает Сервер-шах в честь шахзаде. Без сомнения, за этим пиром последуют переговоры о женитьбе на Айнихаят-султан.

Шахзаде был очень доволен. Только мысль о Каадир-шахе, пожегтовавшем собой ради него, глубоко печалила его. Этот смелый и самоотверженный юноша сознательно приговорил себя к страшной смерти, чтобы спасти жизнь других.

Фируз-шах был совершенно уверен, что его любимый друг Каадир-шах погиб в тех страшных волнах. И в самом деле, кому могло прийти к голову, что счастливый случай приведет Каадир-шаха на необитаемый остров и что там он встретится с прекрасной девушкой, похищенной пиратами?

Между тем Каадир-шах вовсе не жаловался на жизнь. Он поселился на острове, так как надежды на побег не было. Каадир-шах и девушка, которую звали Рейхане, полюбили друг друга.

Однажды после обеда они сидели в беседке перед домом. Вдруг Рейхане вздрогнула и побелела как полотно. Каадир-шах, заметив это, встревожился и спросил:

— Что случилось, любимая? Что с тобой?

Рейхане не могла произнести ни слова и только указала пальцем на море и корабль, который на всех парусах приближался к острову.

Каадир-шах взял Рейхане за руки и стал ее утешать:

— Что делать, любимая? Одип-два дня нам придется провести в разлуке.

Чтобы посмотреть на тех, кто пришлыл, он спустился на берег моря и спрятался за скалой.

Судно приблизилось к острову и причалило к берегу под этой скалой.

Рейхане с печальным лицом встретила предводителя пиратов. Пираты стали выносить на берег награбленную добычу. Потом они собрались, посоветовались немного и стали кричать предводителю:

— Что же это такое? Мы должны трудиться, чтобы наполнять твою казну? Дай то, что нам причитается, и мы вернемся на родину!

Предводитель не произнес в ответ ни слова, он медленно подошел к ним. Потом молниеносно выхватил кинжал и страшным ударом сразил стоявшего впереди пирата, затем второго, третьего... Тогда остальные, охваченные ужасом, отступили. Они упали на землю перед этим жестоким и безжалостным человеком и стали просить у него прощения.

Тут Каадир-шах внезапно выскочил из своего убежища и бросился на предводителя пиратов, державшего кинжал, с которого капала кровь. Каадир-шах, не говоря ни слова, нанес такой сильный удар мечом, что голова предводителя пиратов отлетела на несколько шагов в сторону. Потом Каадир-шах обратился к пиратам и, указав концом меча на лежавшую там добычу, крикнул:

— Все это ваше!

Пираты, ошеломленные, стали спрашивать друг у друга:

— Кто это?

Один пират подбежал к Каадир-шаху, упал к его ногам и воскликнул:

— Аллах послал тебя, чтобы освободить нас от этого человека!

При этих словах и остальные пришли в себя. Все бросились к Каадир-шаху, припали к его рукам и ногам и закричали:

— Теперь ты наш предводитель!

И Рейхане очень обрадовалась. Она тотчас же приготовила угощение для пиратов.

Каадир-шах собрал пиратов, объяснил им, какое скверное дело пиратство, и посоветовал отказаться от разбоя. Все внимательно выслушали слова Каадир-шаха и поклялись больше не грабить. Затем они погрузили все, что было в сокровищнице

предводителя пиратов, на корабль и вместе с Каадир-шахом и Рейхане покинули остров.

А меж тем Айнихаят-султан отправилась в дом Ходжа-Ильяс-са. Когда она пришла туда, она сказала:

— Представьте меня Фируз-шаху как служанку. Я хочу поближе посмотреть на него.

Жена Ходжа-Ильяс-са подвела ее к Фируз-шаху:

— Шахзаде! Если вы согласны, эта девушка — ваша рабыня. Она будет служить вам, пока вы находитесь здесь.

Едва Фируз-шах взглянул в лицо Айнихаят, он весь затрепетал и, промолвив: «О! Это девушка, которую я три ночи подряд видел во сне», лишился чувств.

Айнихаят также была очень взволнована. Она воскликнула:

— Наконец-то я встретила шахзаде, о котором мечтала столько месяцев, глядя на его портрет!

И потеряла сознание.

Все присутствующие были поражены. Тотчас же привели Айнихаят в чувство с помощью цветочной воды и прочих средств. А потом все вышли, оставив влюбленных вдвоем.

Некоторое время Фируз-шах и Айнихаят не находили слов. Оба долго смотрели друг на друга, охваченные тоской и страстью. Потом, понемногу преодолев смущение, рассказали друг другу о своих приключениях. Айнихаят повторила слова, сказанные ею, когда она явилась во сне Фируз-шаху:

— Столько шахзаде сваталось за меня! Я всем отказала. Воистину ты моя судьба.

И Фируз-шах повторил эти слова. Айнихаят, сердце которой было переполнено радостью и счастьем, поднялась и сказала:

— Теперь я иду к себе во дворец. Я сразу же пошлю сказать отцу, чтобы заключили наш брак.

На следующий день во дворце устроили великолепный пир. Все придворные во главе с Сервер-шахом ожидали прибытия Фируз-шаха. Чтобы увидеть его прибытие во дворец, все жители города высыпали на улицы.

В назначенное время Фируз-шах сел на коня и отправился в сопровождении Ходжа-Ильяс-са и Сиявуша Художника во дворец. Когда он подъезжал к нему, в толпе внезапно послышался крик:

— Шахзаде! Неужели мне суждено еще раз увидеть тебя на этом свете!

Шахзаде посмотрел в ту сторону, откуда раздался крик, и в величайшем волнении воскликнул:

— Каадир-шах! Брат мой! Ты жив? — и тотчас протянул к нему руки. Друзья обнялись. Увидев это, Ферахзад очень удивился. Потом он поцеловался с Каадир-шахом. Немедленно привели коня, посадили на него Каадир-шаха и повезли во дворец.

О том, что произошло, сообщили Сервер-шаху, и тот попросил Каадир-шаха рассказать о своих приключениях. Все присутствующие на пиру с величайшим вниманием и волнением выслушали рассказ Каадир-шаха.

Пир закончился большой радостью. Ходжа-Ильяс произнес речь и в конце ее обратился к Сервер-шаху:

— Мой султан! Я и Сиявуш, ваши рабы, по велению Аллаха и соизволению пророка просим ее высочество Айнихаят в жены шахзаде Фируз-шаху, сыну правителя Ирана Дараб-шаха. Какой ответ вы соизволите дать?

Сервер-шах без малейшего колебания ответил:

— Я отдаю ее с большим удовольствием.

Свадьбу праздновали сорок дней и сорок ночей.

Три месяца Фируз-шах гостил во дворце Сервер-шаха. Потом собрали большой караван. Все жители города во главе с Сервер-шахом провожали новобрачных, направлявшихся в Иран, на расстояние трех дней пути.

По дороге посетили и город Кут. Там они взяли с собой Гюльнуш-султан, возлюбленную Ферахзада.

Караван не торопясь продолжал путь и наконец достиг Ирана. К Дараб-шаху послали гонцов. Прибывших встретили с огромной радостью. Дараб-шах был уже очень стар. Он передал власть Фируз-шаху. Фируз-шах назначил Ферахзада везиром, а Каадир-шаха — сераскером. Фируз-шах прожил жизнь очень счастливо и благодарил всевышнего, который оказал ему столь великую милость.

Необыкновенные приключения Караоглана

Несколько столетий тому назад — в те времена, когда твердое слово, истина и верность обету были весьма почитаемы, — в городе Кайсери правил один деревей. Подданные очень любили его.

Но как и у всех людей — чего-нибудь да недостает, так и у деревея: у него не было детей. И хотя прошло уже шесть лет с тех пор, как он женился, а наследник все еще не появился.

И вот однажды, когда он размышлял о своей горькой судьбе, жена принесла ему радостную весть — у них будет ребенок. Это известие словно вернуло к жизни деревея — радости его не было границ.

Подданные его тоже обрадовались, узнав об этом: смилостивился, значит, Аллах.

Пришло время, и жена деревея родила прекрасного мальчика.

Собрались тогда самые именитые и преданные своему повелителю подданные, чтобы выбрать для новорожденного хорошее имя. После долгих споров остановились на имени Гюльтекин¹. Сообщили об этом и всем остальным беям.

Отец не мог скрыть радости от такого решения своих подданных.

— Дорогие соплеменники мои! — воскликнул он. — Раз вы так близко к сердцу принимаете мою радость, повелю я устроить празднество на сорок дней. Отпущу на волю всех осужденных! Будьте все моими гостями!

Услышав об этом решении, подданные пожелали своему деребею долгой жизни и многих лет правления.

В стране царил радость. Всех переполняли дружеские чувства. Веселились все кто как мог — и малый и старый.

Быстро полетели дни, месяцы, годы. Гюльтекину исполнилось пятнадцать лет. Был он развитым не по годам и очень сильным. Да вдруг что-то странное стало с ним происходить: начал он постепенно чернеть.

Сначала отец и мать не придавали этому особого значения, они считали, что скоро это пройдет, потом забеспокоились, и дребей объявил: того, кто найдет средство от такой напасти, ожидает огромное богатство. Глашатаи оповестили об этом население всех больших городов, но не нашлось никого, кто знал бы, как помочь мальчику.

А Гюльтекин с каждым днем становился все чернее. Когда же ему исполнилось восемнадцать лет, он стал черным как уголь. Только зубы его остались белыми: когда он улыбался, они сверкали, словно жемчуг.

Несчастный отец был в отчаянии. Когда же его сына стали называть Караоглан², он и вовсе слег от горя.

Через несколько дней отцу полегчало, и он пожелал увидеть сына. Но оказалось, что Гюльтекин тайно ушел из дворца, оставив записку:

«Почтенная моя матушка и любимый мой батюшка! Когда вы получите это письмо, я буду очень далеко. Я знаю, что виноват перед вами, отправившись в путь без вашего разрешения и благословения. Но я вынужден был так поступить. Если бы я сказал вам о моем желании уйти, вы бы меня не отпустили. Видно, не судьба мне быть вашим сыном. Вам нужен не такой. Вот я и ухожу, чтобы найти подобных себе. С ними я и стану коротать свои дни. Простите меня. Я вас никогда не забуду. Прощайте. Не ищите меня. Ваш сын Гюльтекин».

Прочитав письмо, отец и мать стали проливать слезы с утра и до ночи. Жители города с горя облеклись в траур.

А Караоглан шел и шел, шел днем и ночью, но никак не мог найти то место, к которому стремился. Да он и не знал, куда держит путь.

Наконец он пришел в какой-то город и стал расспрашивать,

в какую он попал страну. Узнав, что это Хиндустан, он очень удивился. Вот, значит, как далеко оказался он от своих родителей! Вспомнив отца и мать, Караоглан так опечалился, что заклестнула его волна горя, и он потерял сознание.

Когда Караоглан пришел в себя, он увидел, что лежит в глубоком подвале. Он дрожал от холода.

Немного спустя пришли два стражника, вытащили его из этого подземелья и куда-то повели.

Изаумленно озираясь, Караоглан спросил стражников:

— Куда вы меня ведете?

Ответа не последовало. Он очень удивился, так как не знал за собой никакой вины: почему же его ведут под стражей?

Через некоторое время привели его в какое-то просторное помещение и передали двум другим стражникам, а те, схватив Караоглана за руки, подвели его к сидящему на возвышении белобородому старцу и, поставив Караоглана на колени, замерли над ним в ожидании.

— Что случилось? — спросил белобородый. — Зачем вы привели этого юношу?

— О высокородный падишах мой, — ответил один из стражников, — когда по вашему приказу из башни выводили девяносто восьмого юношу, который, как и все предыдущие, не смог справиться с задачей, вдруг появился этот... и мы обрадовались...

— Раз вы поняли, что он пришел для того, чтобы спасти нас, зачем же тащили его сюда волоком?

— О наш проникательный господин, — ответил молодой стражник с низким поклоном, — я и осмелился беспокоить вас, чтобы все объяснить. Этот юноша подошел как раз к тому колодцу и возле него потерял сознание. Значит, и он не смог бы сделать то, что нужно. Вот мы и привели его сюда...

Прежде чем принять решение, как поступить, падишах задумался.

— А может быть, — наконец промолвил он, — этот юноша подошел к колодцу, чтобы посмеяться над нами. Проверим.

И падишах приказал отдать Караоглана палачу.

Услышав это, Караоглан стряхнул с себя стражей, вырвался из их рук и кулаками нанес им такие удары, что они оба, потеряв сознание, растянулись на полу. Падишах же совсем растерялся и не знал, что ему делать. Прошло уже порядочно времени, а стражники все не приходили в себя. И тогда падишах ударил в висевший рядом гонг. Вбежали несколько человек. Думая,

что его снова схватят, Караоглан принял оборонительную позу. Но, услышав слова падишаха, он успокоился.

— Поднимите этих стражников с пола, — сказал падишах, — и приведите их в себя.

Дворцовая охрана, вбежавшая по удару гонга, подхватила лежащих в беспамятстве стражников и вынесла их.

Падишах остался с Караогланом наедине.

— Сын мой, — сказал падишах, — я понял, что ты обладаешь силой, которой трудно противостоять. Знай же, что вот уже несколько лет на наш город повадилось нападать одно страшное чудовище. Каждый год оно похищает двенадцать девушек. А у меня есть дочь, самая прекрасная из всех девушек. И однажды, несомненно, придет и ее очередь. Вот я и повелел собрать по всей стране самых отважных богатырей. Но ни один из них так и не смог устоять перед чудовищем и спасти свою жизнь. Все они погибли. Говорят, что никто не может справиться с ним. Но я не верю в это...

— О падишах, — воскликнул тут Караоглан, — разреши мне! Я хочу схватиться с чудовищем, и, если одолею его, мир и покой наступят в вашем городе!

Падишах уже видел силу юноши, а теперь подивился и его отваге. И тогда он сказал, что тот может поступать по своему усмотрению.

Караоглан удалился в отведенные ему роскошные покои и несколько дней пробыл во дворце гостем падишаха, предаваясь отдыху.

А в эти дни богатыри, намеревавшиеся сразиться с чудовищем, решили поупражняться в борьбе. Караоглан, конечно, присоединился к ним.

Два дня длились состязания, и Караоглан был признан среди всех богатырей самым сильным.

Падишах был доволен. При большом стечении народа надел он на Караоглана золотой пояс, поцеловал его в лоб и пожелал успешного завершения дела.

— Сын мой, — сказал он, — да не даст Аллах твоей спине коснуться земли!

Через два дня падишах приказал позвать Караоглана.

— Сын мой, — сказал падишах, — если ты одолеешь чудовище, я отдам тебе свою единственную дочь, красавицу Сельмин, и сделаю тебя своим зятем.

При этих словах падишаха Караоглан опечалился и опустил голову.

— Почему, сын мой,— спросил падишах, заметив состояние юноши,— ты не говоришь «да будет так»?

— О падишах,— отвечал Караоглан,— я поражен вашей милостью. Но ведь я совсем черный и не поправлюсь вашей дочерью. Я благодарен вам за вашу доброту, но ваша дочь будет счастлива только в том случае, если вы отдадите ее за равного.

Опечалили падишаха эти слова.

— Сын мой,— сказал он,— я вижу, ты считаешь себя презренным. Но это не так. Раньше и я думал так же. Когда же говорил об этом с дочерью, она меня пристыдила. По ее мнению, ты очень благороден и похож на настоящего принца. Достоинств у тебя больше, чем недостатков.

— Да пошлет Аллах удачу! — воскликнул тут Караоглан и, попрощавшись с падишахом, вышел.

До появления чудовища, как предполагали, оставалось несколько дней. Но вышло все иначе. На рассвете город сотрясся от ужасного рева. Все стали прятать своих дочерей.

Ничего не подозревавший Караоглан был в это время во дворце. Услыхав страшный рев, он выбежал на балкон. С большой высоты ему хорошо было видно все вокруг. Вот он заметил, что на западе в воздух поднялось облако пыли. Это облако выходило из колодца — того самого, возле которого он тогда потерял сознание.

Караоглан тотчас опоясался оружием и, перескакивая через четыре ступеньки, помчался в конюшню. Он вывел подаренного ему коня, вскочил на него и с быстротою молнии поскакал туда, где вздымалось облако пыли.

Обитатели дворца и весь народ возносили молитвы, чтобы Караоглан отвратил от них ужасную беду.

А Караоглан мчался так быстро, что очень скоро достиг колодца. Он хотел зарубить чудовище в тот миг, когда оно будет вылезать из колодца. Но конь вдруг встал на дыбы, и Караоглан должен был спешиться. Он подступил к колодцу. Все, кто издали наблюдал за этим, были в страшном волнении.

Оставшийся без всадника конь галопом умчался назад.

Караоглан обнажил саблю. Но вдруг случилось вот что. Чудовище стало втягивать в себя воздух, и вместе с ним в его пасть полетели камни, песок, кусты. Втянуло туда и Караоглана. Как юноша ни старался удержаться, его засосало в пасть вместе с большим камнем.

Чудовище, извергая из глаз пламя, уже хотело было захлопнуть пасть, но Караоглан быстро вставил саблю между

страшными челюстями. Так и осталось чудовище с открытой пастью, не понимая толком, что же произошло.

Наблюдавшие это из дворца и других домов были уверены, что Караоглан погиб. Но тут вдруг раздался отчаянный вой, от которого содрогнулись горы. Что же случилось? Почему чудовище так взвыло?

Сейчас мы объясним это.

Когда отважный Караоглан вставил в пасть чудовища саблю, он пощекотал его нёбо. Это понравилось чудовищу, и оно уже не стремилось захлопнуть пасть. Схватив большой камень, Караоглан вставил его между зубами чудовища и, выхватив саблю, мгновенно выскочил наружу.

Чудовище, пасть которого все еще была открыта, изо всех сил старалось стиснуть челюсти. Караоглан изловчился и ударил его саблей по носу. Хлынула черная кровь.

Наконец чудовищу все же удалось с силой захлопнуть пасть, камень разлетелся на куски. Чудовище жутко завывало.

Изо всей силы ударил Караоглан чудовище по голове и раскроил надвое всю верхнюю челюсть от самого носа. Чудовище почти ослепло, но все же не сдавалось. Выбросив вперед лапу, оно схватило саблю Караоглана и сломало ее на мелкие куски.

Караоглан ударил чудовище кулаком с такой силой, что оно перевернулось на спину.

Увидев это, люди побежали на помощь Караоглану, но подойти близко не решались. Даже сам падишах, надев кольчугу, приспел к месту страшной борьбы.

Пока чудовище, лежа на спине, отчаянно барахталось, Караоглан схватил его за шею, сломал ее, напрягши все свои силы. Раздался последний вопль чудовища.

Присутствующие возликовали.

Все приблизились к колодцу и с опаской разглядывали чудовище. И тут у всех зародилось опасение — а нет ли в колодце еще такого же?

Караоглан почтительно склонился перед падишахом.

— Мой падишах, — сказал он, — разреши мне теперь спуститься в колодец.

Несмотря на возражения падишаха, Караоглан не отказался от своего решения.

Тогда принесли длинную веревку, концом ее обвязали юношу и стали опускать его. Другой конец веревки с трудом удерживали шесть человек.

Вдруг веревка оборвалась, и державшие ее люди попадали на землю.

Ждали, ждали у колодца, кричали, кричали, но так ничего и не услышали. Лишь донеслось из колодца какое-то далекое, странное эхо.

Всех охватила печаль.

По приказу падишаха совершили торжественный скорбный обряд в память о погибшем Караоглане.

А что же Караоглан? Когда лопнула веревка, он полетел головой вниз и уже не думал, что спасется. Но падение продолжалось недолго. Неожиданно он упал в водоем, который находился посередине сада, где росло множество красивых цветов. Сначала Караоглан пошел было ко дну, но, сделав два-три мощных движения, выплыл на поверхность.

Караоглан хорошо плавал, но что-то мешало ему добраться до берега. Неведомая сила тянула его вниз, и он подумал, что ему уже не спастись. Коснувшись ногами дна, он вдруг услышал позади себя какой-то звук. Повернул голову и... остолбенел. Почти рядом с ним был огромный дракон.

Караоглан сообразал, что бы такое ему предпринять, и вдруг заметил, что дракон готовится к нападению. Караоглан отскочил в сторону и изо всех сил толкнул дракона. Тот ударился головой о стенку водоема и вскинул лапы вверх. И Караоглан понял, что дракон околел. Саблей, которую Караоглану дал один из людей падишаха, когда он только собирался спуститься в колодец, он отрезал ухо дракона и спрятал его в карман.

Тут Караоглан увидел круглую крышку в стенке водоема. Открыв ее, он обнаружил длинный сухой проход и пошел по нему. Через некоторое время он оказался снаружи, прошел еще немного и увидел какой-то домик. На его стук дверь открыла старая женщина. Караоглан попросил впустить его. Женщина эта была совсем черная. Караоглан обрадовался: он подумал, что население этой страны, по-видимому, эфиопы.

— Сынок,— сказала старая женщина, которая, видно, была хозяйкой дома,— оставайся у меня столько, сколько пожелаешь. У меня, кроме Аллаха, никого нет. Будешь моим добрым другом.

В ту ночь Караоглан (Гюльтекин) долго рассказывал старой женщине о своих невзгодах. Спать он лег поздно. А проснувшись, почувствовал, что в городе происходит что-то чрезвычайное. Все ликовали: дракон, который всегда по утрам забирал всю воду, сегодня не появился. Оказалось, что он погиб.

По приказу правителя этой страны глашатаи города объявили, что празднование продлится сорок дней. Возвестили также, чтобы убивший дракона пришел за наградой.

И сколько было богатырей в городе, все утверждали, что убил именно он. Пришел во дворец и Караоглан. Он предстал перед повелителем и хотел сказать, что это он убил дракона и что награда полагается ему. Но он был чужаком, и его даже слушать не стали.

Однако правитель был добрым человеком. Он согласился выслушать Караоглана.

— Ваше величество! — воскликнул Караоглан. — Мне не верят, что я убил дракона. Позовите во дворец всех, кто утверждает, что именно он сделал это, и, если я не сумею доказать правоту своих слов, я понесу наказание.

Повелитель приказал созвать во дворец всех храбрецов, утверждавших, что они убили дракона. Желая получить награду, все пришли и стали рассказывать всякие небылицы. Последним был Караоглан:

— Дракон погиб от моей руки. Если вы не верите, я могу подтвердить это вот чем...

Тут Караоглан вынул из кармана ухо дракона, которое он отрезал, убив его, и положил перед повелителем.

Перед этим доказательством все умолкли. Повелитель встал с трона, поцеловал юношу в лоб и сказал:

— Сын мой, с твоей помощью мы спаслись от дракона, который постоянно оставлял нашу страну без воды. Проси у меня чего только пожелаешь!

— Я желаю, — сказал Караоглан, — благоденствия моему падишаху.

Но повелитель настаивал, чтобы юноша попросил что-нибудь для себя. Тут Караоглан заметил на пальце повелителя очень дорогой перстень, сверкающий и переливающийся разноцветными огоньками.

— Ваше величество, — почтительно сказал он, — уж если вы хотите одарить меня, пожалуйста мне этот перстень, и я буду доволен.

Услыхав эти слова, повелитель неохотно снял перстень с пальца и, отдавая ему, сказал:

— Возьми, сын мой, пусть исполнится твое желание!

И он с поклоном отдал перстень Караоглану.

Взял Караоглан перстень и вдруг ощутил в душе необъяснимую радость. Перстень сначала с большим трудом надевался

на палец, но затем неведомая сила расширила его, и он пришелся как раз впору.

Повелитель предложил Караоглану остаться у него гостем, но юноша не принял этого приглашения. Он попросил лишь разрешения погулять по городу и осмотреть его. Повелитель разрешил, но предупредил, чтобы Караоглан не выходил за пределы города и не ходил бы по улицам ночью.

Поцеловал Караоглан полу одежды повелителя и вышел.

Когда на следующий день Караоглан гулял перед обедом по городу, он увидел, что дверь, через которую он пришел, все еще открыта. Он вошел в эту дверь и вскоре оказался в том же водоеме. Юноша еще раньше заметил там другую дверь, и ему хотелось узнать, куда она ведет.

Но сколько он ни старался, открыть эту дверь не мог. Тогда Караоглан навалился на дверь всей тяжестью своего тела, и она вдруг распахнулась.

С интересом озираясь по сторонам, шел он по открывшемуся проходу и наконец попал в какое-то просторное помещение. Осмотрелся — вокруг ни души. Глядит — еще одна закрытая дверь, а под ней полоска света. Он пошел туда и, подойдя к двери, услышал за ней какие-то звуки. В нетерпении толкнул он дверь и вошел. И чуть было не проглотил язык от изумления. Перед ним была прекрасная девушка, привязанная к столбу.

Когда Караоглан немного пришел в себя, он заметил позади девушки большую черную змею, которая, казалось, вот-вот бросится на нее.

Караоглан обнажил саблю, но черная змея скрылась. Тотчас перерезал он веревки и освободил девушку, но она не могла стоять и упала без сознания.

Положив голову девушки себе на колени, Караоглан пытался привести ее в чувство, однако она не проявляла никаких признаков жизни.

Через некоторое время девушка с трудом открыла глаза и прошептала:

— Дай мне немного воды!

Караоглан бросился за водой и напоил девушку.

— Если бы не ты,— воскликнула она,— моя жизнь так бы и прошла в этом подземелье! Я никогда не забуду твоей доброты. Ты спас мне жизнь!

— Я пришел сюда из любопытства,— сказал Караоглан,— но ведь и любой мужчина с радостью подверг бы себя опасности, лишь бы освободить тебя.

— Но меня спас ты,— взволнованно сказала девушка,— и теперь у меня к тебе еще одна просьба: отвези меня в страну моего отца. Если ты это сделаешь, исполнишь мое желание, я буду тебе так благодарна...

Тут она горько заплакала. Караоглан начал ее успокаивать и пообещал отвезти к отцу. Потом он спросил:

— Не причинила ли тебе вреда та черная змея? И кто запер тебя здесь и зачем привязал?

— Не спрашивай, что со мной случилось,— воскликнула она,— рассказ получился бы очень длинный. Скажу коротко: змея, о которой ты упомянул, сделала мне много добра, пока я была здесь в заточении. Она приносила мне еду. А как я попала сюда... Очень просто: год тому назад, заблудившись, я оказалась в этом городе. Помню только, что, обессилев, я подошла к водоему и наклонилась над ним. А когда пришла в себя, то была уже здесь привязанной. Если бы не черная змея, я давно была бы в ином мире.

Когда девушка закончила свой рассказ, они отправились в путь.

А в это время повелитель, который разрешил Караоглану отсутствовать только до вечера, стал беспокоиться. Он не мог понять, что случилось. Не приключилось ли с молодым богатырем беды?

В ту ночь от беспокойства он не сомкнул глаз до самого утра. Тревожился же он потому, что знал — без разрешения повелителя никто не сможет покинуть этот город, не сможет выбраться через потайной ход. Понимая, что без разрешения Караоглана не смог бы этого сделать, и повелитель, и его придворные стали думать, что богатырь попал в ловушку для диких зверей. И тогда повелитель приказал каждый год в этот день поминать Караоглана.

Караоглан же с девушкой после многодневных скитаний прибыли наконец к другому подземному городу. Караоглан не хотел входить в город вместе с девушкой, так как робел перед белыми людьми. Но когда он объяснил это девушке, она стала возражать и уговорила его войти в город вместе.

Тут Караоглан вспомнил своих родителей, и слезы набежали на его глаза.

— О мой благородный спаситель,— сказала заметившая это девушка,— я вижу, что ты сильно опечален. Поверь мне, совсем скоро я сделаю тебя самым счастливым человеком в мире.

Услышав эти идущие от сердца слова, Караоглан понял, что

девушка его полюбила. А сам он уже давно ее любил. Но он был черным и не хотел говорить о своих чувствах. Теперь же не надо было стесняться этого, и он ответил ей стихами:

Сжигает душу жар огня,
А ты полюбишь ли меня?
Любовь меня с ума свела,
Зовет меня, к себе маня!

Девушка отвечала ему так:

Всем сердцем я тебя люблю,
Печалью душу я сгублю.
Ты мне судьбой навечно дан:
С тобой все муки я стерплю!

Тут Караоглан воскликнул:

Ты — страсть моя и боль моя!
Люблю я, скорбь в душе тая:
Не даст согласия твой отец,
Ведь ты бела, но черный я!

Но девушка ответила ему:

Какой бы ни был — я с тобой,
Навеки я твоя, ты — мой,
А без тебя мне жизни нет,
Поверь: так суждено судьбой!

Тут влюбленные замолкли, потому что уже подошли к воротам дворца.

Привратники узнали свою принцессу³ и тотчас отвели обоих в покои короля.

Король⁴, отпустив тех, кто принес ему радостную весть, заключил дочь в свои объятия, осыпал ее бесконечными поцелуями. Отец и мать девушки плакали от счастья.

Девушка подробно рассказала обо всем, что с ней произошло, и о том, как Караоглан спас ее и привел сюда. Король понял, сколько добра сделал для него этот юноша, и сказал, что исполнит любое его желание.

Караоглан признался, что хотел бы погостить у них и, отдохнув, снова отправиться в путь.

С того дня двое молодых людей с утра до вечера бродили по полям и лугам. О радости их и рассказать нельзя.

Наконец Караоглан предстал перед отцом девушки.

— О мой могущественный повелитель,— сказал он,— у меня к вам просьба. Если исполните ее, я буду очень доволен.

— Говори, сын мой,— отвечал король,— я ведь сказал, что исполню любое твое желание!

Караоглан не упустил удобного момента:

— Ваше величество, я хочу получить в жены вашу дочь. Если отдадите ее за меня, я буду очень счастлив.

Хотя это предложение и пришлось не по душе королю, но, не желая нарушить свое слово, он дал согласие.

Караоглан поцеловал руку королю и радостный удалился.

Быстро разнесли эту весть по всему городу глашатаи. И было объявлено, что через два дня состоится свадьба Караоглана и красавицы Неджлы.

За то, что Караоглан спас его дочь и невредимой доставил ее домой, король наградил юношу драгоценной медалью.

Быстро промелькнули два дня. На третий день, когда после полудня должно было состояться бракосочетание, Караоглан и Неджла, прогуливаясь перед торжественным обрядом в саду, приблизились к колодцу и стали срезать растущие возле него розы.

Вдруг под тяжестью Караоглана земля провалилась. Богатырь полетел в какую-то очень глубокую яму. Замерла в растерянности Неджла возле страшной ямы. Потом, опомнившись, она начала взывать о помощи. Прибежали придворные и увидели, что принцесса без сознания лежит у колодца. Тотчас принесли носилки и унесли ее во дворец. Весь день старались привести Неджлу в чувство, но безрезультатно.

Прошло несколько дней, а Неджла все еще не приходила в себя. Все лекари города не могли понять, что с ней.

Только через неделю пришла принцесса к отцу и рассказала отцу и матери обо всем, что случилось.

Самые опытные водолазы целыми днями искали Караоглана в колодце, но даже следов его не нашли.

Король, потеряв надежду увидеть Караоглана живым, приказал всем на три дня облачиться в траур по его будущему зятю.

Несчастливая принцесса Неджла не смогла вынести этого горя, ей опять стало хуже. Никто не мог ее утешить, никто не мог найти лекарство от ее болезни.

А теперь вернемся к Караоглану. Кувыркаясь, он летел в глубину колодца с такой быстротой, что потерял всякую надежду на спасение. Был момент, когда у него мелькнула мысль, что

этот колодец бездонный. Но вдруг Караоглан почувствовал, что он уже не падает, что он на дне этого колодца, казавшегося бездонным ящичком. А вокруг везде какое-то белое вещество, которое напоминало негашеную известь. Он почувствовал, что все его тело стало гореть. Голову, глаза, все тело так жгло, что невозможно было терпеть. Караоглан хотел было высунуть наружу хотя бы голову, попытался выкарабкаться, но лишь глубже погрузился в жгучую гущу.

Тут он вспомнил свою любимую, принцессу Неджлу, и почти обезумел от горя. Стал он в отчаянии ломать руки и нечаянно повернул перстень, который был у него на пальце... И не поверил своим глазам: перед ним, скрестив руки, стоял огромный араб.

— Приказывайте, господин мой, — сказал он.

Караоглан уже не мог говорить и лишь движением глаз пытался объяснить свою беду, но тут же потерял сознание.

Очнувшись, он увидел, что лежит на лужайке, а перед ним в позе ожидания стоит черный араб.

Караоглан удивился и спросил:

— Откуда ты и чего ты хочешь?

— Вы, господин, позвали меня, и я пришел.

Тут Караоглан понял, что чудо произошло оттого, что он нечаянно повернул перстень. Он снова повернул перстень, и араб исчез.

Караоглан увидел невдалеке источник и начал в нем мыться.

И вдруг, о чудо! По мере того как Караоглан смывал с себя белую гущу, он становился все белее и белее. И вскоре кожа его стала такой же белой, какой была при рождении.

Хорошенько выкупавшись в источнике, Караоглан постепенно стал приходить в себя. Ведь и падение в глубокий-глубокий колодец, и усилия, которые он прилагал, чтобы выбраться из белой гущи, его сильно утомили. Он почувствовал голод и стал соображать, как бы раздобыть чего-нибудь поесть. И вдруг вспомнил спасшего его араба. Повернул он на пальце перстень — и миг явился араб. Он был так огромен, что одна губа его была на земле, а другая — на небе.

Караоглан попросил араба чем-нибудь его накормить. Не успел он произнести последнее слово, как араб поставил перед ним богато накрытый стол.

Насытившись, Караоглан подумал, что неплохо бы теперь и отдохнуть. Миг перед ним появилась постель. И он спал ровно два дня и две ночи.

Проснулся Караоглан, который был уже белым (и теперь мы будем называть его прежним именем — Гюльтекин), от каких-то страшных голосов. Огляделся — вокруг никого. Снова лег и хотел заснуть, но опять слышались голоса. Наконец он понял: звуки доносятся из-под земли. Громко раздавались какие-то человеческие голоса. Что же там происходило?

Чтобы удовлетворить свое любопытство, юноша решил спуститься вниз. Он повернул перстень и приказал появившемуся арабу:

— Спусти меня туда, вниз!

Не успел он произнести эти слова, как понял, что его желание уже исполнено и он находится на какой-то площади. Он опять повернул перстень, и араб исчез.

Вдали виднелись высокие горы. Гюльтекин пошел к ним и стал карабкаться на самую высокую из них. Вскоре он достиг вершины и увидел, что на противоположном склоне сражаются два многотысячных войска.

Так как Гюльтекин не знал, какое войско бьется за правое дело, сам он в битву не вступил. Он хотел как-нибудь остановить сражающихся, но ничего не мог придумать. Наконец решился и с вершины горы издал такой воинственный рык⁵, что горы вокруг застонали.

Сражающиеся в растерянности остановились. В изумлении все устремили взоры на вершину горы, откуда раздался рык. Люди этой страны за всю свою жизнь не видели такого огромного белого человека.

Воспользовавшись этим замешательством, Гюльтекин начал спускаться вниз. И когда он подошел к войскам, все приветствовали его.

Гюльтекин нашел предводителей каждого из двух сражающихся племен и постарался их помирить.

— Друзья! — воскликнул он. — То, что вы делаете, постыдно и греховно! Кровь, которую вы уже пролили, пусть послужит вам уроком! Взгляните, сколько детей вы оставили без отцов. Живите отныне, как братья, и пусть Аллах простит ваши грехи!

Все, кто там был, одобрили слова Гюльтекина и дали клятву больше не сражаться. Гюльтекин велел разнести эту радостную весть по всем городам.

Прошло несколько дней. Как-то раз Гюльтекин пошел по городу прогуляться. Все люди, которые попадались ему навстречу, были малорослыми. Многие из них были очень бедны. Же-

лая им помочь, Гюльтекин с помощью араба обеспечил их припасами на долгие годы.

Когда через несколько дней Гюльтекин объявил вождям племен, что собирается в путь, все население опечалилось. А некоторые даже горько плакали. И чтобы не обижать своих новых друзей, Гюльтекин гостил у них еще три дня, которые прошли в радости и развлечениях.

Ничто больше не мешало ему отправиться в путь. Повернул он перстень и сказал появившемуся арабу:

— Немного погоды подними меня наверх. Только сделай это так, чтобы тебя не было видно.

Весть о том, что Гюльтекин уезжает, быстро распространилась по городу, и толпы людей собрались, чтобы попрощаться с ним и пожелать счастливого пути. И, к изумлению присутствующих, Гюльтекин у всех на виду поднялся в воздух и полетел.

Вскоре Гюльтекин увидел, что он оказался в стране, где жила его любимая.

Походил он по городу, купил себе новое платье, постригся у цирюльника, все клиенты которого только и говорили что о Неджле. Все услышанное поразило Гюльтекина. Оказалось, что вот уже пятнадцать дней — с тех пор как Караоглан упал в колодец — принцесса Неджла больна.

Не мог больше оставаться там Гюльтекин — пошел на базар, купил сумку, какие носят лекари, и направился прямо во дворец.

Стражники увидели, что пришел новый лекарь, и отвели его прямо к больной.

Приблизившись к постели принцессы, Гюльтекин от волнения чуть не лишился чувств: его возлюбленная, высохшая, словно мумия, лежала без движения.

Он склонился над ней и прошептал:

— Неджла, любимая моя, посмотри, я пришел. Очнись же! Ты поправишься, и мы больше никогда не расстанемся.

Неджла раскрыла глаза и застыла от удивления — перед ней стоял какой-то чужой человек, а любимого не было. Она подумала, что эти слова услышала во сне. Но Гюльтекин опять произнес те же слова. Всмотрелась в его лицо принцесса и поняла, что это — ее возлюбленный, у которого каким-то чудом изменился цвет кожи. Бросилась она на шею Гюльтекину, и из ее очей полились слезы радости.

Гюльтекин рассказал возлюбленной, как он упал в колодец

и что потом с ним произошло. Его рассказ занял много времени, так как Неджда то и дело прерывала его слезами.

Король и королева стали беспокоиться, что лекарь слишком долго находится возле больной. Вошли они и остолбенели: дочь их была в объятиях лекаря.

— Какая наглость! — в гневе воскликнул король. — Как ты осмелился обнимать мою дочь?! — Тут он повернулся к дочери: — Что за легкомыслие!

Но король остановился на полуслове, потому что заговорил Гюльтекин. В изумлении король воскликнул:

— Так это ты, сын мой?! Каким это образом ты так побелел, что тебя даже не узнать? Объясни нам. Честное слово, я сойду с ума! Мы ведь считали, что потеряли тебя навеки. А теперь такая радость!

После этого король ударил в гонг и приказал вбежавшим слугам:

— Немедленно сообщите всему городу мой приказ! По случаю свадьбы моей дочери празднество будет продолжаться целую неделю и всем беднякам будут розданы одежда и пища!

На следующий день при большом стечении народа совершили помолвку двух влюбленных. А свадьба по настоянию Гюльтекина должна была состояться в стране его отца.

Через несколько дней влюбленные в сопровождении целого полка воинов, которых им дал король, покинули город.

После многодневного пути они прибыли в ту страну, где Гюльтекин убил дракона и спас принцессу Неджду.

Подойдя к городу, Гюльтекин послал падишаху известие о своем прибытии.

Падишах сам вышел встретить их, но он не знал, кто такой Гюльтекин, и опасался в душе — не ловушка ли это? Когда же перед ним появился белолицый богатырь, похожий на Караоглана, он совсем растерялся.

Гюльтекин сошел с паланкина на землю, объяснил, кто он такой, и показал перстень, который был у него на пальце. Затем он подробно рассказал обо всем, что с ним произошло, как он упал в колодец и как побелел.

Обрадованный падишах приказал устроить праздник в честь богатыря, спасшего его страну от безводья.

Вместе с Недждой Гюльтекин посетил старушку. Несчастная еще больше состарилась и никак не могла узнать в Гюльтекине Караоглана. Не признавала — и все тут. И только когда он рассказал все, что с ним произошло, начала плакать.

Старушка понравилась принцессе Неджле, и они испросили у падишаха разрешение взять ее с собой.

После трехдневного отдыха они отправились в путь. Падишах сам проводил их и пожелал счастья.

С помощью волшебного перстня все они через колодец поднялись наверх, в Хиндустан. Увидев перед собой дворец падишаха Хиндустана, Гюльтекин обрадовался и послал во дворец известие о своем прибытии.

Падишах повелел встретить караван. Сам он прибыть не мог, так как был очень болен.

Когда Гюльтекин вошел в комнату, где лежал падишах, тот не узнал его: ведь он помнил черного богатыря, который победил страшное чудовище. Тогда Гюльтекин показал подаренный ему падишахом пояс. Падишах чрезвычайно удивился.

И снова пришлось Гюльтекину рассказывать о своих приключениях.

— Иди, сын мой,— не выдержал наконец падишах,— я прижму тебя к своей груди!

Болезнь падишаха очень опечалила Гюльтекина. Повернув перстень, он приказал арабу найти какое-нибудь средство от болезни падишаха, и вскоре падишах был излечен.

Выздоровевший падишах попросил Гюльтекина снова рассказать, что с ним случилось после падения в колодец, и затем горестно воскликнул:

— Ах, сын мой, мы были в таком горе, когда ты упал в колодец! И особенно моя дочь Сельмин. Она не перенесла горя и покинула этот бренный мир.

Услышав это, принцесса Неджла опечалилась. Падишах, Гюльтекин и Неджла посетили могилу молодой девушки и распорядились, чтобы по ней читали молитвы.

Гюльтекин сказал падишаху, что на следующий день они покинут его страну. Хотя падишах, полюбивший юношу, как родного сына, и огорчился этому известию, но все же дал разрешение на его отъезд, взяв обещание, что при первом благоприятном случае Гюльтекин снова посетит его.

Падишах хотел одарить Гюльтекина богатыми подарками, но тот их не принял: они и так везли уже много ценных вещей, подаренных отцом Неджлы и падишахом, в стране которого Гюльтекин убил дракона. И только чтобы не обижать падишаха, Гюльтекин взял несколько мелких, но ценных вещей. Так он успокоил сердце падишаха Хиндустана.

После многодневного благополучного путешествия караван

прибыл в страну Гюльтекина. Приближалась ночь, и они остановились в каком-то селении.

Тут Гюльтекин узнал, что вскоре после его ухода из страны на нее напали разбойники. Битва с ними продолжалась несколько месяцев. В конце концов отец Гюльтекина был захвачен в плен. Вместе с другими деревьями его содержали в темнице. Грабители растащили всю государственную казну. Население жестоко страдает от бесчинств притеснителей. Люди хотят восстать. Все только и думают о том, чтобы кто-нибудь возглавил это восстание, освободил бы беев из заточения, установил бы снова в стране мир и счастье.

В ту же ночь Гюльтекин велел своей невесте и старушке надеть мужское платье. А сам с воинами решил осадить дворец.

Когда он сказал об этом крестьянам, те воскликнули:

— Один ты не справишься! Мы тоже будем сражаться вместе с тобой до последних сил, поможем избавиться от насильников и грабителей!

Радостная весть облетела всю страну. Этому немало способствовали крестьянские дети. Были приглашены все желающие принять участие в спасении родины.

Хотя у захватчиков и были свои лазутчики, но им не дали донести об этом. Войско освободителей обложило дворец со всех сторон.

Жестокое сражение продолжалось два часа. Тех, кто сдался, отпустили, а тех, кто не пожелал сдаваться, предали смерти.

Утром город был захвачен полностью, деревей был освобожден и принял правление в свои руки.

В тот день, когда деревей взшел на престол, народ пожелал, чтобы Гюльтекин был назначен его везиром, но Гюльтекин не соглашался на это. Только после многочисленных просьб, чтобы не обижать народ, он наконец согласился занять эту должность.

Гюльтекин направился в покои своей матери.

— Ах, матушка,— сказал он,— я вернулся. Теперь я уж никуда не отлучусь от вас!

И он заключил ее в объятия.

Когда мать немного успокоилась, она раскрыла одежды на груди Гюльтекина и, увидев на ней знак из шести черных родинок, воскликнула:

— О мой единственный сын! Когда ты покинул нас, мы целыми днями плакали по тебе. Благодарение Аллаху, он снова соединил нас!

Потом мать и сын отправились к деребею, и Гюльтекин снова рассказал обо всех своих приключениях.

На следующий день всему народу сообщили, что богатырь, спасший страну, и есть родной сын их правителя.

На радостях сорок дней праздновали свадьбу Гюльтекина с принцессой Неджлой. И на сорок первый день молодые люди достигли наконец желаемого.

Неджла отправила воинов своего отца к себе на родину, одарив всех богатыми подарками.

Как рассказывают, Гюльтекин, видя, что его отец состарился, взял правление в свои руки. Говорят, что и сейчас он живет счастливо.

Шахшеран

Рассказывают, что некогда в городе Адане жил врач по имени Даньял. Даньял был великим ученым своего времени. Однажды он заболел. Приготовленное им лекарство не помогло. Чувствуя, что ему становится все хуже и хуже, Даньял позвал жену, достал из-под одеяла книгу, протянул ей и сказал:

— О ты, которая столько лет была моей женой, слушай! Мне совсем плохо. Возьми эту книгу. Если ребенок, которого ты должна родить, будет здоровым и вырастет, хорошенько учи его. А когда он окончит школу, дай ему эту книгу. Пусть ее прочтет. Мой сын научится тогда всему, что знаю я. И вы оба будете жить в довольстве до конца ваших дней.

На другой день Даньял скончался. Его жена плакала и горевала. Как раз в это время у нее и родился сын. Она дала ему имя Джамсаб.

Несчастливая женщина растила сына, терпя много лишений. Когда ему исполнилось семь лет, она отдала его в школу. Год-два мальчик ходил в школу, но оказался таким неспособным, что учитель не захотел учить его. Матери пришлось забрать сына из школы и отдать учиться ремеслу. Но и в этом он оказался таким неспособным, что мастер отослал его домой, сказав, что он ни к чему не пригоден.

Тогда мать сказала:

— Сынок, я отдала тебя в школу. Ты не смог учиться. Учитель стал на тебя жаловаться. Я отдала обучать тебя ремеслу. Мастер прогнал тебя, говоря, что ты не способен к ремеслу. Ты же знаешь, в каком мы положении! Что нам теперь делать? Я думала, думала и решила поступить вот как. Я куплю осла. Ты будешь каждый день ездить в горы, рубить дрова, возить их в город и продавать. На вырученные деньги будем жить.

На следующий день они купили осла. Каждый день Джамсаб вместе с товарищами отправлялся в лес, рубил дрова, привозил их в город, продавал, а деньги отдавал матери.

Однажды они, как всегда, отправились в лес. Вдруг погода испортилась, пошел сильный дождь. Джамсаб положил топор на плечо и укрылся в пещере. Дождь шел очень долго. Джамсабу стало скучно, и он принялся долбить землю в пещере рукояткой топора. Отгреб землю пальцами — и увидел мраморную плиту. Оказалось, что это крышка. С помощью товарищей Джамсаб поднял ее. И они увидели перед собой колодец, полный чистого, золотистого меда, который как будто только их и ждал.

Один из товарищей Джамсаба тотчас же отправился в город, купил там бурдюки и вернулся в пещеру. Бурдюки они наполнили медом, пошли в город и там продали. Джамсаб и его товарищи выручили за мед намного больше денег, чем за дрова. Теперь они ходили в лес не за дровами, а за медом. Но вот однажды показалось дно колодца с медом.

Видя, что им опять придется стать дровосеками, Джамсаб и его товарищи пришли в уныние. В колодце оставалось только четыре-пять бурдюков меда. Решили и оставшийся мед продать. Джамсаб на веревке спустился с бурдюками в колодец, собрал весь мед и наполнил бурдюки. Оба его товарища вытащили бурдюки, а когда пришла очередь Джамсаба, они подумали: «А что, если его оставить в колодце? Если мы вытащим Джамсаба, он потребует себе львиную долю денег за мед. Похороним его здесь!»

Они поставили на место мраморную плиту, продали осла Джамсаба и вернулись в город.

Мать Джамсаба забеспокоилась, когда сын не вернулся домой, нашла его товарищей и спросила:

— Где Джамсаб? Сегодня вечером он домой не пришел.

Те придумали такую историю:

— Мы пошли за дровами. Осел Джамсаба щипал траву и спустился в ущелье, где водятся тигры. Когда Джамсаб это

увидел, он пошел за ослом в ущелье. Мы не пускали его, но он нас не послушался. Когда он уже собрался забрать осла, появилась тигрица с тигренком. Понятно, чем все это кончилось.

И они опустили глаза. Несчастная женщина поверила, что сына разорвала тигрица, и, обливаясь слезами, вернулась домой.

В СТРАНЕ ШАХМЕРАНА

Когда Джамсаб отправил бурдюки наверх и ждал, что спустят веревку, чтобы вытащить и его, он вдруг увидел, как товарищи опустили крышку. Джамсаб изумился и пришел в ужас. Он отчаянно умолял их, но все было напрасно. Засыпав крышку землей, товарищи ушли, и Джамсаб услышал их удаляющиеся шаги. Он очутился один на один со своими мыслями, заживо погребенный в темном колодце. Все его мысли были направлены теперь на то, чтобы найти какой-нибудь способ выбраться из этого колодца.

Вдруг Джамсаб услышал около себя какой-то шорох. Он повернул голову туда, откуда доносился этот шорох, и во мраке колодца увидел отверстие, через которое просачивался дневной свет. Оказывается, отверстие проделал скорпион, который полз теперь к юноше. А через отверстие проникал тонкий, как игла, луч света.

Прежде всего Джамсаб решил уничтожить этого врага и раздавил его каблуком. Затем вытащил из кармана нож и принялся расширять отверстие, через которое проникал свет. После многих часов изнурительной работы отверстие расширилось настолько, что в него можно было просунуть голову. Свет, который говорил Джамсабу о возвращении к жизни, рассеял мрак колодца. Джамсаб просунул голову в отверстие и осмотрелся. Он увидел большой сад, в котором росли всевозможные цветы. Через отверстие юноша выбрался в сад, немного прошел вперед среди одуряющего благоухания цветов и очутился перед большим бассейном. Вокруг бассейна стояли серебряные кресла, расставленные рядами, а как раз посередине их в глаза бросался огромный золотой трон, украшенный драгоценными камнями.

Джамсаб, которому в этот вечер пришлось столько пережить, обратился к богу с молитвой:

— О если бы этот трон и сад были моими!

Он подошел к трону и сел на него. Пока Джамсаб рассмат-

ривал все, его одолел сон. Внезапно юноша, вздрогнув, проснулся от страшного грохота. Когда он открыл глаза, волосы у него встали дыбом от ужаса. На всех серебряных креслах, расставленных вокруг бассейна, сидели разные демоны. Там и сям ползали драконы с семью головамп. Из их пасть и ноздрей вырывалось пламя.

Джамсаб расширенными от ужаса и изумления глазами смотрел на это зрелище. Тут вновь послышался страшный грохот. Только он был еще сильнее и казался во сто раз громче раскатов грома.

Драконы поднялись с серебряных кресел и встали в почтительной позе. С неба на край бассейна опустилось черное облако. Из облака вышел демон со страшным лицом. На голове у него был поднос, украшенный драгоценными камнями. Демон, пройдя между драконами, приближался к трону. Увидев это, Джамсаб прыгнул с трона. А демон подошел к трону, остановился и почтительно поставил поднос на землю. С подноса сползла белая, как молоко, змея с человеческой головой и вползла на трон.

Знаком она приказала драконам сесть, затем обратилась к Джамсабу, с изумлением и страхом смотревшему на все происходящее, и сказала на его родном языке:

— Добро пожаловать, сын человеческий! Ты мой гость. Тебе не надо бояться меня и моей свиты, потому что ты гость моей страны.

Между тем демон, который принес белую змею с человеческой головой, и два дракона подали разные фрукты на блюдах из чистого золота. Змея поставила блюда перед Джамсабом и добавила:

— Меня зовут Йемлива. Я падишах страны змей. Люди и мои подданные знают меня под именем Шахмеран¹. Этот трон и эта страна — милость Аллаха. Здесь ты под моей защитой и тебе ничто не угрожает. Со спокойным сердцем поешь этих фруктов.

Проголодавшийся Джамсаб вволю наелся плодов. Когда демон забирал пустые блюда, Шахмеран сказал:

— А теперь я задам тебе вопрос. О человек, скажи, зачем, с какой целью и как ты пришел в мою страну?

Джамсаб, ожидавший этого вопроса, откровенно рассказал все, что с ним произошло.

Не успел он закончить свой рассказ, как на лице Шахмерана появилось выражение тревоги:

— Этот колодец с медом принадлежал мне. Раз люди его обнаружили, они снова начнут нас беспокоить.

Эти слова встревожили Джамсаба, и он сказал:

— Нет, нет. Вас здесь никто не видел. Никто не ведает, где вы, и потому никто не причинит вам вреда. А что касается тех, кто запер меня в колодце, то они, зная, что совершили преступление, не только не пойдут в то место, где он находится, но даже и говорить о нем не будут.

Шахмеран покачал головой:

— Человек неблагодарен и хитер. Ради малейшей выгоды он готов причинить огромный вред другому. Я скажу тебе, что если ты испугался, увидев меня, то и я испугался не меньше, увидев тебя, потому что у меня старая обида на людей. Много лет назад они поймали меня и сорок дней держали в тюрьме. Мне удалось спастись бегством, так как мне еще не пришло время умереть. Я хочу им отомстить. Но твоим словам я верю.

Джамсаб обрадовался и ответил:

— Я очень рад тому, что вы мне доверяете. Спасибо. Я непременно докажу, что достоин вашего доверия. Но у меня к вам есть просьба. Я рассказал обо всем, что со мной произошло, и жду, что и вы расскажете о себе. Удовлетворите же мое любопытство.

Шахмеран улыбнулся:

— Хорошо. Тогда слушай.

И он стал рассказывать о своих приключениях.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО БЕЛЬКИИ

Некогда в Египте был очень могущественный и справедливый правитель-еврей по имени Юша. Большую часть времени он проводил за чтением Торы. В одном месте Торы Юша прочел, что перед Страшным судом появится пророк. Правитель задумался. Если об этом прочтут подданные, они узнают о пророке и последуют за ним. Правда, еще оставалось некоторое время до появления пророка. Но Юша все равно испугался: ведь если люди будут знать о пророке, его власть будет подорвана. Он вырвал те страницы из Торы, где говорилось об этом, положил их в серебряный ларец, запечатал его, поместил ларец в маленькую комнату и запер дверь. Юша не удовольствовался этим и приказал воздвигнуть толстую стену вокруг комнаты.

Через несколько лет он умер, и его место занял сын по имени Белькия.

Однажды Белькия осматривал дворец. Когда он ходил по сокровищнице, его внимание привлекла толстая стена. Белькия велел сломать стену, вошел в комнату, нашел ларец, открыл, достал страницу из Торы, прочел и с этого времени стал питать безграничную любовь и почтение к всевышнему и его посланцу. Ему стало невозможно оставаться на троне и носить корону. Наконец Белькия решил передать власть в Каире младшему брату, покинул дворец и отправился в путь искать пророка.

Через некоторое время он достиг берега моря и увидел там несколько кораблей, готовых к отплытию. Белькия спросил у капитана одного из них, куда отправляется его корабль. Узнав, что корабль пристанет к берегу недалеко от Дамаска, он сел на него. Попутный ветер наполнил паруса, и корабль вышел в море.

Через несколько дней корабль пристал к какому-то острову. Все матросы сошли на берег, чтобы пополнить запасы провизии. На острове никого не было. На нем росло много деревьев, ветви которых были увешаны плодами. Моряки и пассажиры собирали эти плоды и ели их. А Белькия один пошел в глубь острова. Наконец он остановился под деревом. Он очень устал, и ему захотелось отдохнуть. Белькия сел, прислонился к дереву и через некоторое время заснул.

Когда юноша проснулся и огляделся, он вспомнил о корабле и побежал к берегу. К своему удивлению и ужасу, он обнаружил, что корабль ушел. Белькия остался один на необитаемом острове. Его сердце охватили страх и тревога. Он решил обойти остров вдоль берега, чтобы или найти способ покинуть остров, или отыскать место, где можно было бы укрыться.

Белькия шел некоторое время, как вдруг увидел, что среди скал лежит перевернутая набок старая лодка. Он подбежал к лодке, спустил ее на воду, прыгнул в нее, взял в руки весла и вышел в море.

Несколько дней лодку носило по волнам. Наконец она пристала к острову, где я находился. Белькия вышел на берег.

Когда юноша увидел драконов и змей из моей свиты, он страшно перепугался, хотел бежать, но ноги у него подкосились от страха. Мне стало жаль его, и я крикнул:

— Эй, человек, не бойся драконов, которых ты видишь. Подойди ко мне.

Он подошел. Я продолжал:

— Юноша, откуда ты? Зачем ты на этом острове, куда не ступала до сих пор нога человека?

Белькия, в свою очередь, спросил:

— А кто вы? Почему вы меня спрашиваете?

— Меня зовут Шахмеран. Я повелитель всех драконов и змей в мире. Этот остров — моя столица. А драконы, которых ты видишь, — мои слуги. А теперь скажи, что нужно тебе здесь?

— Я был падишахом Египта. Однажды, осматривая дворец, я увидел в сокровищнице толстую стену и велел ее сломать. За ней оказалась комната. Я приказал открыть ее и увидел в ней запечатанный серебряный ларец. Велел открыть и его. В ларце стояла хрустальная чаша, а в ней лежало несколько листов из Торы. Я взял их и прочел. Там говорилось о добродетелях пророка, который появится перед Страшным судом. Прочтя это, я воспылил любовью к пророку и его вере. Я передал власть брату, а сам сел на корабль, чтобы отправиться в Дамаск. На одном острове мы сошли на берег. Корабль ушел, а обо мне забыли. Среди скал я нашел лодку, сел в нее и поплыл. И вот сегодня утром лодка достигла этого острова. Я сошел на берег и встретился с вами. Вот и вся моя история.

Отказ Белькии от власти был так замечателен, что я поверил его словам и спросил:

— А теперь куда ты хочешь отправиться?

— Я хочу добраться до побережья неподалеку от Дамаска, а оттуда отправиться в Дамаск, найти пророка и стать его последователем.

Я ответил ему:

— Человек, ступивший на мой остров, должен здесь остаться навсегда. Я не могу его отпустить, так как он расскажет людям, где я обитаю. Но тебя отпущу. Сделать это меня заставляет бесконечная любовь и уважение к пророку, которого ты ищешь. Я ставлю тебе два условия. Во-первых, если ты найдешь святого пророка, поцелуй за меня его благословенные руки и падь ниц в пыль у ног его. Передай ему мой привет и засвидетельствуй мое почтение и скажи, что я молю его о заступничестве в день Страшного суда. А второе условие таково. Это наша первая и последняя встреча. Больше мы не увидимся. Забудь о том дне, когда ты меня увидел, и ни в коем случае не говори людям ни обо мне, ни о месте, где я живу.

Белькия обещал выполнить эти условия.

Я приказал посадить его в лодку, снабдил едой, питьем и посоветовал:

— Теперь плыви на юг. Через три дня ты достигнешь Бейрута, который находится недалеко от Дамаска.

Я пожелал ему счастливого пути, и он отплыл.

Печать Сулеймана

Через несколько дней Белькия достиг Бейрута, сошел на берег и отправился в Дамаск искать пророка. Не найдя его там, он продолжал свои поиски в Иерусалиме.

В то время в Иерусалиме жил еврейский ученый по имени Икаб. Он страстно мечтал овладеть знаменитой печатью Сулеймана, дающей власть над джиннами, пери, животными и людьми, и стать повелителем мира. Из старых книг Икаб узнал, что тело Сулеймана находится на троне во дворце, который стоит на острове за семью морями. А печать Сулеймана — это перстень на его пальце. Чтобы переправиться через семь морей, надо найти особую траву, ее отваром смазать ступни. И тогда человек сможет идти по воде, точно по суше.

В книгах Икаб прочел и о том, как найти эту траву. В книгах было сказано: «Там, где проходит Шахмеран, каждая травинка говорит ему, для чего она служит».

Для того чтобы овладеть печатью Сулеймана, Икабу надо было найти Шахмерана и с его помощью раздобыть эту траву. Как только Икаб узнал, что в Иерусалим прибыл иностранец, он сразу отправился в караван-сарай, где остановился Белькия, нашел его и стал с ним беседовать. Когда Белькия, рассказывая о своих приключениях, случайно упомянул обо мне, Икаб стал слушать его с большим вниманием. А потом объяснил Белькии, что ему нужно, и предложил:

— Все зависит от тебя. Отправимся вместе, найдем Шахмерана, достанем траву и вернемся. Только так мы сможем переправиться через семь морей и овладеть печатью Сулеймана.

Белькия и Икаб приготовились к путешествию. Икаб взял серебряный ящик и вместе с Белькией сел на корабль. Они приплыли на остров, где я жил. Как только Икаб сошел на берег, он поставил ящик на землю и открыл его. В нем были две хрустальные чаши. Одну из них Икаб наполнил молоком, а другую — вином. Потом Икаб и Белькия спрятались.

В это время я спустился с трона и гулял по острову, заметил ящик и приблизился к нему. Увидев вино и молоко, я совершил неосторожность и забрался в ящик. Сначала я выпил молоко, потом вино, оцьянел и уснул. Икаб сразу же закрыл

крышку ящика. Вместе с Белькией они сели на ожидавший их корабль и отправились в Иерусалим.

Через некоторое время я протрезвел, открыл глаза и увидел, что нахожусь в ящике. Вспомнив, почему я забрался в ящик, я в страхе воскликнул:

— Кто вы, похитившие меня? Чего вы от меня хотите и что собираетесь со мной сделать?

Икаб отвечал:

— О Шахмеран, мы не хотим сделать тебе ничего плохого. Твоя жизнь вне опасности. Я хочу только одного: овладеть печатью Сулеймана, а для этого нужно попасть на остров за семью морями. Ты ведь знаешь, на корабле туда не доплыть.

Мое терпение истощилось, и я сказал:

— Дорогой, мне-то что до этого? Если тебе нужна какая-то печать, это твое дело. Только освободи меня.

— Когда придет время, мы тебя освободим. Мы ищем одну траву. Если отваром этой травы смочить подошвы ног, человек не утонет. А мы знаем, что там, где ты проходишь, травы говорят тебе о своих свойствах. Мы хотим вместе с тобой ходить по горам, чтобы найти эту траву.

Сорок дней мы бродили по горам и садам. Мы побывали всюду. Наконец нашли траву. Радости Икаба не было границ. Он обратился ко мне:

— О Шахмеран! Благодаря тебе мы нашли эту чудесную траву. Теперь ты свободен. Мы отпускаем тебя. Иди.

Я ответил:

— Вы думаете, что делаете мне добро, отпуская меня в том месте, которого я не знаю. Вы должны доставить меня на остров, где меня похитили.

Они согласились, смазали ступни отваром травы, перешли через море и достигли моего острова. Икаб вышел на берег, открыл ящик и сказал:

— Спасибо, Шахмеран. Теперь ты свободен, и мы возвращаемся.

Хотя мы пробыли вместе сорок дней, я не смог увидеть товарища Икаба, так как меня ни на минуту не выпускали из ящика. Но когда я выполз из ящика, то узнал его. Это был Белькия, который обещал никому не говорить обо мне. Я очень опечалился, удивился и мягко сказал Белькии:

— О Белькия, ты дал мне слово, но не сдержал его и предал меня. Ты поймал меня в ловушку, ровно сорок дней продержал

в плену... Теперь на своем горьком опыте я убедился, что человек — существо коварное и вероломное. Ты один из таких.

Белькию мои слова очень смутили. От стыда он сильно покраснел и почувствовал глубокое раскаяние. Заикаясь, Белькия ответил:

— Прости меня, Шахмеран, мне не следовало делать того, что я сделал. Так уж случилось. Но я сделал все это, только чтобы найти пророка. Еще раз прошу простить меня. Мы ведь не причинили тебе вреда.

Я улыбнулся. Да, мне никакого вреда не причинили. Меня лишь сорок дней держали в плену и таскали по горам. Мне стало жаль их:

— Вы мне вреда не причинили и вернули меня на родину. Поэтому я считаю полезным дать вам один совет. Зря вы стараетесь найти печать Сулеймана. Овладеть ею и повелевать миром — дело неразумное. Если вы не откажетесь от этого, вас ждет гибель. Разве правильно то, что вы губите себя, стремясь к ложной цели, и в то же время упускаете случай получить нечто действительно полезное?

Белькия удивленно спросил:

— Какой же случай мы упустили?

— Когда вы странствовали со мной, то не обратили должного внимания на две травы. Есть одна такая трава, что, если человек выщеп ее отвар, он никогда не состарится. А если другой травой потереть любой металл, он превратится в золото. Но хотя вы и слышали об их свойствах, вы совсем не обратили на них внимания. Из-за страстного желания господствовать над миром вы даже не подумали о том, чтобы использовать эти травы. Вот какой случай вы упустили.

В глазах Икаба сверкнул огонек сожаления. Но он раскаивался не в том, что упустил благоприятный случай, а в том, что освободил меня, и стал просить:

— Я обещаю, что мы снова доставим вас сюда, будем стараться не причинять вам беспокойства в пути. Не отправились бы вы снова с нами, чтобы показать эти травы?

Я засмеялся. Смеялся долго, потом ответил так:

— Разумный два раза в ту же ловушку не попадет. Вам представился благоприятный случай, а вы его упустили. Теперь поздно.— Затем я тихонько сказал Белькии: — Белькия, если вам удастся проникнуть в пещеру, где лежит пророк Сулейман, не бери его печати. Пусть за ней пойдет Икаб. Иначе погибнешь. Вот тебе мой последний и самый важный совет.

И я покинул их. Они вернулись туда, откуда пришли, а я отправился к своим подданным. Все были чрезвычайно встревожены и, увидев меня, очень обрадовались. Я рассказал, что со мной произошло. Они страшно разгневались и поклялись, что, если им попадутся Белькия и Икаб, они разорвут их на куски.

Так как люди узнали, где мы живем, нам больше нельзя было оставаться на том острове. Мы решили покинуть его и перебрались на этот остров. Но все равно мы не можем избавиться себя от хитрых взоров людей. В этом мире самое сильное существо — человек. Он пленил и подчинил своей воле все остальные существа — летающие и бегающие. Весь наш яд, огонь и сила — ничто перед его хитростью. Вот почему мы боимся встречи с человеком.

Джамсаб, с огромным вниманием слушавший рассказ о приключениях Шахмерана, ответил:

— Вы правы, о шах. И я человек. Вы сомневаетесь во мне, и вы вправе сомневаться. В таком случае, чтобы не опасаться, что и я однажды причиню вам вред, выведите меня на поверхность земли, я вернусь к матери, и вы будете спокойны.

Шахмеран посмотрел на Джамсаба и улыбнулся:

— Я только отправил Белькию туда, откуда он пришел. И это стоило мне сорока дней плена.

— Верно. Если бы Белькия, покинув вас и прибыв в Иерусалим, не сказал о вас Икабу, с вами бы ничего не случилось.

— Ты говоришь правду. И твои слова доказывают, какое коварное, неблагодарное и вероломное существо человек. Откажись от своего желания. Если я еще раз совершу ошибку и отправлю тебя на поверхность, ты разболтаешь, скажешь товарищам, где я живу. И они придут сюда, убьют или захватят меня в плен, чтобы овладеть моим тронem и моими богатствами. Теперь тебе остается вот что. Сейчас осень, скоро зима. Зиму мы проведем здесь. Ты тоже останешься с нами. Летом мы отправимся в летнюю резиденцию за гору Каф. Там совсем иной мир. Цветы, фрукты, птицы — все другое. Поживи с нами. А потом мы подумаем о твоей просьбе.

Эти слова очень опечалили Джамсаба. Он понял, что Шахмеран не отпустит его. Ему оставалось только покориться судьбе. Он утешал себя: «Что делать. Потерпим. Если бы я остался в колоде, мои кости уже давно бы истлели. Слава богу, что так получилось!»

Летом они отправлялись за гору Каф, зимой возвращались к

колодцу с медом. Эта новая жизнь не очень тяготила Джамсаба. Только юноша скучал по матери.

Прошло шесть лет. И поведение Джамсаба за эти шесть лет понравилось Шахмерану. Теперь он мог доверять ему.

Но с каждым днем Джамсаб бледнел и чах все больше. Это не ускользнуло от внимания Шахмерана. Однажды он позвал Джамсаба и сказал:

— Джамсаб, я замечаю, что ты здесь очень скучаешь. Я бы хотел помочь тебе вернуться к родителям, к товарищам. Но я не могу сделать этого. Вернуть тебя на землю было бы моим смертным приговором. С сожалением я говорю тебе, что сделать этого не могу. Зато я расскажу тебе, что произошло с Икабом и Белькией после того, как они покинули меня. Послушай, это развлечет тебя.

Джамсаб ответил:

— Действительно, это меня очень интересует. Ты видел их снова после того, как они покинули тебя?

Пещера пророка Сулеймана

— Нет... Я узнал, что через три года Белькия вернулся в Египет. Я послал туда одного из моих слуг разузнать о них. Слуга сумел незаметно пробраться во дворец правителя Египта. Правитель Египта — Кахир, брат Белькии. Белькия передал ему власть по своему желанию. Вернувшись из путешествия за семь морей, Белькия написал обо всем, что с ним произошло, в книге, а сам ушел в монастырь и замаливает там свои грехи.

Мой слуга видел книгу Белькии во дворце в руках везира. Вечером везир вышел из дворца, тот последовал за ним. Когда везир собирался сесть верхом на лошадь, мой слуга принял вид коня и принес везира сюда. Я взял книгу у везира, а самого везира отправил обратно в Египет.

Теперь я расскажу, что прочел в этой книге.

И Шахмеран рассказал Джамсабу, который слушал его с огромным вниманием, следующее:

— Ты знаешь, как я расстался на острове с Белькией и Икабом. Эти два сообщника, стремясь овладеть печатью Сулеймана, много дней и недель странствовали, пересекали озера и моря, терпели бесчисленные лишения и наконец достигли острова за семью морями. Это была очень богатая, великолепная страна. Земля там пахла розами, а камни были алмазами, яхонтами и

изумрудами. Нельзя найти слов, чтобы описать красоту цветов, деревьев и садов. А вкус, аромат и цвет плодов, висевших на ветвях, возбуждали все пять чувств.

Эта страна чудес поражала своей землей и камнями на ней, своими плодами и птицами.

Теперь пришло время проникнуть в пещеру, где лежал пророк Сулейман, и взять печать. Икаб и Белькия огляделись и увидели перед собой среди деревьев ярко освещенный вход в пещеру. Они сразу поняли, что это пещера, которую они ищут, и сразу же пошли к ней. Из входа в пещеру исходило ослепительное сияние. Лишь через некоторое время их глаза привыкли к этому свету. Затем Белькия и Икаб вошли в пещеру и принялись ее осматривать.

Это был огромный дворцовый зал, залитый светом. В пещере стоял трон из чистого золота, украшенный великолепными драгоценными камнями. А на нем лежал человек в роскошных одеждах. Его прекрасное лицо было исполнено величия. Казалось, он спокойно спал. Руки были сложены на груди. Свет, исходящий от перстня из драгоценного камня в форме звезды, который был на мизинце правой руки, освещал всю пещеру в десять раз ярче солнца.

Увидев это, Икаб совсем потерял голову от радости. Схватив Белькию за руку, он что было сил стиснул ее и сказал:

— Мы добились своего. Вот он талисман, который через несколько мгновений даст нам власть над миром.

Некоторое время возбужденный Икаб алчно смотрел на печать Сулеймана, излучавшую свет, потом обернулся к Белькии:

— Ну, Белькия! Пошли, возьмем перстень.

И тут Белькия вспомнил мой последний, самый важный совет и, не двигаясь с места, ответил:

— Ты иди и возьми, а я посторожу здесь. На свете всякое бывает. Вдруг случится что-нибудь неожиданное, с чем, возможно, мне придется столкнуться. А как только ты наденешь перстень на палец, мы станем вторыми Сулейманами.

Икаб, одержимый желанием завладеть перстнем, ничего не слышал. Вот-вот он добьется цели, к которой стремился всю жизнь. Только несколько шагов отделяли его от цели.

И Икаб подошел к телу Сулеймана.

Расширенными от ужаса глазами Белькия следил за ним. Икаб остановился прямо перед телом и протянул дрожащие руки к мизинцу правой руки на груди неподвижно лежащего пророка Сулеймана. Едва он прикоснулся указательным паль-

цем к перстню, излучавшему свет, как в пещере сверкнула молния. Там, где стоял Икаб, появился черный дым. Вслед за пронзительным криком Икаба раздался оглушительный грохот.

Белькия закрыл глаза и стоял так несколько секунд. Почувствовав, что кто-то тронул его за руку, он открыл глаза. Перед ним стоял человек огромного роста. Незнакомец сказал Бельгии:

— Ты видел конец своего товарища. Не оставайся здесь, скорее беги.

Белькия поблагодарил незнакомца и с изумлением увидел, что тот внезапно исчез. Белькия в душе благодарил Шахмерана и поражался тому, что он за несколько лет до этого знал, что произойдет.

Белькия поспешно вышел из пещеры. Он шел по земле, которая благоухала розами и была покрыта всевозможными цветами, на которой росли прекрасные деревья с разнообразными плодами и над которой порхали пестрые птицы, прошел через огромные пещеры и достиг берега моря. Белькия опять потер травой свои ступни и много дней шел по морю. Потом он вышел на берег и увидел перед собой бескрайнюю пустыню. Прочитав молитву, Белькия вступил в нее. Через два дня пути он встретился с двумя полчищами дивов, сражавшихся друг с другом в пустыне. Битва длилась до вечера. Белькия с изумлением и ужасом смотрел, как дивы ростом с минарет на конях с человеческими головами метали огромные ножи.

Незадолго до захода солнца одно войско было разбито и начало отступать. Другое войско его преследовало. А когда стемнело, победители ушли в свой лагерь и расположились на отдых. Белькия хотел продолжать путь, несмотря на темноту. Но один из дивов-часовых увидел его, схватил за руку и страшным голосом спросил:

— О человек, что ты здесь делаешь? Может быть, ты лазутчик дивов Магриба?

Дрожа от страха, Белькия ответил:

— Нет, я не лазутчик.

И он рассказал, что с ним произошло.

Див уже спокойнее сказал:

— Если так, пойдем, я отведу тебя к нашему падишаху. Пусть он делает с тобой что хочет.

Войны-дивы, которых позвал часовой, окружили Белькию и отвели на вершину высокой горы. На самой вершине был трон из чистого золота, украшенный драгоценными камнями. На троне сидел падишах дивов гигантского роста, с красивым ли-

цом, в плаще с золотыми пуговицами. Воины, которые привели Белькию, приветствовали падишаха и сказали:

— Мы нашли его на поле битвы и привели к вам.

Падишах дивов велел Белькию сесть и спросил:

— Человек, что ты ищешь здесь?

Белькия рассказал все, что с ним произошло, и закончил свою речь так:

— В сердце моем горит неугасимый огонь любви к пророку, столь сильный, что я отказался от короны и трона, чтобы найти его и служить его вере. Я побывал в далеких странах. И пока я не найду пророка, не будет мне покоя.

При этих словах падишах дивов прижал руку к груди и опустил голову.

— О Белькия,— сказал он.— И мы испытываем такое же чувство к нему. И мы страстно желаем пасть ниц в прах у ног возлюбленного обоих миров. Ты будешь нашим гостем в течение нескольких дней, а потом уедешь. Через неделю я посажу тебя на моего коня и отправлю тебя в твою страну.

Волей-неволей Белькия согласился. По приказанию падишаха дивы принесли всевозможные яства и фрукты на золотых подносах и напитки в золотых графинах, накрыли столы. Пировали так семь дней.

Наутро восьмого дня падишах приказал привести своего коня. Этот конь был огромного роста, с крыльями и человеческой головой. На него надели золотое седло. Белькия не мог сесть на него. По приказанию падишаха два дива взяли Белькию за руки и посадили верхом.

Падишах сказал Белькию:

— Этот конь за один час проходит путь шести месяцев. Смотри держись крепко, не бойся. Сейчас он доставит тебя прямо в пограничную область, где правит мой везир Амир. Везир узнает тебя по моему коню. Ты погостишь у него несколько дней, потом он отправит тебя на границу страны, где живут люди. И ты вернешься в свою страну.

Белькия поблагодарил падишаха и прищпорил коня. Конь стремительно поднялся в воздух. Через час полета Белькия достиг области везира Амира.

Амир увидел, что к нему прибыл человек на коне его падишаха, и сразу же позвал к себе:

— Добро пожаловать, человек. Ты оказал честь нашей области. Почему ты сел на коня нашего падишаха?

— Падишах шлет вам свой привет. Неделю я был гостем в

его дворце, а теперь направляюсь к себе на родину, в Египет. Падишах сказал, чтобы я нашел вас, передал вам привет и сказал, что вы отправите меня в страну людей.

Везир Амир оказал Белькки великолепный прием. Бельккия два дня гостил у Амира. Наконец Амир посадил Бельккию на другого коня, лично проводил его до границы страны людей и там распрощался с ним.

Здесь приключения Белькки, о которых рассказывал Шахмеран, как будто окончились. Джемсаб перебил его, воскликнув:

— О могущественный Шахмеран! Разве твоя власть станет меньше, если ты поступишь со мной так же, как Амир с Бельккией? Я чувствую, что если останусь здесь и буду в разлуке с матерью, товарищами и братьями людьми, то умру. Клянусь! Если я не то что расскажу о своих приключениях, но назову лишь одно ваше имя или скажу о вашем местопребывании даже собственной матери, я буду самым бесчестным существом в мире!

Обливаясь слезами, юноша еще долго умолял Шахмерана. Шахмеран с холодной улыбкой на губах наблюдал за этой сценой. Даже окружавшие его драконы и змеи сжалились. Они целовали землю перед Шахмераном и просили:

— О шах шахов! Сжался над этим юношей. Действительно, если он здесь останется, то умрет, как говорит. Кто знает, как горюет его мать, сколько слез она проливает. Пусть он в нашем присутствии поклянется, что будет молчать, и отпустим его. Пускай вернется на землю, к матери.

Шахмеран нахмурился:

— Вы напрасно просите. Разве вы не знаете, что доверять человеку — значит подписать собственный смертный приговор? Что касается моей смерти, то я умру, как только Джемсаб пойдет в баню.

При этих словах изумление и Джемсаба и драконов перешло все границы.

Главный дракон стал умолять:

— О шах шахов Шахмеран! Пусть ветер унесет ваши слова. Мы даже и слышать об этом не хотим. Но все же скажите нам, как это может быть?

Шахмеран объяснил:

— Как? Слушайте. Этот юноша пойдет в баню, и случится так, что он волей-неволей скажет, где мы живем. Сюда придут люди, нападут на нас и всех убьют.

Услышав это, Джамсаб на Торе поклялся, что никогда в жизни не пойдет в баню, и призвал в свидетели горы и камни. Шахмеран прервал его:

— Не клянись понапрасну, Джамсаб. Мы много раз испытывали верность людей. Не утруждай себя попусту.

Тогда Джамсаб заплакал еще безутешнее. Вместо слез из его глаз на землю капала кровь.

Драконы не выдержали и снова стали просить за него Шахмерана. Несколько дней Шахмеран ничего им не отвечал. В первый день он постарался утешить Джамсаба и сказал:

— О Джамсаб, ты хочешь выйти на поверхность, думаешь об этом, но разве ты хочешь уйти, так и не дослушав рассказ о приключениях Белькии?

Джамсаб перестал плакать.

— Расскажите, пожалуйста, — сказал он. — Если я дослушаю рассказ о приключениях Белькии, это будет мне уроком.

И Шахмеран стал рассказывать.

БЕЛЬКИЯ У КИТАЙСКОЙ СТЕНЫ

Везир Амир проводил Белькию до границы страны, где жили люди, и спросался с ним. А Белькия продолжал путь. В пути он встретил огромную гору, поднялся на нее и увидел, что недалеко от вершины сидит див и колдует. Белькия приветствовал его. Див с ревом ответил на приветствие и спросил:

— Что ты здесь ищешь, человек?

— Я был гостем падишаха дивов и возвращаюсь в страну людей. Сюда меня доставил его везир Амир. Теперь я хочу узнать дорогу в страну людей.

Див указал ему на видневшуюся вдали вершину:

— Иди туда. Там есть див. Он покажет тебе дорогу.

Белькия пошел в указанном направлении и спросил у того дива то же самое. Див указал ему другую вершину. Белькия дошел до этой вершины. Там он тоже увидел дива и тоже спросил у него дорогу. Див огромным пальцем указал на дорогу, находившуюся перед ним, и проревел:

— Иди по этой дороге прямо на восток и не сворачивай. Ты окажешься перед Китайской стеной. Это длинная стена. Когда-то ее построили жители Китая, чтобы защитить себя от набегов племен яджудж и маджудж². И вот за Китайской стеной ты найдешь страну людей.

Белькия отправился по указанной дороге. Шаг за шагом он прошел весь край дивов и увидел много чудес. Сколько лишений пришлось ему претерпеть! Наконец он достиг Китайской стены. Стена упиралась в самое небо. Вдоль нее надо было идти много месяцев. Белькия стал искать ворота. Не нашел их. Потом увидел маленькую дверь, но она была заперта. Белькия принялся искать кого-нибудь, чтобы узнать дорогу, и встретил дервиша с длинной белой бородой. Обрадовавшись, Белькия подбежал к нему и приветствовал его. Старик ответил на приветствие и заговорил с ним. Старик искал источник живой воды, дающей людям вечную жизнь³, из которого пил воду святой Хызр. Узнав об этом, Белькия рассказал ему о своих намерениях и спросил, всегда ли закрыта дверь в Китайской стене. От старика Белькия узнал, что дверь открывается каждый год в первый день весны, а триста шестьдесят четыре дня в году она закрыта. Слава богу, приближалась весна. До того дня, когда откроется дверь, Белькия волей-неволей должен был оставаться со стариком здесь. Впервые услышав от старика об источнике с живой водой, Белькия заинтересовался этим.

Теперь каждый день юноша и старик бродили по тем местам, но они никак не могли найти источника. Однако и старику Белькия понравился, и Белькия был доволен обществом старика.

Однажды Белькия спросил у старика о его приключениях. Белькия услышал такой рассказ:

— Когда-то я учился в Бухаре, изучал медицину и иностранные языки. Прочел много книг. Как-то я листал попавшуюся мне Тору на древнееврейском. Одно место привлекло мое внимание, и я прочел такие строки: «Там, где восходит солнце, около Китайской стены есть источник с кристально чистой и очень вкусной водой. Его вода дает человеку вечную жизнь. До сих пор ее пил только один человек — святой Хызр».

Прочтя это, я оставил дом, взял с собой Тору и вышел из Бухары, чтобы найти источник с живой водой. Шел я ночью, а спал днем. И так путешествовал много месяцев. Однажды я шел днем. Было жарко. Впереди показалась большая гора. Я шел по дороге и вдруг увидел, что на меня бросается птица с огромными крыльями и крючковатым клювом. Я опустился на землю. Птица вцепилась прямо в книгу, которая была у меня под мышкой. Я не отпускал книгу. Тогда птица подняла меня в воздух вместе с книгой и опустила на вершину вон той высокой горы,

а сама улетела. Наступила ночь. Я укрылся между двух скал и там провел ночь.

Утром встал и, держа книгу под мышкой, отправился в путь. Но сколько я ни старался, никак не мог спуститься с этой злосчастной горы. Наконец я дошел до такого места, где повсюду лежал снег, посмотрел вниз и увидел глубокую пропасть. А за ней, насколько хватал глаз, простиралась ледяная равнина. Я стал замерзать и решил спуститься по обрыву. Срезал несколько сухих ветвей, связал их травой, сделал сани, сел в них, закрыл глаза и скатился вниз. Когда я с молниеносной быстротой спускался в этих санях, то лишился чувств. Открыв глаза, я увидел, что нахожусь в ледяной пустыне. Моя одежда была изодрана, я замерзал. Я встал, сразу схватил книгу, прижал ее к себе и кое-как заковылял. Мимо меня с ревом прошла стая белых медведей, но они меня не тронули.

Целые сутки я шел по ледяной пустыне. На вторые сутки, после восхода солнца, дошел до деревни. Из труб шел дым. Мне очень хотелось поестъ горячей похлебки, и мне ее дали, я согрелся и в ту ночь смог наконец выспаться в тепле.

Жители деревни были очень великодушны. Я оставался там, пока не поправился. Они ухаживали за мной. Наконец я снова пустился в путь и после двух лет путешествия, полного приключений, достиг Китайской стены. Я стал искать те места, которые указаны были в книге, но не нашел и следа этого источника воды жизни. Все мои мечты рухнули, и теперь я решил вернуться на родину.

Белькия с большим вниманием выслушал этот рассказ и сказал:

— Отец, и тебе пришлось пережить много приключений. Раз ты решил вернуться на родину, я отправлюсь вместе с тобой. Пойдем вместе в Бухару, там я тебя покину и вернусь в Египет.

Старик был очень доволен этим. Вместе они отправились в путь. После долгих месяцев пути Белькия и старик достигли Бухары. Встретив таких же, как и он сам, людей, Белькия очень обрадовался, но был огорчен тем, что расставался со стариком.

Когда Шахмеран дошел до этого места в повествовании, он остановился перевести дух. Джамсаб, думая, что на этом рассказ о Белькии закончен, проговорил:

— Радость Белькии совершенно понятна. В каком бы довольстве ни жил человек, он не может жить без общества себе

подобных. Тоска по ним может убить его. Если бы вы подумали об этом и доставили меня к людям, к любимой матери, к братьям, о которых я столько лет тоскую, какое доброе и справедливое дело вы бы сделали!

Шахмеран ничего на это не ответил. Тогда стража из драконов стала целовать перед ним землю и просить:

— О несравненный падишах! Сжальтесь над юношей! Он умрет от тоски. Мы просим вас поверить его клятве и отослать на землю.

Шахмеран, продолжая улыбаться, сказал:

— Да, и я думал отпустить этого юношу, но теперь есть некоторые причины, заставляющие меня передумать. Давайте закончим рассказ о приключениях Белькии, а потом я подумаю, что делать.

Стража поблагодарила Шахмерана. А Джамсаб, испытывая и любопытство, и желание освободиться из подземной темницы, обратился к Шахмерану:

— О могущественный падишах, расскажите же до конца о приключениях Белькии, а то я умру от любопытства.

И Шахмеран продолжал свой рассказ.

ДЖИХАН-ШАХ

Белькия остался один. Он странствовал некоторое время и однажды увидел дом из белого мрамора. У дверей его стоял юноша благородной внешности, с ног до головы одетый в шелк. Он оглядел Белькию и дружелюбно приветствовал его.

— Добро пожаловать, чужестранец!

Белькия ответил на приветствие и рассказал, что с ним произошло.

Юноша привел его в дом, усадил на диван, стоявший в зале, велел принести еду. Они поели. Белькия спросил:

— Вы слышали о моих приключениях. Расскажите же и вы, что выпало вам на долю.

Юноша стал рассказывать:

— Меня зовут Джихан-шах. Мой отец — шах Гюлистана Тахмур. В молодости отец очень печалился, что у него не было детей. У отца был везир по имени Хаджадж, очень искусно гадавший на песке. Однажды отец поведал везиру о своем горе. Тот сразу стал гадать и сказал:

— О падишах, слушай радостную весть. Скоро ты женишь-

ся на единственной дочери падишаха Хорасана. От нее у тебя родится сын.

Тогда отец дал Хаджаджу письмо и богатые подарки и отправил его в Хорасан сватать дочь падишаха.

Падишах очень хорошо принял Хаджаджа. Прочтя письмо Тахмур-шаха и узнав о его намерениях, он сказал:

— Отдать дочь за такого славного падишаха, как Тахмур-шах, для меня большая честь.

Падишах Хорасана приказал приготовить приданое и с большой свитой отправил дочь в Гюлистан.

Тахмур-шах справил свадьбу с невиданным великолепием. А через год появился на свет я. Мое рождение было великим событием для Гюлистана. Три дня и три ночи в стране был праздник. Меня назвали Джихан-шахом. До десяти-двенадцати лет я жил в полной свободе. А потом отец стал учить меня. Он придавал большое значение образованию. За несколько лет я многому научился и стал отличать глубокими познаниями. Между тем отец состарился. Увидев, что я достиг зрелости, он однажды созвал везиров, велел позвать меня и сказал:

— Так как я уже состарился, я имею теперь право на отдых. А престол передаю сыну. С сегодняшнего дня ваш падишах — Джихан-шах.

С того дня я стал править страной. Прошло около года. Однажды я отправился со свитой на охоту. Перед нами появилась прекрасная лань. Я хотел убить ее и долго гнался за ней. Наконец мы оказались на берегу моря. Животное, чтобы спастись, бросилось в воду и доплыло до острова недалеко от берега. Мы достали лодку. Со мной осталось семь человек. С ними я высадился на остров. Мы убили лань и поплыли обратно. Но прежде чем мы достигли берега, разразилась буря. Волны стали перекатываться через нашу лодку. Семь дней и семь ночей нас носило по морю. На восьмой день буря кончилась, и мы продолжали путь.

Два воина, которые не сели в лодку и остались на берегу, вернулись и рассказали о том, что случилось, везиру Хаджаджу. Отец очень опечалился. Хаджадж тотчас же стал гадать и сообщил, что я жив, но вернусь на родину через много лет после множества приключений. Отец покорился воле Аллаха и стал ждать.

Мыплыли еще день после того, как буря кончилась. Когда мы сошли на берег, я велел вытащить лодку на сушу. Мы пошли от берега и вскоре встретились со странным одноруким и одноногим существом. У него был длинный клюв, оно пело, как птица, и было больше человека. Увидев нас, это существо обратилось в бегство. Мы погнались за ним и недалеко оттуда встретились с тысячами таких существ. Они бросились на нас, и теперь уже нам пришлось спасаться бегством. Добравшись до берега, мы сели в лодку и вышли в море. В тот день опять разразилась буря. Пять дней и пять ночей мы боролись с волнами. На шестой день буря кончилась, и к вечеру этого дня мы снова пристали к какому-то берегу. Увидев крепость из мрамора с железными воротами, мы вышли на сушу. Я послал одного человека разузнать, что это за крепость. Он вернулся и сказал, что в ней никого нет. Мы все вошли в крепость. Дома внутри крепости были из мрамора, они были пусты. Мы выбрали здание, похожее на дворец, и вошли в него. Когда мы осматривали его, увидели большой зал. Посередине зала стоял трон из дерева алоэ, а вокруг него были расставлены кресла. Я сел на трон. В то время как мы строили догадки, почему город и крепость пусты, зал наполнила толпа обезьян. Они поклонились нам и стали в почтительной позе. Несколько обезьян вышли из зала. Через некоторое время они вернулись с оседланными и взнузданными собаками ростом с мула и знаками дали нам понять, чтобы мы сели на них. Мы сели на собак. Обезьяны повели нас к какому-то холму. Там на столбе мы увидели железную дощечку. На ней было написано:

«О человек, который придет сюда! И я попал сюда случайно, по воле судьбы, стал падишахом обезьян и начал править здесь. Долго я пытался разгадать тайну этой страны, и мне удалось это сделать. Оказывается, обезьяны, которых ты видишь, когда-то были людьми, но такими лицемерными, испорченными и безнравственными, что однажды всевышний превратил их в обезьян. Они боятся людей и на них не нападают. Ты будешь править ими! Но не пытайся бежать отсюда. Если пойдешь на восток, попадешь в страну народа гюльабани. Оттуда живым не уйдешь. Если пойдешь на север, попадешь в страну муравьев. Муравьи там размером с собак и еще более свирепые, чем собаки. Они разорвут тебя на куски и сожрут. Пойдешь на юг — окажешься за семью морями. Оттуда никто

еще живым не возвращался. На западе — страна огня. Там столько вулканов, что на каждом шагу тебя будет обжигать пламя. А останешься здесь падишахом — это будет хорошо и для тебя и для обезьян, потому что обезьяны враждуют с гюль-йабани. Иногда на обезьян нападают дивы. Но если во главе обезьян будет человек, они справятся с ними. Поэтому обезьяны будут тебя почитать».

Эта надпись недвусмысленно давала понять, что мне ничего не оставалось, как покориться судьбе.

Потом обезьяны отвели нас на берег моря. Отсюда была хорошо видна страна дивов. Проводники знаками объяснили нам, что, судя по оживлению там, дивы скоро нападут на обезьян. И действительно, через некоторое время дивы напали на обезьян. Я и мои люди убили стрелами много дивов, и дивы бежали. Обезьяны были очень довольны этой победой. Они поцеловали мне руки и ноги и стали выполнять все мои приказы.

Граница страны муравьев

Наконец одиночество, разлука с людьми стали тяготить нас. Мы решили бежать. Я приготовил коней. Пришла весна. Под предлогом осмотра владений я в сопровождении своих людей и нескольких обезьян отправился к границе страны муравьев. Как раз у границы обезьяны нашли и зарезали для меня барана. Мне приготовили прекрасный шашлык. Принесли бочку вина, открыли ее. Мы вместе пили и ели. Я часто подливал обезьянам вина. После еды они уснули. С наступлением темноты мы оставили их и пошли в страну муравьев. Мы шли несколько дней. Муравьи напали на нас. На моих глазах они разорвали на куски и сожрали трех человек. С оставшимися я шел еще неделю. В конце пути на нас снова напали муравьи. Все мои люди погибли. Только мне одному удалось спастись. Я достиг берега реки. На противоположном берегу виднелся город. Теперь можно было считать, что я спасен и вернулся к людям.

Река была очень глубокой. Ни брода, ни моста не было. Когда я искал мост, кто-то окликнул меня с противоположного берега:

— Напрасно ищешь мост. Его нет. Подожди: завтра утром вода из реки уйдет и ты перейдешь через нее.

Я так и сделал. Действительно, наутро следующего дня вода ушла, и обнажилось дно реки. Я тотчас перешел на другой бе-

рег, вошел в город и с удивлением увидел, что лавки, рынок и базар закрыты. Идя по улице, я случайно заглянул в открытую дверь какого-то дома и увидел, что там сидит семья и ест. Я приветствовал их, они ответили на мое приветствие и пригласили к столу.

Мы поели, а потом я спросил у хозяина дома, как этот город называется и что за народ тут живет.

Он ответил:

— Этот город называется Нехреван. Жители происходят из рода Моисея⁴ и исповедуют его веру.

Тогда я понял, почему лавки и рынок закрыты. Была суббота, день отдыха у этого народа. Я не смог удержаться и спросил, как за одну ночь уходит вода из реки.

Хозяин дома объяснил:

— Сегодня суббота. День отдыха по нашей вере. Нам было сказано, что только в этот день можно заниматься рыбной ловлей. Мы пошли на хитрость и стали бросать сети вечером в пятницу, а вытаскивать их утром в воскресенье. Благодаря этому мы ловили очень много рыбы, но нарушали предписание веры. Так как мы ослушались всевышнего, по его воле утром в субботу вода стала уходить и возвращаться в воскресенье.

Хозяин дома был арабским купцом. Он пригласил меня в гости. Я рассказал ему, что со мной произошло. На следующее утро он повел меня в свою лавку на рынке, познакомил с купцами и ремесленниками. Все с большим интересом выслушали рассказ о моих приключениях.

Теперь я стал каждый день ходить на рынок и помогать купцам, которые приглашали меня в гости. Однажды я услышал, как глашатай кричит: «Если кто-то хочет получить тысячу золотых и прекрасную рабыню, пусть следует за мной!»

Я пошел за ним. Он привел меня в дом, похожий на маленький дворец, и познакомил с каким-то купцом. «Вот юноша, который возьмет деньги и рабыню», — сказал глашатай.

Купец ответил: «Превосходно» — и пригласил меня к столу. Потом отвел меня с красавицей рабыней в комнату для новобрачных. На следующий день рано утром мы с купцом вышли из города. Купец взял с собой верблюда. Мы дошли до подножия видневшейся вдали горы. Там купец зарезал верблюда и, вспоров брюхо, выпотрошил его. Потом дал мне тысячу золотых и объяснил, что надо делать: «Ты залезешь в брюхо верблюда и будешь ждать. Скоро слетятся орлы и унесут верблюда на вершину горы к своим гнездам. Ты вылезешь из брюха вер-

блюда. Птицы испугаются, увидев тебя, и улетят. Там много драгоценных камней. Ты соберешь их и бросишь мне. Когда камни кончатся, спустишься вниз. Подняться трудно, но остальное сделать легко».

Задача была непростая, но я за нее взялся и без возражений сделал все, что он хотел. Я забрался в брюхо верблюда. Птицы подняли меня на вершину горы. Там я собрал драгоценные камни и бросил их купцу. Тот собрал камни, набил ими мешок, сел на коня и уехал, не считая нужным подумать обо мне. А я остался один на вершине. Стал искать, где спуститься, и не нашел. Везде были отвесные скалы и пропасти. Приближалась ночь. Я оказался в очень тяжелом положении. Мне оставалось лишь умереть от голода или стать добычей хищных птиц.

Проклиная свою жадность, из-за которой я позарился на тысячу золотых и рабыню, я продолжал искать место, где можно было бы спуститься. Наконец я увидел, что в одном месте обрыв был не таким крутым. Вверив себя воле Аллаха, цепляясь за кустарник и деревья, я стал спускаться. С первых же шагов я изодрал в кровь колени и руки, изорвал всю одежду. Но, несмотря на это, продолжал спуск. Когда я спустился, то рухнул на землю и лишился чувств. С трудом я открыл глаза. Все у меня болело. Но я боялся остаться один в бескрайней пустыне и пошел вперед. Я прошел довольно много, когда увидел среди этой огромной пустыни дворец. Войдя в ворота, я увидел во дворе старика с лучезарным лицом, с белой, как молоко, бородой, в белоснежной одежде, подпоясанной широким кушаком.

Подбежав к нему, я приветствовал его и поцеловал ему руку. Старик пригласил меня сесть и спросил, откуда я пришел. Я рассказал ему обо всем, что случилось со мной, с начала и до конца. Он с интересом выслушал мой рассказ, затем сообщил, что этот дворец называют текке птиц. Пророк Сулейман в свое время отдал его птицам. Раз в неделю сюда слетаются птицы.

— Я дух-покровитель этих птиц,— сказал старик.— Меня зовут Мюрги. Будь моим гостем. До прилета птиц остается два дня. Когда они прилетят, я посажу тебя на большую птицу и отправлю на родину.

Он велел принести кушанья. Мы поели. Там я и переночевал. На следующее утро я встал рано. И Мюрги уже встал. Он подошел ко мне, держа связку ключей, и сказал:

— Возьми эти ключи. Здесь сорок один ключ. Это ключи от сорока одной комнаты. Я иду встречать птиц, которые завтра прилетят. Если тебе станет скучно, открой эти комнаты, ходи по ним, развлекайся. Смотри только не открывай сорок первую комнату с железной дверью. Если откроешь, расквасишься.

И он вышел. Через некоторое время мне стало скучно, я принялся ходить по комнатам.

Во дворце повсюду была такая роскошь, что я поражаюсь великолепию убранства каждой комнаты. Я обошел все комнаты. Оставалась только одна, о которой мне говорил старик. Теперь мне очень хотелось осмотреть и ее. Червь любопытства все время грыз мою душу, подстрекал меня войти в эту комнату. Наконец я не выдержал, сказал себе: «Будь что будет!» — и открыл дверь. Войдя в нее, я очутился в великолепном саду. Деревья были из золота, листья из изумрудов, плоды из драгоценных камней. Посередине сада находился бассейн из белого снежного мрамора. Вода в нем поражала кристальной чистотой. На противоположной стороне был портик из порфира. Там стояли диваны из птичьего пуха, покрытые шелковыми покрывалами.

Когда я осматривался, показались три голубя. Они опустились на край бассейна. Я спрятался за портиком. Голуби встряхнулись. И, о чудо! Я чуть не лишился рассудка. Голуби обратились в юных красавиц в возрасте невест. Красота самой младшей поразила мое сердце стрелой любви. Девушки разделались, вошли в бассейн и, перекидываясь шутками, стали купаться. При виде этого я лишился чувств. Когда я открыл глаза, то увидел, что лежу на постели в комнате, где меня поместил старик. А сам он стоял у изголовья. Мюрги, увидев, что я пришел в себя, довольно сердито сказал:

— Зачем ты открыл дверь комнаты, которую я запретил открывать?

Я сразу стал плакать и умолять:

— Я совершил проступок. Но прояви великодушие, прости меня! Я уже начал расплачиваться за свою вину тем, что страдаю от внезапно поразившей меня любви. Я сойду с ума от любви. Кто эта девушка и ее подруги?

Мюрги ответил:

— Это дочери падишаха пери. Раз в год они прилетают сюда, купаются в бассейне, а потом возвращаются за гору Каф.

Я стал умолять:

— Мюрги, сжался надо мной, над моей молодостью. Я не

могу жить без этой девушки, я убью себя. Как мне жениться на ней?

Мюрги покачал головой:

— Дело это очень трудное, просто невозможное. Но мне жаль тебя. Вот единственный выход: жди до будущего года. Они снова прилетят купаться. В тот день ты спрячешься в саду. Девушки сбросят одежду из птичьих перьев и войдут в воду. Ты тотчас подбежишь и возьмешь одежду девушки, которую полюбил. Она будет тебя умолять вернуть одежду. Не отдавай. Волей-неволей ей придется выйти за тебя замуж.

Обрадованный, я поцеловал Мюрги руки и стал ждать.

Наступил день, о котором он мне говорил. Я спрятался в саду. Прилетели голуби, сбросили свою одежду, вошли в воду. Когда они играли в воде, я потихоньку подошел, взял одежду младшей, спрятал ее и сам спрятался. Девушки вышли из бассейна, стали искать одежду и не нашли. Две птицы улетели, оставив младшую.

Когда младшая девушка осталась одна, я вышел с ее одеждой. Она умоляла меня отдать одежду, но я не отдавал. Наконец она пошла за мной к Мюрги. Мюрги заключил наш брак.

Я чуть с ума не сошел от радости. Теперь мне надо было вернуться на родину. По совету Мюрги я отдал девушке ее крылья, а сам обнял ее за талию. И мы вместе полетели. В одно мгновение мы достигли Гюлистана. Отец встретил меня необычайно торжественно. Весь город ликовал. Мой отец, падишах, устроил пышную свадьбу. Мы торжественно отправились в комнату для новобрачных.

После свадьбы я стал доверять жене и потому оставил ее крылья в комнате. Когда я уже собирался лечь, она схватила крылья, тотчас надела их и вылетела из окна. Сев на крышу дома напротив, девушка сказала:

— Пока не будет согласия моего отца, я с тобой быть не могу. Теперь я отправлюсь в свою страну и расскажу обо всем отцу. Если ты меня любишь, ты последуешь за мной. Ты придишь в столицу моего отца Кевхеренгин, там встретишься со мной.

С этими словами она взлетела и исчезла.

На другой день весь дворец узнал о случившемся. Отец очень опечалился.

Когда я сказал, что хочу отправиться в Кевхеренгин, отец обещал разузнать, где он находится. Отец собрал купцов, путешественников — никто об этом городе ничего не знал. Тут

одно соседнее государство объявило отцу войну. Я хотел командовать войском, отец разрешил. С войском я пошел на врага. После жестокой битвы враг был разбит. В Гюлистан я не вернулся, решив тайно отправиться в Кевхеренгин. Ночью незаметно сел на коня и отправился в путь. После многих недель пути прибыл в Багдад. Я везде спрашивал о Кевхеренгине, но ни у кого ничего не мог узнать. Мне пришла мысль отыскать Мюрги, и я тотчас же направил коня в Нехреван. Приехав туда, пошел на рынок. Слышу, глашатай кричит: «Кто хочет получить тысячу золотых и рабыню, пусть следует за мной!» Я пошел за глашатаем. Он привел меня к купцу, который оставил меня когда-то на горе. Тот не узнал меня, дал мне рабыню, а на следующее утро снова взял верблюда и отвел меня к той же горе. Взяв тысячу золотых, я забрался в брюхо верблюда. Птицы отнесли меня на вершину. Я вылез, бросил несколько драгоценных камней купцу. Тот ушел, а я снова спустился по обрыву, добрался до текке птиц, нашел Мюрги. Увидев меня, Мюрги с удивлением спросил, что мне нужно. Я рассказал о случившемся. Он пожалел меня и сказал:

— Сын мой, я же тебе говорил, не давай ей крылья. Что же теперь делать?

Я упал к его ногам, плакал и стонал.

Мюрги немного подумал и сказал:

— С того дня девушки сюда уже не прилетают и в бассейне не купаются. Где Кевхеренгин, никто не знает. Но я спрошу у птиц, когда они прилетят. Узнаю и отправлю тебя туда.

Я пробыл там два дня. На третий день Мюрги показал мне очень большую и величественную птицу:

— О Кевхеренгине знает только эта птица, которую называют фениксом. Спроси у нее.

Я подбежал к птице, упал к ее ногам, рассказал о происшедшем со мной. Птица согласилась отнести меня к горе Каф. Там она велела мне слезть с нее и сказала:

— Дальше пойдешь сам.

Тогда я снова упал к ногам птицы и стал просить и умолять ее отнести меня в город. Оказывается, птица боялась пери. Я успокоил ее, сказав, что я жених дочери падишаха пери:

— Тебе от них вреда не будет.

Птица уступила моим мольбам, снова посадила меня к себе на спину. Через некоторое время она долетела до вершины, оставила меня там и показала на город, сиявший ослепительным блеском:

— Вот город Кевхеренгин, который ты ищешь. Отсюда пойдешь сам.

Я поблагодарил птицу и отправился в город.

Вскоре я дошел до города. Кирпичи крепостной стены были из золота и серебра. Когда я подошел к воротам, ослепительно сверкавшим под лучами солнца, меня увидели воины-пери. Они тут же бросились на меня, схватили и посадили в темницу. Потом я узнал, что моя жена, убежав от меня и вернувшись к отцу, рассказала ему о случившемся и добавила:

— Этот человек так меня любит, что, увидишь, он придет сюда.

Отец приказал всем стражникам:

— Если увидите человека, схватите его, бросьте в темницу и сообщите мне!

Поэтому они, увидев меня, схватили и бросили в темницу.

Вскоре меня отвели к падишаху. Я рассказал ему о своих приключениях. Падишах остался доволен. Особенно подняла меня в его глазах самоотверженность, с которой я отправился в Кевхеренгин. Он тотчас велел позвать дочь, собрал векилей и в их присутствии приказал заключить наш брак по обычаям своей страны.

Падишах отвел нам дворец, и мы стали там жить.

Так шли дни, недели, месяцы. Наконец мое терпение истощилось, и однажды я сказал своей жене-пери:

— Возлюбленная моя, я уже давно покинул родину. Я тревожусь о родителях. Что с ними? Мне ничего не известно о них. Я очень по ним соскучился. Попроси отца, пусть он нас отпустит. Повидаем моего отца, увидим мою родину. А потом снова вернемся сюда.

Падишах согласился и отправил нас в путь в сопровождении сорока демонов. Нам не хотелось пролететь весь путь за один день. Мы желали путешествовать не торопясь, чтобы увидеть места, по которым проезжали.

Прошло около недели с тех пор, как мы отправились. Приехав сюда, мы остановились на ночлег. Ночью жена вышла из шатра, когда мы все спали. Вдруг я услышал ее пронзительный крик. Схватив оружие, я устремился к ней на помощь. Была лунная ночь. Было светло как днем. Недалеко от себя я увидел огромного черного волка, который собирался растерзать мою жену. Я подбежал и ударом сабли убил волка. Увы! Я опоздал. Жена скончалась на месте. Обливаясь слезами, я отнес ее тело в шатер и послал известие ее отцу.

На следующее утро прибыл падишах-пери. Он долго плакал над телом дочери. Потом пожелал отвезти ее тело в Кевхеренгин. Но я попросил его:

— Достопочтенный тесть, прошу вас, разрешите мне похоронить жену там, где она умерла. Я буду до конца жизни охранять ее могилу, а когда умру, засну вечным сном рядом с ней. Исполните мое желание.

Вот почему я нахожусь здесь.

Когда Джихан-шах кончил свой рассказ, Белькия сказал:

— Джихан-шах, я уже давно тут. Насколько я понимаю, ты останешься здесь. Покажи мне дорогу отсюда.

Джихан-шах показал Белькии дорогу и проводил его.

Через несколько дней Белькия увидел прекрасный сад. Посередине его стояло огромное, удивительное дерево, на ветвях которого в изобилии росли всевозможные плоды. Белькия не удержался, съел несколько плодов и растянулся под деревом, чтобы немного отдохнуть. В это время он услышал человеческий голос. Удивленный Белькия поднял голову и увидел, что птица, сидевшая на одной из веток, как будто приветствует его. Никогда в своей жизни не видел он столь прекрасной птицы с такими пестрыми перьями. Разумеется, это была не обычная птица — ведь она говорила человеческим голосом.

Белькия спросил у птицы:

— О прекрасная птица! Кому принадлежит этот сад? Что ты за птица?

Птица ответила:

— Это сад пророка Хызра. Я живу здесь. Меня зовут павлином Адама. С Адамом я была в раю, а потом была изгнана отсюда.

Белькия внимательно выслушал рассказ павлина, изгнанного из рая вместе с отцом нашим Адамом, потом спросил:

— О павлин! Можешь ли ты отправить меня к людям, на родину, в Египет?

— Это не мое дело. Потерпи немного. Придет Хызр — да будет над ним мир! — и ты поведаешь ему о своем горе.

Вскоре пришел седобородый Хызр. Белькия тотчас поцеловал ему руку и стал умолять отправить его в Египет.

Хызр ответил:

— О Белькия! Твой путь в Египет продлится год. Сам я ничего не могу сделать. Это может сделать только всевышний. Если он пожелает, я это сделаю. Молись ему, умоляй его. Если он окажет тебе милость, я в один миг доставлю тебя в Египет.

Белькия сразу же стал молиться. Он еще не кончил молиться, как Хызр сказал:

— Белькия, возьми меня за руку и закрой глаза.— Через мгновение Хызр сказал: — Открой глаза!

Когда Белькия открыл глаза, он увидел, что находится в Египте, во дворце, рядом с братом. Достигнув желаемого, Белькия удалился в тихое место и повел спокойную жизнь, чтобы отдохнуть от страданий и лишений, которым он подвергался столько лет.

Шахмеран закончил свой долгий рассказ о Белькии и замолчал.

Джамсаб слушал эти длинные рассказы Шахмерана, заключенные один в другой, с большим вниманием и надеждой. Теперь его терпение истощилось, он не мог больше выдержать и сказал:

— О уважаемый повелитель! Белькия после долгих лет достиг желаемого, вернулся к семье. Если бы и вы оказали мне милость и позволили вернуться к семье!

Шахмеран спросил:

— Джамсаб! Если я сдержу слово и отправлю тебя на родину, можешь ли ты обещать мне, что до конца жизни не пойдешь в баню?

Джамсаб ответил:

— Клянусь, что до конца дней своих не пойду в баню и никому не скажу, где ты живешь!

Шахмеран после этой клятвы поверил Джамсабу. Он дал ему много украшений, драгоценностей и подарков и приказал одному из стоявших рядом драконов:

— Выведи его через тот колодец с медом.

Джамсаб пошел с драконом и выбрался из колодца. Очувшившись на свободе, Джамсаб вне себя от радости побежал домой и скоро был вместе с семьей, с теми, кого любил.

Джамсаба стали расспрашивать, где он пробыл пять лет. Но тот, помня о своем слове, отвечал:

— Я дал клятву не говорить об этом. Не расспрашивайте меня.

Мать воскликнула:

— Твои товарищи сказали, что тебя разорвала тигрица. С тех пор прошло пять лет. Можешь себе представить, как мы страдали и горевали эти пять лет! А ты отказываешься даже рассказать, что с тобой было в эти тяжелые дни!

Джамсаб спросил:

— А где теперь эти вероломные и бессовестные товарищи? Они живы?

— Сын мой, слава Аллаху, все живы, торгуют, разбогатели. Иногда помогают нам деньгами, приносят еду, спрашивают, как мы живем.

— Иди и позови их!

— Сын мой, разве они придут к нам? Это богатые, знатные люди. Ты сам пойдешь завтра утром к ним домой или в их лавки.

— Мать, дело обстоит совсем не так, как ты думаешь. Иди и скажи им: «Мой сын приехал и зовет вас». И они прибегут.

Действительно, когда мать Джамсаба нашла одного из них, тот очень встревожился, побежал к другим и стал с ними советовать. В конце концов, боясь наказания, они решили просить у Джамсаба прощения. Взяв половину своих денег, товарищи пришли к Джамсабу, стали целовать ему руки и ноги и умолять:

— О брат наш Джамсаб! Наша глупость и наша вина велики. Не поступай так, как мы. Прости нас. Мы принесли тебе половину своих денег. Давай помиримся.

Джамсаб сжалился над ними, простил их, и они вновь стали друзьями.

Так прошло семь с половиной лет. За это время Джамсаб, верный данному слову, ни разу не был в бане.

Однажды Кейхусрев, правитель страны, где жил Джамсаб, тяжело заболел. Все его тело покрылось ранами. Врачи, лекарства — ничто не помогало. Больному становилось все хуже. Врачи оставили всякую надежду.

А у Кейхусрева был везир по имени Шехмур, довольно искусный в колдовстве. Везир вычитал в одной книге, что единственное лекарство — мясо Шахмерана, и сказал об этом государю.

Кейхусрев разослал глашатаев, обещая большую награду тому, кто скажет, где живет Шахмеран. Джамсаб, верный слову, ничего не сказал.

Везир стал колдовать и произнес: «Пусть тело того, кто видел Шахмерана, покроется ниже пояса белой рыбьей чешуей».

После этого содержателям бань было приказано даром пускать посетителей: расходы взяла на себя казна. Всех жителей погнали в баню.

Когда в баню привели Джамсаба, тайна раскрылась — его тело ниже пояса покрылось белой рыбьей чешуей. Джамсаба

отвели к государю. Ему объяснили, что лекарство от ран Кейхусрева можно получить только с его помощью, и велели сказать, где живет Шахмеран.

Джамсаб пытался пуститься на уловки:

— Мой отец великий врач. Может быть, он нашел бы лекарство. А я и в школе ничему не смог выучиться и ремеслу не научился. Откуда мне знать о лекарстве!

Но везир ответил:

— Мы не просим у тебя лекарство. Ты только найди Шахмерана. За это тебя щедро наградит государь.

Джамсаб притворился, что ничего не понимает:

— Кто такой Шахмеран? Я его никогда не видел и никогда не слышал о нем.

— Ты должен был видеть Шахмерана, потому что ниже пояса ты покрыт чешуей.

Джамсаб, не выдавая тайны, ответил:

— Мое тело покрыто чешуей с рождения.

Но несчастный все же выдал тайну. Его долго били, а потом отдали палачу, приказав отрубить голову.

Чтобы спасти свою жизнь, Джамсаб решил показать только колодец, думая: «Шахмерана они оттуда не достанут, а я спасусь от смерти».

Но вышло иначе. Когда Джамсаб показал колодец, везир произнес заклинание, подул, и показался Шахмеран на золотом блюде, которое держал на голове демон.

Шахмеран огляделся, увидел Джамсаба и сказал:

— Ну вот, Джамсаб, ты меня и погубил. Я знал, что людям нельзя верить. Но что делать, я снова обманулся. Такова судьба.

От стыда Джамсаб был готов провалиться сквозь землю и не мог рта раскрыть. Он никак не мог простить себе эту низость и предательство и чувствовал себя негодяем.

Когда Шехмур протянул руку, чтобы схватить Шахмерана, тот крикнул:

— Эй, проклятый! Не прикасайся ко мне. Иначе я заколю тебя кинжалом. Джамсаб, возьми меня и неси.

Джамсаб взял Шахмерана и сказал:

— Мой шах! Они потребуют от тебя лекарство, чтобы вылечить Кейхусрева.

Шахмеран ответил:

— Это лекарство — мое мясо. Что делать — на все воля Аллаха! Ведь все равно рано или поздно я должен был уме-

реть. Не каждому дано умереть такой мученической смертью. О Джамсаб, вот тебе мой совет. Может быть, сам того не желая, ты причинил мне зло. Но я тебе зла не сделаю. Возможно, этот проклятый велит тебе зарезать меня. Не соглашайся. Иначе станешь убийцей. Пусть меня зарежет Шехмур. Меня сварят в глиняном горшке. Захотят, чтобы сначала ты выпил отвара. Не делай этого. Дай выпить Шехмуру. Если сделаешь все, как я сказал, тебе будет хорошо. Я же все равно умру. Если сделаешь, что я сказал, помолись обо мне.

Когда они пришли во дворец Кейхусрева, Джамсаб заплакал. Шехмур разгневался:

— Ты сумасшедший! Чего плакать о змее?

Везир схватил и зарезал Шахмерана, разделил его тело на три части, положил в глиняный горшок и поставил кипятить на огонь. В это время прибыл придворный Кейхусрева и потребовал его во дворец.

Везир, уходя, обернулся к Джамсабу:

— Возьми эту бутылку, налей туда второго отвара из мяса Шахмерана. Я его выпью. Отвар поможет мне от болей в пояснице. А первый отвар выпей ты. Это защитит тебя от всех болезней.

Джамсаб налил первого отвара в бутылку, а второй выпил сам.

Вдруг куски в горшке заговорили:

— Мы лекарство от болезни государя. Дай ему съесть в первые три дня мою голову. На четвертый день отведи его в баню, и он исцелится.

Прибежал везир Шехмур и спросил, где второй отвар. Джамсаб протянул бутылку с первым.

Когда обманутый Шехмур выпил первого отвара, у него живот раздулся, как барабан. Он упал на землю и в страшных мучениях испустил дух.

Об этом сообщили Кейхусреву, он встревожился и велел позвать Джамсаба:

— Шехмур умер. Ты знаешь, как нам употребить лекарство? Что нам делать?

Тот ответил:

— Государь, не беспокойтесь. Я хорошо знаю, как надо употребить лекарство, и вылечу вас.

Он дал Кейхусреву съесть голову Шахмерана. Кейхусрев почувствовал зуд во всем теле. На второй и третий день государь съел оставшиеся части, и они также оказали действие.

А на четвертый день Кейхусрева отвели в баню, и он полностью исцелился, раны исчезли, боли прошли.

Очень довольный и счастливый, государь по возвращении из бани вызвал Джамсаба во дворец, дал ему печать первого везира и щедро наградил.

Джамсаб, выпив второго отвара из мяса Шахмерана, добился больших успехов в физике и химии, написал труды по этим наукам. Отвар дал ему ум, проницательность, память. И Джамсаб прожил остаток своей жизни в счастье, окруженный славой и почетом. Имя его помнят и поныне.

Сейфильмюк

В давние времена жил один падишах, который очень любил слушать рассказы. И был у него везир, человек знающий и умный. Звали его Ходжа-Хассан Бименди.

Как-то к падишаху пришел один человек и рассказал веселую историю, которая ему чрезвычайно понравилась. Падишах подарил рассказчику тысячу золотых, богатые одежды и арабского коня.

Через некоторое время к падишаху пришел другой человек и рассказал ему печальную историю. Падишах пожаловал и этому рассказчику тысячу золотых, комплект одежды и арабского коня. Узнав об этом, Бименди остался очень недоволен. Он сказал:

— Если за каждый рассказ давать по тысяче золотых, в казне завтра и десяти парá не останется.

Об этих словах Бименди донесли падишаху. Тот позвал Бименди и сказал:

— О Ходжа-Хассан, я люблю печальные рассказы. Расскажи мне такую историю, какую рассказал тот человек, которому я дал тысячу золотых, и я подарю тебе сто тысяч золотых, падишахские одежды и крепость. А если не расскажешь, отберу у тебя все имущество и нищим изгоню из страны. Ты понял?

Ходжа-Хассан спросил:

— О могущественный! Какой из двух рассказов понравился вам больше?

— Рассказ о еже.

— В таком случае, о славный падишах, дай мне срок в один год. Я отправлюсь в путешествие, буду странствовать по разным странам, узнаю самую печальную историю и расскажу ее тебе.

Падишах согласился.

Ходжа-Хассан Бименди пошел к себе, вызвал пять человек, которым доверял, дал им по тысяче золотых и разослал по разным направлениям. Их задача была узнать историю о Сейфильмулке.

Посланный в Хиндустан прибыл в город Серендиб. Однажды утром, сидя перед кофейней, он увидел человека, который очень спешил куда-то, и спросил, куда тот идет.

Человек отвечал:

— Здесь есть один ходжа. Каждый день он рассказывает печальные и веселые истории. Я спешу, чтобы не опоздать к тому времени, когда ходжа начинает их рассказывать.

— А можно и мне пойти?

Человек пожал плечами:

— Почему нельзя? Если хочешь, иди. Пойдем вместе.

Рассказчиком оказался очень красноречивый мулла. В тот день он рассказывал разные истории до самого вечера. Под вечер слушатели разошлись. Каждый дал ему немного денег.

Человек Ходжи-Хассана подождал, пока все не ушли. А когда они остались вдвоем, подошел к ходже, поцеловал ему руку и стал расточать ему похвалы:

— О ходжа! Как чудесно ты рассказываешь! Человек словно не слушает историю, а сам переживает все, о чем ты повествуешь. Но я хотел бы услышать рассказ о Сейфильмулке. Ты его знаешь?

Мгновение ходжа с улыбкой смотрел в лицо путешественнику, потом сказал:

— Ты молод. От кого ты узнал об этой истории? Это рассказ о чудесных и удивительных приключениях. До сих пор я никому его не рассказывал. Такую историю не всякому можно поведать. Вот почему отец, от которого я услышал эту историю, завещал мне не рассказывать ее случайным людям.

— О мой господин! Расскажи мне ее или запиши. Я дам тебе все, что ты пожелаешь.

— Юноша! Я обещал никому ее не рассказывать, даже

если мне придется трудно. Но ты знаешь о ней, знаешь ее название. Если дашь мне сто золотых и выполнишь все мои условия, я расскажу ее тебе.

Человек Ходжи-Хассана очень обрадовался:

— О мудрейший ходжа! Я сейчас же отсчитаю тебе сто золотых. И я готов выполнить любое твоё условие. Я приехал сюда из далекой страны только для того, чтобы услышать рассказ о Сейфильмулюке.

Ходжа улыбнулся:

— Ладно, неси сто золотых, и я начну свой рассказ.

Посланец везира побегал на постоянный двор, где остановился, и принес сто золотых. Ходжа взял деньги и сказал:

— А теперь поклянись, что выполнишь мои условия.

Тот поклялся. Тогда Ходжа перечислил свои условия:

— Ты не должен рассказывать историю Сейфильмулюка случайным людям, юношам, не достигшим зрелости, рабам, рабыням и пленным, а также невеждам, ослепленным гордыней. И последнее. Когда ты получишь мой рассказ, ты сразу же вернешься к себе на родину. Согласен?

— Согласен.

В ту ночь ходжа не спал до утра. Он записал свой рассказ и утром передал все написанное им человеку Ходжи-Хассана. Тот немедленно отправился в путь, нигде по дороге не останавливаясь.

Вернувшись, он передал историю Сейфильмулюка Ходже-Хассану. Везир дал ему много золота, подарков, скота. Затем Ходжа-Хассан переписал историю Сейфильмулюка начисто и вручил падишаху со словами:

— О могущественный падишах! Прочти эту историю и дай прочесть знатым людям государства. Это принесет большую пользу.

Султан-Махмуд прочел рассказ. Он пришелся ему по вкусу. Тогда он приказал собрать диван, где Ходжа-Хассан Бименди прочитал его. Рассказ всем очень понравился. Падишах повелел переписать его золотом лучшим каллиграфам того времени и поместил в сокровищницу. Когда падишаху становилось грустно, он приказывал принести его и читать. И тогда на душе у него становилось легче.

Вот эта история.

РАССКАЗ О СЕЙФИЛЬМУЛЮКЕ

В давние времена в Египте правил падишах по имени Асым бин Сафван. Он был известен своей справедливостью и великодушием, казна его была полна. Короче говоря, это был падишах, хороший во всех отношениях. Но вот горе: не было у него детей.

Однажды падишах собрал диван. И тут мысли о ребенке пришли ему в голову, и на глаза падишаха навернулись слезы. Не сказав никому ни слова, поднялся он с трона и удалился. Несколько человек из числа везиров, ученых и поэтов предстали перед падишахом и сказали:

— О султан! Ваша печаль — наша печаль. Мы не знаем, о чем вы скорбите. Но если у вас есть горе, расскажите нам о нем. Может быть, мы сумеем помочь вам.

Падишах отвечал:

— Я печалюсь не потому, что боюсь врагов, не потому, что у меня не хватает богатств. Мое единственное горе — это то, что у меня нет сына.

Пришедшие вознесли молитву за здравие падишаха и дали такой совет:

— Ваше величество! Молитесь всевышнему. Он непременно услышит вашу молитву, и вы получите то, чего желаете.

— Дай-то бог!

Среди везиров был один очень старый и мудрый человек. Он попросил разрешения обратиться к падишаху и сказал:

— Ваше величество! И у меня, вашего раба, также до сих пор нет детей. Но я слышал, что в стране Себа появился пророк по имени Сулейман, сын Давуда. Он обращает всех в свою веру. Говорят, этот пророк совершает чудеса. Пошлем к нему посла. Пусть пророк помолится за нас своему богу. Пусть у нас родится по сыну. Если это произойдет, мы признаем его веру и будем молиться его богу. А если пророк ничего не сделает, мы объявим его лжецом.

Падишаху эта мысль очень понравилась. Он сел на трон и призвал везира Нумана:

— Везир мой Нуман, дело это важное. Поэтому к пророку Сулейману поедешь ты сам и скажешь ему: «Помолись своему богу, пусть у нас будут дети. Тогда и мы примем твою веру. А если не будет детей, мы объявим тебя лжепророком и будем воевать с тобой». Отправляйся сейчас же и поскорее возвращайся. Мне очень хочется узнать результат.

Везир Нуман поцеловал землю:

— Слушаюсь, мой падишах!

Он тотчас же снарядился в путь, приготовил ценные подарки для пророка и отправился в страну Себа. Нуман прибыл туда через десять дней и сразу же пошел во дворец пророка. У него заседал диван. Пророк сидел на большом троне, вокруг него стояли везиры, ученые, ходжи, перед ним сидели чудовища и драконы. Нуман при виде всего этого растерялся. Он почтительно приветствовал пророка. Когда Нуман склонился, чтобы поцеловать перед ним землю, пророк жестом остановил его:

— Что ты делаешь?

— Хочу поцеловать землю.

— Целовать землю — значит молиться. А молиться можно только всевышнему, а не рабу его. Я раб всевышнего. Мне молиться нельзя.

Затем пророк обласкал Нумана, усадил его и стал расспрашивать:

— Откуда ты? Кто твой султан? Зачем ты приехал?

— Я из Египта. Нашего падишаха зовут Асым бин Сафван. Мы поклоняемся солнцу¹. Другого бога не признаем.

— Вы совершаете большую ошибку. Поклоняться солнцу — великий грех. Солнце сотворено. Как может быть богом солнце, если крохотная тучка закрывает от глаз его свет? Бог один. И, кроме него, больше никому поклоняться нельзя. Он сотворил все. Молитесь ему, поклоняйтесь ему. Бог сделает для вас все.

Слушая эти слова, Нуман трепетал от благоговения перед пророком Сулейманом. Когда пророк кончил говорить, Нуман изъявил желание принять ислам. Ему объяснили, как это сделать. И Нуман там же принял ислам. Пророку это понравилось, и он сказал:

— О Нуман! Ты очень счастливый и знатный раб Аллаха. Хвала Аллаху, ты стал мусульманином! Однако же, наверное, ты совершил столь далекое путешествие, чтобы обратиться к нам с какой-то просьбой. Скажи, если так. Мы сделаем, что можем.

Нуман в точности передал слова своего падишаха. Тогда пророк Сулейман ласково сказал:

— Иди туда, где ты остановился. Сегодня ночью я обращаюсь с молитвой к всевышнему. А завтра скажу тебе о результате.

Нуман удалился, вознося молитвы и хвалу, и вернулся на постоянный двор.

На следующий день рано утром Нуман отправился в диван пророка Сулеймана и нашел его сидящим на троне в окружении джианнов, дивов и разных животных и птиц. Пророк милостиво принял Нумана, посадил за свой стол, накормил, напоил. Потом сказал:

— О Нуман! Мой повелитель, всевышний, сообщил мне все о ваших желаниях. В вашей стране есть большая равнина. Там протекает река. На берегу реки растет дерево. Когда вашему падишаху становится скучно, он отправляется туда, велит женщинам играть в мяч. Там они пьют, развлекаются. Такие дела всевышнему неуютны. Поэтому откажитесь от них. И пусть ваш падишах примет веру в единого бога. Затем пойдите на ту равнину, залезьте на дерево и ждите. Из-под дерева выползут две змеи с коровьими головами. Убейте их стрелами. Отрежьте по небольшому кусочку от их голов и хвостов и выбросьте. Остальное же принесите домой, сварите и с женами съешьте. Помолитесь. Если Аллаху будет угодно, у вас родится по сыну.

Затем он дал Нуману халат с золотыми пуговицами, перстень, саблю и породистого коня с золотой сбруей:

— Все это для ваших детей. Два предмета дайте одному, а коня и что останется — другому.

Нуман произнес молитвы и хвалу, поцеловал руки пророка и поспешно пустился в обратный путь.

Падишах Египта, узнав о прибытии Нумана, встретил его вместе со знатными сановниками.

Нуман тотчас сошел с коня, подбежал к падишаху, поцеловал ему руку. Падишах поцеловал его в глаза и стал расспрашивать о трудностях, встретившихся в пути. Рука об руку они пошли к дворцу. Во дворце падишах и Нуман уединились в тронном зале. Падишах в большом нетерпении тотчас спросил:

— Ну что?

Нуман подробно рассказал, что говорил пророк Сулейман, и вручил подарки пророка. Их немедленно поместили в сокровищницу.

Падишах обрадовался и тотчас же принял ислам. Потом он приказал Нуману:

— Ты устал с дороги. Неделю отдыхай, а затем приходи. Мы сделаем то, что повелел пророк Сулейман.

Нуман так и поступил. После недельного отдыха он совер-

шил омовение и предстал перед падишахом. Падишах оказал ему радушный прием. Потом повелел везирам:

— О мои везиры! Идите теперь и созовите ко мне всех моих подданных от семи до семидесяти лет.

Везиры послали во все концы страны глашатаев. Все подданные собрались перед дворцом. Когда об этом доложили падишаху, он вышел и обратился к ним со следующими словами:

— О мои подданные! Юноши, молодые люди, старики, дети и женщины! Услышьте все из моих уст, что всевышний Аллах един, нет ни равного, ни подобного ему. Он создал все, что вы видите, и все то, о чем вы слышали, но чего не видели. Отныне все мы будем молиться всевышнему. Солнце, которое мы до сих пор считали богом, сотворено Аллахом. Теперь я призываю вас принять ислам. Произнесем свидетельство ².

Народ с глубоким вниманием слушал падишаха. Падишах Асым произносил слова свидетельства, а народ повторял их. Так весь Египет принял ислам. Отныне для Египта наступили счастливые дни.

А через девять месяцев у падишаха и у Нумана родилось по сыну. Весь Египет ликовал. Освободили из тюрем заключенных, бедным раздавали еду. Асым и Нуман возносили молитвы благодарности Аллаху. Падишах совершил еще доброе дело: он повелел всем везирам и правителям областей простить долги бедняков сановникам и государству и первым простил долги. Асым сам дал детям имена. Шахзаде нарекли имя Сейфильмук, а сына Нумана назвали Саидом.

И падишах так сказал Нуману:

— Приведи жену с сыном ко мне во дворец. Пусть наши сыновья растут, как братья, и никогда не расстаются.

— Слушаюсь, мой султан! — ответил Нуман и выполнил приказ падишаха.

Когда детей отняли от груди, падишах захотел узнать их будущее. Он созвал всех звездочетов и приказал им узнать судьбу детей. Звездочеты установили свои астрольбии, посмотрели в книги и сказали:

— И шахзаде, и сын везира будут жить долго. Конец их жизни будет счастливым. Но в молодости они отправятся далеко на чужбину. Из-за кораблекрушения и всевозможных приключений они разлучатся. Им суждено увидеть много удивительных событий. Но в конце концов они встретятся, их желания исполнятся, и они будут долго жить, здоровые и счастливые.

Это предсказание несколько опечалило падишаха, но он утешал себя тем, что такова воля Аллаха. Асым дал звездочетам по сто золотых и отпустил их.

Дети росли, окруженные заботой. Когда им исполнилось пять лет, падишах назначил им учителей. А с десяти лет их стали обучать военному делу. Сейфильмулюк и Саид были очень смыслеными и прилежными детьми, быстро все запоминали и намного опережали своих сверстников. Когда им исполнилось пятнадцать лет, падишах позвал Нумана и сказал:

— Слава Аллаху! Наши дети выросли. Я хочу предаться молитвам всевышнему, которыми я так долго пренебрегал. Что, если я при жизни передам престол сыну?

Нуман как будто ожидал этих слов, залился слезами, поцеловал землю и ответил:

— Пусть Аллах дарует нашему падишаху долгую и счастливую жизнь! И я давно думаю о том же. Я тоже состарился и хочу передать свою должность Саиду и вместе с вами предаться молитвам. Если вы позволите, пусть оба юноши, которые росли вместе и привыкли друг к другу, вместе правят государством.

Приняв такое решение, падишах приказал:

— Теперь иди. Никому ничего не говори. Напиши письма правителям всех областей моего государства, чтобы они прибыли сюда.

Везир Нуман тотчас исполнил повеление падишаха. Когда все, кому были отправлены письма, прибыли, падишах приказал разбить для них шатры в саду дворца. Целый месяц устраивали пиры. Потом падишах роздал подарки и почетные одежды улемам, везирам, беям. Созвали большой диван. Все прибывшие собрались на поле, посередине которого поставили трон. Султан Асым поднялся на него и обратился к собравшимся:

— О вы, присутствующие здесь! Уже много лет я правлю вами. Теперь я состарился и решил посвятить остаток жизни молитвам, чтобы замолить грехи, которые совершил, ведая это или нет, в молодости. Слава Аллаху! Он услышал наши молитвы и даровал нам сына. Сын вырос. Сегодня здесь, на глазах у всех, я передаю ему трон. Отныне он будет вашим падишахом вместо меня. А делаю это я в присутствии вас всех, с тем чтобы вы повиновались ему точно так же, как до сих пор повиновались мне. Вы согласны, чтобы падишахом был мой сын?

Все присутствовавшие в диване улемы, везиры, бей, папи поднялись и в один голос отвечали:

— О наш падишах! Если вы даете согласие на то, чтобы на престол взошел ваш сын Сейфильмулюк, то согласны и мы. Да будет это угодно Аллаху! Мы рабы его и повинемся ему.

После этого падишах приказал привести Сейфильмулюка, снял с головы корону, надел ее на голову сына и посадил его на трон. Все собравшиеся стали рукоплескать тому, что сделал падишах.

Затем поднялся везир Нуман и сказал:

— И я назначаю везиром вместо себя своего сына Саида, а сам буду предаваться молитвам вместе с султаном Асымом.

Присутствующие приветствовали и эти слова.

Потом падишах приказал казначеям принести золотые и серебряные монеты и роздал их членам дивана. Вместе с Сейфильмулюком, Саидом и везиром Нуманом он вернулся во дворец. Придя в тронный зал, падишах велел позвать казначея и приказал:

— Принесите дары, присланные пророком Сулейманом.

Когда их принесли, султан Асым обратился к Сейфильмулюку и Саиду:

— Это дары, присланные вам пророком Сулейманом еще до вашего рождения. Их хранили, с тем чтобы поделить между вами, когда вы вырастете. Два из них возьмет Сейфильмулюк, а два — Саид.

Сейфильмулюк взял перстень и надел его на палец. Ему также понравилась расшитая золотом одежда с золотыми пуговицами. А сабля и конь пришлось на долю Саида. Юноша опоясался саблей, а коня отвел в султанскую конюшню. Молодые люди поцеловали руки родителям и удалились в свой дворец.

ТАЙНА ОСТРОВА БАБИЛЬ

Однажды в полночь Сейфильмулюк никак не мог уснуть. Он сел в своей шахской кровати. Взгляд его упал на дар Сулеймана, лежавший на золотом столе в ногах постели. Сейфильмулюк решил развернуть сверток с халатом и посмотреть его. С того дня, как отец дал ему сверток, он все не мог найти времени, чтобы сделать это.

Не желая будить везира Саида, который крепко спал в той же комнате, Сейфильмулюк на цыпочках вышел со свертком в

соседнюю комнату и развернул его. Кроме халата в свертке оказался портрет. Юноша отложил халат в сторону и стал рассматривать портрет. Это было изображение девушки необыкновенной красоты. При виде ее молодой падишах лишился чувств. Через некоторое время он пришел в себя и стал плакать. Прижав портрет к груди, юноша сказал:

Мне теперь не уснуть — спи, мой милый брат!
Видно, рок на меня точит свой булат.
В смертной муке душа, я огнем объят.
Кто б меня пожалел да утешить смог?

Я не ведал любви, милый брат — мой свет,
Мне б не видеть портрет да не знать бы бед,
Не увял бы тогда я во цвете лет!
Кто б меня пожалел да утешить смог?

Брат, о горе моем пусть не знает мать,
Не казни ты меня — лучше ей не знать!
Скрой мой грех от людей, мой позор загладь.
Кто б меня пожалел да утешить смог?

Тайну страсти моей пусть не знают, брат,
Пусть меня за любовь люди не корят,
Пусть меня пощадят — боль не бередят.
Кто б меня пожалел да утешить смог?

Когда Сейфильмулюк, плача, говорил так, Саид проснулся. Он увидел, что падишаха нет, немного подождал его, потом опять заснул. Через некоторое время он снова проснулся, посмотрел — молодого падишаха все еще нет. Саид встревожился и пошел искать его. Войдя в кабинет падишаха, Саид изумился: Сейфильмулюк лежал ничком и рыдал. Саид подбежал к нему.

Сейфильмулюк говорил с самим собою:

О нет, мой брат не знает боль мою,
Не ведает он мук, что я таю.
А я, влюбленный, горько слезы лью.
Влюбленным не утешить скорьбь свою!
Дано ль мне быть с возлюбленной — не знаю,
Иль я умру, загубленный, — не знаю!

Услышав эти слова, Саид взял Сейфильмулюка за плечи, поднял его и спросил:

— О мой единственный любимый брат! Что с тобой? Почему ты так плачешь и горюешь?

Молодой падишах ничего не отвечал Саиду и продолжал рыдать. Саид стал настаивать:

— Скажи, ради Аллаха! Когда я вижу тебя в таком состоянии, у меня сердце разрывается. Открой мне свою тайну. Разве ты не веришь мне, как самому себе? А если ты хоть немного во мне сомневаешься, я убью себя на твоих глазах.

От смущения Сейфильмулюк не мог смотреть в лицо Саиду и отвечал ему стихами:

Знать, пояс страсти на меня надет:
Прожег мне сердце девичий портрет!

Потом он умоляюще посмотрел на Саида и добавил:

— Мой дорогой Саид! Я боюсь, что, если расскажу тебе о своем горе, ты скажешь другим. Я влюбился в портрет. Но это такой портрет, что не только я, а любой, кто увидит его, лишится рассудка. И вот со мной случилась такая беда. Взгляни на портрет, если хочешь.

Сейфильмулюк поднялся и протянул портрет Саиду. На портрете, украшенном золотыми узорами и миниатюрами, была надпись: «Этот портрет Бедиульджемаль, дочери Шехбаля, падишаха пери. Они живут в городе Мераме на острове Бабиль».

Саид прочел надпись и отдал портрет Сейфильмулюку со словами:

— Сейфильмулюк, брат мой. Эта девушка — дочь падишаха пери. Ее зовут Бедиульджемаль. Так написано здесь, наверху. Ты влюбился в нее, но люди не могут жениться на пери. Откажись от своей страсти. Кто услышит, что ты влюбился в пери, будет смеяться над тобой. Жениться на этой девушке нельзя.

Сейфильмулюку этот ответ не понравился:

— Саид, лучше бы ты не читал надписи на портрете! У меня была печаль, из-за тебя она стала в тысячу раз горше. Я думал, что девушка, изображенная на портрете, — мечта, плод воображения. Но, оказывается, такая девушка есть, есть город, где она живет. Пока я ее не найду и она не станет моей, не будет мне покоя. О возлюбленная моего сердца! О цель моей жизни Бедиульджемаль!

С этими словами Сейфильмулюк упал наземь и снова зарыдал.

Бедный Саид делал все что мог, чтобы утешить молодого падишаха. Чего только он ему ни говорил, ничто не помогало.

Тогда Саид рассказал о случившемся родителям Сейфильмулюка. В тревоге поспешили они к молодому падишаху. Отец стал умолять его:

— Дитя мое! Что у тебя за горе? Скажи. Мы найдем какой-нибудь выход.

Но Сейфильмулюк ничего не сказал. Отец приказал позвать врачей и ходжей и велел им найти средство от горя его сына.

Врачи осмотрели Сейфильмулюка. Никакой болезни у юноши не было. Лекарства, которые они приготовили, не помогли. Шахзаде с каждым днем все больше бледнел и слабел. Отец Сейфильмулюка, видя это, собрал врачей и пригрозил им:

— Или вы сына вылечите, или я велю вас разорвать на части и развесить на деревьях.

Среди врачей был один очень опытный старик. Он понял, что болезнь Сейфильмулюка — любовь, и в ответ на угрозы падишаха сказал:

— О падишах! Мы приготовили лекарства, о которых узнали из своих книг. Но пользы от них не было и не будет. Болезнь шахзаде — сердечная тоска, любовь. От этого у нас лекарства нет. А если оно и есть, то мы, врачи, о нем не знаем.

Услышав эти слова, падишах словно пробудился ото сна. Он велел привести Саида и гневно спросил его:

— Что с Сейфильмулюком?

— Не знаю, ваше величество. Об этом знают врачи.

— Может быть, он болен от любви?

— Не знаю, о повелитель.

Падишах, придя в ярость, закричал:

— Ты не знаешь... Палач! Отруби Саиду голову!

Саид испугался и все рассказал. И еще добавил:

Черноока, лукоброва, статна,
Глянешь — ум уходит безвозвратно!

Падишах с любопытством спросил:

— Кто эта девушка по имени Бедиульджемаль? Чья она дочь?

— Дочь падишаха пери, Шехбалья. Так написано на портрете.

— Хорошо, а где она живет?

— Говорят, на острове Бабиль есть город Мерам. Там она и живет.

Султан Асым пошел к сыну и сказал:

— О дорогой сын! О любовь моего сердца! Поведай мне о своем горе. Не заставляй старого отца увлажнять слезами свою седую бороду. Откажись от этой страсти. Разумный человек не должен стремиться к невозможному. Вместо пери я дам тебе сколько угодно рабынь. Развлекайся с ними.

Но слова отца совсем не подействовали на Сейфильмулюка, и он ответил:

— О дорогой отец! У меня такое горе, что советы ему не помогут. Отпусти меня. Дай мне воинов. Разреши мне отправиться в путь с твоим благословением. На острове Бабиль, в городе Мераме, я найду Бедиульджемаль и вернусь с ней. А если ты будешь удерживать меня, я убью себя.

Эти слова очень опечалили шаха Асыма. И он стал уговаривать Сейфильмулюка:

— Дитя мое! Если непременно надо ехать, давай поеду я. Я стану искать Бедиульджемаль. Или найду ее и привезу, или погибну в пути. А если ты уедешь, я умру от тоски по тебе. Не дай бог, с тобой приключится беда в пути.

И Асым горько заплакал.

Тут Сейфильмулюк с горестным вздохом бросился на землю, стал рыдать и биться головой о стену. Рыдая, он молил:

— Дорогой отец! Если ты не хочешь, чтобы я умер от горя, не говори так! Прошу тебя, отпусти меня! Если ты не отпустишь меня, мне не жить!

И, вскочив, Сейфильмулюк схватил меч и хотел заколоть себя.

Отец бросился к нему, вырвал у него меч и воскликнул:

— Дорогое мое дитя! Я не запрещаю тебе! Иди куда хочешь. Меня заботит только твое здоровье. Да поможет тебе Аллах и да сохранит он тебя в пути!

Затем Асым позвал везиров и приказал:

— Дайте моему сыну воинов, оружие, корабли и все, что он потребует.

Казначеем он приказал:

— Принесите столько денег и драгоценностей, сколько захочет мой сын.

Сейфильмулюк был доволен. Он поцеловал руки и ноги родителям и попросил:

— Дорогой отец! Прикажите, чтобы во дворец пришли все путешественники и купцы, какие только есть в нашей стране. Мы спросим у них об острове Бабиль и городе Мераме.

Отец велел созвать всех путешественников и купцов, кото-

рые были в Египте, и стал спрашивать у них об острове Бабиль. Но никто не знал о такой стране. Один из них сказал:

— Если кто-нибудь и знает об этой стране, так это китайские путешественники и купцы. Они путешествуют по странам, о которых мы не знаем.

Когда Сейфильмулюк это услышал, он стал готовиться к путешествию в Китай. Снарядили восемь кораблей. На них посадили двадцать тысяч воинов, погрузили запас продовольствия и фуража на один год. Кроме того, из казны было взято сто тысяч золотых.

В один прекрасный весенний день Сейфильмулюк и Саид попрощались с родителями и сели на корабль. Корабли подняли паруса и поплыли в Китай.

Проходили дни и месяцы. Наконец корабли достигли берегов Китая. Когда китайцы увидели, что приближаются корабли, полные воинов, они укрылись в крепости, заперли ворота и стали готовиться к обороне.

Сейфильмулюк вместе с воинами высадился на берег. Подойдя к крепости, он послал гонца, чтобы сообщить китайцам, зачем он прибыл, и попросить их о помощи.

Китайский падишах Сейфур-хан был ученым. Он приходился племянником шаху Египта Асыму. Когда гонец сообщил, что его послал Сейфильмулюк, Сейфур-хан очень обрадовался. Вместе со свитой он вышел навстречу Сейфильмулюку.

Сейфильмулюк гостил в Китае около месяца. Однажды, когда он беседовал с Сейфур-ханом, тот спросил о цели его путешествия. Сейфильмулюк ответил, что ищет остров Бабиль и город Мерам. Сейфур-хан велел собрать всех купцов и путешественников, которые были в Китае, и спросить у них об острове Бабиль и городе Мераме. Никто не знал о таких местах. Но один из них поцеловал землю перед падишахом и сказал:

— Если такие места есть, они где-то в Индии. Там и ученых много. Если спросить у них, они, может быть, и скажут, где этот остров и этот город.

Услышав такой ответ, Сейфильмулюк на следующий день собрал воинов, сел на корабль и отправился в Индию.

После месячного плавания в Индийском океане их застигла сильная буря. Несколько дней корабли швыряло, как щепки, и наконец в бушующем море при блеске молний корабли столкнулись и разбились. Все воины погибли в волнах. Сейфильмулюк и еще десять человек спаслись, уцепившись за доску.

Наконец буря кончилась. Море, которое поглотило тысячи

воинов и несметные богатства, походило теперь на невинное дитя. Своей гладкой поверхностью оно как будто хотело искупить совершенные им преступления. Шахзаде и десять воинов стали искать Саида, но в безбрежном море они не нашли ни одного живого существа.

Сейфильмулока и его спутников, которых мучил голод, много дней носило по волнам. Но в конце концов по милости Аллаха они достигли острова, покрытого густым лесом. На деревьях было очень много плодов. Путешественники немедля вышли на берег, стали собирать плоды и есть. И тут какой-то смуглый человек, сидевший под деревом, крикнул:

— Чужестранцы! Идите сюда. Лучшие плоды здесь.

Самый жадный воин бросился туда. Но как только он приблизился к этому человеку, тот, хотя и казался стариком, мгновенно вскочил ему на спину, крепко схватил за руки и за ноги и крикнул:

— Давно у меня не было осла! Теперь ты стал моим ослом и будешь служить мне.

И он погнал воина в глубь леса.

Оказывается, на этом острове жили ремненоги — наполовину люди, наполовину животные.

Воин закричал:

— О Сейфильмулок! Мне пришел конец. Теперь я их раб. Но хоть вы бегите и спасайтесь!

Шахзаде и оставшиеся с ним воины взяли с собой немного плодов, воды и вышли на берег. Примостившись на доске, шахзаде произнес такие стихи:

Горе нам, горе нам — знать, судьба худа:
Смертью пал наш собрат, подошла беда.
Нам спасенье теперь — только морем плыть,
А не плыть — пропадем: не избыть вреда!

Где Бедиульджемаль — нам туда и путь,
Мы к творцу припадем: милосерден будь!
Если мне суждено на нее взглянуть,
Я от счастья паду, тих и нем, тогда!

О Бедиульджемаль, сколько в страсти бед!
Только горе — со мной, а любимой нет.
От разлуки с тобой мне не мил весь свет,
Смерти жду — мне и жизнь без тебя чужда!

Все уцепились за доску и поплыли в открытое море. Много дней их носило по морю, пока они не достигли какого-то остро-

ва, на котором возвышалась крутая гора. Путешественники тотчас вышли на берег и стали собирать плоды и наполнять бурдюки водой. Впереди они увидели какое-то огромное черное существо с громадными ушами и уродливым лицом, которое лежало под деревом. Это странное существо подложило одно ухо под себя, как тюфяк, а вторым накрылось, как одеялом. Когда путешественники подошли к нему, оно вскочило, схватило и прижало к себе ближайшего воина. Тот закричал:

— Шахзаде! Мне пришел конец. Эти великаны — людоеды. Хоть вы-то бегите и спасайтесь!

Шахзаде и оставшиеся воины спустились к берегу, забрались на доску и отплыли в открытое море.

Через некоторое время они опять увидели какой-то остров и пристали к нему. На острове было очень много плодовых деревьев. Путешественники вышли на берег и стали собирать плоды. Вдруг среди деревьев появились огромные негры ростом в двадцать-тридцать раз выше человека, черные как уголь. Они схватили Сейфильмулюка и его товарищей и отнесли их к своему правителю. Тот сидел на вершине горы на троне, высеченном из огромной скалы. Негры приветствовали его, и один из них стал рассказывать:

— Господин! Мы поймали этих птиц в лесу.

Падишах остался доволен и приказал:

— Сейчас же сварите двоих.

На глазах Сейфильмулюка и его спутников негры схватили двух воинов, разрезали на куски и сварили.

Шахзаде и остальные воины, ожидавшие своей очереди, стали изливать свое горе, скорбя о гибели товарищей.

Падишах обрадовался:

— Как красиво поют эти птички! Сделайте клетку и посадите их в нее.

Тотчас же сделали и принесли железную клетку. Шахзаде и его товарищей заперли в ней и повесили клетку у изголовья постели падишаха. Кормили их плодами.

Так прошел год.

Однажды слуги падишаха демонов сказали его дочери:

— У вашего отца есть прекрасные птицы. Если вы их увидите, вы будете поражены.

Дочь попросила, чтобы отец отдал этих птиц ей. Тот посадил Сейфильмулюка и еще трех человек в клетку и послал дочери.

Когда их принесли, девушка сразу влюбилась в Сейфиль-

мулюка. Она достала шахзаде из клетки и посадила на трон, а товарищей его оставила в клетке. Дочь падишаха велела всем приближенным уйти и прочла такие стихи:

Душа души моей, ты — мой,
Властитель над моей душой!
О, знай: навек любим ты мной,
Приди и сердце мне открой!

В душе моей навек храним,
Как нежно мною ты любим!
О, смилостивись, будь моим,
Приди и сердце мне открой!

Любви не знала прежде я,
Теперь с тобой душа моя.
Зову я, в сердце страсть тая:
Приди и сердце мне открой.

Затем она обняла Сейфильмулюка и стала целовать его. Но Сейфильмулюк гневно оттолкнул девушку:

— Оставь меня, гнусное, уродливое существо. Если даже ты будешь угрожать мне смертью, я не полюблю тебя!

Девушка страшно рассердилась, позвала слуг и приказала:

— Возьмите этих четырех человек, закуйте в кандалы и отнесите на кухню. Пусть туда принесут дров.

Сейфильмулюка и его спутников заковали в кандалы, а потом стали носить в кухню дрова.

Девушка каждый день спускалась на кухню, печально смотрела на Сейфильмулюка и говорила:

— Перестань упрямиться! Полюби меня. Иначе ты умрешь, раздавленный дровами.

Но шахзаде не обращал на нее никакого внимания.

Так прошло два года. Шахзаде и его спутники были близки к смерти. Как-то раз шахзаде стал плакать от тоски по родине. Увидев это, один из его спутников сказал:

— Шахзаде! Зачем плакать и печалиться? Все, что с нами будет, предопределено Аллахом. Поэтому, вместо того чтобы жаловаться на судьбу, будем лучше молиться! Аллах всемогущ и милостив. Только он может спасти нас.

Эти слова утешили Сейфильмулюка, и он стал советоваться с товарищами о том, как бы им бежать.

Те сказали ему:

— Господин, дороги мы не знаем. У девушки много слуг. Если нас поймут, она прикажет нас убить.

— А если мы срубим несколько деревьев, корой веток воспользуемся как веревками и сделаем плот?

Предложение шахзаде приняли. Он и его товарищи незаметно добрались до берега, срубили несколько деревьев, сняли с них кору, из коры сделали веревки. Ими связали бревна. Получившийся плот спустили на воду, нагурузили плодами и бурдюками с водой. Шахзаде и его спутники сели на плот и поплыли в открытое море. Уповая на милость Аллаха, они предались воле ветра и волн.

Несколько дней плот носило по морю. Вдруг разразилась буря. Из глубины моря появился дракон, схватил одного из спутников шахзаде и утащил в глубину. Сейфильмулюк и оставшиеся с ним воины очень испугались.

Через десять дней впереди показался остров. Когда они плыли к нему, из моря опять появился дракон и унес еще одного человека. А когда плот приставал к берегу, дракон унес последнего спутника Сейфильмулюка.

Сейфильмулюк один вышел на берег. Когда юноша, обливаясь слезами, поднимался на гору, которая возвышалась на острове, он увидел стаю обезьян. Обезьяны приветствовали шахзаде и знаками приглашали его к себе. Вместе они пошли в глубь леса. Там был дворец.

Сейфильмулюк и обезьяны вошли во дворец, прошли через восемь дверей и оказались в большом зале. Посередине зала был бассейн с фонтаном. Там был также трон, установленный на четырех львах из драгоценных камней. А на троне сидел юноша. Увидев Сейфильмулюка, он спустился с трона и приветствовал его. Потом Сейфильмулюк и юноша, взявшись за руки, сели на трон и стали беседовать.

Юноша спросил:

— О брат мой! Откуда ты? Как ты попал на этот остров?

Сейфильмулюк отвечал:

— У меня было много приключений. Сначала расскажи, кто ты, как стал повелителем обезьян. А потом и я расскажу о себе.

Падишах обезьян рассказал:

— Зовут меня Хайруллах. Моего отца звали Нуруллах, он был египетским купцом. Когда мы плыли в Хиндустан, разразилась буря. Корабль пошел ко дну. Я уцепился за доску и добрался до этого острова. Чтобы пройти весь остров, надо восемь дней. На нем живут обезьяны, а правит обезьянами человек. Когда их падишах умирает, Аллах посылает им еще какого-ни-

будь человека. Теперь моя смерть близка. Поэтому Аллах послал тебя сюда. Я здесь уже четыре года.

Сейфильмулюк глубоко вздохнул и стал рассказывать стихами о своих приключениях:

Не желал, не мечтал я сюда попасть —
В этих землях терпеть лютых бед напасть.
Негасимым огнем жгла мне сердце страсть:
Иль Беди обрести³, или мертвым пасть!

В бурном море я плыл — сколько мук сносил,
Ты б узнал, зарыдал да лишился б сил!
А любил бы, как я, ты бы так решил:
Иль Беди обрести, или мертвым пасть!

Сколько мук я познал, сколько принял бед,
Грудь мне камень давил — тяжелее нет!
О любимой мечтал, думал много лет:
Иль Беди обрести, или мертвым пасть!

Когда Сейфильмулюк кончил, Хайруллах обратился к нему с такими словами:

— Брат мой Сейфильмулюк, остров этот прекрасен, здесь много плодов, климат приятный. Забудь о своей страсти. Давай жить вместе, как братья. Обезьяны будут служить нам, а мы станем наслаждаться жизнью.

Шахзаде ответил ему:

— Что ты говоришь, Хайруллах! Сердце мое сторает от любви. Ради любви я отказался от престола и короны и готов умереть. Я не могу остаться здесь. Несколько дней я буду твоим гостем, а потом отправлюсь дальше, буду странствовать по свету. Или по воле Аллаха я добыю своего, или погибну в пути.

По знаку Хайруллаха обезьяны накрыли на стол, принесли всевозможные фрукты на золотых блюдах и различные вина в золотых кубках. Они ели и пили. И опьянели. Обезьяны развлекали их разными танцами.

На следующий день Хайруллах сказал Сейфильмулюку:

— Мой шах! Сейчас я покажу тебе то, чего ты никогда не видел. Посмотри в окно.

Сейфильмулюк увидел, что на площади в лесу, перед дворцом, собрались сотни тысяч обезьян.

— Что это?

— Это обычай моего города. Каждое утро здесь собираются обезьяны. Они поклоняются мне. Я показываюсь в окне. Затем

здесь остаются часовые, а остальные отправляются по своим делам.

Сейфильмулюк гостил на острове месяц, а затем попросил отпустить его. Хайруллаху не удалось уговорить шахзаде остаться, и он волей-неволей должен был отпустить его. До границы он дал Сейфильмулюку в проводники нескольких обезьян. Молодые люди обнялись и попрощались. Обезьяны проводили шахзаде до границы и пожелали ему счастливого пути.

Сейфильмулюк опять остался один. Много дней он странствовал по горам. Его мучили голод и жажда. Наконец он увидел перед собой красный холм и направился туда. Как раз на его вершине шахзаде увидел золотой дворец. Но людей он не встретил. Некоторое время он созерцал окрестности и дворец. Сейфильмулюку захотелось осмотреть дворец изнутри. Он долго ходил по дворцу и наконец попал в тронный зал. Это был роскошный зал.

На троне, украшенном драгоценными камнями, возлежала очень красивая девушка. Вокруг нее на блюдах, также украшенных драгоценными камнями, лежали всевозможные фрукты, стояли разные кушанья.

Шахзаде приветствовал девушку. Та ответила на его приветствие и спросила:

— О юноша! Кто ты и что здесь ищешь?

— О красавица! Я шахзаде. Моя история длинная, а я умираю от голода. Дай мне чего-нибудь поесть. Потом я тебе все расскажу.

Девушка накормила его. Затем они сели рядом на троне. Шахзаде спросил:

— О красавица, кто ты, кто твои родители и почему ты сидишь одна в этом дворце?

— Я дочь падишаха Серендиба. Меня зовут Девлет-хатун. Однажды, когда я купалась в бассейне, надо мной появилась черная туча, засверкали молнии. Бассейн вдруг провалился и увлек меня за собой. Я лишилась чувств. Когда я открыла глаза, то увидела, что нахожусь здесь, в этом дворце. Я лежала на троне, а рядом сидел демон. Я испугалась. А демон стал меня умолять о любви. Он увидел меня, когда я купалась, влюбился и похитил. Я тут уже два года. Раз в неделю приходит демон, развлекается со мной и уходит.

Сейфильмулюк рассказал, что произошло с ним.

Когда Девлет-хатун услышала имя Бедиульджемаль, она сказала:

— А... Она моя молочная сестра. Если бы я была в своей стране, я бы сделала для тебя то, что ты хочешь.

Шахзаде удивился:

— Ты дочь человека, а она дочь падишаха пери. Как же вы можете быть молочными сестрами?

— Когда моя мать была беременна мною, а мать Бедиульджемаль — ею, моя мать развлекалась в саду отца в Серендибе. Там была и мать Бедиульджемаль. Вдруг у нее начались схватки, и она родила. Моя мать родила меня в то же время. Потом наши матери подружились. Вот почему мы стали молочными сестрами.

Шахзаде с любопытством спросил:

— А потом?

— Когда месяц спустя мать Бедиульджемаль уезжала, она дала моей матери благоволие и сказала: «Когда ты захочешь меня увидеть, зажги его⁴. Я тотчас приду».

Шахзаде стал умолять:

— Девлет-хатун, сжался надо мной. Давай убежим отсюда.

— Как же мы убежим отсюда? Отсюда до моей страны пятьдесят лет пути. Если мы будем идти целый год, демон догонит нас за минуту и убьет.

— Хорошо. Я спрячусь здесь. Как только он заснет, я его убью.

— Его убить очень трудно. Тебе этого не сделать. Душа демона не с ним, а в другом месте. Тебе надо узнать, где она. Ладно, пусть он придет... Сейчас как раз время, когда должен прийти демон. Я спрячу тебя в этом стенном шкафу. Попробуем узнать у него, где спрятана его душа.

Шахзаде спрятался в стенном шкафу.

Появился демон. Он принес девушке всякие подарки, драгоценности, потом сел рядом с ней и стал ласкать ее. А девушка оттолкнула его и сказала:

— Ты обманываешь меня, когда говоришь, что любишь. Если бы ты любил меня, ты бы раскрыл свою тайну, сказал, в чем источник твоей силы и кто может победить тебя.

— Это ты называешь тайной. Это пустяк. Никто в мире не может победить меня. Моя душа — в воробье, воробей — в семи коробках, коробки — в семи ящиках, а семь ящиков — в гробу посередине моря. Тот, кто захочет убить меня, должен протянуть руку с печатью Сулеймана к морю. По его желанию гроб тотчас подплывет к нему.

Девушка поблагодарила демона.

Когда демон удалился, девушка сейчас же выпустила шахзаде из шкафа.

— Ты слышал, что он сказал? — спросила она.

— Да. Перстень с печатью Сулеймана у меня на руке. Значит, демону конец. Бежим к морю.

Взявшись за руки, они побежали к берегу моря.

Шахзаде протянул руку к морю и крикнул:

— Эй, гроб, приплыви сюда!

Действительно, из моря показался гроб и подплыл к берегу. Сейфильмулюк открыл гроб, потом ящички, коробки и крепко схватил воробья. В тот момент, когда он собрался зарезать воробья, послышался громовой голос, от которого задрожали горы и камни. Демон, рассекая облака, стремительно приближался к ним и умолял:

— О милосердный Сейфильмулюк! Не убивай меня, отпусти! Я стану твоим рабом, я буду всегда тебе служить. Я отнесу тебя в твою страну к твоим родителям. Я даже соединю тебя с твоей возлюбленной.

Сейфильмулюк поверил словам демона и уже хотел было отпустить воробья. Но Девлет-хатун предостерегла его, и он тотчас зарезал воробья. Демон, словно огромная скала, со страшным грохотом скатился с высокой горы на берег и остался недвижим. Его проклятая душа отправилась в ад.

Девлет-хатун и Сейфильмулюк срубили несколько деревьев в саду дворца, связали их веревками, которые они сделали из коры. Получился плот. Положившись на милость Аллаха, они вышли в море. Но так как они не знали, куда плыть, они странствовали по морю ровно четыре месяца. У них кончились и еда и питье. Сейфильмулюк и девушка страдали от голода, жажды и бессонницы. Измученные вконец бессонницей, легли они на плот, закрыли глаза и заснули.

Они не знали, сколько времени проспали. Когда Сейфильмулюк и девушка проснулись, они увидели, что находятся по-прежнему на плоту, но впереди был берег. Примерно через четверть часа они увидели множество людей и кораблей. Шахзаде и Девлет-хатун, сойдя с плота, направились к ним. У встретившегося им человека они спросили:

— Что это за город?

— Это город Нуман.

Такой ответ очень обрадовал Девлет-хатун. Она спросила у этого человека:

— Кто ты и как тебя зовут?

— Я главный на этом побережье. Меня зовут Сертач.

Получив такой ответ, Девлет-хатун сочла нужным сказать, кто она. Сертач, услышав ее имя, растерялся, упал к ее ногам и стал просить прощения.

Девлет-хатун сказала:

— Сертач, иди и сообщи моему дяде, Нуману, что я прибыла.

Сертач поспешил выполнить приказание. Он предстал перед падишахом Нуманом и воскликнул:

— Падишах! Прибыла Девлет-хатун, дочь вашего брата Таджумулюка, падишаха Серендиба. Она ожидает на берегу. Я пришел сообщить вам эту радостную весть.

Получив это известие, Нуман так обрадовался, словно стал обладателем всех сокровищ мира. В сопровождении своих сыновей, дочерей, воинов и слуг он отправился ей навстречу. В честь Девлет-хатун он приказал заколоть баранов и устроить празднество. Девлет-хатун и Сейфильмулюк поцеловали руки Нуману. Нуман посадил обоих на коней и привез их во дворец. Тотчас накрыли столы, принесли кушанья и напитки. Сейфильмулюк и Девлет-хатун, которые много дней страдали от голода и жажды, вдоволь наелись и напились.

Нуман написал письмо, передал его везиру и послал сообщить своему брату Таджумулюку, падишаху Серендиба, что к нему прибыла его дочь.

А падишах Серендиба Таджумулюк уже отчаялся вновь увидеть свою дочь. Он даже забыл о ней. Однажды он сидел на троне и отдавал приказы везирам. Вдруг перед ним предстал какой-то человек, поцеловал землю и полу одежды падишаха и протянул письмо.

Падишах прочел письмо и вскочил с места.

— Моя дочь наплась! — воскликнул он.

От радости Таджумулюк не знал, что и делать, как наградить того, кто доставил письмо. Он пожаловал ему халат. Таджумулюк тотчас взял перо, бумагу и написал ответ брату Нуману. В письме он просил как можно скорее отправить Девлет-хатун домой. Письмо было послано с тем же человеком, который привез письмо от Нумана.

Шли дни. Таджумулюк стирал от нетерпения. Падишах Серендиба каждый день ожидал прибытия дочери и не находил себе места, считал минуты, как капризный ребенок в ожидании праздника. Весь город был украшен флагами, цветами. На дорогах расстелили ковры. Воины были готовы к встрече.

Наконец прибыли и гонцы с радостной вестью. Девлет-хатун устроили пышную встречу. Девлет-хатун и Сейфильмулюк поцеловали руки и полы одсыды Таджумулюка. Падишах Серендиба обнял их обоих и прижал к груди. После обмена приветствиями Девлет-хатун рассказала о своих приключениях и кончила такими словами:

— О дорогой отец! Ты должен полюбить Сейфильмулюка так же, как любишь меня. На свете нет такого преданного и честного юноши, как он. Мы много месяцев странствовали по морю и по суше. И он всегда обращался со мной, как с сестрою.

После этих слов дочери Таджумулюк почувствовал еще большую любовь и нежность к Сейфильмулюку. Он подарил ему все, что было в сокровищнице, и сказал:

— О Сейфильмулюк! И мне нужен такой верный юноша, как ты. Отныне падишах Серендиба не я, а ты. Сейчас я прикажу всем везирам, воинам и слугам присягнуть тебе.

Сейфильмулюк стал падишахом и начал править Серендибом.

На пятый день после того, как он взойшел на трон, ему захотелось прогуляться по городу. В сопровождении везиров и государственных мужей Сейфильмулюк вышел из дворца. Они пришли на базар. Там Сейфильмулюк увидел человека, который, крича, точно глашатай, продавал халаты, и в изумлении сказал себе:

«Как этот молодец похож на моего бедного брата Саида! Уж не Саид ли это?»

И Сейфильмулюк приказал:

— Отведите этого молодца, который торгует халатами, во дворец и не отпускайте, пока я не вернусь.

Торговца халатами тотчас схватили, связали и заперли в одном из подвалов дворца, так как подумали, что он чем-то разгневал молодого падишаха. Несчастный же ни в чем не был виноват.

Сейфильмулюк смог вернуться только после вечернего призыва к молитве⁵. Он совсем забыл о продавце халатов, поел и лег спать.

А продавец халатов был не кто иной, как Саид. Когда наступило утро, люди падишаха заковали его в кандалы и отвели в тюрьму, где держали убийц. Вместе с убийцами Саида водили на работу, заставляли таскать камни. Десять дней Саид выполнял самую тяжелую работу, хотя за ним не было никакой вины. И все это время он молил всевышнего спасти его от несправед-

ливости, которой он подвергался. На спине Саида появились глубокие раны, он едва держался на ногах.

Должно быть, Аллах услышал молитвы Саида, так как напомнил о нем Сейфильмулюку. Однажды Сейфильмулюк сидел на троне и думал о прошлом. Вдруг он вспомнил о Саиде и спросил:

— Что вы сделали с тем юношей, который торговал халатами? Приведите его ко мне!

Тотчас привели к нему закованного в цепи Саида. Несчастный был в ужасном состоянии и в полном смысле этого слова походил на бродягу. Сейфильмулюк спросил:

— Кто ты, как тебя зовут?

Саид не узнал молодого падишаха и со страхом отвечал:

— Меня зовут Саидом. Я приехал сюда из Египта. На рынке я занимался торговлей и был глашатаем. И вот что со мной случилось... Я даже не знаю, в чем моя вина.

Сейфильмулюк тяжело вздохнул, заплакал и приказал:

— Немедленно снимите с него цепи!

Приказ молодого падишаха тотчас же исполнили. Сейфильмулюк, утирая слезы и пытаясь сдержать рыдания, спросил:

— О Саид! Разве ты не узнал меня?

Саид внимательно посмотрел в лицо молодого падишаха и ответил:

— Нет!

Сейфильмулюк сошел с трона и обнял Саида:

— О любимый мой брат Саид! Я думал, что ты утонул. А ты цел и невредим и вот стоишь предо мной... Хвала всевышнему, что он позволил нам встретиться! Я — Сейфильмулюк.

Юноши обнялись, заливаясь слезами. Все присутствующие очень удивились. О происшедшем сообщили Таджумулюку. Через некоторое время Таджумулюк прибыл и сразу понял, в чем дело.

— О мой возлюбленный сын Сейфильмулюк! Как я понимаю, этот молодец твой брат. Поблагодарите всевышнего за то, что он соединил вас. Не плачь больше и не горюй. Встань, умойся и успокойся. А брата пошли в баню. Пусть его как следует вымоют и оденут.

Сейфильмулюк послушался Таджумулюка. Он перестал плакать и умылся, Саида же послал в баню.

После бани Саид рассказал, что с ним произошло:

— О брат мой Сейфильмулюк! Наш корабль разбился и утонул. Я ухватился за доску. Пятнадцать дней меня носило по

волнам. Вдруг показалась огромная гора. Оказывается, это был остров. Сильная волна выбросила меня на берег. От голода и усталости я совсем обессилел. Немного отдохнув, я пришел в себя и открыл глаза. Весь остров был покрыт лесом. От тяжести плодов ветви деревьев склонялись до земли. Собрав немного плодов, я поел. Найти воду не составило никакого труда, так как посередине острова протекала большая река с водой сладкой, как мед. Я вдоволь напился и утолил жажду. Я уже был сыт, но мне захотелось сорвать еще один плод. Вдруг я услышал голос, который назвал мое имя: «О Саид! Эти плоды незрелые и плохие... Смотри, не ешь их». Я пошел вперед, чтобы поговорить с тем, кто позвал меня. И действительно, встретился с человеком. Но он вдруг вскочил на меня верхом и закричал: «Теперь ты будешь моим ослом!» Оказывается, ноги у него были из ремней. Сплета их, он погнался за мной. Мы пришли в какое-то место, где было много людей — таких же, как он. Увидев меня, они очень обрадовались. Они стали каждый день по очереди ездить на мне верхом. Ездили так целыми днями, а ночью где-нибудь меня привязывали. Однажды ночью меня забыли привязать. Я воспользовался этим, убежал, добрался до берега, нашел доску на том же месте, где оставил ее, и поплыл на ней в открытое море, не забыв взять с собой плодов. Долгое время я питался ими, но однажды они кончились. Семь дней я был без пищи. Волны несли меня, но я не знал куда. От голода я совсем лишился сил и был близок к гибели. Наутро восьмого дня я увидел, что ко мне приближаются несколько кораблей. В ту минуту я забыл о голоде и слабости, откуда-то взялись силы, и я закричал:

— Братья, спасите меня!

На кораблях услышали мой голос, и меня подняли на один из них. А когда корабли прибыли в этот город, меня высадили. Вот что случилось со мной. Чудом я не умер и вновь вернулся к жизни. В этом городе я уже два года. Я зарабатывал себе на жизнь тем, что торговал и был глашатаем на базаре, но все время плакал от тоски по тебе, сердце мое горело в огне разлуки. Слава Аллаху, теперь у меня больше нет печалей. Встретив тебя, я будто обрел весь мир.

После того как Саид кончил рассказывать, Сейфильмулюк рассказал о своих приключениях. Через несколько дней он назначил Саида везиром. Братья много развлекались и пировали. Но эта счастливая жизнь долго продолжаться не могла. Однажды Сейфильмулюк вспомнил о своей возлюбленной Бедиуль-

джемаль, глубоко вдохнул и заплакал кровавыми слезами. Сердце его разрывалось от горя. Он пришел к Девлет-хатун и прочел ей следующие стихи:

О сестра моя, как ты блюла обет?
Сколько я умолял сердцу дать ответ!
Только нет — у тебя милосердия нет,
Сердцем я сокрушен, изнемог совсем.

Сколько ждал я, страдал да молитв вознес,
Сколько пролил, томясь, я кровавых слез,
Весь сгорел я дотла, тяжких мук не снес,
Сердцем я сокрушен, изнемог совсем!

Раны сердца болят, душу жжет недуг,
Черный траур на мне: где любимый друг?
Ранен стрелами бед, я умру от мук,
Сердцем я сокрушен, изнемог совсем!

В сердце нет больше сил, сила вся взята:
Бьется птицей в груди, боль его люта
Где Бедиульджемаль — где моя мечта? —
Сердцем я сокрушен, изнемог совсем!

А Девлет-хатун, оказывается, забыла о Сейфильмулке. Она была очень смущена посещением молодого падишаха и стала просить прощения:

— О мой господин, прости меня! Я забыла о тебе. Но теперь уж не забуду. Я сейчас же пойду к матери и возьму у нее благовоние.

Сейфильмулок был вне себя от радости и стал благодарить Девлет-хатун. Та пошла к матери и сказала:

— Матушка, мне очень захотелось увидеть Бедиульджемаль. Дай мне немного благовония, я зажгу его в саду и позову свою молочную сестру.

Мать Девлет-хатун обрадовалась просьбе своей дочери. Ей тоже очень хотелось повидать мать Бедиульджемаль. Она ответила:

— О моя возлюбленная дочь! И я пойду вместе с тобой. Ты увидишь Бедиульджемаль, а я увижу ее мать.

Мать и дочь пошли в сад, разожгли огонь и бросили в него некоторое количество благовония. Через несколько минут появились Бедиульджемаль и ее мать. Мать Бедиульджемаль почтительно приветствовала Уммюльгюльсом, жену Таджульмулюка. Все обнялись и расцеловались, стали расспрашивать друг

друга о здоровье. Затем их дочери отошли в сторону и стали беседовать. Девлет-хатун воспользовалась удобным случаем и рассказала о приключениях Сейфильмулюка. При этом она так расхваливала его, что Бедиульджемаль сразу же влюбилась в него и непременно хотела увидеть юношу. Бедиульджемаль сказала:

— Дорогая сестра, я хочу увидеть этого храбреца, который ради меня подвергался смертельной опасности и пережил столько приключений!

Немного подумав, она спросила:

— Интересно, как он узнал обо мне и где меня видел?

Девлет-хатун рассказала только о тех приключениях, которые были с Сейфильмулюком в пути, но не сказала, как он влюбился. Теперь она решила, что нужно рассказать и об этом.

— Пророк Сулейман подарил Сейфильмулюку халат, — сказала она, — а в нем оказался портрет в рамке. Как только молодой падишах увидел портрет, он влюбился и лишился чувств.

Тут Бедиульджемаль прошептала на ухо Девлет-хатун:

— Ты мне сказала об этом, но другим не говори. Пусть никто, кроме нас, ничего не знает, особенно мои родители. Ведь я дочь пери, а он человек... И до сих пор не было случая, чтобы сын человека и дочь пери полюбили друг друга.

Но Бедиульджемаль говорила это от смущения. На самом же деле она испытывала безграничное удовольствие от того, что ее любит такой молодой правитель, как Сейфильмулюк. И она скоро пожалела о том, что сказала. Девлет-хатун догадалась об этом:

— Сестра, не обижай меня. Покажись хоть раз Сейфильмулюку. И сама увидишь его. Я дала слово, что покажу тебя ему. Не опозорь меня перед ним. А то я на тебя рассержусь.

Бедиульджемаль еще больше захотелось увидиться с Сейфильмулюком. Но она желала немного пококетничать:

— Сестра, это невозможно... Но я боюсь обидеть тебя. Мы встретимся с Сейфильмулюком там, где ты захочешь. Но пусть никто об этом не знает. Иначе родители отрекутся от меня.

Девлет-хатун приказала слугам поставить трон в укромном месте сада. Слуги тотчас же исполнили это. Девлет-хатун и Бедиульджемаль сели на трон. Некоторое время они разговаривали, смеялись, развлекались. Потом дочь падишаха Серендиба оставила свою молочную сестру одну и пошла во дворец, чтобы позвать Сейфильмулюка.

Сейфильмулюк сидел на троне с везиром Саидом. Он почтительно встретил Девлет-хатун. Девлет-хатун сразу заговорила о деле:

— О брат мой Сейфильмулюк! Я привела в сад Бедиульджемаль, о прекрасном лице которой ты вздыхал, от тоски по которой ты сгорал, ради встречи с которой ты претерпел столько невзгод. Она тоже безумно влюбилась в тебя. Пойдем! Вы встретитесь, и пусть осуществляются ваши желания!

Сейфильмулюк не мог себя сдержать. Его охватила радость. Он сошел с трона, сказав везиру Саиду:

— Саид! Оставайся здесь. Никого не выпускай из дворца, а я пойду к своей возлюбленной.

Вместе с Девлет-хатун он вышел из дворца. В тот день Сейфильмулюк очень много выпил и был совсем пьян. Придя в сад, он сказал Девлет-хатун:

— Сейчас я не в себе и полежу немного в тени этого дерева, приду в себя. А ты иди к моей возлюбленной и скажи, что я скоро буду. Я не заставлю вас долго ждать.

Девлет-хатун сообщила Бедиульджемаль радостную весть: скоро придет ее возлюбленный.

Но вот день уже стал клониться к вечеру, а Сейфильмулюка все не было. Девлет-хатун подумала, что Сейфильмулюк ее стесняется, и сказала об этом Бедиульджемаль. Она решила вернуться во дворец. Бедиульджемаль пожелала Девлет-хатун счастливого пути.

Когда Девлет-хатун пришла во дворец, она не нашла матери своей молочной сестры. Ее мать сказала, что та отправилась на остров Бабиль, оставив Бедиульджемаль погостить.

Но вернемся к Бедиульджемаль. Она подождала еще некоторое время. Сейфильмулюк все не шел. Пери стало очень грустно. Она стала гулять по саду и увидела, что под большим деревом лежит какой-то молодой человек. Она подумала: «Уж не Сейфильмулюк ли это?» — и потихоньку подошла к нему. Внимательно посмотрев на него, она убедилась в том, что спящий не кто иной, как Сейфильмулюк. Сейфильмулюк, который не мог спокойно спать с того дня, как влюбился, в тот день вдруг крепко заснул. Бедиульджемаль села у изголовья Сейфильмулюка, тихонько приподняла его голову, положила к себе на колени и заплакала. Слезы из ее глаз падали на лицо Сейфильмулюка. А он все не просыпался, спал непробудным сном. Бедиульджемаль не могла больше выдержать и, чтобы разбудить его, прочла стихи:

Очнись же от своих страданий —
С тобой любимая твоя!
На свете нет тебя желанней —
С тобой любимая твоя!

Увы, лежишь ты бездыханный —
Мертв от любви к своей желанной!
Проснись — вот миг, судьбою данный:
С тобой любимая твоя!

Сейфильмулюк медленно открыл глаза, посмотрел в лицо возлюбленной и стал на колени:

— О моя возлюбленная Бедиульджемаль, — сказал он, — если бы ты знала, как я счастлив, что увидел тебя в этом мире! О моя Бедиульджемаль, моя возлюбленная с лицом, подобным солнцу, с сладкой речью и соколиным взглядом! Чего только я не вынес, чтобы найти тебя! О моих приключениях очень долго рассказывать. Разве ты не сжалишься над Сейфильмулюком, который ради любви к тебе преодолевал горные кручи, переплывал моря, боролся со смертью? Полюби же меня, люби хотя бы в десять раз меньше, чем я люблю тебя!

Когда Бедиульджемаль услышала эти слова, она чуть не лишилась чувств, так как и она уже любила Сейфильмулюка. Но она не могла удержаться от того, чтобы немного не пококетничать:

— О Сейфильмулюк, с тех пор как был сотворен мир, говорят о неверности человека. Если я отдам тебе сейчас свое сердце, ты мне изменишь. Я опозорю себя в глазах отца, матери, родственников. Разве тебе не будет тогда меня жаль?

Сейфильмулюк, думая, что Бедиульджемаль говорит это всерьез, а не из кокетства, стал ее уверять:

— Если бы я собирался изменить тебе, я бы не пустился в путь, отказавшись от короны и престола, не подвергал бы себя стольким лишениям. Разве после всего этого я могу изменить? Разве может человек погубить собственную душу? Ты — моя душа! Отныне я не взгляну ни на одну красавицу. До самой смерти мои глаза будут видеть только тебя.

Бедиульджемаль уже не кокетничала. Она бросилась в объятия Сейфильмулюка. Оба были счастливы и достигли желаемого. Потом Бедиульджемаль сказала:

— О Сейфильмулюк! Что сделано, того не воротить. Спи спокойно. Завтра утром приходи ко мне. Я посажу тебя на спину смелого пери и отправлю в сады Ибрама на острове Бабиль. Когда ты туда прилетишь, то увидишь шатер, украшенный

драгоценными камнями. Без страха войди в шатер. В шатре сидит женщина. Это моя бабушка. Перед ней кресло, а на кресле лежит ее покрывало. Возьми покрывало, приложи его к голове, потом к груди и снова положи на кресло. После этого во имя Аллаха попроси меня в жены. Согласится ли она или нет, возвращайся и сообщи мне.

Сейфильмулюк расстался с Бедиульджемаль и вернулся во дворец. В ту ночь он спокойно спал до утра, а утром пошел к Бедиульджемаль. Бедиульджемаль позвала смелого пери и приказала:

— Посади Сейфильмулюка к себе на спину, отнеси к моей бабушке и попроси отдать меня в жены этому юноше.

Пери посадил Сейфильмулюка к себе на спину, поднялся в воздух, через час принес его в сады Ибрама на острове Бабиль и повел в шатер. Сейфильмулюк совершил церемонию с покрывалом, как его научила Бедиульджемаль, и стал, сложив руки в почтительной позе.

Женщина спросила:

— О сын человеческий! Как и по какому делу ты пришел?

Сейфильмулюк растерялся, не зная, что сказать. Пери, который принес его, тотчас же объяснил, что Сейфильмулюк любит Бедиульджемаль и пришел просить ее в жены. Бабушка Бедиульджемаль страшно разгневалась и стала укорять пери:

— Не вмешивайся в дела, которых не понимаешь. Это человек, а Бедиульджемаль — дочь пери. Человек не может жениться на пери. Люди коварны и лживы.

Сейфильмулюк забыл, что он здесь чужой, собрался с духом и заговорил:

— О великая султанша! Не сравнивай меня с другими людьми. Я прибыл сюда, сталкиваясь на каждом шагу со смертельной опасностью. Если я не смогу жениться на Бедиульджемаль, я убью себя.

Эти слова смягчили сердце бабушки Бедиульджемаль, и она подобревшим голосом сказала:

— О юноша! Благодарю Аллаха, что не пришел, когда я была печальной. Внучку я тебе отдам, но с одним условием. Поклянись, что не полюбишь никого, кроме Бедиульджемаль, и будешь нам повиноваться.

Сейфильмулюк отвечал, что готов дать не одну, а тысячу клятв, и сумел уговорить бабушку Бедиульджемаль. Но на этом дело не кончилось. Она сказала:

— Юноша! Поди и погуляй немного по нашим садам и ви-

поградникам. А я велю позвать сына, Шехбаля, спрошу и его согласия.

Сейфильмулюк вышел из шатра и пошел в сад.

Бабушка Бедиульджемаль — ее звали Сарих — обратилась к пери, который принес Сейфильмулюка:

— Позови моего сына Шехбаля. Пусть он скорее придет.

А родители демона, который похитил дочь падишаха Серендиба Девлет-хатун и который был убит Сейфильмулюком, узнали, что их сына убил человек. Чтобы найти убийцу, они повсюду разослали своих слуг. Двое из них, пролетая над садами Ибрама, увидели молодого человека, спавшего в тени дерева, и сказали друг другу:

— Под деревом лежит человек. Как же он пришел сюда? Ведь люди сюда прийти не могут. Пойдем к нему и спросим. Может быть, что-нибудь у него узнаем.

Решив так, они спустились, разбудили Сейфильмулюка, поздоровались, сели рядом с ним и спросили:

— О юноша! Ты кажешься смелым и красивым. Как ты сюда попал?

Сейфильмулюк ответил:

— Я странник. Сбился с пути и, претерпев много лишений, попал сюда. А вы кто?

— Мы демоны. Мы были в пустыне в темнице сына Мелик-Эзрака. Оказывается, этого тирана убил какой-то человек. Мы воспользовались этим случаем и бежали из темницы.

Сейфильмулюк подумал, что демоны говорят правду, и сказал:

— Этого окаянного убил я!

И он рассказал, как его убил.

Демоны вдруг бросились на Сейфильмулюка, заткнули ему рот и, вцепившись в него, поднялись с ним в воздух. Через некоторое время они доставили его к матери погибшего демона:

— Вот человек, убивший твоего сына.

Мать демона спросила:

— Как ты убил моего сына?

Сейфильмулюк, ничуть не испугавшись, рассказал, как убил его.

Женщина, побагровев от злости, приказала стоявшим рядом демонам:

— Положите его в гроб и утопите в море!

Демоны схватили Сейфильмулюка, положили в гроб, а гроб опустили на дно моря.

Пока Сейфильмулюк страдает на дне моря, посмотрим, что произошло в садах Ибрама.

Пери, отправившийся за Шехбалем, нашел его и привел к матери. После подобающих приветствий Сарих сказала:

— Сын мой! Сын египетского падишаха, юноша по имени Сейфильмулюк, влюбился в твою дочь, отказался от трона и пришел сюда. Он просит ее в жены. Я согласилась. А ты что скажешь?

Шехбаль не возражал:

— Раз ты согласна, согласен и я. А могу я взглянуть на этого юношу?

Сарих послала людей позвать Сейфильмулюка. Но сколько его ни искали, найти не смогли. Тогда Сарих велела позвать всех владельцев садов, виноградников и огородов и спросила у них о Сейфильмулюке. Все отвечали, что не видели его, но один сказал:

— Госпожа, я видел молодого человека, о котором вы спрашиваете. Он лежал в тени дерева. С неба спустились два демона, схватили его и унесли.

Сарих страшно разгневалась и крикнула Шехбалью:

— Сын! Что же это такое? Как получилось, что два демона осмелились похитить человека из наших владений? Сейчас же соберай войско, объявляй войну демонам и спасай зятя.

Шехбаль тотчас же стал готовиться к войне. За несколько дней он собрал многочисленное войско и направился с ним к столице Эзрака. Эзрак, узнав о том, что Шехбаль идет на него войной, также собрал войско и вышел навстречу врагу. Оба войска встретились в пустыне.

Шехбаль отправил к Эзраку посла и велел ему передать, чтобы тот освободил Сейфильмулюка. В противном случае он, мол, начнет войну. Эзрак осыпал посла оскорблениями и прогнал. Началась битва. В конце концов победили пери. Часть воинов-демонов была убита, другие бежали. Эзрака же взяли в плен и привели к Шехбалью. Шехбаль сказал ему:

— Эй, Эзрак! Если ты вернешь человека, которого похитил из наших владений, я освобожу тебя. Если же не вернешь его, велю убить тебя.

Поняв, что другого пути к спасению нет, Эзрак велел поднять со дна моря гроб, в котором был Сейфильмулюк, и передал его Шехбалью. Но спасти свою жизнь Эзраку все равно не удалось. Когда Шехбаль получил юношу обратно, он велел убить Эзрака, чтобы избавить себя от опасности в будущем.

Сарих и Шехбаль торжественно привели Сейфильмулюка в город Серендиб. В присутствии всех везиров был заключен его брак с Бедиульджемаль. Несколько знатных людей страны, которые присутствовали при этом, и везиры в один голос сказали:

— О Таджумулюк! О Сейфильмулюк! Мы находим, что Девлет-хатун подобаает выдать замуж за нашего везира Саида. Если вы согласны, заключим и их брак на этом же собрании дивана.

И Таджумулюк и Сейфильмулюк с радостью приняли это предложение. Брак Саида и Девлет-хатун тоже был заключен. После свадьбы, длившейся сорок дней и ночей, подобной которой еще никогда не видели, счастливые супруги вошли в брачную комнату.

Прошло несколько лет. Сейфильмулюк жил счастливо с Бедиульджемаль. Он правил Серендибом справедливо. Народ был им очень доволен. Сейфильмулюк никого не притеснял. Но вот однажды он вспомнил о родителях и опечалился. Что с ними? Жив или умер его старый отец?

При мысли об этом молодой правитель глубоко вздохнул и не смог удержать слез. Увидев это, Бедиульджемаль стала умолять его сказать, почему он печален:

— О душа моей души, моя жизнь, радость моего сердца, венец моей головы, целитель моей души! О сын правителя Египта, зять властителя Шехбаля, благословенный падишах Серендиба! О мой несравненный герой с тонкими бровями, с зубами, подобными жемчугу, с белой шеей, прекрасным лицом, стройным станом, чистой душой, всегда говорящий только правду! Что с тобой вдруг произошло? Ты всегда смеялся и был весел. Почему ты вдруг проливаешь слезы? Не из-за меня ли ты огорчился? Может быть, в твое сердце закралось сомнение? Не скрывай от меня своего горя. Может быть, я смогу чем-нибудь помочь.

Сейфильмулюк не смог устоять перед мольбами своей возлюбленной и сказал ей о причине своей печали:

— О Бедиульджемаль! Отправимся вместе в Египет. Если мои родители еще живы, получим их благословение. Если они умерли, посетим их могилы. А потом вернемся.

Бедиульджемаль согласилась отправиться в Египет, чтобы избавить мужа от тоски.

Тотчас стали готовиться к путешествию. Сейфильмулюк, Бедиульджемаль, Саид и Девлет-хатун взяли легкие по весу, но дорогие по цене подарки, сели на волшебных коней и в сопро-

вождении свиты из тысячи девушек-пери и тысячи юношей-пери поднялись в воздух. За один день они проделали путь, на который нужны месяцы, и прилетели в Египет. Саида послали со счастливым вестью к Асым бин Сафвану.

Асым бин Сафван, узнав о прибытии сына, расослал глашатаев во все концы города и приказал жителям собраться для торжественной встречи. Все оставили свои дела, закрыли лавки и поспешили к дворцу. Через полчаса процессия из многих тысяч воинов и жителей вышла, чтобы встретить Сейфильмулука.

Асым бин Сафван уже отчаялся увидеть сына живым. Вне себя от радости узнал он о прибытии сына. Со всей отцовской нежностью падишах Египта обнял и прижал к груди свое единственное дитя. Короче говоря, те, кто тосковал друг по другу, встретились, кончились их страдания.

В честь благополучного возвращения молодого правителя огромный город устроил праздник, подобного которому еще не было, и много дней веселился.

Сейфильмулок жил у отца больше месяца. Но вот пришло время возвращаться в Серендиб. Сейфильмулок попросил у отца разрешения уехать:

— Дорогой отец! Долго я здесь оставаться не могу. Мне нужно вернуться в город Серендиб. Ведь я правитель этого города, а также и острова Бабиль. Кроме того, я падишах Чин-Мачина и Хорасана. Чтобы править всеми этими странами, я должен поочередно жить в каждой из них. Конечно, я не забуду и о Египте и один-два раза в год буду приезжать сюда.

Асым бин Сафван очень опечалился из-за предстоящей разлуки с сыном, но не возражал, так как знал, что не сможет ему помешать. Через несколько дней, которые ушли на приготовления, Сейфильмулок отправился в город Серендиб. Разумеется, он взял с собой Саида, Бедиульджемаль и Девлет-хатун. Так как они снова летели по воздуху, то уже к вечеру опустились в Серендибе. Некоторое время они жили там, потом на острове Бабиль, затем посетили Чин-Мачин, Хорасан, Дамаск. Так правили они и жили в славе и великолепии ровно триста восемьдесят лет. За это время умерли их родители и все родственники.

Однажды заболел и Сейфильмулок. С каждым днем ему становилось все хуже. Врачи приготовили самые разные лекарства, но ничто не помогло. Великий падишах Серендиба закрыл глаза и погрузился в вечный сон. Эта черная весть распространилась по всему миру.

Смерть Сейфильмулюка очень опечалила Саида. Саид уже состарился, борода его поседела. Но при воспоминании о Сейфильмулюке он плакал, как ребенок, и проливал кровавые слезы. Однажды заболел и он. Врачи не смогли помочь и ему. Как-то утром старый Саид закрыл глаза и больше не проснулся.

И когда Саид умер, он снова соединился с Сейфильмулюком, о котором так тосковал. Саида похоронили рядом с Сейфильмулюком. Братья, которые никогда не разлучались при жизни, не разлучились и на кладбище.

Овдовевшие Бедиульджемаль и Девлет-хатун целыми днями стонали, вздыхали и плакали. От старости и горя молочные сестры бледнели и чахли с каждым днем.

Но кто может спастись от ангела смерти?

И Бедиульджемаль с Девлет-хатун заболели, слегли в постель и больше уже не встали. Обе скончались в один и тот же день. В молодости они ослепляли красотой, а теперь от них остались только кожа да кости. Их похоронили рядом с Сейфильмулюком и Саидом и над всеми четырьмя соорудили величественный мавзолей.

Нет ничего более неразумного, чем верить лживому миру, который был враждебен Сейфильмулюку, Саиду, Бедиульджемаль и Девлет-хатун. Настанет день, и нас постигнет та же участь. Забудут и нас. Но все-таки о них иногда читают и вспоминают, ведь они герои сказаний. Ну а кто вспомнит о нас, бедных смертных?

ПРИМЕЧАНИЯ *

«Асюман и Зейджан»

¹ «Но когда я думаю, что нет у меня сына...» — отсутствие потомства — один из главных мотивов народных повестей, дестанов и сказок. Часто служит зачином к повествованию.

² «Старец вынул из-за пазухи яблоко...» — при помощи яблока происходит чудесное зачатие в сказках многих народов мира, а также в дестанах и народных повестях. Этот мотив, по всей вероятности, восходит к библейско-кораническому мифу об Адаме и Еве (см.).

³ «...не давайте детям имен, пока я не приду» — здесь получила отражение древняя традиция инициации у многих народов мира, в том числе тюркоязычных. Ребенок получал имя по достижении им совершеннолетия и свершении какого-либо подвига.

⁴ «Детей отдали в школу» — обязательный мотив, свойственный многим повестям и дестанам: детей высшего сословия (шаха, везира) отдают в школу, где во время совместной учебы зарождается и растет любовь между юношей и девушкой.

⁵ «Ты соверши здесь омовение...» — см. *Намаз*.

⁶ «...отдаст девушку за тебя через сорок дней» — число «сорок» магическое в фольклоре тюрков и иранцев.

⁷ «...в кофейне сидело несколько ашыков» — кофейня в городах и деревнях — место выступления ашыков (см.) перед публикой. Часто в таких кофейнях собираются ашыки с разных концов страны и даже из других стран и устраивают поэтические состязания. Арбитром при этом является публика.

⁸ «...ночь благословенной и благодетельной лампы» — по мусульманским преданиям, в эту ночь пророку Мухаммеду был ниспослан Коран. Это — ночь исполнения желаний.

⁹ «...намаз с двумя коленопреклонениями» — см. *Намаз*.

¹⁰ «...выпей-ка из рук этой девушки шербет любви» (в других случаях — вино любви) — широко распространенный на Ближнем Востоке и в Средней Азии мотив народных повестей, дестанов и сказок. Посредник (помощник) влюбленных, обычно святой Али (см.) или Хызр (см.), устраивает им во сне свидание и дает выпить «напиток любви», после чего герой становится «истинным влюбленным».

¹¹ «...он будет подавать мне чубук» — при иранских и тюркских дворах держали красивого отрока (обычно тюркского происхождения), ко-

* Составлены Х. Г. Короглы.

торый на приемах служил кравчим и подавал курительные приборы (чубук, кальян и пр.).

¹² «Натянули занавес» — на мусульманском Востоке женщины на приемах сидели за занавесом.

¹³ «...те сорок праведных мужей» — адепты ислама, обретшие святость. Наряду с Али (см.) и Хызром (см.) они помогают влюбленным, дают им выпить во сне чашу с любовным напитком и внушают им любовь.

¹⁴ «...потягаемся и впредь» — имеется в виду поэтическое состязание между ашыками. При этом один из них задает вопросы, другой должен отвечать. Круг вопросов узок и ограничен историей религии, некоторыми положениями Корана и загадками.

¹⁵ «...в земле святых могил» — имеется в виду Медина (см.), где похоронены Мухаммед и его сподвижники.

¹⁶ «Святые книги» — имеются в виду священные книги трех официальных религий — иудейства, христианства и ислама: Ветхий и Новый заветы, Псалтырь Давида (см.) и Коран (см.). Все четыре книги почитаются мусульманами.

¹⁷ «Четыре книги кто им дал?» — в Коране говорится о четырех священных книгах, ниспосланных богом четырем пророкам: Зебур (Псалтырь) — Давиду, Тора (Пятикнижие) — Моисею, Инджил (Евангелие) — Иисусу и Коран — Мухаммеду.

¹⁸ «Нектар живой воды я пил» — намек на принятие во сне чаши с вином (шербетом) любви из рук святого наставника.

¹⁹ «И если праведных ты чтить» — первые четыре праведных халифа — Абу Бакр, Омар, Осман и Али (см.), правившие после смерти Мухаммеда мусульманским миром. Однако такой порядок наследования власти сразу же после смерти пророка расколол ислам на два враждебных лагеря — на суннитов (правоверных), которые стояли за приведенный выше порядок наследования власти, и на их противников, шиитов, признававших законным наместником Мухаммеда только последнего — Али. Этот толк называется шиизмом. Его последователями являются иранцы и азербайджанцы, а также некоторая часть населения Египта, Ирака и других стран.

²⁰ «Ашыки ведь разгуливают по всему свету» — исполнители народных повестей и дестанов в поиске заработка бродят по городам и селам, где выступают на разных торжествах, в кофейнях, в домах знатных людей по их приглашению.

²¹ «...окрасим ее кровью рубашку...» — широко распространенный образ в фольклоре народов Ближнего и Среднего Востока. Употребляется, когда речь идет о ложной смерти. Древнейший пример — окровавленная рубашка Иосифа Прекрасного, которую его братья принесли отцу, бросив его самого в колодезь.

²² «Был бы ты здоров!» — устойчивая формула благопожелания.

²³ «Закрой глаза... а теперь открой глаза» — прием в народных повестях, дестанах и сказках, когда святая Хызр (см.) в мгновение ока переносит героя на дальние расстояния.

²⁴ «Мне, как Юсуфу, суждена темница» — намек на то, что египетский фараон заключил Иосифа Прекрасного (Юсуфа) в темницу.

²⁵ «...твой отец так плакал о тебе, что ослеп» — этот мотив восходит, видимо, к библейско-коранической легенде об Иосифе Прекрасном (Юсуфе); имеется в эпосе многих народов.

²⁶ «Ведь руки милой крыты красной хною» — хна на Востоке применяется как косметическое средство. Женщины красят волосы, ладони, ногти, мужчины — волосы головы и бороду.

²⁷ «...так и не назвав своего имени и имени своей возлюбленной» — обязательным для стихотворной части приемом в народных повестях и дестанах является упоминание имени автора или имени возлюбленной, по которой страдает ашык (см.). Этот прием заимствован народным творчеством из литературного жанра газель (см.).

²⁸ «В ночь на пятницу...» — по пятницам мусульмане свободны от работы и должны служить, т. е. молиться, богу и совершать благодеяния. Все важные дела (свадьба, торжество по поводу обрезания и пр.) желательно совершать в ночь на пятницу, т. е. в четверг вечером.

«Рази-Низан и Махи-Фируз»

¹ «...в стране Кандагар» — сказочный топоним, созвучный с названием города на юге Афганистана.

² «...прочел суру Корана „Ясин“» — XXVI сура, т. е. глава, Корана получила свое название от двух букв арабского алфавита: «йа» и «син», что на диалекте арабского племени таи означает «О человек». По мнению мусульманских теологов, с этими словами обратился бог к Мухаммеду, разъясняя ему преимущество ислама над другими религиями. В суре «Ясин» описывается чрезвычайная сила слов Корана, говорится о преемственности в Коране традиций более древних священных книг, о торжестве правды над ложью, о дне Страшного суда (см.). В последней части превозносятся могущество бога.

³ «В огне любви сгорают мотылек» — поэтическая формула, образ, основанный на представлениях о том, что мотылек, влюбленный в пламя свечи, бросается в него и сгорает.

⁴ «И соловей без розы — одинок» — традиционный поэтический образ: соловей, влюбленный в розу, всю ночь поет над ней, мечтая увидеть, как она распускается, но каждый раз под утро засыпает, и его желание остается неисполненным.

⁵ «...вы любите друг друга велением всевышнего, подобно Керему и Аслы, Лейле и Меджнуну, Ферхаду и Ширин» — популярные на Востоке влюбленные пары, олицетворяющие несчастную любовь. Мужские образы восходят к историческим прототипам. Так, Керем — известный ашык XVII в., о любви которого к иноверке Аслы сложена народная повесть «Керем и Аслы». Меджнун — прозвище арабского поэта VII в. Кайса. О его трагической любви к Лейле (Лейли) существовали, видимо, легенды и предания, на основании которых впервые создал свою знаменитую поэму азербайджанский поэт XII в. Низами. Существуют многочисленные народные версии этой поэмы на различных языках, в том числе на турецком (см. наст. изд., с. 8). Ферхад (Фархад), по свидетельству древних историков, был известным иранским полководцем. Его образ трансформировался: сначала в письменных памятниках («Шах-наме» Фирдоуси, «Фархад и Ширин» Навои и др.), а затем в устном народном творчестве он изображен как искусный художник. О любви Фархада к Ширин (кстати, тоже историческое лицо) упоминается в «Шах-наме». Первую поэму об этой трагической любви создал Низами, назвав ее «Хосров и Ширин». В дальнейшем многочисленные авторы, в том числе **ув**

бекский поэт Навои, создали свои поэмы, в которых героем стал не иранский шах Хосров (VI в.), а каменотес-художник Фархад. Турецкая народная версия «Ферхад и Ширин» (см. наст. изд., с. 259—288) имеет немало отличий от письменных памятников, что можно объяснить творческой обработкой ашыками письменных источников.

⁶ «Когда в пятницу шах направлялся в мечеть...» — пятница для мусульман — день, свободный от работы. В соборных мечетях проводится полуденный намаз (см.) во главе с высшим духовенством. Эту службу посещают и правители.

⁷ «Шах... пошел на мужскую половину дворца» — двор восточного феодала, как и состоятельного горожанина, делился на мужскую и женскую половины. На женскую половину двора могли входить только муж и его сыновья.

⁸ «...послал его в сопровождении евнуха на женскую половину» — на мусульманском Востоке евнухи ревностно охраняли честь жителями гарема, зорко следя за тем, чтобы в гарем не проникал чужой мужчина. Все мужчины, кроме самого правителя, считались чужими и могли попасть в гарем лишь с разрешения правителя и в сопровождении евнуха.

⁹ «Сорок дней и сорок ночей справляли пышную свадьбу» — сказочная формула-клише, означающая торжественность свадебной церемонии.

«Сюмmani и Гюльпери»

¹ «А ведь здесь лежат святые мученики за веру» — на кладбищах многих городов мусульманского Востока есть могилы так называемых святых мучеников за веру, в том числе и приписываемые отдельным историческим лицам. Так, могилу Али (см.) можно встретить во многих странах, где он даже никогда и не бывал (например, афганский город Мазари-Шариф, что означает «Благородная усыпальница», получил свое название якобы от могилы Али, находящейся будто бы в этой местности).

² «...намаз с двумя коленопреклонениями» — см. Намаз.

³ «Любовь — страдание» — главным мотивом любовно-эпических произведений народного творчества являются страдания влюбленных, что объясняется, очевидно, веками внушаемой религией мыслью о том, что страдания на этом свете исцеляют душу.

⁴ «...в зимний день жители деревни собрались в доме для приезжих» — в каждой деревне на Востоке имеется так называемый дом для приезжих — общественное здание, которое содержится за счет общины и находится под наблюдением старосты деревни. В длинные зимние вечера жители деревни собираются в этом доме и коротают время, слушая популярные народные повести и дестаны, которые или читает какой-нибудь чтец, или рассказывает приезжий ашык (см.).

⁵ «В блеске — трое мужей...» — в оригинале «трое дервишей, над головами которых парят сорок голубей». Они одаряют будущего ашыка (см.) способностью играть и петь, внушают ему любовь, преподнося чашу вина или шербега и предрекают имя его возлюбленной. После этого ашык становится «истинным влюбленным».

⁶ «...сначала надо несколько лет быть слугой при каком-нибудь ашыке» — начинающий ашык проходит школу ученичества у какого-либо известного сказителя в течение ряда лет. При этом учитель не только при-

вивает ученику навыки игры на сазе (см.), но и передает ему также свой репертуар. Ученик же, как правило, живет в доме учителя и помогает ему в ведении его хозяйства.

⁷ «...помериться силами с лучшими ашыками» — речь идет о традиционных поэтических состязаниях, в которых могут принять участие как два ашыка, так и целая группа, когда с каждой стороны выступают по несколько человек.

⁸ «Совершив омовение и намаз...» — см. Намаз.

⁹ «...ладони хною светятся» — см. примеч. 26 к повести «Асюман и Зейджан».

¹⁰ «Книги иноверцев чтил» — по предписанию Корана все основные доисламские религии (иудаизм, христианство), а следовательно, и их священные писания почитаются верующими мусульманами.

¹¹ «Наставник мой да будет мне защитой» — к этой формуле прибавляет ашык, когда он попадает в затруднительное положение.

¹² «Пророка в свои выси небо мчал!» — намек на существующую среди мусульман легенду о вознесении Мухаммеда на седьмое небо. Описание этого вознесения приведено в специальной книге «Мирадж-наме».

¹³ «А слава Сулеймана — где она?» — намек на брэнность жизни, на преходящую славу даже такого властелина мира, как Сулейман (см.).

¹⁴ «Тот, кто будет побежден, отдаст свой саз победителю» — одно из неперемненных условий поэтического состязания между ашыками.

¹⁵ «...сидели чтецы, сладкоголосые, как соловьи» — в дни больших мусульманских празднеств, а также в дни траура и вообще в целях регулярного отправления религиозных предписаний специальные чтецы Корана собираются в мечетях или в домах отдельных лиц и читают Коран. По ритуалу положено в такие дни прочесть Коран полностью. Чтобы облегчить задачу, Коран делят на несколько частей, и он читается одновременно рядом чтецов.

¹⁶ «Их охранял дракон» — по иранской и западнотюркской мифологии — дракон (змея) обитает в местах захоронения кладов, охраняя их от похитителей.

«Эмрах и Сельви»

¹ «...ты знаешь сказки семи поясов земли» — по представлениям средневековой мусульманской географии земля делилась на семь поясов («климатов»). Здесь намек на мастерство и большие знания ашыка (см.).

² «Моя принцесса» — слово «принцесса», как и «король», проникло в народное творчество западных тюрков под влиянием европейского (может быть, византийского) фольклора.

«Шах-Исмаил»

¹ «...достал из мешка яблоко и подал шаху» — см. примеч. 2 к повести «Асюман и Зейджан».

² «Но пока я не приду, не давай имени ни тому, ни другому» — см. примеч. 3 к повести «Асюман и Зейджан».

³ «...пусть имя шахаде будет Шах-Исмаил». Шах Исмаил — историческое лицо, основоположник династии Сефевидов (1502—1796) в Иране. По происхождению азербайджанец. Был поэтом, и известным как в Азер-

байджане, так и в Турции. Стихи писал под псевдонимом Хатаи. По-видимому, эта его деятельность и послужила причиной создания народной повести (у азербайджанцев — дестана) о нем.

⁴ «...отнести невесте хну» — перед свадьбой невеста должна была красить хной ладони и ногти, для чего хну приносил или близкий невесте человек, или кто-либо другой с целью получить вознаграждение.

«Тахир и Зухра»

¹ «...судьба их будет такой же печальной, как у Лейлы и Меджнун, Аруз и Камбера, Ферхада и Ширин» — печальная повесть о трагической любви Камбера к Арузу была создана, очевидно, не ранее XVII в. под непосредственным влиянием письменных поэм «Лейлы и Меджнун» и «Фархад и Ширин» (о них см. примеч. 5 к повести «Рази-Нихан и Махи-Фируз»), о чем свидетельствуют как общие сюжетные ситуации, так и отдельные детали поэтики.

² «Ведь ты освободил пророка Юсуфа, которого семь лет держали в темнице, и сделал его потом султаном Египта» — Юсуф — кораническая форма имени библейского Иосифа Прекрасного, сына Иакова (по Корану — Якуб). В литературе и фольклоре Юсуф — олицетворение совершенной мужской красоты. Братья бросили Юсуфа в колодец и сообщили отцу о его гибели, но он был спасен купцами и продан на египетском рынке. Купившая его жена египетского вельможи, Зулейха, домогалась любви Юсуфа, но он отверг ее. Тогда она обвинила его в покушении на свою честь и добилась заключения Юсуфа в темницу, где он провел семь лет, затем был освобожден и назначен правителем Египта.

³ «Святого пророка Юнуса ты на сорок дней заключил в чрево кита, а потом даровал ему свободу» — по версии Корана, Юнус (библейский Иона) — один из пророков. Преследуемый своим племенем, он сел на корабль, но бурей был выброшен в море. По преданию, его проглотила «рыба» (кит), в чреве которой он был спасен от неминуемой смерти. Рыба выплеснула его на берег. В Коране говорится о том, что, если бы Юнус не верил в могущество единого бога, он бы сгнил в чреве рыбы.

⁴ «Завтра утром меня поведут в баню» — по традиции, существующей у иранцев и турок, в последний день свадьбы (свадебный процесс у этих народов часто продолжается несколько дней) жених в сопровождении дружков и невеста в сопровождении подруг отправляются в баню, затем невесту в свадебном наряде везут в дом жениха. Процессия сопровождается музыкой и танцами.

«Лейла и Меджнун»

¹ «Меджнун (племя дало ему это прозвище)...» — «меджнун», т. е. одержимый, человек, обладающий восторженной душой; в переносном смысле — безумно влюбленный.

² «Совершив там все, что положено...» — имеются в виду установленные нормы церемониала посещения Мекки (см.). В их числе поклонение главному атрибуту — черному камню. При этом паломники хватаются за цепи решетки, огораживающей черный камень, и молятся об исполнении своих желаний.

³ «...он посыпал голову песком» — древний обычай на Востоке посыпать голову песком (пеплом) при большом несчастье и горе.

⁴ «И ты, Якуб, выеми, дай высохнуть очам! О, где Юсуф? Мой взор не застилай слезой!» — Якуб — кораническая форма имени Иакова, одного из ветхозаветных патриархов. По преданию, Якуб ослеп, проливая слезы в разлуке со своим сыном Юсуфом (библейским Иосифом Прекрасным), и прозрел, когда приложил к глазам рубашку Юсуфа, привезенную его братьями.

⁵ «Шах индусов вывел войско брать Иран» — поэтический образ. В персидской и тюркской классической поэзии черная родинка на лице девушки называется индийской родинкой. Определенное сочетание таких родинок на лице девушки в эстетическом каноне иранцев и тюрков придает ей особую прелесть.

«Фергад и Ширин»

¹ «Звук имени Ширин — всех звуков слаще» — здесь игра слов. Ширин по-персидски значит «сладкая».

² «Хан или хахан ты саном» — хан — тюрко-монгольский титул правителя и предводителя войск. Хахан — более древний вариант этого титула.

³ «...раскрыл ему тайну султана Сулеймана» — тайна Сулеймана (см.) заключалась в его магических силах, посредством которых он властвовал над всеми существами на земле, в воздухе и в воде, а также над сверхъестественными силами, такими, как дивы (см.), пери (см.), джинны (см.) и др.

«Битва при крепости Бехрамабад»

¹ «...направился на мужскую половину дворца» — см. примеч. 7 к повести «Рази-Нихан и Махи-Фируз».

«Необыкновенные приключения Караоглана»

¹ «...остановились на имени Гюльтекин» — имя Гюльтекин означает «царевич роз».

² «...его сына стали называть Караоглан» — Караоглан означает «Черный парень».

³ «Привратники узнали свою принцессу» — см. примеч. 2 к повести «Эмрах и Сельви».

⁴ «Король» — см. примеч. 2 к повести «Эмрах и Сельви».

⁵ «...издал такой воинственный рык» — в эпосе тюркоязычных народов (как восточных, так и западных) страшный рык, издаваемый героем на поле боя, имеет магическую силу. Рык героя способен, например, валить с коней тысячи воинов врага и оглушать все живое вокруг.

«Шахмеран»

¹ «...знают меня под именем Шахмеран» — «шахмеран» — персидское слово, означающее «царь змей». Относится к иранской мифологии. В отличие от змееной богини Ехидны, жены Зевса и родоначальницы ски-

фов, о которой сообщают Геродот и другие древнегреческие историки, Шахмеран — мужского пола.

² «Когда-то ее построили жители Китая, чтобы защитить себя от набегов племен яджудж и маджудж» — на самом же деле Китайская стена (см.) была построена для защиты от нашествия кочевых племен и для обеспечения безопасности караванных путей на Запад. Легенда о племенах яджудж и маджудж (см.) связана с преданиями о стене Искандера (см. Я д ж у д ж и м а д ж у д ж).

³ «...источник живой воды, дающей людям вечную жизнь» — сказочный образ. Обладая исцеляющими свойствами, вода из этого источника дает также и бессмертие. Из всех людей, стремившихся к вечной жизни, лишь один пророк Хызр (см.) достиг этой цели.

⁴ «Жители происходят из рода Моисея» — людьми «из рода Моисея» в Коране называются евреи.

«Сейфильмүлүк»

¹ «Мы поклоняемся солнцу» — древние египтяне поклонялись боже-
ству Ра, олицетворяющему солнце.

² «Произнесем свидетельство» — произнося формулу веры: «Я свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха, и что Мухаммед — посланник Аллаха», приобщаются к исламу.

³ «Иль Беди обрести» — Беди — сокращенное имя Бедиульджемаль.

⁴ «Когда ты захочешь меня увидеть, зажги его...» — сказочный мотив-клише. Сверхъестественные существа (див, пери и др.) обладают свойством в мгновение ока перемещаться на далекие расстояния и оказывать помощь существам, подобным себе, или даже человеку, если тот сумеет расположить их к себе. В последнем случае они вручают герою клочок шерсти со своего тела или перо (птица Симург), чтобы в нужный момент он мог позвать их на помощь, бросив в огонь их шерсть или перо.

⁵ «...после вечернего призыва к молитве» — см. Н а м а з.

ГЛОССАРИЙ *

А б и л ь — библейский Авель. По мусульманским преданиям, один из двух сыновей Адама (см.). Он занимался скотоводством, тогда как его брат Кабилъ (Каин) — земледелием. Оба принесли в жертву богу продукты своего ремесла, но бог принял лишь жертву Абиля — овцу. Это вызвало ревность Кабиля, который убил ни в чем не повинного брата и навлек на себя вечное проклятие.

А г а — господин; феодал-земледелец; правитель округа.

А д а м — по Библии и Корану, первочеловек. Сотворен богом из глины (по Корану) по своему подобию, чтобы господствовал над всеми живыми существами. Поэтому все ангелы поклонялись ему, кроме шайтана (Сатаны). Бог сотворил также и Еву (см.) и определил обоим местожителство в раю, но по наущению шайтана они нарушили заповедь бога и были изгнаны из рая. Супружеская пара поселилась на земле. Ева родила сыновей — Абиля (Авеля) (см.) и Кабиля (Каина).

А д е н — город на юге Аравийского полуострова к востоку от Баб-эль-Мандебского пролива — выхода из Красного моря в Индийский океан. В древности и в раннем средневековье Аден был крупным торговым центром. Часто встречается в фантастических и приключенческих сказках иранцев, арабов и западных тюрков.

А й л а к т а ш — местечко в Восточной Анатолии.

А л е к с а н д р и я — город-порт в Египте, построенный Александром Македонским и названный его именем.

А л и — образ, часто встречающийся в фольклоре иранцев и западных тюрков. Заступник и помощник эпического героя. В народном творчестве известен также как Шахмардан (т. е. «шах мужественных») или Али Ширихода (Али — «Лев божий»). Образ восходит к историческому лицу — Али ибн Абу Талибу (уб. в 661 г.), зятю и двоюродному брату пророка мусульман Мухаммеда.

А м а с ь я — город и провинция в Турции. Расположен на севере Анатолии.

А р а б и с т а н — обобщенное название стран с арабоязычным населением.

А р д а г а н — город на северо-востоке Анатолии.

А х е н — возможно, реально существовавшая крепость, о чем свидетельствует само название (по-персидски *ахен* значит «железо»).

А ш ы к (ашуг) — народный бродячий певец.

* Составлен X. Г. Короглы.

Баба́ — форма обращения к дервишам (см.), шейхам-наставникам дервишей; здесь — старец.

Баби́ль — Вавилон — фольклорно-сказочная страна, жителями которой являются перси.

Багда́д — столица Ирака. Город основан в 762 г. как столица халифов династии Аббасидов. Был одним из крупнейших центров ремесленного производства и культуры на Востоке. В фольклоре — город-государство. Многие события сказок «Тысячи и одной ночи» происходят в Багдаде.

Бадахша́н — область на Памире, входящая в состав Таджикистана и Афганистана. В фольклоре иранцев и западных тюрков — сказочный город-государство.

Балх — город в Афганистане, один из древнейших городов Востока, название которого встречается в Авесте (VI в. до н. э.).

Басра́ — город на западном берегу р. Шатт-эль-Араб на юге Ирака. Основан в 635 г. Был крупным торгово-ремесленным центром.

Батма́н — нестандартная мера веса на Ближнем Востоке и в Средней Азии, от 2 до 10 кг.

Бей — здесь — правитель округа.

Бейрут — столица Ливана.

Бейт — двустишие в письменной поэзии народов Ближнего и Среднего Востока, составляющее структурную основу стихотворения; здесь — песня, вкрапленная в прозаическое повествование.

Бехза́д — популярный художник-миниатюрист и портретист XV—XVI в. Принадлежал к гератской школе миниатюристов. Несколько лет жил в Тебризе, где был главным библиотекарем. Имя Бехзада встречается в так называемом «книжном» фольклоре.

Бехрамаба́д — очевидно, сказочный топоним, связанный с именем популярного фольклорного персонажа Бехрама (Бахрама), восходящего к исторической личности — Бахраму V (421—438), царю из династии Сасанидов, ставшему прототипом героев многочисленных устных и письменных произведений.

Бухара́ — один из древнейших городов Востока. Ныне областной центр УзССР.

Ван — город и провинция на востоке Анатолии на берегу одноименного озера.

Везир — в фольклоре — ближайшее лицо и советник правителя, соответствовал по чину первому министру.

Векиль — вельможа, особо доверенное лицо при дворе шаха, министр.

Вила́йет — старая административная единица, соответствующая провинции, губернии.

Газель — стихотворная форма письменной лирической поэзии у народов Ближнего и Среднего Востока, а также в некоторых литературах Юго-Восточной Азии (Индии, Пакистана и Бангладеш). Состоит из бейтов (см.) со следующей системой рифм: *aa, ba, ca* и т. д. Наличие газельной формы в народном творчестве свидетельствует о влиянии на него письменной литературы.

Герат — город на северо-западе Афганистана. При Тимуридах (XV—XVI вв.) был крупным торговым, ремесленным и культурным центром. Гератская школа рукописи и миниатюры славилась на Востоке.

Гилян — провинция в Иране, на юго-западном берегу Каспийского моря.

Гурджистан — Грузия. Встречается лишь в западнотюркском эпосе.

Гурии — в мусульманской мифологии — райские девы необыкновенной красоты, которые предназначаются праведным, попавшим в рай.

Гюльабани (перс. *гул-е биябани* «пустынный гуль») — мифическое существо, способное к перевоплощению. Обитает в пустыне и вредит путникам.

Давид (Давуд) — по Библии, второй израильский царь и признаваемый в исламе пророк, отец Сулеймана (см.). По Корану, Давид не только властвовал над еврейским народом, но ему подчинялись также все птицы и горы.

Дамаск — в древности и средневековье был одним из крупнейших центров мусульманской культуры и просвещения. Ныне столица Сирии.

Дели — ныне столица Индии.

Демон — сверхъестественное существо. То же, что див (см.).

Дервиш — член суфийского ордена, странник, пропагандирующий учение ордена; нищий; скромный, простой человек.

Деребей — феодал, удельный властитель.

Дестан — эпический жанр в литературах и фольклоре народов Ближнего и Среднего Востока и частично Юго-Восточной Азии. Чаще всего литературная обработка сказочных сюжетов, легенд и преданий — поэтическая или прозаическая. В тюркоязычных литературах и фольклоре дестаны имеют форму прозаического повествования, перемежающегося со стихами. В фольклоре эти стихи исполняются как песни в сопровождении музыки.

Джам (Джамшид) — мифический властитель древнего Ирана, владевший волшебной чашей (кубок Джама, см.), в которой отражался весь мир.

Джебели-экбер — в переводе с арабского означает Большая гора; видимо, сказочный топоним.

Джебрал — библейский Гавриил; по Корану, ангел, посредник между богом и пророком.

Джинн — сверхъестественное существо, способное перевоплощаться и вредить человеку. В Коране джинны имеют человеческий облик, хотя и противопоставляются людям. В отличие от людей джинны сотворены из огня.

Див — популярный мифический образ волшебных сказок многих народов Ближнего и Среднего Востока. В сказках и волшебнo-фантастических дестанах изображается человекообразным существом огромного роста и безобразной наружности. Своим видом наводит страх, голос его вызывает ужас. Он покрыт шерстью, имеет большие острые клыки, на руках и ногах — когти, на голове — рога; обитает в пустыне, а чаще на горе Каф (см.). Дивы служат колдуньям или живут в собственных владениях. Так же как и люди, они ведут между собой войны. Чтобы убить дива, нужно завладеть его душой, которая, как правило, заключена в сосуде и хранится хозяином. В некоторых сказках душа дива в образе голубя или воробья хранится в сундуке, опущенном на дно океана. Сундук можно поднять при помощи волшебного перстня с печатью Сулейма-

на (см.), доставленного герою его помощниками. Белый див — по преданию, самый грозный и могущественный из дивов, символ могущества нечистой силы.

Диван — высший совет при дворе правителя, где решаются важнейшие государственные дела.

Динар — старинная золотая монета в некоторых странах Ближнего Востока (арабские страны, Иран, Турция и др.). Ныне — денежная единица в Югославии и Иране (мелкая монета).

Ева — по Библии и Корану, первая женщина, супруга первочеловека Адама (см.). Сотворена богом, по Библии — из ребра Адама, по Корану — из одного субстрата с Адамом. По наущению Сатаны, явившегося в образе змея, съела запретное яблоко с дерева познания добра и зла, вследствие чего она и ее супруг Адам были изгнаны из рая.

Залоглу Рустем — см. Рустем.

Зебур — Псалтырь Давида (см.). Почитается в исламе.

Зурна — духовой музыкальный инструмент у народов Ближнего и Среднего Востока.

Ид — местность в Анатолии.

Иерусалим — главный город Палестины, где находятся святыни трех религий — иудаизма, христианства и ислама.

Имам — мусульманское духовное лицо; учитель профессиональной школы.

Иран — в фольклоре употребляется как сказочный топоним, охватывающий нынешние территории Ирана, Афганистана, часть Средней Азии и Кавказа.

Иса — Иисус Христос. Почитается мусульманами как пророк, предшественник Мухаммеда.

Испир — город на северо-востоке Анатолии.

Исфахан — город в Иране. В средние века (XVI—XVIII) был столицей Сефевидов, в частности самого популярного представителя этой династии — Шах-Аббаса (см.).

Йемен — сказочная страна, отождествляемая с южной частью Аравийского полуострова.

Кааба — храм в священном городе мусульман Мекке (Саудовская Аравия), куда правоверные мусульмане совершают паломничество — хадж, приносят жертвы и поклоняются «черному камню», вделанному в нишу в восточной наружной стене храма. Мусульманин, совершивший паломничество в Мекку (хадж), обретает титул «хаджи».

Каир — столица Египта.

Кайсери — город и провинция в Турции, в центральной части Анатолии.

Кайыш-балдыр — «ремнеогий», существо иранской мифологии, обитающее на островах Индийского океана.

Калам — перо из тростника, обработанного особым образом, которым писали на Востоке, пользуясь специально приготовленной тушью.

Кандагар — город на юге Афганистана; в иранском и западно-туркском фольклоре — сказочная страна.

Караван-сарай — постоялый двор.

Карадаг — область и город, а также гора в Иранском Азербайджане.

К а р с — город и провинция на северо-востоке Анатолии.

К а с ы д а — поэтический жанр (хвалебная ода, панегирик), а также стихотворная форма с рифмой *aa* в первом двустишии и *ba, ca...* в последующих.

К а ф — сказочная гора, которая, по преданиям, находится на краю света. Обиталище сверхъестественных существ — дивов (см.) и пери (см.).

К а ш м и р — историческая область в Индии; в фольклоре иранских и тюркских народов — сказочная страна.

К е в с е р — райский источник, вода которого исцеляет все болезни.

К е в х е р е н г и н (перс., букв. «разноцветная гора») — сказочный топоним.

К и т а й — в фольклоре иранцев и тюркоязычных народов — сказочная страна. Символизирует «край света». В иранском эпосе часто олицетворяет страну тюрков.

К и т а й с к а я с т е н а (Великая китайская стена) — оборонительное сооружение длиной 4000 км, высотой до 10 м, ширина стены позволяла ездить по ней на повозках и передвигаться войскам колоннами. Воздвигнута в IV—III вв. до н. э. для защиты от нашествия кочевников и для обеспечения караванных путей на Запад.

К о р а н (букв. «чтение») — священная книга мусульман, представляющая собой собрание поучений, заповедей и речей Мухаммеда. Содержит также иудейские и христианские предания. Состоит из 114 глав — сур (ед. ч. — сура), которые, в свою очередь, делятся на стихи (аяты).

К у б б е с — гора на юго-востоке Анатолии; здесь — сказочный топоним.

К у б о к Д ж а м а (*джам-е Джам*) — волшебная чаша мифического иранского царя Джама (Джамшида, см.), глядя в которую он будто бы видел все происходящее в мире; здесь — кубок вина, символ опьянения от любви.

К у р у ш — турецкая монета, сотая часть турецкой лиры.

К у ф р с т а п — страна кяфиров (гяуров), иноверцев, немусульман; сказочный топоним, собирательное название всех немусульманских стран.

К у т — город в Восточной Анатолии.

К ю л я х — старинный головной убор конической формы.

К ю ф е (Куфа) — город в средневековом Ираке на западном берегу р. Евфрат. В VII—VIII вв. был крупным культурным и торговым центром, а также резиденцией халифского наместника в Ираке. Утратил свое значение после возвышения Багдада. Ныне не существует.

К я х ь я — управляющий замка, комендант крепости.

Л у к м а н — легендарный арабский мудрец и врач. В Коране ему посвящена одноименная сура (31-я).

М а г р и б (от араб. «запад»). В фольклоре иранских и тюркских народов олицетворяет страну чернокожих, лежащую к западу от Аравийского полуострова.

М а з а н д е р а н — прикаспийская провинция в Иране.

М а р д и н — город и провинция в Турции, на юго-востоке Анатолии.

М е д ж л и с — в народном творчестве — собрание по случаю различных торжеств.

Медина — город в Саудовской Аравии, куда Мухаммед переехал из Мекки (см.). Дата переезда (хиджры) — 622 г. — начало летосчисления по мусульманскому календарю. Медина исторически связана с рассветом ислама. Здесь похоронен пророк, могила которого священна для всех мусульман.

Мекка — город в Саудовской Аравии, где Мухаммед объявил себя пророком. В этом же городе находится «священная Кааба» (см.). Мусульманин, имеющий достаток, обязан совершить паломничество (хадж) в Мекку.

Мерам — город в Восточной Анатолии.

Моисей (Муса) — в библейской и коранической мифологии — пророк, который вывел древних евреев из египетского плена («Исход из Египта»). Ему приписываются авторство Пятикнижия и другие деяния. Мусульмане чтут его как одного из пророков — предшественников Мухаммеда.

Моли́твенный коврик — небольшой (1 × 1,5 м) коврик с изображением михраба [ниша в мечети, указывающая направление к Каабе (см.)], стоя на котором мусульманин совершает намаз (см.).

Мулла — священнослужитель, совершающий все мусульманские обряды. В деревнях мулла занимает также должность учителя, обучая детей в местных мечетях.

Назире — форма литературного подражания, при котором, как правило, сохраняются основная тема, размер и рифма оригинала.

Намаз — молитвенный обряд, обязательный для каждого мусульманина, достигшего совершеннолетия. Совершается пять раз в день: утром при восходе солнца, в полдень, когда солнце склоняется к закату, вечером на закате солнца, поздно вечером после наступления темноты. Каждому намазу предшествует ритуальное омовение. Намаз совершается индивидуально или коллективно, в мечети и дома. Утренний намаз обязательно совершается с двумя коленопреклонениями, полуденный — с четырьмя коленопреклонениями, послеобеденный — так же, вечерний — с тремя коленопреклонениями, последний, ночной — с четырьмя коленопреклонениями. По пятницам в мечетях проводятся соборные молитвы (пятничный намаз) во главе с имамом в больших городах и с муллою (см.) повсеместно. Пятничный намаз, а также подобный соборный намаз в дни религиозных праздников — с двумя коленопреклонениями. К намазу призывают специальные лица — муэззины — с минарета мечети, читая громким голосом стандартные формулы.

Нарман — провинция в Восточной Анатолии.

Нахйе — область, провинция.

Неджд (Неджд) — гора в Саудовской Аравии, у подножия которой расположен город Неджд.

Нехреван — название местности в Анатолии.

Новруз — праздник Нового года по иранскому солнечному календарю. Приходится на 21—22 марта — день весеннего равноденствия. Новруз — символ весны.

Нуман — сказочный топоним, восходит к имени сказочного падишаха Нумана.

Окка — мера веса, равная 1 кг 283 г.

Падишах — титул правителя в некоторых странах Ближнего и Среднего Востока,

П а р á — мелкая монета; вообще деньги.

П а ш а — высший гражданский и военный титул в старой Турции, употребляется также как обращение «почтеннейший».

П е р и — мифический образ иранского и тюркского фольклора. Обычно существо женского пола необычайной красоты. Пери-мужчины менее популярны в фольклоре. Это, как правило, отец, брат или повелитель пери.

П е х л е в а н — богатырь, борец.

П е ч а т ь С у л е й м а н а — волшебный перстень с печатью, благодаря которому Сулейман (см.) обладал властью над всеми живыми существами и духами.

П и р е — небольшой городок в Восточной Анатолии.

П о с х о р — город в Восточной Анатолии.

П у с у т — деревушка в Восточной Анатолии.

П я т н и ч н ы й н а м а з — см **Н а м а з**.

Р и я д — холм, у подножия которого расположен город Эр-Рияд, столица Саудовской Аравии.

Р у м е л и — европейская Турция, букв. «Страна (народ) Рума», под которым в средние века подразумевали Рим, Византию и даже Малую Азию в целом. По-видимому, на рубеже IX—X вв. пришлые тюркские племена называли так местное население.

Р у с т е м (Рустам) — один из главных персонажей персидского эпоса «Шах-наме» Фирдоуси (X в.). Совершил много подвигов, побеждал как реальных врагов Ирана, так и чудовищ типа дивов (см.). Символ непобедимости и силы.

С а а т - Ч у к у р — селение недалеко от города Эрчиша на востоке Анатолии.

С а д Г ю л и с т а н — сказочный топоним, обиталище пери (см.).

С а д И б р а м — искажение; правильно Сад Ирам. Сказочный сад, название которого пришло в эпос из Корана. В сказках «Тысячи и одной ночи» говорится об Ираме: «...знаешь ли ты, что существует город, построенный из золота и серебра, где колонны из топаза и яхонта, а песок — жемчуга и шарики мускуса, амбры и шафрана.— Да, о повелитель правоверных,— ответил Каб,— это Ирам многостолпный, подобного которому не сотворено в землях, и построил его Шаддад, сын Ада-старшего». В Коране Ирам — внук Ноя, которому приписывается построение многостолпного, бесподобного города. Трансформация города Ирама в волшебный сад произошла под влиянием существовавшего на Ближнем Востоке мифа о садах Семирамиды — одном из семи чудес света.

С а з — струнный музыкальный инструмент.

С а м а р к а н д — один из древнейших городов Средней Азии. Ныне областной центр УзССР.

С а н а — столица Йемена (см.).

С е б а — в фольклоре — сказочная страна; исторически — одно из южноарабских царств

С е р а с к е р — главнокомандующий, полководец.

С е р е н д и б — широко популярная в фольклоре сказочная страна, отождествляемая с островом Цейлон.

С и н а й — название горы на Ближнем Востоке. По библейскому и мусульманскому преданию, пророк Моисей (см.) общался с богом на вершине этой горы.

Соломон — см. **Сулейман**.

Страшный суд — по Корану, день Страшного суда наступит после «конца света». «Грешники» будут определены на вечные муки в ад, а «справедники» — на блаженство в рай.

Султан (мой султан) — высокий воинский чин; полководец.

Сулейман — библейский царь Соломон, сын Давида (см.). В фольклоре и литературах мусульманского Востока — могущественный правитель, которому подвластно все — люди, животные, духи.

Султан (мой султан) — форма обращения к правителю, нередко и к возлюбленной.

Султан Махмуд — историческое лицо. Султан Махмуд Газневид (998—1030), видный деятель династии Газневидов (Иран, Афганистан, Северная Индия), сын тюркского раба, ставшего полководцем. Популярный в фольклоре образ.

Тааз — город в Восточной Анатолии.

Талмуд — собрание религиозно-этических и правовых норм иудаизма. Включает и толкование библейских легенд и мифов о боге, сверхъестественном мире, нечистой силе, загробном царстве и т. п.

Татлы-Дере — сказочный топоним.

Тебриз — главный город Иранского Азербайджана.

Текке — обитель дервишей (см.).

Тифлис — персидское название Тбилиси — столицы Грузии. Часто встречается в народных повестях и романических дестанах туркмен, азербайджанцев и турок.

Тора (древнееврейск. «учение», «закон») — Пятикнижие, первые пять книг Ветхого завета в составе Библии. Иудейская и христианская традиция приписывает авторство Торы Моисею (см.). Содержит легенды и мифы о «сотворении мира», о «первых людях», сведения по истории древних евреев и других народов. Тора включает также древнееврейское законодательство.

Трабзон — город-порт в Турции, расположенный на северо-востоке Анатолии на берегу Черного моря.

Туман (туман) — денежная единица в Иране, курс которой неоднократно менялся. В средние века имела хождение во многих странах Ближнего, Среднего Востока, Средней Азии и Кавказа.

Туран — в эпосе иранских и тюркоязычных народов — место обитания тюрков, территория, простирающаяся к востоку от Амударьи вплоть до Китая.

Туркестан (букв. «Страна тюрков») — страны, населенные тюркскими народами. Как правило, это Средняя и Центральная Азия.

Улемы — мусульманские богословы.

Урум — в фольклоре тюркоязычных народов так называются западные страны, в частности Византия. В турецком фольклоре — турецкая провинция Румели (см.).

Уста — искусный мастер, знаток своего дела.

Феникс — сказочная птица, обитающая на краю света, недоступная взору смертных; символизирует нечто недостижимое.

Фирман — царский указ.

Флагун (Эфлагун, Афлагун) — так на мусульманском Востоке называли Платона.

Флорин — денежная единица в средневековой Европе, имевшая хождение и в Турции.

Хабеш — Эфиопия.

Хадж — паломничество в священный город мусульман Мекку. Входит в число пяти обязанностей мусульманина.

Хаджи Хасан Бименди — историческое лицо, мудрый везир султана Махмуда (см.).

Хамза — историческое лицо, дядя пророка Мухаммеда (VII в.). Один из видных полководцев ислама. В клерикальном фольклоре его подвигам во имя торжества ислама посвящен большой дестан «Хамзанаме» (см.).

«**Хамза-наме**» — широко известный среди мусульман Ближнего и Среднего Востока и Юго-Восточной Азии дестан (см.) о подвигах Хамзы во имя торжества ислама.

Хасбахче — так назывались дворцовые сады в Турции.

Хиджаз — область на западе Саудовской Аравии, древнее название Аравии. Хиджаз связан с историей возникновения ислама. Мусульманские священные города Мекка и Медина (в последнем похоронен Мухаммед), находящиеся здесь, способствовали широкой популярности Хиджаза во всем мусульманском мире.

Ходжа — духовное лицо; учитель, наставник. Также почтительное обращение к образованным людям.

Хорасан — провинция в Иране.

Хиндустан — название Индии. В фольклоре народов Ближнего Востока и Средней Азии — сказочная страна.

Хызр (от араб. *хидр* — «зеленый») — легендарный пророк, рыцарь зеленого плаща на белом коне, который помогает заблудившимся путникам, в мгновение ока переносит влюбленных на далекие расстояния. Часто наряду с Али (см.) подает герою во сне чашу с любовным напитком, предсказывает имя его возлюбленной, помогает им свидеться. Хызр нашел источник живой воды и потому бессмертен. Соответствует Илье-пророку у христиан. Иногда Хызра называют «Хызыр-Ильяс».

Хюрребад — сказочный топоним, означающий «веселое, все в зелени поселение».

Челистан (букв. «Степная страна») — страна скотоводов.

Чин-Мачин — в фольклоре иранцев и западных тюрков — это, как правило, две сказочные страны: Чин и Мачин. Обе они располагаются далеко на Востоке. Первая созвучна с названием Китая — Чин, вторую многие исследователи отождествляют то с Маньчжурией, то со странами к югу от Китая.

Шах-Аббас — историческое лицо, Аббас I Сефевид (годы правления — 1587—1629). В фольклоре иранцев, азербайджанцев и турок выступает в основном как положительный образ справедливого правителя, тогда как в народном творчестве туркмен и узбеков наделен отрицательными чертами.

Шахаде (букв. «рожденный шахом») — принц, царевич.

Шайтан-базар — квартал в старом Тифлисе (см.), в кофейнях которого выступали ашкы (см.).

Шат (Шата) — река на юго-востоке Анатолии, впадает в Тигр.

Эрзинджан — город на северо-востоке Анатолии.

Эрзурум (букв. «земли Рума») — город и провинция в Турции, на северо-востоке Анатолии.

Эрчиш (Эрджиш) — город в Турции, расположен на берегу оз. Ван. По преданию, здесь родился ашук Эмрах, чья биография легла в основу повести «Эмрах и Сельви» (см. наст. изд.).

Эфенди — господин, форма обращения к знатным людям и вообще к собеседнику.

Яджудж и маджудж — коранический вариант библейских племен гог и магог, для отражения набегов которых Александр Македонский построил стену. По преданиям, эти племена расселились за горой Каф (см.). Под влиянием коранической легенды яджудж и маджудж в фольклоре мусульманских народов воспринимаются как дикие племена. Некоторые исследователи отождествляют их со скифами.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Х. Г. Короглы. Турецкая народная повесть</i>	5
<i>Асюман и Зейджан. Перевод В. С. Гарбузовой</i>	23
<i>Арзу и Камбер. Перевод В. Г. Кондратьева</i>	50
<i>Рази-Нихан и Махи-Фируз. Перевод В. Г. Кондратьева</i>	66
<i>Мелек-шах и Гюлюлю-хан. Перевод В. Г. Кондратьева</i>	85
<i>Сюммани и Гюльпери. Перевод Н. С. Яковлевой</i>	103
<i>Эмрах и Сельви. Перевод Н. Х. Романовой</i>	139
<i>Шах-Исмаил. Перевод В. Г. Кондратьева</i>	182
<i>Тахир и Зухра. Перевод Н. С. Яковлевой</i>	208
<i>Лейла и Меджнун. Перевод В. С. Гарбузовой</i>	232
<i>Ферхад и Ширин. Перевод В. С. Гарбузовой</i>	259
<i>Витва при крепости Бехрамабад. Перевод В. Г. Кондратьева</i>	289
<i>Необыкновенные приключения Караоглана. Перевод В. С. Гарбу-</i> <i>зовой</i>	339
<i>Шахмеран. Перевод В. Г. Кондратьева</i>	358
<i>Сейфильмулюк. Перевод В. Г. Кондратьева</i>	393
<i>Примечания</i>	429
<i>Глоссарий</i>	437

***Эмрах и Сельви,
Необыкновенные приключения Караоглана
и другие турецкие народные повести***

Редактор *Л. С. Ефимова*
Младшие редакторы *Р. М. Аветисова,*
Р. Г. Канторович
Художники *А. Озеревская, А. Яковлев*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректор *Р. Ш. Чемерис*

ИБ № 13344

Сдано в набор 18.12.78. Подписано к печати 18.07.79. Формат 60×84^{1/8}. Вумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 26,04. Уч.-изд. л. 28,19. Тираж 90 000 экз. Зак. № 3468. Цена 2 р. 60 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина
типография «Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16